

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Владимир БУШИН

ОГОНЬ ПО СВОИМ

Сегодня среди интеллигенции стало чуть ли не обязательным выступать с критикой советского строя и коммунизма. Между тем злобно-затхлый, фальшиво-интеллектуалистический резон только благодаря мощной клевете на меня появилось, в социализм, его и держится.

Здесь уместно вспомнить справедливый вывод, в котором правдив и известный религиозный мыслитель и публицист Михаил Лопухов: «Сегодня антикоммунизм есть крайняя форма атеизма».

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

С Т А Р А Я   Г В А Р Д И Я

**Владимир
БУШИН**

ОГОНЬ ПО СВОИМ

**МОСКВА
АЛГОРАТМ
2006**

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
Б 90

Бушин В. С.
Б 90 **Огонь по своим / В. С. Бушин. — М.: Алгоритм, 2006. — 400 с. — (Старая гвардия).**

ISBN 5-9265-0252-7

В новой книге Владимира Сергеевича Бушина, популярного пламенного критика и публициста, известного своей бескомпромиссностью и аргументированностью, собраны его отдельные статьи из периодики разных лет. На этот раз мишенью принципиальности, иронии и даже сарказма писателя стали его товарищи из патриотического лагеря: от коммунистов до державников, взгляды которых привлекают повышенное внимание всех тех, кому небезразлична судьба России и ее многострадальных народов. Поэтому-то книга и получила название «Огонь по своим».

**УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6**

ISBN 5-9265-0252-7

© В. С. Бушин., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

«Я СОЛДАТ ЕЩЕ ЖИВОЙ...»

(В.В. Конецкий)

Уважаемый Виктор Конецкий, прочитав в «Московском комсомольце» Вашу большую беседу с корреспондентом этой газеты Иваном Подшиваловым, не могу по причине, которая будет Вам ясна из дальнейшего, не высказать кое-какие соображения об-этой содержательной беседе.

Прежде всего, Ваша позиция, Ваши оценки в некоторых случаях представляются не совсем ясными. Например, Вы приводите слова покойного Виктора Некрасова о том, что сегодняшняя наша литература самая лучшая в мире, и вроде бы разделяете такой взгляд. Но тут же говорите: «Нет, согласиться с тем, что наша литература из рук вон плохая, никак не могу». Так что же считать Вашей оценкой — лучшая в мире или всего лишь не «из рук вон плохая»? Согласитесь, тут дистанция огромного размера.

Далее Вы вроде бы резко осуждаете распространившуюся на Западе и в русской эмигрантской литературе манеру вводить в художественный текст матерную брань и давать детально выписанные сцены сексуального характера. Вы говорите, что Вам стыдно за авторов, следующих этой манере. Казалось бы, при таком взгляде можно было ожидать, что Вы против проникновения в нашу литературу подобных вещей, но — странное дело! Вы с явным сожалением отмечаете, что «мы не умеем писать эти вещи, мы не умеем писать секс, постель и ругань». Затем еще более скорбно: «Мы совершенно вычеркнули все это у себя, и поэтому наши книги выглядят совершенно бесполоыми. В результате мы теряем читателей, которым скучно читать, они принимают это за продуманное ханжество». И, наконец: «У нас просто нет традиций. И тот писатель, который начнет писать все это на русском языке, — это должен быть крупнейший талант. Остается только ждать его прихода».

Пока Вы будете ждать, Виктор Викторович, я позволю себе напомнить Вам, что и для искусства в данном вопросе существуют разные ступени и градации, а именно: чувственность,

фривольность, эротика, секс, порнография, и каждая из этих ступеней вопреки Вашим уверениям имеет у нас в литературе свои традиции, даже очень давние порой. Если, скажем, кто-то заскучал о порнографии, то можно попросить товарища Ненашева издать сочинения Ивана Семеновича Баркова (1732—1768), в частности его знаменитого «Луку», — и тоска страдальца будет утолена. Если же добиться (а сейчас и это возможно, очень просто!), чтобы «Луку» издали в подарочном оформлении с цветными иллюстрациями, то Вы получите прекрасную возможность отдарить журналиста Игоря Фесуненко, который раскопал на лиссабонском книжном развале одну Вашу книгу и привез ее Вам. Вы называете эту книгу «экстравагантной» — она была издана в Португалии «еще при Салазаре».

Обвинение нашей литературы в «продуманном ханжестве», в том, что она традиционно «совершенно бесполоя», объясняется, вероятно, лишь поспешностью суждений или ненаблюдательностью. В самом деле, вспомним, к примеру, «Гавриилиаду» Пушкина или Юнкерские поэмы Лермонтова. А «Анна Каренина» или «Воскресение», а «Жизнь Клима Самгина» или «Тихий Дон» — это тоже бесполоя литература? Ну, а хотя бы симоновский цикл «С тобой и без тебя»? Хотя бы вот эти строки:

Нет, я не каюсь, что руками,
Губами, телом встречи ждал.
И пусть в меня тот бросит камень,
Кто так, как я, не тосковал
О нежной и прохладной коже
И о лице с горящим ртом...

И так далее по восходящей...

Да и в литературе нынешних дней есть произведения, содержащие сильные эротические мотивы, например, бондаревский «Выбор» или беловский роман «Все впереди». Так что, думаю, даже Салазара мне удалось бы убедить в отсутствии у нас ханжества в этом интересном вопросе.

Едва ли кто будет ныне спорить с Вами и отрицать, что «секс играет огромную роль в человеческой жизни», — действительно, уже одно то, что он накрепко связан с извечным стремлением к продолжению самого рода человеческого, говорит о многом. Но в то же время трудно согласиться с Вашим

утверждением, будто «чем более интеллектуально общество, тем большую роль в его жизни играют вопросы пола». Интеллектуальность, я надеюсь, должна расти бесконечно. Неужели это означает, что и вопросы пола, в том числе проблемы секса, тоже должны расти бесконечно? Я не уверен, что секс-мятежи и секс-революции, бушующие ныне на Западе, такие в изобилии расплодившиеся там явления, как секс-шопы и секс-шоу, свидетельствуют не о чем другом, а именно об интеллектуальном превосходстве буржуазного общества над социалистическим. Рискуя прослыть в глазах Ваших единомышленников ретроградом и даже «антивосьмидесятником», я все же смею считать, что проблемы пола и секса должны быть под контролем разума и занимать подчиненное ему положение. Ну конечно, это не всегда и не всем удастся. Инстинктивно чувствуя великую и опасную силу эроса, человечество издревле осаживало тех, кто пытался опоить его «яростным вином блуда». Об этом свидетельствует и наш отечественный опыт.

Хотя, как сказано выше, известные традиции у нас были и есть и не во все уж тут мы отстали от Запада, однако слепая самодовлеющая эротика, голый секс, тем более — порнография и словесная непристойность не получили в нашей литературе широкого развития. И произошло это благодаря именно тем «внутренним качествам народной души», о коих Вы упоминаете. Вспомним, как резко в свое время были встречены у нас передовой общественностью, скажем, такие произведения, как «Бездна» Л. Андреева, «Санин» М. Арцыбашева, даже отчасти «Яма» А. Куприна и некоторые другие, в которых секс главенствовал над мыслью, над разумом. А вот эти стихи К. Бальмонта:

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым.
Из сочных гроздей венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Я думаю, это и сейчас можно было бы повесить над входом в любой секс-кинотеатр или секс-магазин на Западе. А у нас над этими стихами при первом же их появлении смеялись, их убийственно пародировали, переиначив строку: «Хочу из грудей венки свивать!»

Что касается высказанной Вами уверенности, будто авторы некоторых книг теряют читателей из-за того только, что в их книгах нет секса и мата, то позволю себе заметить, что опыт мировой литературы несколько противоречит такой уверенности. Ни секса, ни мата нет, допустим, в «Дон Кихоте» или «Братьях Карамазовых», в книгах Г. Бёлля или Ф. Абрамова, а их, однако же, читают и перечитывают, в то время как помянутые выше произведения Арцыбашева и Андреева сейчас даже мало кто знает. И это несмотря на то, что и впрямь есть люди, которые откровенную клубничку, похабщину и матерщину расценивают как важное, порой, чуть ли не главное свидетельство мужества, прямоты и широкого размаха натуры, в том числе и писательской. Ростки такого взгляда можно встретить, например, в последних пьесах М. Шатрова.

Озадачило меня в Вашей беседе и то, что сейчас, когда кругом столько разговоров о перестройке и многие уверяют, что уже начали перестраиваться, Вы вдруг сказали: «Мне перестраиваться не надо». Все ждут больших повсеместных перемен, а Вы гордо бросили: «У меня ничего не изменится». Приходилось и раньше встречать подобные заявления, но — лишь одних авторов о других. Например, секретарь Союза писателей Г. Боровик мужественно, как и полагается человеку, возглавляющему Комитет защиты мира, заявил однажды на страницах «Литгазеты», что «к счастью, у нас есть писатели, которые давно работают по-новому», следовательно, им перестраиваться нечего, и бестрепетной рукой указал на председателя Союза писателей Г. Маркова. Да, такие факты известны, но чтобы писатель сам о себе говорил, что у него все в ажуре, что, значит, другим надо перестраиваться, но только не ему, — такое, признаться, я слышу впервые.

Впрочем, к концу чтения Вашей беседы недоумение мое почти полностью рассеялось: Вы же не голословны! Вы сообщаете, что Ваши рассказы «дают читать больным перед операциями», и вообще Вы твердо уверены: «Людам мои книги помогают в сложные моменты». Далее доводите до сведения читающих масс, что Ваши произведения «уже переведены на все европейские языки». Ну, разве что не успели еще перевести на сардинский, мэнский или валлийский. Тут же уведомляете о переводах в азиатских и в каких-то других, возможно, африканских странах. Но особо выделен Вами упоминавшийся перевод

на португальский — «еще при фашистском режиме». Это окончательно рассеяло мои сомнения: конечно, если даже фашистский режим для таланта не преграда, то ему ли перестраиваться!..

Затронули Вы в беседе еще один вопрос, и уж тут всякие шуточки были бы весьма неуместны. Просвещая юношество, Вы сказали об участниках войны: «Проявив себя великолепно на фронте, в послевоенные десятилетия эти вояки проявили чрезвычайную робость и забитость. И это раздражает молодых людей». Вы утверждаете, что все фронтовое «поколение совершенно сошло с политической арены и примолкло на десятилетия». Вы не остановились даже перед тем, чтобы сказать так: «воевавшее поколение было выдающимся по своей гражданской трусости». Я думаю, что Салазар на том свете в восторге от Ваших слов: ведь Вы бросили камень в самое ненавистное для фашистов поколение нашего народа — то, которое разбило фашизм, спасло родину социализма, да еще и восстановило ее после военной разрухи.

Выходит, что, встречая человека с орденами, Вы уже заранее уверены: на него положиться нельзя, он ненадежен. Вы сказали: «Раздражает молодых людей, наблюдавших в жизни, как их отцы и деды рассказывают о своем героическом прошлом, а поспорить с секретарем партийной организации робеют. И вот молодежь, видя такое раздвоение, испытывает раздражение. И они говорят: «Хватит вам про свои подвиги, когда вы на наших глазах в течение стольких лет молчите!» Станным образом, товарищ Конецкий, Вам не приходит в голову простая мысль: на войне мы были молодыми и сильными, а «в течение стольких лет» в нелегком труде, в непраздничной жизни мы старились, слабели, умирали от ран и возраста. Да, кое у кого из нас уже не хватает душевных и физических сил ввязаться в драку с бесстыдным чинушей. Но ведь помянутые Вами молодые люди, между прочим, в течение тех же лет становились зрелыми, наливались силой, обретали жизненный опыт, и, однако же, иные из них все еще хотят жить за нашей спиной и, видя, как бывший фронтовик, нередко раненый и уж наверняка пожилой, а то и вовсе старый, иногда действительно робеет перед наглецом, они, эти молодые люди, не заслоняют его грудью по вечному закону братства поколений, а негодуют на него же, фронтовика, раздражаются, брезгливо фыркают. И Вы, писатель, на стороне таких вот молодых! Мы уходим, и Вы бросаете нам в спину:

«Эти вояки...» Мы не станем, Конецкий, никого называть «эти писаки», но все-таки — не спешите говорить о нас в прошедшем времени. Да, мы понесли великие потери, но не торопитесь хоронить нас.

Ты не вейся, черный вóрон,
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься —
Я солдат еще живой...

Мы живы еще, Конецкий, и если надо, при случае можем еще постоять не только за себя.

С наилучшими пожеланиями.

Да простит Вас, кто может.

Владимир Бушин, один из «этих».

«Наш современник», № 5(1988).

ЛУКАШКА НА ТРИБУНЕ

(В. Астафьев)

Пожалуй, именно с этого все и пошло.

В 1989 году в Москве состоялась совместная конференция историков и писателей, организованная Академией наук СССР, Союзом писателей и Академией общественных наук при ЦК КПСС. Тема ее была сформулирована так: «Актуальные запросы исторической науки и литературы». Собравшиеся заслушали три доклада, в прениях выступили 38 человек: 23 литератора и 15 историков. Колоссальное событие в духовной жизни на высочайшем уровне! Оперативные отчеты о нем дала «Правда» и другие газеты. Более обстоятельно рассказали «Советская культура» и «Литературная газета», а полностью материалы конференции напечатаны в журналах «Вопросы литературы» и «Вопросы истории».

Я не собираюсь давать здесь общую и обстоятельную оценку конференции или говорить о ней в целом, а хочу обратиться лишь к одному ее эпизоду, — к одному, но, на мой взгляд, чрезвычайно характерному и тяжкому по последствиям. На мой взгляд, именно этот эпизод послужил толчком ко множеству определенного рода публикаций о современной нашей армии и о Великой Отечественной войне. Речь идет о выступлении писателя Виктора Астафьева.

Он начал с рассказа о том, как однажды был в гостях у своего фронтового друга, и в это время Л.И. Брежнева наградили орденом Победы, на который тот никакого права, как известно, не имел. Друг сказал: «Витя, когда нас кончат унижать?» Писатель ответил: нас будут унижать до тех пор, пока мы будем позволять делать это. Кто ж не согласится с такой решительной и глубокой самокритикой? Но вот что последовало затем.

«Хочу остановиться на истории Великой Отечественной войны», — сказал В. Астафьев. Еще осенью 1985 года он говорил, что давно работает над романом о войне, много читает исторической и художественной литературы о ней, встречается с ветеранами. При этом пояснял: «Ведь я был всего лишь бой-

цом, и с моей «точки зрения» в самом деле, не так уж много было видно». Тут же писал, что «правда о войне складывается из огромного потока книг, посвященных этой теме», и перечислял те из них, которые, по его мнению, могли бы служить «фундаментом для будущего великого произведения о прошедшей войне».

Упомянув о том, что, естественно, есть произведения о войне поверхностные, фальшивые, В. Астафьев о своей собственной работе уверял: «Я лично выдумывать и врать не хочу. И ни одной лживой строки, ни одного неверного слова не напишу... Во-первых, у меня живы пять моих самых близких фронтовых друзей — они с меня просто шкуру сдерут, если я хоть одно неверное слово напишу о том, что они видели. А во-вторых, у меня есть внуки, и я не хочу, чтобы они потом сказали, что, мол, дедушка-то наш привирал о самом святом, что было в его жизни!»

Прекрасные слова! И можно было надеяться, что несколько лет упорной работы, сбора и изучения материала помогли писателю подняться над своей «точкой зрения», расширить взгляд на войну, углубить знание литературы о ней. Но вот что, однако, сказал он на конференции: «Мы как-то умудрились сочинить другую войну. Во всяком случае, к тому, что было долго писано о войне, я как солдат-фронтовик никакого отношения не имел. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались загоны, эшелоны такой литературы!» Словом, раньше со своей «точки» оратор видел прежде всего «огромный поток книг», который радовал его как источник суммарной правды о войне, а теперь с обретенной недавно новой высоты демократии он видит прежде всего «вагоны», «эшелоны» макулатуры, в создании которой повинны будто бы «мы» — все, кто писал о войне.

Разумеется, всегда и на любую тему есть книги поверхностные, необидительные, конъюнктурные. Но не они же кладутся камнями в тот «фундамент», о котором упоминалось. В. Астафьев сам называл «правдивые книги» о войне К. Симонова и А. Бека, К. Воробьева и В. Курочкина, Ю. Бондарева и В. Быкова, Г. Бакланова и В. Кондратьева, К. Колесова и Г. Егорова. Надеемся, он не стал бы возражать, если мы дополнили бы его список именами М. Шолохова, В. Некрасова, Г. Березко... Так что же, в книгах этих писателей совсем другая, вагонно-эшелонная, незнакомая Астафьеву война? Едва ли. А если нет, то зачем же так обобщать и говорить «мы умудрились»? Кто умудрился, а кто и нет.

Если отношение Астафьева к работе собратьев-писателей, по меньшей мере, нуждается в разъяснении, то с историками и их работой у него все предельно ясно, просто и неколебимо. В качестве самых разительных образцов «другой войны» он называл труды именно исторические: 6-томную «Историю Великой Отечественной войны» (Воениздат, 1960—1965 гг.) и 12-томную «Историю Второй мировой войны» (Воениздат, 1973—1982 гг.). Правда, он их порой путает, и не всегда ясно, к какому из этих изданий относится то или иное его суждение.

Вот что сказал, кажется, о втором из них: «Более ловкого документа, сфальсифицированного, состряпанного, просто сочиненного, наша история, в том числе и история литературы, не знает. Его делали том за томом очень ловкие, высокооплачиваемые, великолепно знающие, что они делают, люди. Они сочиняли, а не создавали эту историю». Казалось бы, уж дальше некуда, но оратор вошел в раж, никто ему не мешает, и вот он гвоздит уже едва ли не всю нашу историческую науку: «Историки наши в большинстве своем, в частности, историки, которые сочинили историю войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они лишили себя этого права — своей жизнью, своими деяниями, своей кривдой, криводушием».

Ну, это прямо-таки ритуальное проклятие, равно которому не приходилось слышать, пожалуй, со второй половины тридцатых годов! Мы тут позволим себе лишь заметить человеку на трибуне, который согласен, что некоторые вещи неизвестны ему, может быть, по невежеству, по недоученности, оторванности от центра», что историки наши это не только академик А. Самсонов, которого он прямо называет «ловкачом», не только И. Минц, главный наш специалист по истории Октября, но еще и Б. Греков, В. Волгин, Е. Тарле, Б. Рыбаков и другие.

Астафьев решил, что участников конференции, читателей «Литгазеты» и «Советской культуры», «Вопросов литературы», «Вопросов истории» ему мало. Он жаждал донести свои самобытные суждения до сведения мировой общественности, и с этой благородной целью послал письмо в «Московские новости», выходящие на шести главных языках мира. Там он составил для наших историков букет еще ароматнее: «крючкотворы», «крючкотворные перья», «хитромудро состряпанные книги», «словесный бурьян», «ловкость рук», «приспособленчество», «лжесвидетельство», «кто кормился и кормится ложью», «вся

12-томная «история» создана «учеными» для того, чтобы исказить историю войны, спрятать «концы в воду», держать и далее наш народ в неведении»... И опять повторил: «советские историки в большинстве своем, а редакторы и сочинители «Истории Отечественной войны» в частности, давно потеряли право прикасаться к святому слову «правда»... Они потеряли, а он после долгих поисков нашел.

Постараемся все же спокойно разобраться, какие именно конкретные претензии у писателя к тем, кто писал историю Великой Отечественной войны. Может, они умолчали, что удар агрессора застал нас врасплох, и мы были к нему не подготовлены, что немцы вошли в Минск на седьмой день вторжения? Нет, не умолчали. Может, утаили факты окружения наших войск под Минском и Вязьмой, под Харьковом и Брянском? Нет, не утаили. Может, скрыли, что враг подошел на 30 километров к Москве, водрузил свой флаг на Эльбрусе и, дойдя до Сталинграда, прорвался к Волге? Опять нет. Может, за громкими словами о победах спрятали тот факт, что в январе — феврале 1943 года была возможность окружить на Северном Кавказе 23 дивизии противника и устроить ему второй Сталинград, но наши войска, увы, с этой задачей не справились, и противник улизнул на Таманский полуостров, за Кубань? Нет, не умолчали, не утаили, не скрыли, не спрятали ни этих, ни других обстоятельств и фактов войны, горьких, скорбных, позорных. Так какие же у оратора основания вещать на весь мир о фальсификации истории войны, о крючкотворстве, о лжесвидетельстве, о стремлении «спрятать концы в воду»?

Или историки нарисовали такую картину, будто мы, допустим, вышибли захватчиков со своей земли уже в 1943 году? Нет. Или уверяют, скажем, что мы с ходу, единым махом и малой кровью овладели Берлином? Нет. Или пишут, например, что потери немцев составили 20 миллионов, а наши 5? Нет. Как же у разоблачителя повернулся язык обвинить ученых в том, что они «состряпали» историю войны с помощью «ловкости рук»?

А разве историки ничего не сказали об ошибках, допущенных нашим политическим, государственным и военным руководством, допустим, таких, как просчет в определении срока возможной агрессии или промах в плане летней кампании 1942 года? Разве они обошли молчанием измену генерала Власова или кровавые дела украинских националистов? Разве не напи-

сали о тяжком, героическом труде в тылу? Нет, и это все нашло место в работах историков. Так что же стоит за возгласами с трибуны о «сочинении» истории войны, о кривде, криводушии историков?

А не хотел ли уж кто-то из них принизить заслуги Г. Жукова и А. Василевского, К. Рокоссовского и И. Конева, И. Баграмяна и И. Черняховского, Ф. Толбухина и Р. Малиновского и других выдающихся полководцев Великой Отечественной? Уж не пытался ли кто представить фигурами первого плана в истории войны К. Ворошилова и С. Буденного, С. Тимошенко и Г. Кулика, Н. Хрущева и Л. Мехлиса? Уж не изобразил ли кто-то немецких генералов невеждами и дураками? Нет, нет и нет. Так кто же, спрашивается, «кормится ложью»? Кто так преуспел в приспособленчестве?

Есть ли у Астафьева хоть какие-нибудь факты, конкретные доводы в обоснование своих обвинений? Оказывается, есть. Например, на страницах тех же «Московских новостей» он поносил военных историков за то, что из их «хитромудро состряпанных» книг народ (все его помыслы о народе!) будто бы не может узнать, «что произошло под Харьковом, где гитлеровцы обещали нам устроить «второй Сталинград». Странновато изъясняется мастер слова. Как могли немцы страшить нас «вторым Сталинградом», если «первый»-то им устроили мы, и для них это слово было кошмаром.

Здесь обличитель имеет в виду контрнаступление группы немецких армий «Юг» в Донбассе и в районе Харькова в феврале — марте 1943 года. Целью контрнаступления было вернуть утраченную после Сталинграда стратегическую инициативу. Планировалось разгромить наши части, выдвинувшиеся к Днепропетровску, вновь захватить Харьков и Белгород, а затем, одновременно ударив с юга от Белгорода и с севера от Орла в общем направлении на Курск, окружить и уничтожить наши войска. Захватить Харьков и Белгород немцам тогда удалось, сумели они и окружить часть наших войск, нам было крайне трудно, мы понесли огромные потери, но осуществить свой главный стратегический замысел противник не смог. Поэтому Верховный Главнокомандующий И. Сталин имел все основания в своем приказе от 1 мая 1943 года констатировать: «Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам «немецкий Сталинград». Однако по-

пытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась».

И обо всем этом, вопреки паническим уверениям Астафьева, можно прочитать во многих книгах наших военачальников и историков. Что же касается «Истории Второй мировой войны», то там вскрыты и причины наших трудностей, неудач и потерь в этой операции, названы и те, кто допустил ошибки, приведшие к прискорбным последствиям: Ставка ВГК, которая неосновательно полагала, что противник спешно отходит за Днепр, и, несмотря на тяжелое состояние наших войск, измотанных в прошлых боях, решила в середине февраля продолжать наступление; лично Сталин, давший указание командующему фронтом Н. Ватутину возможно дальше отогнать противника от Харькова; лично сам Ватутин, не согласившийся с просьбой командующего подвижной группой отвести войска на новый, более удобный рубеж из-за угрозы окружения; опять же Ставка, недооценившая угрозу и не поправившая комфронта... Да, все это написано в «Истории», надо только читать.

В тех же «Московских новостях» Астафьев печалится о том, что народ так и не узнает, «как весной 1944 года два фронта «доблестно» били и не добились 1-ю танковую армию противника». Тем же пальцем в то же небо. Речь идет о Проскуровско-Черновицкой операции в марте — апреле 1944 года, в ходе которой было окружено много немецких войск, ликвидировать которые или взять в плен, однако, не удалось: большая их часть вышла из окружения. Да, не удалось. Ну и что? Война это такое дело, где всегда что-нибудь кому-нибудь не удастся. И немцам операции на окружение, так лихо удавшиеся в начале войны, с течением времени перестали удаваться вовсе, они их уже и не предпринимали. У нас же, естественно, наоборот: в начале дело не шло, а потом наладилось неплохо.

Но обратимся к Проскуровско-Черновицкой операции. Астафьев написал о ней как о чем-то позорном, словно огромные силы двух фронтов окружили всего-то навсего какую-то одну армию и вот не смогли с ней совладать. Тут надо, прежде всего, заметить, что, как видно из многих рассуждений писателя, он не понимает, насколько различны были у нас и у немцев войсковые объединения, называемые армией. Он думает, что это нечто вполне сопоставимое или даже равное по численности и силе. Между тем, это совсем не так.

Полевая армия у немцев это 10—20 и даже больше дивизий. Например, к 17 июля 1942 года 6-я армия генерал-полковника Ф. Паулюса, рвавшаяся к Волге, состояла из 13 дивизий и насчитывала около 270 тысяч человек. К началу нашего контрнаступления под Сталинградом нам противостояло пять армий общей численностью свыше 1 миллиона солдат и офицеров, то есть в среднем на армию приходилось по 250 тысяч. 6-я полевая армия генерала К. Холлидта, воссозданная после разгрома Паулюса в Сталинграде, в феврале 1944 года включала 17 дивизий, и это было 540 тысяч человек. Танковые же армии у них, которые в 1942—1945 годах обычно действовали как полевые, порой достигали 28 дивизий. Так, в самом конце 1943 года 4-я танковая армия генерала Э. Рауса имела 26 дивизий. Вот какие цифры. А наши общевойсковые армии в годы войны обычно состояли из 7—12 дивизий, общая численность их редко превышала 100 тысяч. Например, в январе — феврале 1944 года 13-я и 60-я армии, действовавшие совместно в Ровно-Луцкой операции, имели 19 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских и 2 танковых корпуса. Немцы не знали таких объединений, как фронт. А у нас можно назвать такие фронты, что состояли всего из двух-трех армий. Скажем, Карельский фронт был в начале войны образован в составе 7-й и 14-й армий, а 4-й Украинский в августе 1944 года воссоздали в составе 1-й гвардейской, 18-й общевойсковой и 8-й воздушной. Подобные факты и цифры полезно помнить всем нынешним ораторам о войне.

Во время Проскуровско-Черновицкой операции 1-я танковая армия немцев противостояла нашим войскам вовсе не в одиночестве, как можно подумать, читая обличение Астафьева, а в составе мощной группы армий «Юг» — справа от нее держала оборону 8-я полевая армия под командованием опытнейшего и талантливейшего генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, слева — упоминавшаяся 4-я танковая армия Э. Рауса, а с воздуха эти немалые силы прикрывал 4-й воздушный флот. Напомним и о том, что в окружении 1-й танковой армии принимали участие далекие не все наличные силы двух наших фронтов, у которых были и другие боевые задачи в этой операции. Кольцо окружения 30 марта замкнули в районе Каменец-Подольского 4-я танковая армия левого фланга 1-го Украинского фронта и 40-я армия правого фланга 2-го Украинского. Эти армии в основном и выполняли задачу удержания кольца. А в нем оказа-

лись 11 пехотных, 10 танковых, 1 моторизованная и 1 артиллерийская дивизия, всего — 23. Опять целый Сталинград! Легко ли удержат такую силу!

Кроме того, не надо думать, читая В. Астафьева, будто не было никаких внешних препятствий для удержания 1-й танковой армии в кольце и ликвидации ее. Совсем наоборот! Как только она попала в беду, немецкое командование срочно создало юго-восточнее Львова с целью ее деблокирования сильную группировку из переброшенных с запада войск в составе 2-го танкового корпуса СС, шести пехотных дивизий, одной бригады, нескольких дивизионов самоходной артиллерии, а позже еще и 1-й венгерской армии. Вначале «блуждающий котел» 1-й танковой отходил на юг к Днестру, но когда контрудар с целью деблокирования был в основном подготовлен, командование группы армий «Юг» приказало 1-й танковой армии изменить направление отхода, повернуть на запад — на Чортков и Бучач. И две мощные группировки устремились навстречу друг другу. Вот как с немалой долей самокритичности рассказывается об этой фазе сражения в проклятой Астафьевым «Истории Второй мировой войны»: «Масштабы перегруппировок и сосредоточения войск противника в районе юго-восточнее Львова так же, как и изменение направления отхода 1-й танковой армии, не были своевременно вскрыты командованием 1-го Украинского фронта. Вследствие этого оно не приняло соответствующих мер по усилению войск на направлениях готовившихся врагом ударов. Недостаток сил, особенно танков, не позволил создать сплошного внутреннего фронта окружения и быстро перейти к решительным действиям по расчленению и уничтожению группировки врага... Окруженная группировка, выдвинув вперед танковые дивизии, таранным ударом прорвала оборону слабой по своему составу 4-й танковой армии, у которой в это время оставалось в строю не более 60 танков... Прорыву врага способствовала разразившаяся трехдневная снежная вьюга.

Командование 1-го Украинского фронта бросило на пути отхода врага части двух находившихся на марше стрелковых корпусов. Однако и они не смогли создать надежного заслона, вступив в бой с ходу, иногда без артиллерии. Окруженная группировка, прижатая советскими войсками к Днестру, образовала своеобразный «блуждающий котел», который упорно продвигался на запад, не считаясь с потерями.

4 апреля противник всеми силами перешел в наступление на внешнем фронте окружения. На пути 2-го танкового корпуса СС, который наносил удар на главном направлении южнее Подгайц, оборонялись две растянувшиеся на 35-километровом фронте и понесшие потери стрелковые дивизии. Они не смогли остановить врага. 7 апреля в районе Бучача немецкие танковые дивизии, наступавшие с запада, соединились с «блуждающим котлом». 1-я немецкая танковая армия избежала участи фашистских войск, окруженных под Корсунь-Шевченковским. Однако она потерпела сокрушительное поражение, потеряв большую часть боевой техники и понеся тяжелые потери в людях. Все вырвавшиеся из окружения дивизии до их восстановления значились в германских оперативных документах как «боевые группы». Есть веские основания полагать, что Астафьев прочитает эту цитату с большим удивлением.

Как видим, делать секрет из нашей неудавшейся попытки окружения 1-й танковой армии противника никто не собирался. Была такая же неудача и через год, в марте — апреле 1945 года, когда в ходе Венской наступательной операции мы хотели окружить южнее Секешфехервара, в Венгрии, 6-ю танковую армию СС. Нашим войскам оставалось пройти всего 2,5 километра, чтобы замкнуть кольцо окружения, но через этот узкий коридор, который, естественно, насквозь простреливался, немецкому командованию ценой больших потерь все же удалось вывести значительную часть живой силы и техники. Астафьев мог прочитать у наших военных историков и об этом.

Словом, список наших неудач в операциях на окружение довольно обширен. Но можно дополнить список и успехов в этом деле. После окружения и разгрома 10 дивизий и 1 бригады под Корсунь-Шевченковским последовали такого же рода успехи во многих других операциях на окружение: в Витебско-Оршанской (5 дивизий), Бобруйской (6 дивизий), Минской (20 различных соединений), Львовско-Сандомирской (8 дивизий), Яско-Кишиневской (18 дивизий), Будапештской (20 различных соединений), Восточно-Прусской (около 32 дивизий), Берлинской (93 дивизии), Пражской (более 50 дивизий). Немцы же с весны 1943 года уже не осуществили ни одного сколько-нибудь значительного окружения наших войск...

Да, война это такое дело, где всегда кому-нибудь что-нибудь удастся, а кому-то нет. Гитлеровцы хотели взять Москву,

Ленинград, Сталинград, Баку, мечтали разбить Красную Армию, планировали уничтожить наш народ, наше государство — ничего не удалось! А мы в первый же день войны сказали: «Враг будет разбит. Победа будет за нами», — все по сказанному и вышло.

Итак, обвинения Астафьева наших историков в искажении тех или иных конкретных событий войны, в сокрытии их, как видим, являются результатом либо редкостной неосведомленности писателя или, как он сам выражается, недоученности, либо его пылкого стремления во что бы то ни стало не отстать от тамбурмажоров прогресса, а если удастся, то и обскакать их.

Но может быть, у писателя есть какие-то веские критические соображения о войне и об искажении ее истории более широкого, более общего характера? Да, выясняется, что есть. Собственно, эти-то соображения и составляют суть его нынешней позиции в данном вопросе. На конференции он сказал: «Вот в «Истории Великой Отечественной войны» опубликованы карты... Вы посмотрите внимательно в них и тексты, которые их сопровождают». Подумать только! Человек совершенно уверен, что до него двадцать пять лет никто внимательно не смотрел и не читал эту «Историю», — такая простота даже трогательна, уж это бесспорное свидетельство оторванности от центра, на которую Астафьев, как помним, жаловался... Но послушаемся его совета, посмотрим, почитаем еще раз — и что же? Оказывается, «вы увидите полное расхождение». В «Московских новостях» настойчиво повторил: «Достаточно взглянуть на них, как сразу же видно разительное расхождение между картами и текстом, объясняющим, что за картой следует». То есть в тексте, мол, одно, а карты свидетельствуют совершенно о другом. Какое великое открытие сделал Астафьев!

Правда, тут сразу напрашивается два вопроса. Во-первых, почему же возникло расхождение? Да потому, объясняет нам зоркий аналитик, что лживые тексты писали спустя много лет после войны, а карты взяли подлинные, военных лет, в Генштабе, что ли. Но если так, то непонятно, почему же взяли эти карты, а не составили новые, фальсифицированные в соответствии с лживым текстом? На этот вопрос у Астафьева ответа нет, вернее, ответ уж слишком простецкий: «не догадались». Ну, знаете, такие-то доки!.. Но наше недоумение не смущает писателя, и на глазах всего народа, а также той лучшей части человечест-

ва, которая на шести языках читает «Московские новости», он продолжает самозабвенно разоблачать «очень ловких» и «высокооплачиваемых». (Заметим, кстати, что сам он, герой и лауреат, тоже к низкооплачиваемым не принадлежит.)

Но в чем же именно, в чем конкретно состоит оглашенное с высокой трибуны астафьевское открытие? Читаем: «Вы посмотрите на любую карту 1941 года и даже 1944 года: там обязательно 9 красных стрелок против 2—3 синих». Разумеется, это совсем не так, на разных картах разное количество стрелок тех и других, но не будем сейчас отвлекаться, важно понять суть открытия, а она выплывает из следующего заявления: «Это 9 наших армий воюют против 2—3 армий противника». То есть Астафьев разгадал и объявляет пребывавшему в неведении миру, что любая стрелка на картах «Истории Великой Отечественной войны» означает не что иное, как армию, — вот оно Галилеево открытие.

Взять, допустим, наше контрнаступление под Москвой в декабре 1941 года. Астафьев читает, что перед началом операции мы не имели численного превосходства над противником ни в живой силе, ни в технике (за исключением авиации). Но потом он смотрит на карту и видит: красных стрелок штук 15, а синих, ну, 5. «Эге! — смекает проницательный исследователь. — Значит, у нас было трехкратное численное превосходство, а вы, криводушные фальсификаторы, исказили святую правду истории. Ужо вам!!..»

Или вот, скажем, наше контрнаступление под Сталинградом. Астафьев читает: советские войска насчитывали 1 миллион 100 тысяч человек, а противник имел 1 миллион 12 тысяч, т. е. наше численное превосходство в живой силе составляло всего 8—9 процентов. Но писатель снова зрит в карту и собственными глазами видит: десятка четыре красных стрелок и не больше одного десятка синих. Выходит, уже четырехкратное наше превосходство. Опять эти бессовестные ловкачи обманывают все человечество!

А Курская битва? Историки уверяют, что перед ее началом в составе ударных группировок у врага было свыше 900 тысяч человек, а противостоявшие им Центральный и Воронежский фронты имели 1 миллион 336 тысяч. Да, мы располагали почти полуторным превосходством в живой силе. Но неутомимый Астафьев и тут начеку. Он раскрывает карту нашего контрнаступ-

ления 12 июля — 23 августа 1943 года и видит своим недреманным оком такое количество красных стрелок, что синие в них прямо-таки тонут. Ах, шельмецы высокооплачиваемые!..

С помощью карт воочию убедившись, что мы «все время, на протяжении всей войны» имели огромное численное превосходство над захватчиком, Астафьев, как уже знаем, пришел к такому Галилеевому резюме: «Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать». Поскольку все участники конференции оторопело молчали, то оратор, уверенный в непререкаемости своего открытия, плюнул им в лицо еще и такое: «Мы залили немцев своей кровью, завалили своими трупами».

Здесь интересно отметить, что раньше, рассказывая о боевых действиях части, в которой сам служил, оратор рисовал несколько иную картину войны и по соотношению сил, и по потерям. Писал, например, что в августе 1943 года в бою под Ахтыркой 92-я гаубичная бригада, где он был связистом-телефонистом, уничтожила более восьмидесяти танков и «тучу пехоты» противника. Более восьмидесяти! На каждое наше оружие (их, по словам автора, было 48) шло по несколько танков, и почти каждое оружие уничтожило по два танка. А «туча пехоты» это уж не иначе, как целая дивизия. Иначе говоря, наша бригада не только нанесла сокрушительное поражение гораздо большим силам врага, но и уничтожила при этом тучу танков и тучу пехоты. Вот так не умели воевать...

В другом месте Астафьев раньше писал, что 17-я артиллерийская дивизия, в которую входила его 92-я артбригада, «в последних на территории Германии боях потеряла две с половиной тысячи человек... Противник понес потери десятикратно большие». То есть противник потерял 25 тысяч человек. Иначе говоря, одна наша дивизия уничтожила, по меньшей мере, две полносоставные дивизии неприятеля. Так, спрашивается, кто же кого заливал кровью, кто кого заваливал трупами?

Исходя из таких именно приведенных выше фактов, Астафьев с полным основанием тогда и писал уверенно: «Мы достойно вели себя на войне. Мы и весь наш многострадальный, героический народ, на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным делом». Вот какие возвышенные слова о ратной славе народа говорил когда-то человек, который ныне, потрясенный изучением карт, уверяет, что народ этот вовсе не умел воевать...

Но гораздо важнее другое. Военские части, соединения, объединения имеют на карте буквенно-цифровое обозначение: 50 А — пятидесятая общевойсковая армия, 3 ТА — третья танковая армия, 19 ТК — девятнадцатый танковый корпус, 8 СД — восьмая стрелковая дивизия и т.д. В зависимости от масштаба карты стрелки могут идти от обозначения и фронта, и группы армий, и одной армии, и корпуса, и дивизии... И означают они, прежде всего, направление ударов и контрударов, а вовсе не в точности и целиком ту или иную часть, то или иное соединение как воинскую совокупность. И в том случае, если, допустим, армия действовала всеми своими силами, и в том, если только их частью, это все равно будет обозначено одной стрелкой. А если армия нанесла противнику удары сразу по двум или трем направлениям, то от ее обозначения разойдутся и две, и три стрелки.

Как, почему писатель Астафьев решил, что стрелки на военных картах это непременно армии, а если стрелок нет, то и войск никаких нет, — это, повторяем, для нас великая загадка. Можно лишь заметить, что нечто похожее по своей загадочности мы у него уже встречали. Так, в одной статье, напечатанной не где-нибудь, а в самой массовой тогда нашей газете, — в «Правде», он, коснувшись того, каким хорошим солдатским оружием был на войне карабин, привел в подтверждение этого два примера. Первый — «в воробья-беднягу попадали за сто шагов». Второй — «я из карабина в Польше врага убил». И тут же легко и просто рассказал, как это произошло, при каких обстоятельствах, кем был убитый, как выглядел. Никто его не спрашивал, не понуждал, сам рассказал при всем честном народе. Лишь для иллюстрации отменной прицельности карабина: «Котелок у него на спине под ранцем был... Цель заметная. Под него, под котелок, я и всадил точнехонько пулю...»

У Толстого в «Казаках» есть такая сцена. Старый казак Ерошка, в прошлом сорвиголова, зашел к юнкеру Оленину. Сидят они вдвоем, беседуют, пьют водку, крепко уже набрались. Гость, облокотившись на руку, задремал. Вдруг послышалась веселая песня.

« — Это знаешь, кто поет? — сказал старик, очнувшись. — Это Лукашка-джигит. Он чеченца убил; то-то и радуется. И чему радуется? Дурак, дурак!

— А ты убивал людей? — спросил Оленин».

Да, служилый казак Терской линии Ерошка, конечно, убивал. Но вот какое действие произвел на него вопрос любопытствующего юнкера:

«Старик вдруг поднялся на оба локтя и близко придвинул свое лицо к лицу Оленина.

— Черт! — закричал он на него. — Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, ох, мудрено!.. Прощай, отец мой, и сыт и пьян, — сказал он вставая».

И ушел Ерошка, видимо, опасаясь новых расспросов. И вот мы видим: то, что в середине прошлого века понимал и чувствовал дикий казак, не считавший возможным говорить об этом даже с глазу на глаз с приятелем, даже в пьяном виде, то в конце нынешнего века не понимает, не чувствует известный писатель и, будучи вполне трезвым, без малейшего смущения говорит об этом в многомиллионной газете. Разве тут не великая загадка?

Астафьевский эпизод на конференции изумляет не только сам по себе своей «недоученностью» и нахрапом. Что ж, в конце концов, это всего лишь факт личной биографии, хотя комический и прискорбный одновременно. Но заслуживает гораздо большего внимания, вызывает неизмеримо большую тревогу то, как к этим научным изысканиям, достойным гоголевского Петрушки, отнеслись те, к кому изыскатель, прежде всего, адресовался — участники конференции. Ведь это были все образованные люди, многие из них — бывшие фронтовики, офицеры. Они же не могли не понимать вздорности и клеветнической сути того, что говорил Астафьев. И что же? Да ничего. Самоуверенному оратору, который на их глазах высмеивал историю Великой Отечественной войны, оскорблял Красную Армию, делал объектом манипуляций жертвы и пролитую кровь, никто не сказал ни единого слова возражения, никто не посмел даже задать ему вопрос, какое у него образование.

Более того, ведь в зале присутствовали и военные историки, в том числе, авторы «Истории Второй мировой войны», «Истории Великой Отечественной войны» да и сам генерал Д. Волкогонов, тогда начальник Института военной истории, осуществившего эти фундаментальные издания. Надо думать, все они понимают, что в названных трудах, разумеется, есть недостатки, промахи, упущения, ошибки. В частности, можно было обойтись без цитат из Брежнева, надо было обстоятельней рассказать о судьбе наших окруженных войск, следовало дать диф-

ференцированные данные о потерях, в том числе — во всех крупных операциях и т.д. Конкретные, обоснованные указания на эти и на многие другие изъяны, конечно, были бы только полезны и заслуживали бы благодарности.

Но ни в устном, ни в печатном выступлении Астафьева ничего плодотворного и конструктивного не оказалось. Он просто перечеркнул, постарался в меру своих возможностей высмеять, опозорить многолетние труды больших коллективов ученых, орудую одним-единственным аргументом, родившимся в таинственных недрах его недоученности. Оратор с высоты своего гипотетического морально-умственного превосходства еще и обрушился на историков с развязными оскорблениями, со злобной клеветой, изобразив их сознательными фальсификаторами, бесстыдными ловкачами, криводушными прохвостами, вся лживая жизнь которых «лишает их права прикасаться к такому священному слову, как «правда». Но на эту ложь и оскорбления историки ничего не ответили. Им плюют в лицо, а они даже утереться не смеют.

...Невольно думается: как бы поступил поручик Лермонтов, если в Московском дворянском собрании какой-то вития стал бы доказывать, что в Бородинском сражении мы раза в три-четыре превосходили неприятеля, что мы забросали его своими трупами, что мы вообще не умели воевать в Отечественной войне 1812 года? Как поступил бы подпоручик Толстой, если ему сказали бы, что при защите Севастополя в 1855 году у нас не было другого средства кроме собственной крови, которой мы заливали наступающего врага? Я думаю, что эти офицеры русской армии не ограничились бы пощечиной клеветникам, а позвали бы их к барьеру.

НЕ НАШЕЙ УЛИЦЫ ПРАЗДНИК

(А. Ильин)

...Угодничество нынешних властей перед Америкой поистине не знает границ, они даже не подозревают о существовании национальной гордости и государственного достоинства. И началось это угодничество даже не с экстренного ночного доклада национального кастрата из Беловежской Пущи американскому президенту: «Ваше высокопревосходительство! Великая держава СССР, так долго досаждавшая США на мировой арене, благодаря безмозглым стараниям Горбачева и неусыпным усилиям Кравчука, Шушкевича и вашего покорного слуги, наконец-то прекратила свое существование. Можете спать спокойно. Я, ваше высокопревосходительство, пришлю Бурбулиса, Шахрая или Шурика Яковлева чесать вам пятки и отгонять мух. Покойной ночи, мой великий сюзерен!»

И до этого лакейского доклада и после него державные кастраты, как вам известно, коллеги, хватали и перенимали у Америки все, что попадало им на глаза. Там, допустим, вся страна заляпана рекламой, на телевидении не продохнуть от нее — и у нас теперь то же самое. Там бесчисленные книги и фильмы из веселой жизни убийц и совокупленцев — и здесь от этих фильмов и книг уже некуда деваться. Там на государственном гербе красуется раскоряченный орел — и у нас теперь такой же раскоряка. Там полосатый государственный флаг — и наши говорящие попугаи вытащили из нафталина тоже полосатый. Там главный государственный праздник — День независимости, и наши голозадые мартышки навязывают нам День независимости и т.п.

Правда, при всем этом между тем, что там и что здесь, имеются некоторые прискорбные несовпадения, как вы знаете. Так, американцы рекламируют главным образом свои товары, свое искусство, а вывески у них везде и всегда на родном языке; у нас же рекламируют главным образом их товары, чужое искусство, а вывески на чужом языке и в таком обилии, что испоха-

били даже центр русской столицы, даже священную для каждого русского площадь Пушкина с ее памятником национальному гению родной словесности.

А флаги? Американцы под своим полосатым флагом, не похожим на флаг ни одной другой страны, еще в XVIII веке завоевали независимость, на протяжении двух веков во многих сражениях и войнах одержали громкие победы, немалые земли оттяпали, например, половину Мексики. А у нас полосатый флаг использовался предателем Власовым в годы Великой Отечественной войны, что само по себе покрыло этот флаг позором. А теперь под этим флагом происходит развал страны и вымирание народа. Под Красным же флагом, под Червленым стягом русские воины ходили на Царьград, защищали Русь от набегов хазарских, печенежских, половецких орд, били захватчиков на льду Чудского озера, на Куликовом поле, под Полтавой, при Бородине, он развевался над нашими полками в победных боях у озера Хасан, на Халхин-Голе, надолго нагнавших страха на японцев, в сражениях самой жестокой и страшной войны в истории человечества — Великой Отечественной, закончившейся водружением этого флага над столицей поверженной фашистской Германии... Под этим флагом, украшенным самыми емкими и древними символами народного труда — серпом и молотом, страна мужала, крепла, вернула себе многие земли, утраченные царем в японской войне и в другие трудные годы, и вышла в число самых первых держав мира. Словом, наш Червонный стяг, наш Красный флаг, как и американский, это гордые символы славы и побед, а власовско-ельцинский — символ поражений и предательства, развала и вымирания. И только дремучий невежда и дураком, только лютый враг русской славы мог, чтобы угодить американцам, сорвать с Кремля бессмертный стяг предков, швырнуть его под ноги бесполым Гайдарам, а вместо него повесить и над Кремлем, и над всей страной, и чуть ли не в каждом сортире это трехцветное купальное полотенце. Американский прихвостень Козырев перепугался однажды: «Зачем возвращать красный флаг, когда во всем мире уже привыкли к новому трехцветному!» Будто не понимает лжец, что за семьдесят лет, когда Красный флаг был государственным символом великой державы, к нему привыкли гораздо больше, чем за пять лет трепыхания трехцветного утиральника.

Столь же бездумно и малограмотно перехватив у США, навязали нашей стране День независимости. У американцев этот праздник наполнен конкретным и гордым историческим содержанием: в результате войны против англичан их родина из колонии превратилась в независимое государство. И у нас можно было учредить такой праздник, допустим, после свержения татарского ига или изгнания Наполеона. Но от кого Россия освободилась, от чего стала независимой в то время, когда павиан из уральских лесов придумал этот праздник? От друзей и союзников в лице народов Украины, Белоруссии и других республик, ставших «ближним зарубежьем». От 25 миллионов своих соплеменников, оставшихся в этом «зарубежье». От военных баз на Балтийском и Черном морях. От надежной противовоздушной обороны страны. От крымских курортов с их первоклассными санаториями, пляжами и виноградом. От молдавского вина и фруктов... И вот правящая орда то ли сдуру, то ли спьяну орет нам: «Празднуйте, люди русские, эту замечательную независимость! Веселитесь! Пойте и пляшите! Привет вам от американского президента!»

Да, лакейство наших высоколобых властителей перед США беспримерно в мировой истории по тупоумию и униженности, по презрению к родному народу и по оскорбительности для него!

НАУЧНЫЙ ПЛАН СПАСЕНИЯ КРОВОСОСОВ

(А. Салуцкий)

Нет, дорогие товарищи, пресловутый крот истории не дремлет! И локомотив истории не стоит на месте. Совместными усилиями они, по крайней мере, многое проясняют нам в самых разных сферах бытия. Возьму примерчик свежайший, до меня лично близко относящийся. Я был уверен, что с известным писателем Анатолием Салуцким мы единомышленники, притом полные, душевные, просто свои в доску. Уж как пылко мы с ним чуть ли не дуэтом гвоздили и Горбачева, и Ельцина, я — академика Шаталина, он — академика Заславскую, и всех демократов, как гневно проклинали установленные ими гнусные порядки на нашей родной земле, как уверенно пророчили их затеям крах и забвение! Но вот в газете «Правда-5» недавно появились его статьи «К вопросу о «дворцовых переворотах» (№ 27, 96) и «Власть и совесть» (№ 32, 96). И вдруг обнаружилось, что между нами появились отдельные нестыковочки, кое-какие неувязочки, иной раз мне просто удивительно то, что он пишет.

Так, у далеко не молодого уже собрата я неожиданно увидел изрядную наивность, сказавшуюся, в частности, в его душевных просьбах, заботливых остережениях, смелых прогнозах, с которыми он прямо обращается к таким людям, как Б. Немцов, Ю. Лужков и даже сам Б. Ельцин, которых еще вчера мы с ним вместе, мягко выражаясь, сурово порицали. Он уверен, что с помощью таких обращений можно «уберечь лидера от крайностей». То есть совершенно убежден не только в том, что упомянутые лица непременно прочитают его статьи, но и поступят согласно обращенным к ним просьбам и советам. По-моему, это абсолютный рекорд наивности. Хотя бы потому, что один из этих трех давным-давно ничего не читает, кроме «Московского комсомольца», другому просто некогда — сам книги сочиняет, а третьему начхать на всех салуцких СНГ, вместе взятых.

Впрочем, наивность — не самый тяжкий из грехов писательских. Лев Толстой тоже пописывал письма царям да пре-

мьер-министрам. И даже иногда получал ответы, например, от Столыпина. Бог даст, и Салуцкий удостоится ответа от Лужкова хотя бы. Не в этом дело. Гораздо важнее другое.

В названных статьях мой уважаемый коллега, попрекая иных ретроградов «неумением зреть в корень» и налегая на «вечные закономерности истории», рассматривает очень многие исторические и житейские события, факты, поступки конкретных лиц, ныне здравствующих и почивших, используя при этом весьма разнообразный «научный инструментарий». Так вот, и сам выбор объектов исследования, и его прием, доводы, аргументы порой несколько озадачивают, не говоря уж о некоторых выводах, рекомендациях и пророчествах.

Например, автора сильно заинтересовало еще окончательно не оформившееся течение мыслей президентского помощника Г. Сатарова, и он, зря в корень, опираясь на теорию Фрейда о подсознательном, загорелся желанием проникнуть в глубины помощницкого мышления. А я бы, во-первых, предпочел ныне исследовать подкорку и мозговые извилины самого президента, а не одного из бесчисленных помощников. В свое время я изучал глубины мышления некоторых из них, например, Д. Волкогонова и Г. Старовойтовой. Удручающая картина. В одном случае — пустыня Гоби, в другом — джунгли, кишацие ядовитыми рептилиями.

Или вот многозначительно сообщается: «Уже в ночь 4 июля с экрана исчез генерал Лебедь... Не случайно...» Но ведь буквально через два-три дня он так часто замельтешил на экране, такие грозные, в духе Васьки Буслаева, речи принялся толкать, что экран едва не лопался от перегрузок, смущения и страха. И вскоре едва вылупившийся государственный муж дошел до такой буслаевщины, что стал разговаривать с президентом прямо по телевидению, на глазах всего народа. Да ведь еще как! Ультиматум предъявил. Вам, говорит, уважаемый, надо сделать трудный выбор: или генерал Куликов — или генерал Лебедь. Два пернатых жить в одной берлоге не могут.

Я обомлел. Да где это видано!.. Представьте себе, если в свое время, допустим, Алексей Толстой, несомненный литературный генерал, в выступлении по радио заявил бы: «Товарищ Сталин! В русской литературе три Толстых, и все генералы. В одной берлоге они жить не могут. Требую запретить книги двух первых. Или я — или они!» Думаю, мудрый товарищ Ста-

лин за такую выходку даже не в государственном деле распорядился бы направить Толстого Третьего на медицинское освидетельствование. И в нынешнем случае такое решение было бы столь же благодетельным. В самом деле, человек заявился в политику с прекрасным девизом: «Правда и порядок!» Но оказалось, ему неведома даже такая простенькая «правда», что, во-первых, пернатые живут не в берлогах, а в гнездах; во-вторых, у лебедя и кулика совершенно разные среды обитания, они не мешают друг другу, не соперники.

О подлинной сути Васьки Буслаева можно было догадаться хотя бы по тому факту, что «накачивали» и «раскручивали» его такие личности, как Боровой, на ланитах которого до сих пор пылает клеймо «мерзавец и подонок!» — пощечина от Геннадия Селезнева, третьего лица в государстве. Васька пленил Борового прежде всего, конечно, своим местечковым антикоммунизмом, но еще и интеллектом, превышающим интеллект самого Борового. Можно было раскусить генерала и по его собственным павлиньим афоризмам: «Я никогда не был удовлетворен должностью, которую занимал», «Я стану президентом еще до 2000 года!», «Последним смеется тот, кто стреляет первым» и т. п.

Принимая все это в расчет, мне представляется несколько неосновательным то чрезвычайное внимание к Лебедю и особенно — те надежды, которые А. Салуцкий с ним связывает, о чем речь пойдет ниже.

А вот еще один отставной генерал — А.В. Руцкой. На сей раз автор пытается разгадать не смысл его появления или исчезновения на телеэкране, а тайну его гардероба, почему в критический момент своей жизни храбрый генерал снимает серые штаны и натягивает черные. «Не случайно (!) на пленум ЦК РКП, на котором его исключили из партии, Руцкой пришел в супермодном черном костюме — черный пиджак и широченные в коленях брюки...» Я никогда не обратил бы на это внимание, ну, разве что при большом мозговом усилии расценивал бы черные штаны как знак траура о коммунистическом прошлом их владельца. Но совсем иначе думает мой собрат: «Этим отличительным одеянием «новых русских» он словно бросал вызов партократам, затянутым в невзрачные стандартные одеяния». Какое глубокое проникновение в перипетию партийно-политической борьбы! Я-то, простофиля, ни за что не догадался бы,

что Руцкой теперь в стане «новых русских» и смело бросает в лицо партократам новые черные штаны... Кроме того, до сих пор полагал, что в жизни кое-что происходит все-таки случайно, и легко поверил бы, что в тот роковой день Александр Владимирович натянул черные штаны просто потому, что серые были в химчистке. Ан нет, оказывается...

После двух русских генералов для автора было естественно при его столь редкостной широте интересов обратиться к фигуре иностранного. Он обратился к генералу и президенту де Голлю, точнее, к его роли в решении проблемы деторождения во Франции с помощью магической силы своего слова. Оказывается, в послевоенной Франции была очень низкая рождаемость, и никакие усилия не могли исправить катастрофическое положение. Но однажды утром, сообщается нам, проснувшись в хорошем настроении, де Голль «произнес историческую фразу: «Я хочу видеть пятьдесят миллионов французов!» И представьте себе, читатель, фраза имела колоссальный эффект. Она «перевернула общественное настроение, так всколыхнула национальную гордость, так глубоко задела патриотическое чувство народа, что стала девизом в такой интимной сфере, как деторождаемость». Отныне, надо полагать, ни один француз до семидесяти пяти лет не всходил на супружеское ложе без этого девиза. А если у одного из супругов притупилось патриотическое чувство, допустим, по причине возраста, то другой, движимый национальной гордостью, считал своим гражданским долгом завлечь антипатриотку или антипатриота в постель, чтобы через девять месяцев отрапортовать президенту де Голлю: «Ваше высокопревосходительство! Процесс пошел! Готов еще один французик. Новенький, как с иголочки!» Я не знаю, дождался ли де Голль, умерший в 1970 году, появления 50-миллионного француза, но, во всяком случае, через восемь лет после его смерти их было 53,2 миллиона. Эффект невозможно оспорить...

Строки прекрасной баллады А. Салуцкого о магической силе генеральско-президентского слова в детородном вопросе невольно наломнили мне не менее роскошные рулады другого известного писателя, Феликса Чуева, о магической силе некоторых генеральских имен. Он пишет, например, что в декабре 1941 года 10-я армия генерала Голикова никак не могла взять город Сухиничи. Что такое? Досадно! Вызывает Верховный Главнокомандующий генерала Рокоссовского и говорит: «Това-

рищ Рокоссовский, можете взять Сухиничи?» — «Могу!» — «Каким образом?» — «А у меня секретное оружие имеется». — «Что еще за секретное оружие?» — «А имечко собственное. Как метну его, так немцы и разбегутся». Товарищ Сталин, будучи материалистом, не поверил в такую мистику, хотя как воспитанник духовной семинарии знал, конечно, что

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Но ведь это когда было! В библейские времена. Однако Сталин сказал ободряюще: «Действуйте!»

И вот, рассказывает Ф. Чуев, поехал Рокоссовский на фронт под Сухиничи, а сам приказал, чтобы все средства связи открытым текстом вещали: «Едет Рокоссовский! Едет Рокоссовский!..» А немцы так его боялись, что бросили все укрепления, все оружие и сломя голову бежали из города. Вот она какая война-то была, без малейших усилий, без потерь брали города...¹

. Великолепно! Одна история краше другой. Но возникают некоторые вопросы. Например. Авторитет Сталина после войны был и в Советском Союзе, и во всем мире гораздо выше, чем у де Голля во Франции. Хотя бы потому, что де Голль не сыграл никакой крупной роли, когда в 1940 году немцы за шесть недель разгромили Францию. А вернулся он в 1944 году на родную землю только благодаря вторжению англо-американских войск, среди которых французская дивизия генерала Леклерка занимала достаточно скромное место. Сталин же возглавлял борьбу нашего народа и нашей армии, как в страшную пору трагических неудач, так и в годы великих блистательных побед. Так вот, при всем его авторитете, не имеющем в мире равных примеров, Сталин не бросил магическую фразу: «Хочу видеть двести пятьдесят миллионов советских людей!» И, следовательно, наши сограждане не имели такого вдохновляющего детородного девиза, как французы, и лезли под супружеское одеяло без него, то есть совершенно безоружными идейно. Однако с делом справлялись неплохо: население и сразу после войны и

---

¹ Между прочим, Сухиничи освободили не в декабре 1941 года, а 29 января 1942-го. Это сделала 324-я стрелковая дивизия 16-й армии, которой командовал генерал Рокоссовский.

позже, вплоть до полного торжества демократии, до 1992 года, непрерывно росло. Сей факт заставляет подозревать, что дело тут было не в магических словах, а в том, например, что еще в конце 1947 года мы — первыми в Европе! — отменили карточную систему. И до 1 апреля 1953 года у нас шесть раз снижались розничные цены, а это, разумеется, не только сказывалось на уровне жизни, но и внушало людям чувство уверенности, стабильности их бытия. Может быть, нечто подобное происходило тогда и во Франции?

Что же касается мистическо-патриотических рулад Ф. Чуева, то тут неясно вот что. Если немцы разбегались врассыпную при одном имени Рокоссовского еще в 1941 году, когда его слава только занималась, то после побед под Сталинградом, на Курской дуге — еще больше! Отчего же не воспользовались иерихонским эффектом имени маршала для взятия, скажем, Минска, да и самого Берлина? Ведь опять бы — никаких потерь!

Еще интереснее, чем о детородном и иерихонском эффекте президентского да генеральского слова, читать в энциклопедических сочинениях А. Салуцкого о роли в мировой истории дач и их отсутствия. «Ни у Ельцина, ни у Лебеда нет личных дач, — с умилением узнаем мы, — и это частное обстоятельство, как ни странно, может сыграть немаловажную роль». Нет, ничего странного мы тут не видим. Мы помним, что когда на первом съезде народных депутатов СССР Горбачева избирали президентом, то его спросили, есть ли у него дача, и он оскорбленно и гордо ответил: «Никогда не было и нет!» Ну, можно ли было такого скромнягу не избрать президентом великой державы. Тем паче что академик Д.С. Лихачев, уже тогда объявленный Игорем Золотусским совестью нации, тут же подъялдыкнул: «Если не выберем Михаила Сергеевича президентом сейчас и здесь, то — поверьте моему столетнему опыту! — начнется гражданская война...» Так под страхом войны и под обаянием горбачевского бездачного аскетизма избрали тогда президента. Чем это обернулось для страны, все знают¹.

---

¹ Но не все знают и помнят, чем это обернулось для самого Горбачева. А вот: с одной стороны — 0,5% голосов на президентских выборах 1996 года, на которые этот межконтинентальный прохвост снова ринулся; с другой — его доход в 1994 году составил 2 млрд. 380 млн. рублей, в 1995 году — 1 млрд. 87 млн. рублей, т.е. за два года почти 3,5 млрд. Вот ведь как отменно сумел

Что же теперь ждать нам от аскетизма Ельцина и Лебеда? Оказывается, как пророчит А. Салуцкий, через пять лет наступит эпоха дачных погромов, и названные мужи в силу своей бездачности имеют моральное право возглавить это богоугодное дело. А вдруг за эти годы они обзаведутся дачами? Такой вариант в пророчестве не предусмотрен.

Дачная тема имеет у А. Салуцкого продолжение. Со ссылкой на самого И.Д. Папанина автор рассказывает, как тот, видимо, получив в качестве руководителя легендарного дрейфа полярной станции «Северный полюс» (1937 — 1938 гг.), а затем автора книги «Жизнь на льдине» немалые деньги, отгрохал себе роскошную дачу. И очень захотелось ему порадовать своим теремом товарища Сталина. Пусть, мол, полюбуется отец родной. Через Поскребышева и других лиц долго Иван Дмитриевич добивался заполучить желанного гостя. Наконец, гость явился. Счастливый хозяин повел его показывать все как есть. Тот смотрел, одобрительно кивал головой, улыбался в усы. Потом, конечно, сели за стол, началось пиршество. Когда дело подходило уже к концу, умирающий от восторга дачевладелец попросил высокого гостя сказать что-нибудь. Говорят, Сталин поднялся с бокалом киндзмараули в руке и сказал: «Товарищи! Иван Дмитриевич Папанин настоящий коммунист и замечательный полярник. За свой героический подвиг он получил звание Героя Советского Союза. Но, прекрасно понимая, что истинная добродетель не нуждается ни в каких наградах и званиях, он совершил еще больший подвиг — в стахановские сроки на свои деньги построил этот замечательный детский сад. Я предлагаю тост за здоровье товарища Папанина, за его великую любовь к детям и самих детей, которые завтра огласят своим веселым щебетом эти прекрасные залы и будут резвиться на этом паркете замечательной выделки».

Последние слова тоста потонули в аплодисментах. Это был действительный пример магической силы слова, в один момент

отхватить оборотистый глава государства и партии за всеохватывающее предательство того и другого! Естественно, что большая часть его доходов приплыла из-за границы — из Германии, США, Италии, Японии, Южной Кореи. Сюда, разумеется, не входят те 50 тысяч долларов, что сунул когда-то президенту Горбачеву президент Южной Кореи Ро Дэ У, ныне осужденный на 22,5 года тюрьмы. Если в свое время Горбачев получит столько же, то ему уже сейчас надо начать благодарить небо.

превративший личную дачу в общественный детский сад. Другой не пережил бы такого тоста, а коммунисту Папанину хоть бы что. Он бил в ладоши громче всех. А потом продолжал много трудиться, заработал вторую Золотую Звезду, написал еще книгу «Лед и пламень» и тихо почил в Бозе на 93-м году жизни. Возможно, вспоминая перед смертью лучшие часы своей большой жизни, он увидел, как наяву, Сталина, произносящего тост за его любовь к детям... Господи, как хорошо, что Ты избавил такого человека от зрелища нынешних дней, когда за дачу и всенародно обожаемого президента и мать родную зарезать могут...

Дальше у Слуцкого читаем: «Аналогичный случай произошел с министром путей сообщения. Этих двух эпизодов с лихвой хватило для того, чтобы чиновник расстался с мечтой о дачной собственности». Да, пожалуй, хватило бы, доведись этим случаям стать достоянием гласности. Но ведь этого не было. Ходил смутный слух, легенда. И даже теперь автор то ли не знает, то ли не хочет назвать имя министра путей сообщения. Бещев, что ли? Я лично, человек достаточно любознательный, узнал легенду о папанинской даче лишь спустя много лет после смерти Сталина. А между тем, следует еще один поучительный рассказ на полюбившуюся тему: о том, как Алексей Аджубей, «оставшись не у дел» и имея на сберкнижке «всего семь тысяч, распродавая личные вещи и затрачивая массу усилий, с трудом построил дачу». Допустим, все так и было с человеком, который не один год занимал высокие посты, работал главным редактором «Известий», чья жена тоже была главным редактором популярного журнала. Но что же дальше?

А то, что уже не было в живых волшебника, превращавшего дачи в детские сады. Больше того: «Пример Аджубея пошел впрок брежневскому поколению чиновников, которые параллельно госдачам ринулись создавать свои «родовые гнезда» на случай непредвиденных обстоятельств». Вот как, аж ринулись, и притом целое поколение! И опять возникает тот же вопрос: да каким образом, откуда узнало о вдохновляющем примере целое поколение? Ведь публикаций, как и прежде, никаких не было. Кроме того, неужели целое поколение до того было тупо, что никто своим умом безо всякого указующего примера не додумался до возможности «непредвиденных обстоятельств»? Не правильнее ли сказать, что вырос общий уровень жизни, у людей, в том числе и у чиновников, появились свободные деньги,

большие возможности, — вот и начали расти дачи. Непонимание таких вещей и вновь проявившаяся здесь склонность к чрезвычайно глубокому философствованию на очень мелких местах несколько подрывают высокий авторитет аналитика.

За делами дачными исследователь, естественно, не забывает дел квартирных, и тут обнаруживается, что мы несколько по-разному смотрим не только на исторические события, в которых участвуют знаменитые личности, но и на дела житейские, бытовые, вплоть до грабительских. Так, «в качестве примера совсем уж мелких (!) несправедливостей по отношению к конкретным людям» автор рассказывает, как ныне беглый взяточник С. Станкевич, будучи заместителем председателя Моссовета Г. Попова, после контрреволюционного переворота 1991 года с помощью наряда милиции, возглавленного его женой, вышвырнул из приглянувшейся ему квартиры в «элитном доме» семью покойного Н.С. Патоличева, дважды Героя Социалистического Труда, бывшего в свое время и кандидатом в члены Политбюро, и первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, и министром внешней торговли СССР. Ничего себе «мелкая несправедливость»! Как сам-то автор пережил бы такую «мелочь»?

Здесь иной читатель, возможно уже не удержится и скажет: «К чему все эти столь пестрые и неравнозначные примеры из статей Салуцкого?» Да, очень пестрые и неравнозначные. Поэтому, как мне представляется, в своей совокупности они дают широкую картину аналитической манеры исследователя и даже состояние его «корки» и «подкорки» в целом. Действительно, в одном примере явно пустячному факту или фигуре придается большой вес, в другом — случайная мелочь преподносится как серьезная закономерность, в третьем — простая последовательность событий во времени рассматривается как глубокая причинная связь, в четвертом автор строит рассуждения и делает вывод, исходя из того, что факт, известный ему лично, почему-то знает целое поколение и т. п. И такая неосновательность, произвольность, глубокое философствование на мелких местах определяют у А. Салуцкого подход не только к фактам и событиям незначительным, как выше, но и к весьма важным, существенным, даже историческим. В этом-то и состоит немалая опасность.

В новых статьях Анатолия Салуцкого, напечатанных «Правдой-5», особенно достопаечальная картина там, где автор прибе-

гает к многочисленным параллелям и сопоставлениям фактов, событий, лиц как по кажущейся ему аналогии, так и по контрасту. Диапазон тут широчайший. Например, ступив, как он уверен, на «незыблемую историческую твердь» и поставив в один ряд Великую Французскую революцию и Великую Октябрьскую революцию, уверенно заявляет: «В этот же почетный ряд встают и нынешние российские потрясения». Да с какой же стати такие почести? Там-то действительно были великие революции, мощно двинувшие и свои страны, и все человечество вперед, а здесь — контрреволюция, отбросившая нашу страну во всех отношениях далеко назад, кое в чем даже на сотни лет, и отдавшая все человечество во власть одного мирового жандарма.

Другая параллелька касается роли русской интеллигенции в Октябрьской революции и в нынешних подлых днях, которые автор только что поставил в почетный ряд: «Из капризов (?) эта весьма благополучная и в бытовом отношении хорошо устроенная дама (русская интеллигенция. — В.Б.) в начале века обручилась (!) с молодцом в кожаной тужурке и, ввергнув народ в страдания, сама очутилась в лагере». О чем тут речь? О какой интеллигенции? Ведь «весьма благополучной и хорошо устроенной» была до революции лишь незначительная часть ее, и она вовсе не «обручилась» с каким-то «молодцом в кожаной тужурке», коих в начале века (в 1905 году, что ли?) вовсе и не было. Наоборот, после революции 1905 года именно она благодарилась царизму за то, что он ограждает штыками ее сытость и покой от народного гнева. И именно эта интеллигенция ввергла народ в Октябрьскую революцию? А кто же тогда сочинил сборник «Вехи» — по выражению Ленина, «энциклопедию либерального ренегатства»? И она-то вся «очутилась в лагере»? Ну, хоть одно имечко! Бердяев? Булгаков? Гершензон? Струве? Франк? Это в лагере, что ли, все они, кроме М.О. Гершензона, дожили до 73—74 лет? Это там, а не в Париже, Бердяев с 1925 года до 1940-го издавал журнал «Путь» и издавал бы еще восемь лет до самой смерти, если бы не пришли немцы? И уж совсем странно читать у Салуцкого, что Октябрьская революция принесла народу одни страдания, и ничего больше.

«Совершенно в таком духе сегодня молится на власть, например, один из самых выразительных представителей рыночной интеллигенции А. Нуйкин: «Мы в очередной раз (накануне

президентских выборов. — В.Б.) остро нуждаемся, чтобы Ельцин спас наших детей и нашу демократию от очередной смертельно опасной атаки красно-коричневых» («Литературные вести» № 2/14 — 96)».

Еще загадочнее, еще более игривым языком говорится об интеллигенции дальше. Лагеря ей, выходит, оказались нипочем. И вот, «помаленьку снова заняв достойное и далеко не бедствующее положение в обществе, эта дама соблазнилась очередной «синей бородой» — на сей раз в заморских джинсах». Это опять о какой же интеллигенции речь? Да, конечно, не о неродной же, а о той, олицетворением которой стали такие фигуры, как академик Д. Лихачев, режиссер М. Захаров, артист М. Ульянов, тот же А. Нуйкин, специалист по счастливой любви. Да, они соблазнились, они рьяно служат, только не какой-то там метафорической «бородой», а вполне конкретному, весьма реальному режиму. Но разве это о них: «И вот опять горюет народ, а сама интеллигенция отброшена за черту бедности, с ужасом ожидая полную нищету завтра». Захаров за чертой бедности? Ульянов ожидает нищету? Лихачев и Нуйкин бедствуют? О, нет, режим не скупиться на подкормку своих прислужников: кому государственную премию, кому президентскую пенсию, кому креслице в парламенте или еще в каком непыльном месте... Словом, здесь у автора сплошная путаница и мешанина, в которой невозможно разобраться.

А вот еще и такая увлекательная историческая параллелька между днем вчерашним и нынешним: «В стародавние советские времена разгорелся нешуточный спор о том, когда сооружать Саяно-Шушенскую ГЭС. Для бюджета было невозможно начинать еще одну гигантскую стройку. Но строители завершили ГЭС под Красноярском и стращали правительство распадом уникального коллектива, требуя озадачить (!) его новым делом. Знаменитый начальник «Красноярскгэсстроя» Андрей Бочкин нажал на самых верхах, и групповые интересы взяли верх над государственными».

Обратим внимание на то, как подан наш вчерашний день. Это язык черномырдиных и чубайсов. Это они, по бездарности и малограмотности своей не сумевшие создать ничего, кроме Храма-на-костях да женской тюрьмы в Москве (СИЗО № 6), способны высмеивать как бесполезную «еще одну гигантскую стройку», без которой сейчас и сами подошли бы в холоде и го-

лоде. Это они, превратившие страну в грязную клоаку, уверяют, что до них царил такой ералаш, что стоило кого-то в верхах «запугать», как тотчас решался важный вопрос. Наконец, это именно они внушают всем, что советские люди не могучую экономику великой державы строили, а «озадачивали» друг друга каким-то гигантским вздором.

Увы, автор говорит языком чубайсов не только в приведенной цитате. Так, острейшая идейно-политическая борьба двадцатых годов в нашей партии и обществе это для него «грызня» да «разборки»; «большевизм» — синоним то ли тупости, то ли чего похуже; выдающийся вождь китайского народа Мао Цзэдун появляется в статье с замусоленным всеми прогрессистами будто бы ядовитым ярлыком «великий кормчий»; на Молотова, Маленкова и других членов Политбюро, попытавшихся в 1957 году освободить партию и страну от хрущевского антигосударственного произвола и антирусского самодурства, от невежества и просто хулиганства на высшем уровне, автор навешивает столь же обветшавший за сорок лет ярлык «антипартийная группировка»...

Нет нужды копать во всем этом ворохе, но зададим лишь парочку вопросов в связи хотя бы с последним ярлыком: кто стоял на государственных и партийных позициях, кто видел дальше — Хрущев, на другой же год после смерти Сталина укравший у России политый русской кровью Крым, что ныне обернулось невосполнимым уроном для государства, великой трагедией для народа, или те, кто хотели убрать этого вора? Кто был настоящим патриотом и смотрел глубже — Молотов, предлагавший сосредоточить силы и средства на восстановлении, подъеме и быстром развитии центральных районов России, двукратно расплющенных катком войны и обезлюдивших, или Хрущев, который бросил огромные людские и материальные ресурсы на целину, в Казахстан и тем самым еще более обезлюдил, обрекая на вымирание, центральную Россию? И не надо забывать при этом, что стало с его целиной, в чьих руках она оказалась теперь.

Вполне понятно, как и почему, освоив язык чубайсов, автор по проторенной дорожке дошел до того, что выстроил в один ряд немецкий нацизм, итальянский фашизм и «сталинскую тиранию», которая, как известно, докатилась до такого зверства, что однажды свернула голову и нацизму и фашизму.

Но вернемся к цитате о Саяно-Шушенской ГЭС. Электростанция, уверяют нас, строилась исключительно благодаря напору на правительство знаменитого гидростроителя Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Андрея Ефимовича Бочкина. А он, дескать, руководствовался при этом исключительно целью сохранить «уникальный коллектив» коллег. Да неужто у Бочкина и у правительства не было тогда, в 70-е годы, никаких иных доводов, целей и соображений? Неужто электростанция была совершенно ненужной, излишней, обременительной для народного хозяйства? Да не явился ли в таком случае прямым вредительством, огромным ущербом для страны пуск уже первого агрегата станции в 1978 году? И не от страха ли перед суровым наказанием Андрей Ефимович в следующем году умер? Право, надо иметь очень странное, вернее, подлинно демократическое представление о нашем вчерашнем дне, чтобы к тому, что А. Салуцкий уже сказал, еще и назвать сооружение крупнейшей в мире гидростанции победой «групповых интересов» коллектива строителей. Неужто есть агентурные данные, что они возводили ее не для нужд страны, а для освещения и отопления своих квартир, дач, гаражей?

А вот и начинается «историческая параллель»: «Но эпопея сооружения крупнейшей в мире ГЭС меркнет в сравнении с грандиозными планами, какими озадачивают сегодня тоже ради сохранения уникальных коллективов. Например, группе доверенных лиц Ельцина поручили в годичный срок «выдать на гора» новую национально-государственную идею России». Это просто не укладывается в голове: действительно уникальный коллектив мастеров сопоставляется с оравой разрушителей отечества, вся уникальность коего в том, что история подобных «коллективов» никогда не знала; крупнейшая в мире ГЭС, вот уже почти двадцать лет дающая стране электроэнергию, сравнивается с малограмотной блажной затеей, которая никакой «энергии» дать не может, ибо национальные идеи не в кабинетах сочиняются, не фабрикуются под надзором чубайсов. В математике есть понятие «дурная бесконечность». Хорошо бы ввести понятия «дурная аналогия», «дурная параллель».

Между прочим, в своем желании завтра же видеть готовенькую национальную идею России наш нынешний суперпрогрессивный президент показал себя, как и во многом другом, достойным преемником самых замшелых партократов вчерашнего дня. Мой зять по сестре В.А. Иванов, работавший в свое

время директором Ростсельмаша, бывший председателем Северо-Кавказского Совнархоза, рассказывал мне, как однажды в его присутствии высокопоставленный руководитель компартии Украины, тоже руководствуясь аналогией, уговаривал Шолохова:

— Михаил Александрович, ты замечательно написал «Тихий Дон». Великая книга. Теперь напиши, пожалуйста, такую же книгу об Украине — «Тихий Днепр». Пора, Михаил Александрович, пора! Украина ждет. Ведь ты по матери украинец. Уж постарайся. Мы тебе все условия создадим, гонорар вперед выплатим, премию гарантируем, народным писателем республики объявим. По рукам?

Шолохов хохотал:

— Хорошо, хорошо! Но я уже подрядился сочинять для белорусов «Тихий Неман», потом просили молдаване сообразить «Тихий Днестр», грузины — «Тихую Куру». Ну, а после обязательно накатаю и для вас. Что мне стоит! Я же нобелевский лауреат...

Если бы Ельцин присутствовал при этом разговоре, то уж непременно попросил бы сварганить «Тихую Чусовую».

А. Салуцкий, используя все те же известные нам средства убеждения, уверяет нас, что в России настает Золотой век. Он объявил, например: «жизнь входит в нормальное русло». С чего взял? Да как же, говорит, Зюганов поздравил Ельцина с победой на выборах, а Дума утвердила Черномырдина премьером. Да, действительно, имели место эти факты в Охотном Ряду. А в остальной-то России что творится! Ведь по тому руслу, что названо «нормальным», как прежде, так и сегодня катит река народных слез и крови. Немало мы услышали от А. Лебеда: в Чечне погибло около 80 тысяч человек. Может, Салуцкому удалось их воскресить? А забастовки, голодовки, больные, нищие, беженцы — это какое «русло»? Может, Салуцкому удалось всех накормить, приютить, вылечить?

«Сегодня, — радостно продолжает он, — у России появился шанс выйти из смуты». Прекрасно! Однако в чем он состоит? Кто его дал — Ельцин, Лебедь, папа римский? Молчание. Но потом восторг еще радужней: «Пришло время брать новейшую историю России в совокупности, не деля ее на советский и постсоветский периоды. Точкой отсчета...» Вы только послушайте: «... точкой отсчета теперь может стать 1996 год». Ух, до чего лихо, но какая же это, прости Господи, «совокупность»,

если Новая эра будет начинаться с поры второго пришествия Ельцина, а советский период, отличающийся от нынешнего, как небо от земли, выходит, отбрасывается, словно его и не было. Право, давайте уж начнем Новую эру, ну, хотя бы с 1 февраля 1931 года, со дня рождения Ельцина. Вероятно, автор просто постеснялся предложить это...

А вообще-то такое впечатление, право, что благодушную А. Салуцкого и его восхищению нынешней жизнью и ее властителями прямо-таки нет предела. Так, в связи с упомянутой историей захвата Станкевичем квартиры Патоличевых он пылко взывает к Лужкову и Немцову (Патоличев был нижегородцем): «Придумайте что-нибудь, чтобы справедливость восторжествовала!» Он надеется, что эти господа захотят после его обращения вдарить по своему духовному собрату, защищая семью покойного секретаря ЦК. Да, говорит, ведь «сегодня антикоммунизм продолжает лишь небольшая группа «ястребов» да молодые журналисты, не умеющие ничего иного!»

Ей-ей, человек словно на Луну улетел, пока шла у нас кампания по выборам президента! Будто не слышал, как Ельцин то и дело твердил по телевидению: «Нельзя допустить, чтобы коммунисты победили!» Вроде не понимает, кто и зачем крутит по телевидению грязные антисоветские фильмы...

Мало того, ведь автора просто в восторг приводят деяния самого президента! Оказывается, он «первым сделал шаг для смягчения общественного климата». Это что же за шаг такой прекрасный? Да как же-с! Он сказал «покаянные слова» и признал «свои многочисленные ошибки». Да, о Чечне, спустя полтора года преступно бездарного кровопролития выдавил из себя сквозь зубы: «Кажется, (!) это была ошибка...» Может, признал свою трусость при решении судьбы Крыма и Черноморского флота? Кто же не помнит его державного кукареканья: «Черноморский флот был и будет российским!» А что вышло на деле? Скоро и из Севастополя-то нас попрут. Или он согласился, что подло предал 25 миллионов соплеменников? Или устыдился, что с самого начала, еще когда кинулся докладывать по телефону Бушу о Беловежском сговоре, показал себя американским лакеем? Или пожалел о наглom заявлении в присутствии патриарха: «Меня может отстранить от власти только Бог!» Или отказался от слов «Как я скажу, так и будет!»? Или признал, что сморозил по подсказке болотной кикиморы Бурбулиса, когда в

американском конгрессе заявил вслед за Гитлером, что с коммунизмом покончено?

Растроганный «покаянными словами» президента, А. Салуцкий призывает последовать его благородному примеру тех, кто клеветал на нашу армию. Очень хорошо! Но почему-то из всей многолетней клеветнической кампании, злобной и невежественной, выбрал лишь один эпизод — тбилисский, вернее, лишь одну частность в нем — клевету о том, что солдаты будто бы орудовали против участников антисоветского националистического митинга саперными лопатками, и называет лишь трех участников клеветы — Собчака, профессора Грамквелидзе и писателя Бориса Васильева. Да, эта тройца в данном случае постаралась, но ведь кампания-то против армии началась гораздо раньше и доходила до уподобления ее фашистской армии, до заявлений, что и победа-то была не победой, не победили мы, а забросали врага своими трупами и т.д. И первыми здесь были «Огонек», «Московские новости», писатели Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, некоторые киноработнички.

А академик Сахаров? У нас в стране и за границей он травил баланду о том, что в Афганистане наши летчики расстреливали с воздуха наших солдат, попавших в окружение. Четыре раза травил и не смог назвать ни воинскую часть, ни место, ни время, ни одного участника расстрелов и ни одного расстрелянного. Словом, абсолютно никаких фактов! Его спрашивали: «Откуда вы это взяли?» Он, как блаженный, отвечал: «Несколько лет назад я слышал это в передаче одной иностранной радиостанции». Но даже назвать радиостанцию не мог. А ныне его вдова публично называет «патриотами-негодяями» тех, кто продолжал громить гитлеровскую армию за пределами нашей границы. Ну как же! Ведь начиналась чужая земля. А мы еще перед войной пели: «Чужой земли мы не хотим ни пяди...» По мнению этой мыслительницы, нам не следовало брать пример с русской армии, воевавшей с Наполеоном и дошедшей аж до Парижа, а надо было остановиться на рубеже и ждать, пока фашисты соберутся с силами и вновь ударят...

Слушаем дальше: «С 50-летия Победы на темном историческом полотне былого (надеюсь, автор хотел сказать о темном полотне ельцинской пропаганды. — В.Б.) все чаще стали появляться светлые блики». Ему и «бликов» достаточно! Но где они, хотя бы и «блики»-то? Ельцинские прислужники до сих

пор не могут без злобных ужимок сказать словечко даже о Кубе и Китае. Казалось, какое до этого дело Н. Осокину, граммофону НТВ? Сообщил и шагай дальше. Нет, ему непременно надо хоть вывернуться наизнанку, но плюнуть, колупнуть, да еще с вывертом, и он усердствует: «Фидель Кастро за свою жизнь произнес столько речей, сколько Сталин, Рузвельт и Черчилль, вместе взятые». Ах, уязвил! Получит на мороженое от начальства. А мадам Шарапова своим салонным голоском, как всегда совершенно отрешенным от смысла того, что говорит, и годным разве только для рекламы тампаксов, в эти дни лепетала какую-то чушь о том, что в Китае до недавних пор даты рождения политических лидеров были чуть ли не государственной тайной. И все это, дорогой Анатолий Салуцкий, только цветочки. А сочные ягодки белены эта публика выдает каждый раз, когда на экране появляются кадры советского прошлого, построенного их отцами, или нынешние коммунисты. И у этих-то субчиков, Анатолий, вы разыскивали «светлые блики»? Перекреститесь...

Но он жмет дальше: «А уж президентская кампания Ельцина и вовсе прошла под патриотическими лозунгами...» Да эти лозунги того же качества, что и вышеупомянутые «блики»! Двадцать пять лет марксистскими лозунгами Ельцин оглашал Свердловскую область, которую своим мудрым руководством, в конце концов, посадил на талоны. Пять лет его ленинским лозунгам внимала опупевшая от его буйства Москва, которую он превратил в гнездо склок и в помойку. Теперь пять лет его малограмотные антисоветские лозунги слушает вся страна, которую под его пьяным приглядом грабят и топят в крови. Вам мало всех этих лозунгов, коллега? Очень радуется собрата нынешнее положение и в экономике: «Об экономике уж не говорю (до того, мол, здесь все распрекрасно. — В.Б.): новый курс, более социальный и ориентированный на внутренний рынок, по сути, объявлен...» То бишь очередной лозунг провозглашен. Остается суший пустяк: «вопрос лишь (!) в том, будут ли его проводить». Можно было бы от души посмеяться над этим «лишь», если бы речь шла не о родной стране...

Пребывая в состоянии экстаза, автор договаривается до уверения, что во многом «сегодня уже нет каких-то серьезных причин, мешающих восстановлению справедливости...». Тут у меня шевельнулось подозрение: да уж не он ли сочинил слова для кантаты, которую предполагалось исполнить на Соборной

площади Кремля в день великого торжества по случаю вторичного вступления Ельцина в должность президента:

Вся страна сил полна.
Выбор сделала она.
И вперед устремлена!..

Впрочем, и без кантаты получилось очень душевно: «Президенту Ельцину, вторично вступающему в должность, хочу пожелать поменьше новых ошибок, некоторые из которых (так в тексте. — В.Б.), как он сам признал, по второму разу становятся преступлением». Молодец! Хорошо сказанул. Только иные ошибочки, к сведению президента, вовсе не обязательно повторять, чтобы они стали преступлением. Таковы, например, зверский расстрел своего парламента, словно это рейхстаг 1945 года, или безграмотная война в Чечне, которая по своим срокам и кровопролитию уже далеко превзошла советско-финляндскую войну 1939—1940 годов, не дав тех необходимых для страны результатов, которые дала та война.

Мы ожидаем, что, прежде всего именно от таких кровавых «ошибок», как названные, наш друг пожелает остеречь президента, но ничего подобного; о них — ни слова!

Но вот мы подходим к самому главному. После множества странных параллелей, натужных сопоставлений, ошарашивающих аналогий частного характера, то есть таких, где фигурируют лишь по два и притом порой довольно незначительных события, факта, лица, Салуцкий выстроил Великую Аналогию, где в одном ряду стоят Александр II — Ленин — Сталин — Хрущев — Брежнев — Горбачев — Ельцин...

Через сопоставление этих лиц и их деяний он установил, что существует некий ни от чего не зависящий незыблемый срок в «четыре-пять лет», «период малой смуты», который, извольте знать, «неизбежно следовал за уходом с политической арены каждого (!) заметного лидера — будь то царь-батюшка или генсек». Интересно, правда? Что же за «периодом смуты»? А вот: «Через четыре-пять лет после прихода к власти новый лидер, наконец, получает право (?) быть самим собой и принимает тот «облик», с которым входит в историю». Перед нами чрезвычайно своеобразная «Периодическая система Салуцкого», с помощью которой можно не только отлично ориентироваться в прошлом, но и предсказать будущее.

Автор понимает, что ныне, когда развелось столько астрологов, предсказателей, хиромантов и ясновидцев, его тотчас обвинят в мистике, и, дабы отмежеваться от этой компашки, делает превентивное заявление: «Никакой мистики, никакой случайности в совпадении этих сроков, разумеется, нет. Просто новому руководству страны требуется именно 4-5 лет, чтобы разобраться с прежними политическими долгами и кадрами, чтобы выработать новый курс». И вот вам, пожалуйста: через пять лет после восшествия на престол Александр Второй отменил крепостное право — через четыре года после прихода к власти Ленин ввел нэп — через четыре года после избрания генсеком Горбачев предал партию, а затем и страну... Впечатляет?

Позвольте, скажет иной Фома, но ведь и фигуры эти и обстановка историческая совершенно различны! Царь Александр был ровесником Маркса, но остался чужд марксизму, стал императором в тридцать семь лет, имел блестящее образование, знал иностранные языки, а когда он вступил на престол, Россия из-за ее всесторонней отсталости терпела ужасное поражение в Крымской войне. А Горбачев, скажем, колхозный комбайнер, которого советская власть направила в Московский университет, по марксизму всегда получал пятерки, но не знает ни одного иностранного языка и даже на родном говорит как-то удивительно, например, *нáчать, хозяевá, Арзэбайджан...* Он стал генсеком в 54 года, спустя сорок лет после Великой Победы его Родины над германским фашизмом, в мирные дни, когда страна стояла в одном ряду с Америкой как уникальная сверхдержава. Ленин же, придя к власти в разрушенной, голодной, разваливавшейся стране, сумел удержать ее от развала и полного краха, а в 54 года уже окончил земной путь. Так неужели все эти многочисленные обстоятельства не имели никакого влияния для загадочного периода в 4—5 лет? Не имели! — уверенно заявляет А. Салуцкий. Но как можно сопоставлять отмену крепостного права и предательство родной страны? С позиций высокой науки все можно сопоставлять! — столь же уверенно отвечает теоретик и спокойно вписывает все названные имена в соответствующие клеточки своей волшебной таблицы.

Но трудно удержаться от новых вопросов... Александр Второй сделал для России немало хорошего: отменил, как уже сказано, крепостное право, провел судебную, военную и земскую реформы, при нем закончилась война на Кавказе, были присоединены Казахстан, большая часть Средней Азии. Но у царя

было много врагов. Они устроили семь покушений на него, и в 1881 году, когда ему было всего 63 года, убили. Ленин тоже сделал для России много хорошего: вытащил ее из пекла Первой мировой войны, как уже отмечалось, спас от развала и краха, воссоздал армию, защитившую страну от захвата интервентами и их ставленниками вроде Колчака, при Ленине начали подниматься разрушенная экономика, грамотность всего народа, обороноспособность страны. Но и у него было много врагов. Они устроили на его несколько покушений, тяжело ранили, и умер он в том возрасте, в каком «молодой Горбачев» стал генсеком. А этот «молодой» предал страну, над укреплением мощи и благоденствия которой самозабвенно трудились царь Александр и коммунист Ленин. И за все это мировая свора врагов России осыпала Горбачева дождем наград, премий, почетных званий, издала вороха его лживых и скудоумных писаний, он стал богатейшим человеком, о чем не постеснялся похвастаться по телевидению перед президентскими выборами, намереваясь снова стать главой государства, он уже пережил не только Ленина, но и царя Александра. И вот за все свои мерзости этот подонок схлопотал лишь две оплеухи физическую и моральную. Первую залепил ему в Оренбурге молодой безработный, доведенный до отчаяния «реформами», начатыми Горбачевым, вторую он получил на президентских выборах от избирателей, 99,5% коих послали его ко всем чертям.

Еще в 1987 году, когда Салуцкий вместе с А. Яковлевым и В. Коротичем принадлежал к «активным сторонникам Горбачева», он такое предсказание сделал: «Окончательные выводы в отношении лидера перестройки делать еще рано, его истинные намерения проявятся лишь к 1989—1990 годам, когда будет «переварено» наследие прошлых десятилетий и Горбачев наконец предстанет тем, кем он является в действительности». Замечательно! Однако уже тогда кое-кого могло несколько озадачить, как это автор два с лишним года мог пребывать в рядах «активных сторонников» политического деятеля, не имея понятия, кем этот деятель — да не просто деятель, а первое лицо в государстве! — является в действительности и каковы его истинные намерения в отношении Родины.

Но его не терзали и не терзают подобные сомнения, и он торжествующе заключает: «События подтвердили, что в 1990 году Горбачев стал другим и его перестроечный курс претерпел кардинальные изменения, «больше социализма — больше де-

мократии» сменилось «отходной» по прежнему строю. Таким образом, исторический ряд с четырех-пятилетним циклом блестяще продолжен».

Подумать только: блестяще! Это не одно лишь восхваление «Периодической таблицы Салуцкого», но уже и обеление, защита, оправдание Горбачева при одновременном осуждении советского прошлого. У автора не поворачивается язык сказать «стал предателем» — он говорит «стал другим»; подлое, ничем не мотивированное капитулянтство от лица великой державы перед Западом нежно именуется «кардинальным изменением курса». К тому же это «изменение» и эта «отходная прежнему строю» явилась будто бы результатом не шкурничества и невежества, не трусости и провинциального скудоумия, а закономерным итогом вдумчивого четырехлетнего «переваривания» наследия прошлого, то есть глубокого анализа, изучения, обдумывания всех десятилетий советской истории, которые ничего другого, кроме «отходной», и не заслужили.

Вы еще не поняли, читатель, к чему клонится дело?.. А. Салуцкий с помощью открытого им закона «периодической смуты» четырех-пятилетней длительности не только исследует прошлое и настоящее, вынося им оценки, но и заглядывает в будущее. Подобно Д.И. Менделееву, который, опираясь на закон периодичности и свою таблицу, предсказал открытие новых, тогда неизвестных химических элементов, что позже и произошло, наш автор предсказывает неизвестные еще «элементы» в облике некоторых политических деятелей, их курса, на сей раз — нашего драгоценного президента. С уверенностью Менделеева он заявляет: «Конечно, нет никаких оснований полагать, будто Б.Н. Ельцин каким-то образом может выпасть из этого ряда». Того самого ряда-рядочка, в котором уже выстроилась когорта от Александра Второго до Михаила Меченого.

Для подкрепления сказанного исследователь взывает здесь к одному высокому авторитету: «Справедливо заметил Николай Сванидзе, что теперь Ельцин, возможно, станет другим и именно новый Ельцин войдет в историю». Правда, я мог бы сразу оспорить эту точку зрения, сославшись на другой высокий авторитет того же пошиба — на А. Шарапову, которая в те дни сказала: «Как-то трудно говорить о Ельцине как о новом президенте»... Но лучше еще послушаем новатора, зрящего в корень: «Если придерживаться объективных, не злободневных, а истинно исторических закономерностей, то Ельцин второго срока

действительно должен предстать в ином облике, его курс изменится, причем по крупному счету. Это будет действительно новый Ельцин — таковы неотвратимые особенности развития российской власти вообще». Замечательно! Будем ждать.

Тут же следует, конечно, вопрос: «Каким будет этот новый Ельцин — лучше или хуже, хорошим или плохим?» Ну что за разговоры! Мы видели, что он уже и сейчас почти ангел белокрылый: мурлычет слова покаяния, изрекает патриотические лозунги, даже в Чечню на полчаса слетал и объявил там о победе и об окончании войны, из 66 министерских портфелей один дал коммунисту А. Тулееву. Уж чего лучше-то! Но тут А. Салуцкий вдруг выдает такой афоризм в применении к «новому Ельцину» и его будущему курсу, что я остолбенел: невозможно, мол, сказать, будет он хорошим или плохим, «тем более что в понятия «хороший» и «плохой» каждый вкладывает свой смысл». Вот это да!

Конечно, есть люди и у нас, и тем более за границей, которые считают, например, что курс, который привел к развалу СССР, удушению советской власти и социализма, к разрухе и нищете, к культурному и нравственному одичанию населения, к рекам крови в Чечне, к лакейству перед Западом, к появлению кровососов-богачей, к потере Крыма, к тому, что 25 миллионов русских стали за пределами России второсортными людьми, к расстрелу парламента, к власовскому флагу над Кремлем, к возврату туберкулеза, дифтерии, сифилиса, — есть люди, которые считают, что все это хорошо, очень хорошо, просто великолепно. Но я-то был уверен, что у нас с тобой, Анатолий, одинаково ясное и твердое понимание всего этого как апокалиптического ужаса, кошмара, позора. И вдруг ты говоришь, что на все это можно смотреть как угодно, выражаешь понимание тех, кто «вкладывает свой смысл» в подобные вещи.

А зачем уверяешь читателя, будто не в силах дать «даже предположительный» ответ, каким надеешься увидеть «нового Ельцина»? Ведь на этой же странице читаем: «В итоге можно сделать вывод: перед новым Ельциным открывается заманчивая перспектива войти в историю в новой роли». В роли душиителя, расстрельщика и лакея ничего заманчивого быть не может. Значит, ты пророчишь ему совсем иную, прекрасную-распрекрасную роль, гораздо выше той, в которой мерещится он тебе ныне.

И здесь пускается в дело еще одна историческая параллель, самая грандиозная из всех уже известных нам по этим статьям.

Автор вытаскивает за волосы из Леты 25—30-летней давности «культурную революцию» в Китае и сопоставляет с нынешним положением в России. Мы узнаем: «Цель той политической кампании состояла в том, чтобы разом очиститься от коррумпированных чиновников, что должно было привести к обновлению общества. А у нас чиновничья коррупция тоже давно доползла до самого Кремля». Впрочем, не вернее ли сказать, что она по всей стране расползлась из Кремля под власовским флагом? И вот голубая мечта аналитика: «Что, если новый Ельцин всерьез задумается над таким вариантом продолжения реформ?» То есть отдаст приказ открыть маоцзэдуновский «огонь по штабам» взяточников. Прекрасно! Когда-то мы увлеченно пели: «Сталин и Мао смотрят на нас». Теперь с восторгом затянули бы «Ельцин и Мао...».

В эту аналогию-мечту встраивается еще одна: «История дает богатую пищу для размышлений и другим рядом аналогий». И вот он, новый ряд, кое в чем не совсем внятный: «В Германии фашизм пришел к власти через 15 лет после бури и натиска (?). Муссолини 1922 года, когда захватил власть, хорошо накладывается (?) на особенности Италии начала века». Непонятно, что названо здесь «бурей и натиском» — то ли Первая мировая война, в которой Германия потерпела поражение, то ли ноябрьская революция 1918 года в Германии. И почему говорится о «начале века»? 22-й год уже далеко не начало. А завершается тройственная аналогия так, как мы уже от А. Салуцкого и ожидаем: «Сталинская тирания по-настоящему расцвела тоже спустя 15 лет после революции». Иначе говоря, в 1932-м, а вовсе не в 1937 году. Вывод сделан в знакомом нам научном духе: «Эти сроки опять-таки не случайны, они обусловлены социально-демографическими процессами...». Случайного нет ничего в том мире, в котором обитает наш автор. Помните? Исчез Лебедь на пару дней с телеэкранов, он уже начеку: «Не случайно!» Сменил однажды Руцкой серые штаны на черные — он тотчас бдит: «Не случайно (!) на пленум ЦК РКП Руцкой пришел в черном костюме...»

И уж совершенно не случайно то, что читаем дальше: «При ухудшении уровня жизни всегда диктаторы делали ставки на обездоленное поколение, пожилавшее горькие плоды великих потрясений, уничтожая тех, кто эти потрясения готовил, проводил и от них выигрывал». Тут автор завел нас уж в такие дебри,

из которых выбраться почти невозможно. Да, в Италии 1922 года и в Германии 1933 года уровень жизни ухудшился, но в СССР-то в тридцатые годы он постоянно рос, народ пожинал не горькие, а весьма отрадные плоды «великих потрясений» Октябрьской революции. И не было никакого «обездоленного поколения», если так не назвать тех, кто в результате революции потерял поместья, заводы, банки и тех, кто был раскулачен. Так что же, именно на этих «обездоленных» Сталин и делал ставку в своей политике? Чушь! Сталин делал ставку на трудящиеся массы, на рабочий народ.

Опираясь на эту новую историческую параллель, А. Салуцкий возвращается к современности и пророчествует о будущем: «Именно в период второго президентского правления Ельцина обездоленные окончательно осознают трагедию своего поколения, его масса приблизится к критической, и в России может вырваться социальная база для фашизма». Но почему же непременно фашизма? Им давно пугают нас, в том числе известная парламентская дама Галина Старовойтова. Ей даже кто-то выдал медаль «За борьбу с фашизмом», что ослепительно сияла на ее пламенной груди в сентябре прошлого года, когда она явилась в нью-йоркский Дом еврейской общины, где произнесла страстную речь об угрозе фашизма в России. Интересно, что у меня, например, как и у множества других участников войны, боровшихся против фашизма с оружием в руках, такой медали нет, а вот у борца языком — пожалуйста...

«Реальная угроза фашизма нависнет именно в ближайшие годы — объективное следствие потрясений минувшего десятилетия, — продолжает каркать Анатолий Салуцкий. — Верхние десять процентов, независимо от их национальности, рискуют при этом разделить участь евреев в нацистской Германии, ибо грядущий фюрер наверняка займется переделом собственности, играя на чувствах обездоленных. Громкие уголовные процессы над бизнесменами станут его пропагандистским оружием».

Здесь кое-что не менее загадочно, чем у Старовойтовой, ибо, во-первых, фашизм не сводится к юдофобству, что понимает даже названная дама. И горькая участь, как напомнил недавно в своей книге «Основополагающие мифы израильской политики» Роже Гароди, постигла в нацистской Германии не только евреев и не всех евреев. Зачем было преследовать тех из них, которые разделяли точку зрения Ицхака Шамира, будущего премьер-министра Израиля, во время войны обратившегося с

группой единомышленников к высшему нацистскому руководству с таким, в частности, предложением: «У нас одинаковая (расистская. — В.Б.) концепция. Почему бы нам не сотрудничать друг с другом?» Какой смысл было подвергать гонениям таких, как Ицхак Рабин, еще один будущий премьер-министр Израиля, который в составе группы «Лехи» выступил в 1941 году за союз с Гитлером, с Германией? Крайне неразумно было бы не только преследовать, но и не сотрудничать с такими, как Менахем Бегин, опять-таки будущий премьер-министр Израиля, о котором хорошо знавший его Бен-Гурион говорил: «Бегин, несомненно, человек гитлеровского типа. Это расист». Наконец, почему было не использовать опыт таких, как и сам Бен-Гурион, будущий президент Израиля? 25 декабря 1940 года организация «Хаган», которую он возглавлял, взорвала корабль, присланный англичанами в порт Хайфа для того, чтобы спасти 252 еврея. Все они вместе с командой корабля погибли...

Нет, дорогой Анатолий Салуцкий, в нацистской Германии вовсе не такие евреи пострадали, а прежде всего те, которые были всей душой со своими соплеменниками, сражавшимися против фашизма сперва в Испании, где в интернациональной бригаде Линкольна, например, они составляли тридцать процентов, а в бригаде Домбровского — почти половину, затем на фронтах Великой Отечественной войны, где 108 из них заслужили звание Героя Советского Союза, и в те же дни — в восстании против фашистов в Варшавском гетто.

А первыми жертвами оказались коммунисты. Ни Муссолини, ни Гитлер не устраивали никаких судебных процессов над бизнесменами и не заикались о передаче собственности. Они истошно обличали плутократов иностранных — английских и американских, а со своими жили душа в душу. Все эти Круппы и Стиннесы благоденствовали при Гитлере еще больше, чем до него: были хорошие военные заказы. А процессы устраивались над коммунистами, над Георгием Димитровым, например, и в тюрьмы бросали, расстреливали их же, как Эрнста Тельмана, например, а потом и других прогрессивно мыслящих людей. Так что погромы бизнесменов, процессы над ними вовсе не обязательный признак появления фашизма, как представляется А. Салуцкому.

Наконец, когда писатель говорит, что кто-то в недалеком грозном будущем станет «играть на чувствах» обездоленных, то он пользуется языком Лифшица и Сванидзе, ибо ведь это же

справедливые, естественные, законные чувства. И тот, кто окажется во главе обездоленных, будет не играть на них, не спекулировать ими, а лишь умело и ярко выражать их.

Но примечательней всего в этом рассуждении то, что угрозы, о которой тут говорится, еще нет, а ярлык для нее уже заготовлен — «фашизм»; лидера пока не видно, а клеймо для него уже придумано — «фюрер». Ловко. Ухватисто. Расторопно... А вдруг это будет новая социалистическая революция? Или — национально-освободительное восстание? Что если начнется не «передел собственности», а нечто более понятное и справедливое — возвращение украденного народу? Ну, конечно, в этом случае процесса, например, над Чубайсом Анатолием Борисовичем, сыном Бориса Львовича Чубайса, едва ли удастся избежать, ибо, как заметила не так давно одна весьма прогрессивная газета, «Таких, как Чубайс, товарищ Сталин расстреливал». И вот, чтобы уберечь реформатора от самосуда, придется, видимо, взять его под стражу, а потом — на не слишком мягкую скамеечку посадить...

Нет, нет, слышим мы от Салуцкого, придет именно фашизм! Уж мне-то доподлинно известно, куда и с какой скоростью мчится локомотив истории. Вы же видели, как умело я оперировал параллелями да аналогиями разных исторических эпох. Предсказал же я еще в 1987 году, что старый Горбачев, коммунистический, станет через четыре года новым Горбачевым, антикоммунистическим.

Царица мать небесная! Что же делать-то? Куда деваться от фашизма? А я, говорит, знаю выход: надо использовать опыт китайской «культурной революции», надо «успеть перевести стрелки перед локомотивом истории и направить массовый протест обездоленных не на «третье сословие», не на «новых русских», а на коррумпированное чиновничество вплоть до каждой чиновной букашки, начиная с «жэковского инспектора».

И тут я ощущаю потребность вступить со спасителем уже в прямой разговор, и он рисуется мне примерно таким.

— Прекрасно!.. Но ведь, кажется, свою «культурную революцию» осудили сами китайцы, в том числе их мудрец Дэн Сяопин, от нее пострадавший.

— Да что там Дэн! Вы меня слушайте!

— А разве «третье сословие», как вы деликатно выражаетесь, и «новые русские» это не одно и то же?

— Примерно так, но...

— Так не лучше ли объединить их одним емким словом «кровососы»?

— Ни в коем случае! Они ужасно стеснительны и обидчивы, могут схватить под мышку свои роскошные виллы и умчаться за границу.

— Значит, не надо трогать всех этих брынцаловых да гусинских в их шикарных виллах, а давить жэковских букашек, обитающих, как правило, в подвальных помещениях?

— Да, да! Именно так: первых — только лелеять, вторых — беспощадно давить! Огонь по штабам букашек!

— Беспрецедентная по своему гуманизму и народолюбию идея! А как быть с чиновными кафкианскими супербукашками вроде Черномырдина, того же миляги Чубайса, того же Лифшица-Гуимплена-96, человека, который ухмыляется?

Молчание.

— Но кто проведет великую идею в жизнь? У кого не дрогнет рука осуществить ее?

— Как это кто! Как это у кого! Да, конечно же, у Мао Николаевича!

Под этим новым именем, как гроза букашек и спаситель кровососов, он и войдет на веки вечные в историю. Не дрогнула у него рука в октябре 93-го расстрелять свой парламент, не дрогнула в декабре 94-го послать танки и самолеты против Чечни, не дрогнет и в 2000-м раздавить букашек. А поможет ему, разумеется, Лебедь, как и президент, не имеющий ни дач, ни вилл.

— Правильно. Однако почему Лебедь, такой бесстрашный и воинственный, раздавил букашку-гэкачепистку Людмилу Агапову в Министерстве обороны, но пальцем не тронул двух проворных букашек, тащивших в свою норку 538 тысяч долларов из Дома правительства?

Молчание. Через три минуты.

— Могу сказать и о том, какие выгоды получит Кремль при своевременном переводе стрелок. Прежде всего, возникает прочнейший союз власти и предпринимателей. Это многократно усилит позиции Кремля...

— Так именно о его позиции и все заботы ваши, маэстро?

— М-м-м... Кх-кх-кх... К тому же, безусловно, перевод стрелок вызовет одобрение низов.

— Да неужто? Ведь это только в ученом мозгу можно разложить по разным полочкам «коррупцированное чиновничество», «новых русских» и «третье сословие», а для низов, как вы изволите выражаться в духе Новодворской, это одна шара-

га — кровососы. И родитель у них один — нынешний Кремль, об укреплении позиций коего вы так заботитесь. И ненавидят «низы» всех их вместе. Естественно предположить, что могут возненавидеть и профессоров кислых шей, которые сочиняют прожекты, как одних кровососов спасти и усилить за счет других.

— Отчасти вы правы, ибо остается открытым главный вопрос: удастся ли удержать массовый и санкционированный Кремлем протест против коррумпированного чиновничества в цивилизованных рамках.

— Вот именно, друг мой! Не удалось же удержать в рамках обещанных Грачевым двух часов расправу над Чечней. Почти два года потребовалось, да еще и неизвестно, кто с кем расправился... А что касается места Ельцина в истории, то здесь суета, забота и прогнозы тоже излишни. В историю он давно вошел. И сядет там на уже приготовленную скамеечку. В ногах, как младшие братья, расположатся коллега-президент Адольф Тьер и коллега-главнокомандующий генерал Галифе, душеители Парижской коммуны. Справа, как сподвижник, будет сидеть генерал Краснов, которого большевики, подавив поднятый им мятеж, взяли в плен, но по свирепости своей отпустили с миром под честное слово офицера, что больше воевать не будет, а он и в 1918-м и в 1941-м вместе с немцами воевал против своего народа, пока его снова в 1945 году не поймали и — что оставалось делать при такой назойливости? — не повесили. Слева, тоже как сподвижник, — генерал Власов, оказавшийся на одной перекладине с Красновым, но ныне вырытый из могилы и облизанный журналистом-власовцем Виктором Филатовым. А за спиной, как вдохновитель, чьи замыслы и заветы он выполнил почти полностью, будет возвышаться над Ельциным еще один Адольф, который ловко улизнул от виселицы с помощью крысиного яда, подкрепленного пулей в лоб. Так и останется Всенароднообожаемый на века в интернациональной компашке душеителей да изменников, самоубийц да висельников. Он же всю жизнь мечтал «войти в цивилизованное общество». Вот после смерти и попадет именно туда. А на грудь повесят ему плакатик: «Президент-невежда. Президент-трепло. Президент-хам. Президент-трус. Президент-предатель. Президент-убийца!»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ДУЭЛЬ» Ю. И. МУХИНУ

Уважаемый Юрий Игнатьевич, надеюсь, Вы не забыли, что и с глазу на глаз, и принародно я нередко выражал весьма одобрительное, а порой и восторженное отношение и к иным выступлениям газеты, и к публикациям в ней лично Вашим. Но вот на встрече коллектива редакции и актива газеты с читателями, состоявшейся 14 марта 1998 года в московском кинотеатре «Баку», во время антракта ко мне подошла незнакомая женщина и сказала:

— Вы один из самых активных авторов «Дуэли»...

— Да, — сразу согласился я. — Например, с 12-го по 32-й номер мои статьи появлялись на ее страницах каждый раз.

— Так означает ли это, что вы целиком согласны с тем, что газета печатает, в частности, и со статьями главного редактора?

Я опять ответил сразу:

— Отнюдь нет. Я решительно не согласен со многими публикациями и тенденциями «Дуэли», иные из них вызывают у меня просто отвращение, а более всего несогласий у меня с тем, что выходит из-под пера ее неутомимого руководителя, хотя усматриваю в его личности некоторые ингредиенты гениальности.

— Какие?

— Например, титаническую самоуверенность. Ведь без этого свойства характера невозможно совершить что-либо значительное. А возьмите его умонепостижимую плодотворность. Выдавать чуть не в каждый номер по три-четыре полосы ему вполне по плечу. Разве это не поразительно? Думаю, что если бы он писал пьесы, то оставил бы далеко позади гениального Лопе де Вега, написавшего более двух тысяч пьес, некоторые из коих, например «Собака на сене», ставятся до сих пор, вот уже почти триста лет.

...Случилось так, что через некоторое время мы с моей новой знакомой продолжили разговор о Ваших ингредиентах, и я сказал:

— Порой, однако, нечто гениальное прихотливо и увлекательно сочетается у Мухина с ингредиентами совсем иного характера.

— Какого именно? — поинтересовалась собеседница.

— Судите сами. В своей новой большой статье «Студенту — об управлении государством» («Дуэль», № 6) Мухин, ссылаясь на Молотова, но, почему-то не упоминая при этом Феликса Чуева, его перелагателя, рассказывает, что, когда вскоре после войны Хрущев выступил на Политбюро с блаженной идеей создания в истерзанной стране химерических агрогородов, «Сталин подошел к нему, погладил по лысине и сказал: «Наш маленький Карл Маркс».

Женщина засмеялась.

— И вот какой грандиозный вывод делает Мухин: «Это характеризует истинное отношение Сталина к Марксу».

Моя знакомая рассмеялась еще громче и сказала:

— Если я объявлю, что товарищ Мухин наш маленький Лопе де Вега, то он сочтет, что это будет характеризовать мое истинное отношение к великому испанскому драматургу, а не к кому-то другому, упомянутому здесь?

— Выходит. Но посмотрите, каким тонким, изящным анализом он обосновывает свое суждение: «То, что в этот момент в уме великолепно образованного Сталина всплыл не образ Манилова из «Мертвых душ», а Маркса, говорит о том, насколько скептически Сталин относился к его учению».

— Да почему же непременно Манилова? Мировая литература знает немало персонажей, оторванных от реальной жизни. Тут в уме великолепно образованного человека могли всплыть образы и Дон Кихота, и барона Мюнхгаузена, и вольтеровского Кандида, и чеховского человека в футляре... Да и как можно одной полученной из третьих рук мимолетно брошенной фразой, даже если бы в ней содержалось что-то неодобрительное о марксизме, перечеркивать множество сочинений Сталина, написанных с целью дальнейшего развития марксизма, его обоснования и защиты на протяжении всей жизни — от работы «Марксизм и национальный вопрос» 1912—1913 годов до работы «Марксизм и вопросы языкознания» 1950 года. Это просто фальсификация, когда вся жизнь зачеркивается одной фразой!

— Таким фактам, когда все решается одной фразой, одним примером, да еще вырванными из контекста, в сочинениях Мухина несть числа. И отчетливо можно видеть: объявив «Дуэль» газетой «для тех, кто любит думать», ее главный редактор сам-то, к сожалению, не всегда являет высокие образцы этой заме-

чательной любви. Более того, порой своими суждениями, вроде только что приведенного, он дает некоторые основания думать о нехватке кое в каком замкнутом пространстве известного подобия синусоид. Ну, в самом деле! Вот он обрушивается на маршала Жукова потоки ядовитого презрения только за то, что у него на даче не оказалось ни одной советской книги.

А при наличии помянутых синусоид и даже при небольшой любви думать тут сами собой возникли хотя бы такие соображения: 1. Если не было советских книг, то, возможно, имелись книги русской или мировой классики, — разве «Дон Кихот» или «Гамлет» так уж хуже сочинений Демьяна Бедного или Михалкова? 2. Если не было даже никаких книг на даче, то, может, ни городской квартире у маршала имелась целая библиотека мировой литературы, включая советскую? И даже собрание сочинений Лопе де Вега в 15 томах на испанском языке, изданное в Мадриде в 1890—1913 годах.

Вот такой примерно был разговор, Юрий Игнатьевич! Те гадости, которые я при этом высказал, не должны Вас удивлять, ибо, как Вы знаете, порой, нахваливая газету и Ваши статьи, я одновременно следовал Вашему постоянному и страстному призыву, чуть ли не мольбе критиковать Вас и Ваши идеи. Я усердно занимался этим года полтора, причем иногда в довольно резкой форме. Но время показало, что к любой (или только к моей?) критике Вы относитесь точно так же, как всем известный рыжий гений Чубайс. Ему лепят в глаза: грабитель! взяточник! ворюга! А он хоть бы хны. И только на одного Минкина почему-то подал в суд. Знать, и впрямь внутривидовая борьба ожесточеннее межвидовой...

А Вы идете дальше Чубайса. В своей собственной газете нередко предоставляете слово читателям для сотрясения воздуха в таком духе: «Мухин свихнулся!.. Он фальсификатор!.. Он провокатор!..» и т.п. Каков же результат? Чисто чубайсовский, т.е. никакой. Вы продолжаете гнуть свое в прежнем духе. Это не свидетельствует об искренности Ваших призывов критиковать Вас. Ельцин тоже в свое время сулил за критику выдавать тринадцатую зарплату, а час настал, и оказалась она 62-миллиметрового калибра.

Я почти всегда высказывал критические суждения о газете лично Вам, чаще всего по телефону. И это, говорю, тоже не

имело никаких последствий. Но стоило мне один только раз выступить публично (в «Завтра» я осудил Вашу гитлероманию), как Вы, словно Чубайс в Минкина, тотчас же метнули в меня початок своей «огрызухи» молочно-восковой спелости. При этом отчасти, конечно, фальсифицировали мое высказывание: свой сердечный призыв «Побойся Бога, старая кикимора!» я адресовал «известинскому» юристу-правдолюбу Ю. Феофанову, а Вы изобразили, будто Вам. Уж меня-то, любимого автора, которого печатаете напропалую, казалось бы, можно не фальсифицировать? Нет, это выше Ваших сил. Таким отношением к критике Вы не оставили мне выбора и вынудили прибегнуть к форме открытого письма.

В шестом номере «Дуэли» Вы поместили очередной критический стон в пустыне, письмецо В.Н. Пасина из Комсомольска-на-Амуре. Оно заканчивается так: «Пришел к выводу, что здравый человек с нормальным рассудком такую чушь не будет писать, и потому я ни одному слову в ваших статьях не верю». Если помните, не так давно по конкретному поводу я тоже сказал Вам, что сознающий свою ответственность редактор печатать такие вещи не станет. Речь шла о заметке «Голос из-за бугра» Василия Бабушкина из Самары («Дуэль», № 24/46). Этот Ваш последователь вопил по адресу известного писателя: «Старый дурак!.. Словесный понос... Какая логика у этого старого дурака... Дурак ты, старый дурак!.. Да не по морде вlepить надо, а зад пороть таким старым дуракам, как ты...» и т.д. Может быть, этот писатель какой-то злобный враг отечества или клеветник, вроде Солженицына? Ничего подобного! Он всей душой болеет за Россию, он участник Отечественной войны, его гневные, обличающие режим статьи и книги известны всем.

— Однажды какой-то еврей, тоже участник войны, прислал в газету, по сути, покаянное письмо, в котором рассказал, что уехал в Израиль, но вскоре понял, насколько там все чужое, а он, советский человек, не может, как оказалось, жить без родного Ленинграда, куда и собирается вернуться. Казалось бы, кто без греха, и сам Бог велел подойти к оступившемуся человеку сочувственно, милосердно, поддержать его желание вернуться. Но вы ответили ему, как всегда, грубо, издевательски, глумливо.

Отчаявшаяся пенсионерка Б.А. Атабек от имени многих сверстников в уважительном и даже лестном для Вас письме попросила помочь в борьбе за справедливость в пенсионном

деле. И вот Ваш ответ: «Мне вас не жаль. Так вам и надо... Мы спасаем Родину, а вы, пенсионеры, — пенсию». Да не проценты на многомиллионные вклады, не акции, а пенсию, которая для большинства стариков не добавочный доход, а единственное средство существования.

Во всех этих случаях, спаситель родины, к Вам обращались за помощью, за поддержкой, за добрым словом старые люди, весьма вероятно, многие из них, как в первых двух случаях, участники войны. Откуда же у Вас, спаситель, столько высокомерия, презрения, злобы к этим несчастным?

Как это не по-русски! Знать, не случайно Вы постоянно восхищаетесь то Гитлером, то немцами вообще. «Тимошенко воевал как немец», — это у Вас высшая похвала... Где Вы росли, с кем дружили, какие книги читали, каких обнимали женщин, с кем водку пили, если собралось в душе столько злобы...

Так же высокомерно, презрительно ответили Вы сейчас и Пасину из Комсомольска: «Верю — не верю! Это не по вашей части. Обратитесь в церковь, костел, синагогу. Там Вам помогут». Неужели не понимаете, что такие публикации, как из Самары, и такие отповеди читателям, как Ваши, лишая газету возможных союзников и читателей, являются одной из важных причин того, что тираж давно уже стынет на уровне «Елабугских ведомостей».

Между прочим, в этом Комсомольске-на-Амуре, как видно, свил гнездо целый выводок антимухинистов. Вот что пишет мне оттуда же мой читатель, доктор наук Р., в письме, полученном на другой день после встречи в «Баку»: «Когда «Дуэль» только начинала выходить, трудно было понять, что, в конце концов, получится. Теперь все ясно. Облик газеты сложился. Это скандально-эпатажное издание, рассчитанное на невзыскательный вкус. Так сказать, красный вариант «Московского комсомольца». Мухин явно не страдает от переизбытка скромности, берется судить обо всем: от криминалистики до социальной философии, причем старается, чтобы его слово было последним и окончательным. Он снисходительно похлопывает по плечу Маркса и других титанов, бестактно поправляет даже тех авторов, которых высоко ставит и охотно публикует (С.Г. Карамурза). Его прожект передачи власти народу через референдум ничего, кроме улыбки, вызвать не может. На страницах «Дуэли» организована самая настоящая травля Зюганова, за что Му-

хину, видимо, прощают все его резкости в адрес правящего режима. Мухин высосал из пальца историю с «подменой» Ельцина и раздувает изо всех сил едва тлеющий огонек сенсации. А чего стоит его заявление, что депутаты (все!) «тупая и подлая мразь»! А постоянные дифирамбы Гитлеру! Да какой же человек, считающий себя серьезным и порядочным, захочет после всего этого иметь дело с «Дуэлью» и ее редактором? Мухин — типичный маргинал, и газета рассчитана на маргиналов. Не случайно ее тираж не растет. Не думаю, что у такого издания есть будущее».

Кое в чем доктор Р. смягчает, даже приукрашивает картину. Так, Вы, Юрий Игнатьевич, не только бестактно поправляете, а то и препарируете лучших авторов газеты, но иной раз оскорбляете их самым похабным образом. Например, пришло из Риги письмо от шофера С. Шамонина, где он об одном из таких Ваших авторов пишет: «Он засирает мозги». Если это от слова «сирый», «сирота», тогда можно посчитать, что тут оригинальный полемический прием. Однако есть основание думать, что этот рижский Сирано де Бержерак имел тут в виду нечто совсем другое. И вот вместо того, чтобы посоветовать ему для повышения грамотности заглянуть в бодуэновский словарь Даля, в котором довольно широко представлена ненормативная лексика, Вы печатаете эту эпистолау на седьмой полосе «Дуэли» № 6. Вот, дескать, глас народный. А на первой полосе того же номера помещена фотография, где в почетном президиуме мы видим замечательного автора, обсиранного совместными усилиями газеты и русскоязычных храбрецов из ближнего зарубежья. Если после этого он придет в «Дуэль», то только потому, что плацдарм оппозиционной прессы ничтожен, и только вечно бодрый Г. Зюганов может уверять, что это чуть не 300 газет. Глумление отвратительно всегда, но особенно — над людьми в стесненном, тем более — в безвыходном положении. А между тем, похабное глумление — Ваш любимый жанр, как фальсификация — основа Вашего творческого метода. Это и есть один из ликов многоголовой маргинальщины, духовного плебейства, люмпенства.

Доктор Р. приукрашивает и Ваше отношение к Марксу, к другим широко известным, а то и великим людям. Вы не похлопываете их по плечу, а тоже глумитесь, и над Марксом, и над

Лениным, да вот теперь и над Жуковым, над кем угодно, кто Вам не по нраву.

Причем не всегда сразу поймешь, почему именно то или иное лицо так отвратительно Вам, и Ваши нападки порой кажутся своеобразным проявлением «немотивированной преступности», поток которой в современном мире все нарастает. Так, в упоминавшейся статье «Студенту — о государственном управлении» ведете речь об этом самом управлении и вдруг — яростный бросок на человека, не имеющего никакого отношения к теме статьи, а просто попавшегося Вам на глаза: «Какого-нибудь (!) Смоктуновского, всю жизнь тупо повторявшего «Быть или не быть — вот в чем вопрос!» — можно было использовать только где-нибудь на конвейере и то на элементарных операциях. К токарному станку его поставить уже опасно — ума не хватит». В чем дело? Это же не копеечный хохмач Хазанов, не злобный оборотень Марк Захаров, не бывший член Идеологической комиссии ЦК Михаил Ульянов, неумный говорун на партийных форумах, наконец, это не Людмила Зыкина, отказавшаяся вместе с доблестным генералом Громовым от своей подписи под знаменитым «Словом к народу» и помчавшаяся услаждать своим пением убийц. Иннокентий Смоктуновский — большой русский актер, не запятнавший свое имя лобзаниями с предателями родины, хотя, как и все, надо думать, имел человеческие слабости.

Сегодня, когда я пишу эти строки, 28 марта, ему исполнилось бы 73 года. А родился он в сибирской деревне, в семье рабочего, возможно, сельского механизатора; детство и юность провел в Красноярске. В восемнадцать лет оказался на фронте. Попал в плен. Бежал. Примкнул к партизанам, потом, видимо, опять служил в регулярной части, войну закончил в Берлине. С войны вернулся с медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и «За взятие Берлина». Что Вам еще надо, дорогой редактор? Почему бы этот солдат Смоктуновский, выросший в деревне, сын рабочего, не мог работать на токарном станке? С чего Вы взяли, что он глупее Вас? Что сами-то делали, чем занимались в 18—20 лет? Какие медали получали? Вы же взятый патриот да еще, как сами сказали мне при знакомстве, «красный, как помидор». Откуда же у Вас такая злоба на фронтовиков, даже на почивших?

Смоктуновский был не только большим талантом, но и великим тружеником. Он сыграл более восьмидесяти ролей в кино и на телевидении да еще свыше пятидесяти в театре, за что был удостоен звания народного артиста СССР, лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда и получил два ордена Ленина и Ленинскую премию — за презираемую Вами роль Гамлета. И многие сыгранные им роли незабываемы, хотя бы — тот же Гамлет, князь Мышкин, царь Федор, чеховский Иванов, Чайковский, Порфирий Головлев да, наконец, Деточкин из фильма «Берегись автомобиля». Сыграть любую из этих ролей, Юрий Игнатьевич, это совсем не то, что накатать четыре полосы поносных измышлений о Жукове...

Так за что же Вы так злобствуете на покойного солдата и артиста, получившего Золотую Звезду и медаль «За отвагу» не за газетную брехню. Я думаю, что Вы ненавидите его только за то, что он — одно из ярких явлений высокой и утонченной русской культуры, восприятие которой несколько затруднено у Вас избыточным чтением мемуаров битых немецких генералов и регулярным сочинением «огрызух». Я уж не касаюсь здесь того, что ведь Вы глумитесь и над Гамлетом, и над самим Шекспиром, создателем этого глубочайшего образа мировой литературы. Все это, опять-таки, и есть маргинальщина...

На моем вечере в ЦДЛ весной 1997 года, в котором Вы принимали участие, когда меня попросили прочитать на выбор одно стихотворение из классической поэзии, другое — из советской, я прочитал «Пророка» Пушкина и «Гамлета» Пастернака. Интересно, что Вы при этом чувствовали...

Да уж не тем ли объясняется злобный выпад против Смоктуновского, что он отнесен Вами согласно Вашей классификации и терминологии к «жидам»? Ведь ни одна газета не пишет так много и сурово о еврейском засилье, допустим, в правительстве или на телевидении, что оспорить невозможно. Но вот что поразительно: негодую по этому поводу, «Дуэль» в то же время с большим старанием фабрикует евреев сама, причем из отборного человеческого материала высшей пробы — из великих ученых, знаменитых писателей, прекрасных артистов. Вот, допустим, Г.А. Кириллов из Оренбурга в статье «Я — еврей» (№ 10 за 1997 год) перечисляет ряд лиц еврейского происхождения, работавших тогда в правительстве: Березовский, Лившиц, Чубайс, Ясин, Уринсон, Немцов, Браверманн, Кох... А дальше на-

зывает группу ученых, среди которых причислил к евреям Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской и Ленинской премий великого русского математика академика Андрея Николаевича Колмогорова. Неплохое приобретение, правда? Но этого ему мало. Кириллов зачисляет в евреи еще трижды Героя Социалистического Труда, пятикратного лауреата Сталинской и Ленинской премий; многолетнего президента Академии наук СССР академика Анатолия Петровича Александрова. И этого мало! Кириллов тащит туда же и Героя Социалистического Труда, дважды лауреата Сталинской премии да еще Нобелевской академика Игоря Евгеньевича Тамма.

В «Дуэли» № 24 (48) был напечатан отклик Д.В. Шилина на публикацию Кириллова: «Определение национальности по крови — это фашизм. Национальность определяется по Вере, а Вера видна в делах. В соответствии с этим академики Ландау, Иоффе, Кикоин, Тамм, Колмогоров, Александров — русские. Их ДЕЛОМ был вклад в Великую Победу, в построение и укрепление СССР». Очень благородно! Однако лишь при непременном условии: если первые трое сами безо всякого нажима считали себя русскими или, как Григорий Явлинский, «людьми русской культуры». Навязывать им русскую национальность недопустимо. И мы знаем, что многие евреи желают оставаться и называться евреями. Это их дело. А что касается последних в приведенном списке, то для таких, как Кириллов, надо внятно сказать: «Они русские, а не евреи». Не так ли, Юрий Игнатьевич? Однако никто так не сказал жуликоватому автору статьи «Я — еврей».

А еще была в газете рекордсменская публикация какой-то Айдаровой, неизвестно где проживающей и какое имя-отчество имеющей. Эта таинственная дама задалась целью просветить «молодых людей, которые не знают, что большинство (!) деятелей советской культуры имело именно такие фамилии», как Иосиф Кобзон, упомянутый ею в начале заметки, т.е. были евреями. И привела списочек из 70 фамилий, среди коих изумленное человечество увидело и такие знаменитые и прославленные: Сергей Эйзенштейн, Эдуард Тиссэ, Александр Згуриди, Эраст Гарин, Ростислав Плятт, Рина (Екатерина) Васильевна Зеленая, Максим Штраух, Михаил Болдуман, Борис Тенин, Лев Оборин, Александр Васильевич Гаук, Артур Эйзен, Игорь Моисеев (дворянин!), Игорь Грабарь, Ольга Берггольц, Борис Полевой... «Я

назвала только ту часть деятелей культуры, которая «не спрята-лась» за псевдонимами, — писала в конце просветительница молодежи. — Думаю, этот список откроет глаза тем, кто верит, что при И.В. Сталине евреи не имели возможности спокойно работать. А ведь недаром в песне, слова которой написал поэт-еврей, было сказано: «За столом никто у нас не лишний, по заслугам каждый награжден...» Это знаменитая «Песня о Родине». Слова ее написал Василий Иванович Лебедев-Кумач».

Даже его, казалось бы, всем хорошо известного поэта, вы с мадам Айдаровой, Юрий Игнатьевич, вырвали из русских рядов и отфутболили к евреям. Ну, это уж действительно абсолютный рекорд... Чего? Сами знаете...

Господи, а ведь еще когда была язвительная песенка «Евреи, евреи, кругом одни евреи», в которой высмеивались идиоты, при малейшем подозрении зачисляющие в евреи кого угодно — от Исаака Ньютона до Авраама Линкольна, радуя этим таких, как Кириллов.

Откровенно говоря, я сильно подозреваю, что обе эти заметки — сознательная провокация. Право, не могу вообразить себе грамотного еврея, каковым рисует себя Кириллов, как, впрочем, и русского, которые считали бы, что академик Колмогоров — еврей, и не в силах представить образованного человека любой советской национальности, который, как мадам Айдарова, не знал бы, что Лебедев-Кумач — русский. С большой степенью вероятности я мог бы даже назвать имя того, кто эти провокации устроил...

Вот статья «Туземный кретинизм» в «Дуэли» № 6. Она не подписана, но по одному заголовку можно догадаться, что ее автор Вы, Юрий Игнатьевич. Пишете: «Когда-нибудь, в дальнейшем понятия «кретин, идиот, дебил, придурок» будут прочно связаны с понятием «демократ». Допустим. Но эти самые слова да еще «козлы», «бараны», «подонки», «мразь», «дерьмо», «проститутки» и т.п. не «в дальнейшем», а уже теперь прочно связаны с Вами, маэстро, с Вашим литературным стилем.

Иногда мне кажется, что смысла некоторых особенно любимых Вами слов Вы просто не понимаете. И это действительно так. Например, если бы по образцу известного «Словаря языка Пушкина» был создан «Словарь языка Мухина», то одно из первых мест по частоте употреблений в нем наверняка заня-

ло бы слово «придурок». Вы всегда употребляете его в смысле «полудурак». Так употребляют это словцо все глуховатые или безразличные к родному языку люди, даже некоторые литераторы и профессиональные писатели. Но ведь это же совершенно неверно! Расхожее ныне словцо имеет лагерно-блатное происхождение, потом оно проникло в армейскую среду и всюду означало вовсе не глупца, а, наоборот, человека ловкого, шустрого, пронырливого, — такой, который сумел приспособиться на не пыльную, но сытную должностишку, знает, как увильнуть от тяжелой работы, притвориться больным и т.п. Я-то привык к этому слову с фронтовых времен, а Вам, редактор, полезно приобрести «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона», хотя бы тот, что в 1992 году выпущен издательством «Края Москвы», кажется, уже несуществующим.

Вы видите, что в этом письме я тоже не стесняюсь в выражениях и не намерен сдерживать себя дальше, хотя едва ли достигну Ваших высот. И Вы должны понимать, что если пишете «марксов бред», «энгельсова чушь», «дилетантская глупость Ленина», «хам, дебил, наглец Жуков» и т.п., — то есть если Вы позволяете себе так говорить о крупнейших фигурах истории, о всемирно известных людях, которые к тому же давно не могут себя защитить и ответить Вам, как Вы того заслуживаете, то вполне закономерно, если Вам, всего-то навсего редактору «Елабугских ведомостей», но молодому и здоровому, это варено-жарево возвратят по личному адресу целиком и предложат съесть вместе со сковородкой. Вы даете полное моральное право назвать Вас, допустим, «газетным дебилем».

Выслушав однажды мой решительный протест против словесного буйства «Дуэли», Вы спросили: что ж, совсем нельзя прибегать к таким выражениям? Нет, можно, но в исключительных случаях, в редких обстоятельствах, где это должно быть либо скрашено остроумием, либо оправдано гневом. Вы же делаете похабщину повседневным обыкновением, что, между прочим, лишает ее и всякой экспрессивности. Без малейшего сомнения Вы даже передовой статье даете заголовок «Россия в дерьме». Это недалеко лежит от известного изречения покойного А. Синявского «Россия — сука» или от афоризма Ю. Карякина «Россия, ты очумела!». Вот в какой компании оказываетесь Вы.

Вам непонятно, что есть слова, которые просто недопустимо ставить рядом. Ваше словесное недержание действительно делает газету бульварным красным приложением к бульварному желтому «Московскому комсомольцу». А что такое «МК»? Это концентрированное выражение всей гнусности режима с его лживостью, бескультурьем, вседозволенностью и беспардонностью, с его старанием оскотинить народ, в частности, и тем, что приучить его к языку общественных сортиров, борделей и блатных хаз. Да, по этому важнейшему вопросу «Дуэль» выступает вовсе не оппозиционером, а угодливым, неутомимым пособником режима.

На встрече в «Баку» учредитель вашей газеты Валерий Смирнов сказал, что есть на ее страницах похабщина и непристойности, но есть и люди, которым это нравится. Да, есть еще и такие люди, которым нравится гомосексуализм, и такие, которым нравится ходить голыми, и такие, которым нравится видеть в «МК» фотографию эстрадной певички Королевой в экстазе соития с каким-то композитором, и такие, что любят грабить незащитных... Много на свете людей всяких и разных, но есть уходящие в глубь веков высокие нравственные традиции, нравы, обычаи русского народа, и газета глумится над ними так же, как над Марксом и Жуковым. Вы тут заодно со всеми русофобами.

Я говорил Вам, что сейчас для похабщины и непристойности открыты все пути, и тут не требуется ни знаний, ни опыта жизни, ни даже смелости, тем более, для главного редактора, над которым никто не стоит. За похабщиной нет ничего, кроме самой похабщины и хамства, бескультурья и полного неуважения к людям.

Пожалуй, болезненное пристрастие к указанным уродствам нашло наиболее полное выражение в вонючих статьях «Все на горшок!» (№ 24) и «Сексопатология власти» (№ 26). Первая статья, подписанная «Н.В. Лихин», посвящена нашему телевидению. Автор задался справедливой целью предать его позору, но решил сделать это посредством уподобления работы всех каналов и программ функционированию кишечного тракта вплоть до последней заключительной фазы, имеющей место быть в уборной. И тут пущено в ход все от «кишечных рулад» и «седалищного выхлопа» до момента использования туалетной бумаги. А между этими крайними точка-

ми — слабительное, «снятие штанов», клизма, унитаз, толчок, мочеиспускательный канал, промежность, анус, канализационная система, «коровьи лепешки», «козьи кашки», рвотный порошок, глисты, блевотина, опять слабительное, опять клизма... Дальше цитировать просто не могу, а за приведенный набор прошу читателей извинить меня.

Автор явно свихнулся на кишечно-фекальной теме. Об этом свидетельствует не только общий смысл статьи, но также поразительная осведомленность несчастного психа в данном вопросе, знание им мельчайших подробностей темы, коими нормальный человек просто не интересуется. Так, едва ли кто, кроме специалистов, конечно, знает, что такое сфинктер. Мне лично при моих двух институтах пришлось лезть в словарь иностранных слов. А наш сортирный эрудит орудует этим словом за просто.

Будучи человеком эстетически малограмотным, он не понимает, что средства осмеяния и проклятия могут быть сами по себе настолько омерзительны или страшны, что приобретают самодовлеющий характер, а когда, как здесь, выходят на первый план, то все подавляют, и сам объект осмеяния или проклятия за ними просто теряется. Между прочим, этого никогда не понимал человек, чей портрет висит у Вас в кабинете, — Александр Невзоров, в чем убеждает и его фильм «Чистилище».

Автор статьи, естественно, не останавливается и перед тем, чтобы, путем погружения в словесные нечистоты, сделать предметом скудоумного пошлого зубоскальства в духе Жванецкого или Петросяна известные лозунги, афоризмы, крылатые выражения советской эпохи. Так, знаменитый сталинский афоризм «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять трудящиеся, большевики», подтвержденный не только свержением капитализма, не только взятием Берлина, явился для автора поводом для зловонной сортирной хохмочки: «Нет таких нечистот, которые были бы не по плечу (!) пламенным телереволюционерам». И вот так, сам фабрикуя пошлости, он уверен, что бесстрашно воюет с пошляками.

Автор не подозревает, что существует контекст, в котором слова эстетически и эмоционально взаимодействуют, он уверен, что достаточно усмехнуться, скорчить рожу, и тотчас приобретут обратный или нейтральный смысл такие, например, сочетания слов, как «социалистические нечистоты», «мразь со-

ветских достижений», «свинцовые мерзости социализма», «кошмарный вождь Октябрьской революции»... И опять: распространяя заразу, автор мнит себя начальником санэпидемслужбы.

Или вот шедевр: «Кажется, Дарвин установил, что у человека задница круглая, чтобы удобно было сидеть на толчке». Кто тут высмеян — Дарвин? Весь род людской? Зачем?.. Это просто развязность, словесное недержание, абсолютная глухота к слову и полное литературное убожество. В итоге автор не высмеял наше телевидение, а вызвал отвращение к своей непотребщине и «шутливой антисоветчине», видимо, подсознательно заимствованной у того же телевидения. И становится ясно, что на деле он прямой пособник телевидения, как и «Московского комсомольца».

Во второй статье, подписанной уже не «Лихин», а «Ли Хин» (дескать, «китаец из Гонконга») предпринята опять же как бы комическая, а по существу убогая и снова явно болезненная попытка изобразить отношения между властью и страной, народом, как половое партнерство. Тут уж такая зловонная мерзость, что я не решаюсь привести ни одной выдержки. И опять «газета для тех, кто любит думать» выступает в роли бездумной, даже безмозглой пособницы телевидения, «МК», а через них — режима. И конечно, не случайно эти статьи как высшее достижение журнала в деле пособничества нравственной диверсии против своего народа и холуйства перед Западом напечатаны были в газете дважды.

В редакции «Дуэли», Юрий Игнатъевич, работает несколько молодых милых женщин. Вы не пробовали представить себя на их месте? Вот они приходят домой, мужья или родители просят их посмотреть свежий номерок прогрессивной газетки и видят там все ваши фекально-сексуальные изощрения: «жирная задница, блаженно чавкающая от долгожданного вкладыша» и т.п. Как, по-вашему, что они при этом чувствуют и говорят? Сейчас трудно устроиться на работу, и вполне можно предположить, что вашим сотрудницам просто некуда уйти, и они вынуждены терпеть глумление над своей русской нравственностью. А ваши авторы? Ведь их тошнит от одного вида своих статей рядом со статьями, сочинителей которых надо лечить, а не печатать. Наконец, Ваша собственная жена, Ваши дети — неужели перед ними-то не стыдно?

Такого же уровня непотребством отличаются иные публикации газеты на исторические и философские темы. Так, Ваша статья «Является ли государство продуктом классовых противоречий» (№ 24) своим глумлением отвращает с первых же строк: «Надо сказать, что «вечно живая» марксистская «теория очень напоминает по фõрме выступление (!) юродивого у Казанского вокзала». Ну, конечно, Вы тут же присовокупляете: «Я не хочу этим оскорбить или унижить Маркса, поймите меня правильно». Да ведь все демагоги, приступая к своему любимому занятию, твердят именно эту просьбу: «Поймите меня правильно!»

Обратитесь к сочинениям Солженицына, Волкогонова, Радзинского — Вы обнаружите эту сердечную просьбу не раз. Да вот и совсем недавно, скорчив страшенную рожу, изрыгая свирепые угрозы Думе, если она при первом же голосовании не утвердит на пост премьера его очередного еврейского ставленника, уже согласованного с Западом, Ельцин тут же промурлыкал: «Поймите меня правильно! Я никого не запугиваю...»

Да, Ваш любимый жанр — глумление. Это Вы показали с первых строк и здесь. И после этого повернулся язык сказать, что «Ленин, как всегда (!), начинает полемику с унижения того, с кем спорит». Как говорится, уж чья бы корова мычала, уж чей бы козел блял...

И в этой статье Вы задались целью осмеять сразу трех великих людей — Маркса, Энгельса и Ленина. Выскочил из-под арки на Николоямской и хватить всех троих одной лапой за бороды: «марксизм ужасен своим примитивизмом»... «убогие марксовы идеи»... «марксов бред»... Удивительно, почему Ельцин до сих пор не выдал Вам медаль.

Пропустим пока Энгельса, перейдем сразу к Владимиру Ильичу. «Я представил Ленина чуть ли не придурком... С ним расхожусь принципиально. Образно говоря, я утверждаю, что молния — это электричество, а он — что стрела пророка Ильи».

Ну, допустим, никаких стрел у Ильи-пророка вроде бы на вооружения никогда не было. Но интересней другое: себя автор уподобил человеку ученому, допустим, Бенджамину Франклину, а Ленина — страннице Феклуше из Островского. Встретив образное выражение у Ленина, Вы негодуете: «Вся пакость философов-теоретиков в том, что они образно говорят, не пони-

мая, о чем». Но мне сомнительно: сам-то философ-практик понимает, что говорят, когда Ленина уподобляет Феклуше, верившей не только в Илью-пророка, но и в то, что есть люди с песьими головами.

С особым рвением Вы ополчаетесь на кабинетность Маркса, Энгельса, Ленина: «Марксизм хорош для кабинетной болтовни...» Но так ли уж Вы лично превосходите их всех своим опытом? Допустим, Маркс, работая, как и Вы, главным редактором, не раз привлекался к судебной ответственности за публикацию в своей «Новой Рейнской газете» антиправительственных корреспонденций. Один процесс длился несколько дней. Маркс выступил там с блестящими речами и выиграл дело! Так что у него-то Ваш редакторский опыт был, а у Вас его судебного опыта нет. Вашу газету, слава богу, не привлекали к ответу, а если привлекают, то еще неизвестно, как Вы будете держаться, и сомнительно, сможете ли выступить там столь же бесстрашно и блистательно, как Маркс. А Энгельс? В 28 лет он участвовал в революции с оружием в руках. А Вы в 28 лет в какой войне участвовали? А в 38 где сражались? А в 48?.. Ах, в этом возрасте Вы зовете на бой других? Ну, это несколько иное дело, чем идти самому.

Так с чего бы, спрашивается, Вам задирать нос перед этими двумя мужами? А какое основание твердить о кабинетности третьего, который-де «из-за отсутствия личного опыта не способен понять» множество вещей, вполне доступных Вашему пониманию.

Раз уж коснулись опыта, то могу заметить, что у Вас тут немало странного. Пишете, например, о каком-то «формальном опыте». Что это такое? Опыт — вещь реальная. Или он есть, или его нет. Далее Вы утверждаете: «Любой (!) руководитель, получая новую должность, является неопытным». Это почему же любой? Конечно, если человек всю жизнь занимался металлургией, а потом вдруг сел в кресло редактора газеты, то у него опыта нет. Но если начальника цеха назначили директором завода или командира полка — командиром дивизии, то у них уже есть необходимый им опыт руководства или командования, и надо лишь обогащать, расширять его. Неужели это непонятно для человека, который всесветно объявил своим девизом любовь к шевелению мозгами?

Итак, третий муж. Трудно назвать в XX веке политика, на долю которого выпало бы столько труда, скитаний, трагедий. В ранней юности пережил смерть отца и казнь любимого брата. В семнадцать лет — первый арест и исключение из Казанского университета, ссылка. Самостоятельно получает высшее образование, работает помощником присяжного поверенного. Переезжает из города в город: Симбирск, Казань, Самара, Петербург.. В двадцать четыре года, а не в тридцать восемь, как Мухин, пишет свою первую книгу, острую, смелую, потом — вторую, в двадцать пять лет впервые едет за границу, которую Юрий Игнатьевич увидел только в сорок. В этом же году создает в столице политическую организацию («Союз борьбы за освобождение рабочего класса»), чего товарищу Мухину до сих пор не удалось. Снова арест и ссылка в Енисейскую губернию, чего главный редактор «Дуэли», слава Богу, еще не изведал. После ссылки Ленин уехал за границу и в тридцать лет вместе с Плехановым начал издавать первую общерусскую политическую газету «Искра».хлопот с ней было больше, чем с «Дуэлью», хотя бы потому, что она была нелегальной, печатать ее приходилось то в Лейпциге, то в Мюнхене, то в Лондоне, то в Женеве, т.е. в трех разных странах. И переправлять нелегальную газету в Россию, распространять ее было очень трудно и опасно, совсем не то, что «Дуэль», которую можно получать по подписке или совершенно свободно купить в самом центре столицы. Что касается тиража, то он составлял всего 8 тысяч экземпляров, но с учетом времени и обстановки это примерно то же самое, как если бы «Дуэль» имела сейчас тираж не в 15—20, а в 150—200 тысяч.

В эти же годы одна за другой выходят новые книги Ленина, и они, между прочим, не лежали горой в редакции, как лежат в «Дуэли» сочинения некоторых ее активных авторов.

В тридцать три года Ленин создает партию большевиков. А ныне есть люди, которые и в пятьдесят все еще только грозятся создать что-то вроде партии. Некоторые авторы, как, например, Николай Павлов в «Московском литераторе», а за ним Владимир Бондаренко в «Завтра» уверяют, что партия большевиков была никому неведомой кучкой заговорщиков, которые в октябре 17-го года просто подняли власть, валявшуюся на земле. Ничего себе кучка! Когда Ленин привел свою партию к власти, в ее рядах было 240 тысяч человек, и за плечами у многих, как у ее

создателя, — годы тюрем, ссылок, скитаний, что у членов мухинской Армии Воли Народа едва ли обнаружится.

Надо ли говорить о том, какая сложная, опасная жизнь началась у Ленина на посту председателя Совнаркома. Может, достаточно напомнить, что на него было совершено шесть бандитских налетов и покушений, одно из которых едва не стало роковым...

И вот этого-то человека, знавшего и тяжкий труд, и горечь эмиграции, и превратность подполья, всю жизнь руководившего острейшей политической борьбой, дышавшего воздухом Петербурга и Москвы, Берлина и Лондона, Парижа и Стокгольма, Женевы и Кракова, Таммерфорса и Цюриха, Шушенского и Поронино, владевшего несколькими иностранными языками, в сорок семь лет ставшего создателем и главой государства совершенно нового типа, изведавшего пули, отравленные ядом, наконец, оставившего 50 томов сочинений — вместо того, чтобы научиться чему-нибудь из богатейшей жизни этого человека, наш благоденствующий современник над ним глумится, именует «кабинетным теоретиком». Да ведь после этого Вас, Юрий Игнатьевич, уверенно можно назначать на место Сванидзе. А те трое были настоящими мужами, а не телевизионно-газетными сотрясателями атмосферы.

Ленин в «Государстве и революции» приводит цитату из Энгельса об отношении в обществе между классами угнетателей и угнетенных, с которой он целиком согласен, а Вы, имея в виду обоих, пишете: «Как-то еще понятна мысль кабинетного теоретика, что, дескать, угнетенные хотят «пожрать» угнетателей, убить их, уничтожить». Поразительно! Красный, как помидор, защитник угнетенных выговаривает через губу, что ему «еще как-то понятно» стремление рабов Рима, крестьян и рабочих России, обездоленных Англии, отверженных Франции к свободной и достойной жизни, что, увы, невозможно без свержения угнетателей. Снизол до кабинетного теоретика... Однако еще удивительней дальше: «Но почему угнетатели хотят «пожрать» угнетенных? Это им зачем?» Уж тут Вам, любителю думать, видится полная бессмыслица, абсолютная блажь ума: «Такие тексты понимать невозможно». На Ваших глазах уже пять-шесть лет беспощадные угнетатели с помощью чрезвычайно разнообразных средств — от невыплат пенсий и зарплат до неизбежных при их правлении аварий да катастроф и пря-

мых расстрелов — «пожирают» в год по миллиону угнетенных и обездоленных, и не австралийцев или полинезийцев, а Ваших сограждан и кровных соплеменников, а Вы не видите этого и не желаете верить, что так может быть: «Это зачем?» Ведь угнетателям, дескать, нужна рабочая сила. Правильно, нужна. Но, во-первых, милостивый государь, им не нужна лишняя рабочая сила, ибо каждый работник ведь еще и едок, еще и место на земле занимает. И вот, будучи людьми весьма деловыми, они уже подсчитали, сколько рабочей силы им необходимо для полного благоденствия. Под мурлыкание Зюганова о том, что «для России лимит революций исчерпан», они установили, что хватит 50 миллионов рабов. Остальным надо помочь освободить занимаемое на русской земле место. Опыт здесь богатейший: испанских конкистадоров в Южной Америке, американских первопроходцев в Северной, английских лендлордов хотя бы в самой Великобритании («овцы съели людей»), наконец, ничем не заменим гитлеровский опыт...

Именно о таких страшных делах и писали как Энгельс, так и Ленин. Разумеется, у них речь шла о прошлом, но вот мы то же самое видим на родной земле ныне, и для всякого, «кто любит думать», картина ясна. А Вы продолжаете плумиться: «Энгельс при написании этих строк мозгами отдыхал»... «Что Ленину здесь ясно, то мне «в упор» непонятно». «Тут что ни слово, то и недоумение». Вот таков уровень Вашей критики марксизма, такова сила Вашей мозговой атаки на него? Пожалуй, теперь уже нетрудно понять, кто настоящий ученый и подлинный защитник трудящихся, а кто — интеллектуальная килькапряного посола из консервной банки, только что открытой Ельциным после стаканчика «нового мышления»...

В марте 1914 года Ленин написал статью «Либеральный профессор о равенстве». Она начиналась так: «Господин либеральный профессор Туган-Барановский отправился в поход против социализма». Конечно, этот либеральный Мальбрук был далеко не первым, кто, наевшись кислых щей, в поход собрался против социализма, против марксизма. И орудовал он по примеру своих многочисленных предшественников: «Г. Туган повторяет старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы!»

Мальбрук-Барановский приписал марксизму такую нелепость: люди по своим физическим и духовным данным явно не равны, а марксизм основывает свой идеал на равенстве. Какая, мол, дичь! Какие марксисты придурки, как сказали бы Вы, маэстро.

Ленин терпеливо разжевал азбучную истину: марксисты под равенством в области политической разумеют равноправие, а в области экономической — уничтожение классов. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства физических сил и душевных способностей они отродясь не помышляли. И пояснял тут же: «Равноправие есть требование одинаковых политических прав для всех граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием».

Прошло почти 85 лет, а поход против марксизма все продолжается. Но удивительно не это, а то, что новые мальбруки, отправляясь в поход, по-прежнему трескают кислые щи, забыв о конфузе Мальбрука Первого, и пользуются тем же самым старым оружием реакционеров: оглупить марксизм, приписать ему нелепости и доблестно опровергнуть их! Именно так действуете Вы против марксизма всегда, Юрий Игнатьевич, и в частности там, где обвиняете его в кабинетности, в отрыве от жизни и тому подобных грехах.

Вот уже лет десять газетно-телевизионные олухи демократии уверяют православных, что Ленин, имея в мозгу столько же извилин, как они, считал, будто управлять государством может любая кухарка. Вам одного Ленина мало. Вы приплетаете сюда и другие великие имена, за что ждете от зачатого и рожденного Вами ельцинского двойника еще одну большую медаль. Вы, сеньор помидор, прямо-таки упиваетесь своим краснобайством расширенного диапазона: «Маркс, Энгельс, Ленин уверены, что любой (!) «горожанин» запросто может управлять чем угодно (!)». «Ленин, тупо упершись в марксову форму классовой борьбы, отвергал профессионалов»... «Маркс учил Ленина поставить к зубоврачебному креслу вооруженных рабочих, те будут стоять рядом и учить: «Тяни зуб влево! Тяни вправо!» (?!)... «Ленин со смелостью, на которую способен только ничего не соображающий дилетант, призывает убрать всех (!) руководителей и заменить их «объединенными рабочими» «Ленин и Маркс заставляют (!) водителя автобуса (хоть взял бы в толк, что во

времена Маркса были кэбы, омнибусы, а не автобусы. — В.Б.) еще и управлять страной, как своим автопарком» (?) и т. д. Ничего подобного никогда не говорил ни один даже самый лютей и бесстыжий враг марксизма, включая Геббельса, который был все-таки достаточно образованным человеком, чтобы уж так-то врать.

Вот что на самом деле писал ничего не соображающий дилетант еще до Октябрьской революции: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством...» Вы слышите, маэстро? Не способны!.. И дальше: «Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудством, будто управлять государством... в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники... Мы требуем, чтобы... к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (Собр. соч., т. 34, с. 311—315).

Вам, спаситель отечества, так почему-то не нравится это четкое заявление, что Вы о нем промолчали. Это тем более странно и неожиданно, что ведь оно чрезвычайно актуально и сейчас, ибо нам уже несколько лет опять твердят, что управлять государством могут только чиновники из богатых семей вроде двукратного писательского внука и адмиральско-докторского сына Гайдара или богачи вроде Березовского да Чубайса.

С другой стороны, Ленин писал, что механизм управления «вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров». Пустить в ход это еще не значит управлять, руководить, и объединенные рабочие это не любой, не каждый отдельно взятый рабочий, а коллектив, в котором всегда найдутся люди, талантливые, расположенные и к управлению, на помощь к которым подоспеют и техники. Вы помните народного депутата СССР Леонида Ивановича Сухова? Он был одной из самых светлых голов среди всех депутатов и уж наверняка — самым горячим и честным сердцем среди них. Когда стало известно о смерти маршала С.Ф. Ахромеева, Сухов предложил съезду народных депутатов почтить память маршала вставанием. Ни одна интеллигушка не встала... А ведь Сухов — простой шофер из Харькова.

Возвращаясь к вопросу о кухарках в управлении государством, нельзя не заметить, что если даже в относительно спокойную пору в органах власти необходимы такие, как шофер

Л.И. Сухов, то уж в пору войн и революций конкретные обстоятельства и вовсе могут потребовать назначения на самые высокие посты таких лиц, у которых самым ценным и нужным будет не образование, не звание, не компетентность, даже не ум, а преданность идее, решительность, готовность идти до конца. В статье, пошло озаглавленной «Лягание марксят», Вы напоминаете, что в 1919—1924 годы Главнокомандующим Вооруженными силами республики был царский полковник С. С. Каменев. Верно. И на этот высокий пост он был назначен, надо полагать, не без участия ничего не соображавшего дилетанта, который одновременно был еще и председателем Совнаркома. Но что же Вы умолчали, что до Каменева Главнокомандующим был Н.В. Крыленко, человек образованный, умный, но — имевший звание всего лишь прапорщика. Для тех, кто назначал его на этот высокий пост, главным была беззаветная преданность пролетарской революции. Ну, а позже нашелся Каменев, военный специалист высокого класса.

И так в переломные моменты поступают всегда. Полюбуйтесь на сподвижников Ельцина — сплошь бездари и невежды. Олух на олухе сидит и олухом погоняет. Но все они бешено преданы ельцинской идее уничтожения России посредством своих людоедских реформ. И больше от них ничего не требуется.

Разница с большевиками лишь та, что большевики со временем выдвигали таких, как полковник С.С. Каменев, полковник Б.М. Шапошникова, генерал А.А. Брусилова, находили общий язык с академиком И.П. Павловым, патриархом Тихоном, уговорили вернуться из эмиграции Горького, Алексея Толстого, Сергея Прокофьева, Александра Куприна и многих других, а нынешний режим с каждым годом деградирует по всем направлениям дальше и дальше, и вот уже дошел до того, что нет у него иного выбора, как поставить во главе русского правительства шустрого воробышка с ранней лысинкой. А кого он соблазнил вернуться из-за границы? Солженицына да Войновича...

Вас, как Галину Старовойтову, когда она бюстом вперед рвется в депутаты очередной Думы, остановить не может ничто. И Вы продолжаете арию о кухаркиных детях и идиотах у власти, об ответственности за это марксизма и лично Ленина: «Сколько тупости полезло в кресла директоров после революции с благословения Ленина и Маркса!..» Увы, тупость в высо-

ких креслах, в том числе и редакторских, всегда встречалась и встречается, но если после революции это было уж столь массовым явлением, если даже, по Вашим словам, и осенью 1941 года «на руководящих постах в системе управления СССР сидела революционная ленивая тупость», то, во-первых, объяснил бы, прозорливец, как же при таком засилье руководящей тупости стране удалось всего через пятнадцать лет после окончания Гражданской войны выйти по экономическому развитию на второе место в мире и на первое в Европе. Во-вторых, привел бы, мудрец, хоть один примерчик, когда советская власть или сам Ленин лично благословляли бы тупость на руководящих постах. Увы, таких примеров у Вас нет.

Но зато, видимо, в состоянии некоторого беспамятства, нередкого у Вас, Вы с избытком даете примеров совершенно иного, прямо противоположного смысла, которые напрочь опровергают Вашу собственную изготовленную рениксу. Таковы телеграммы Ленина в 1919 году, в одной из которых он грозит арестом, судом и даже расстрелом Симбирскому губпродкомиссару за «нераспорядительность» и «неуспешность» в организации помощи голодающим, в другой «за формальное и бюрократическое отношение к делу», за неумение помочь голодающим требует от ЧК города Курска «немедленно арестовать Когана, члена Курского центрозакупа», и предупреждает, что за такое нерадение «репрессия будет суровая, вплоть до расстрела» (т. 50, с. 238). Если такие угрозы и распоряжения Вы называете благословением тупости, то, надо полагать, расстрел назовете наградой.

И вот что еще крайне характерно для Вашего метода фальсификаций: «Обратите внимание, за что Ленин стал (!) расстреливать — «ЗА НЕУМЕНИЕ»!.. Ленин впал в управленческий маразм. Ведь и дураку понятно, что «неумение» лечат не расстрелами, а обучением. Тупость государственных идей Маркса была подтверждена большевиками блестяще!» Нет, дорогой шеф, здесь подтверждены не тупость идей Маркса, не маразм Ленина и большевиков, а некоторые аналогичные свойства совсем другого персонажа нашего повествования.

Во-первых, Ленин не «стал расстреливать», а только грозил и судом и расстрелом. Замечу здесь, что ни у Солженицына, ни у Волкогонова, ни у Радзинского, ни у других гиппопотамов антикоммунизма я не нашел ни одного факта, когда по теле-

грамме, по приказанию Ленина кого-то расстреляли бы. Подобно тому, как, оказавшись на фронте вскоре после сталинского приказа № 227, по которому создавались заградотряды, я не только не видел, но и не слышал, а потом и не читал ни об одном случае, когда эти отряды действовали бы.

Во-вторых, у Ленина перечисляется целый набор безобразий, за которые он грозит репрессиями: бюрократизм, формализм, нераспорядительность, неуспешность и, наконец, в последнюю очередь, неумение, которое, конечно же, могло появиться у него только в обстановке спешки, напряженности, драматизма тех дней Гражданской войны. Достаточно сказать, что лишь в том самом январе, когда были посланы те две телеграммы, Ленин отправил всего 39 телеграмм. А сколько было еще писем, распоряжений, докладов, речей!.. Полистайте хронику его жизни хотя бы за тот же январь 1919 года.

«2 января. Руководит заседанием Совнаркома... Руководит заседанием Совета Оборона...

3 января. Подписывает телеграмму в Реввоенсовет республики...

8 января. Рассматривает донесение Сталина и Дзержинского о положении на фронте под Пермью...

12—21 января. Пишет «Письмо к рабочим Европы и Америки».

17 января. Выступает в Большом театре на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и Съезда профсоюзов...

18 января. Выступает на заседании Московской конференции РКП(б)... Выступает на Всероссийском съезде учителей...

19 января. Выступает с балкона Моссовета...

20 января. Выступает с речью в Колонном Зале на съезде профсоюзов...

24 января. Выступает на совещании по внешкольному образованию... Дает директиву Реввоенсовету...

26 января. Пишет обращение «Все на работу по продовольствию и транспорту»...

27 января. Руководит заседанием Совета Оборона...»

И это только то, что потом, спустя немало лет, удалось документально зафиксировать. У Вас, Юрий Игнатьевич, был в жизни хоть один такой месяцок? Или один денек, когда Вы руководили бы заседаниями Совнаркома и Совета Оборона, а по-

том еще и речь толкнули в Большом театре? Между прочим, тогда после покушения Каплан прошло всего четыре месяца.

Ведь и дураку понятно, говоря Вашими словами, что в обстановке января 1919 года, при такой перегруженности работой, при решении столь важного вопроса, как спасение голодающих, у главы правительства могло вырваться невзвешенное гневное словцо по адресу тех, кто не справлялся с решением этого вопроса. Да, всем дуракам понятно, а одному — нет.

А что Вы еще проделываете с этим злосчастным словцом «неумение». Вытаскиваете с самого конца набора и ставите в центр обвинения как единственное. Везде, всегда это называлось жульничеством...

В другом месте в качестве вопиющего примера «марксистской тупости» в высоких креслах, якобы процветавшей даже в конце 1930-х годов, Вы приводите чей-то рассказ о директоре одной ленинградской верфи. Да, судя по всему, это был тупица да еще подхалим. Но оказывается, как только нарком судостроительной промышленности И.Ф. Тевосян убедился в этом, так тотчас чуть не взащей выгнал его с работы. «Вон отсюда! — прошипел он директору. — Чтобы ноги вашей здесь не было!» Ей-ей, поразительно, как устроено Ваше зрение: что работает на Вас (в данном случае — тупица в директорском кресле), это видите, а что против Вас (борьба советской власти против тупиц), Вы этого не замечаете и понять не можете, хотя оно тут же, рядом!

А уж особенно содержателен и колоритен третий примерчик, относящийся тоже к концу 1930-х годов: «А в это время в авиастроении должность наркома занимал верный ленинец, старый большевик Л. Каганович, который требовал от конструктора Яковлева изменить «мордочку» самолета, т.е. не знал не только технологии, но даже терминологии, принятой в его министерстве». Ужасно!.. Но что сказать о критике невежд и тупиц, если, во-первых, он не знает, что «нарком» и «министерство» — это разные эпохи советской истории. Тем более если он не знает, что верный ленинец и старый большевик Каганович Лазарь Моисеевич никогда авиационной промышленностью не ведал. Допустим, Вы много пишете о Второй мировой войне, но вдруг встречаешь у Вас такое, например, заявление: «После войны французам пришлось расстрелять, как изменника, маршала Петена». На самом деле Петена никто не

расстреливал, он дожил чуть не до ста лет и тихо скончался, окруженный внуками и правнуками. Видимо, Вы спутали Петена с Лавалем, которого действительно расстреляли. Что ж, не будем строги, это чужая история. Но Каганович-то! Долгие десятилетия он входил, пожалуй, в пятерку самых главных руководителей нашей страны: секретарь ЦК, член Политбюро, член Государственного комитета обороны, многолетний нарком железнодорожного транспорта... Как можно автору, так много пишущему о советской истории, спутать его с братом Михаилом, который и был недолгое время наркомом авиационной промышленности, но опять же, как тот директор верфи, смещен Сталиным за нерадивость. Право, тут как критик марксизма Вы оказались не в лучшей позиции, чем такой же универсальный критик всего советского Э. Радзинский, который, накатав в книге «Сталин» множество страниц об Отечественной войне, не знает даже, кто тогда был наркомом обороны. Он уверен, что Жуков.

Итак, три большевика-марксиста — Ленин, Сталин и Тевосьян — бьют критика и по физиономии и под дых, а он все свое: «Взгляд у большевиков на государство исключительно дурацкий... марксов бред... марксова дурасть...» Какая выносливость! Как у верблюда...

Между прочим, Юрий Игнатьевич, как много у Вас общего с Солженицыным. То же верхоглядство, та же самовлюбленность, та же мания величия и ненависть к марксизму и персонально к Ленину. Тот, например, встретив где-то выражение «бытие определяет сознание», аж завизжал и затрясся: «Низкий закон!.. Свинский принцип!..» Примерно то же самое случилось и с Вами. Но ведь не где-нибудь, а в «Дуэли» (№ 30). Ваш покорный слуга и любимый автор писал, а Вы, надо полагать, читали (или заняты были подготовкой разоблачения Жукова), что Солженицын, как и нынешний академик Яковлев, изучал марксизм по цитатам из газет и по надписям на памятниках. Например, Хрущев приказал выбить на памятнике Марксу на Театральной площади: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Ленин». Это, конечно, чушь, дискредитация сразу двух основоположников марксизма, ибо, во-первых, допустим, таблица умножения, как и многое другое, тоже верна, но разве всесильна? Во-вторых, на свете вообще нет ничего всесильного, в известном смысле это можно сказать только о смерти. В чем же

дело? А в том, что иные коммунисты большие мастера по дискредитации марксизма. Вот и здесь: вырвали из контекста фразу, превратили этим в нелепость и разукрасили ею памятник в самом центре коммунистической державы. Скорей всего, именно по этой цитатке Солженицын, Яковлев, а потом и Вы пришли к выводу, что марксизм это «шедевр идиотизма».

А ведь я писал в том номере газеты, что грамотные марксисты никогда не говорят, что бытие конкретного человека железно определяет его сознание. Это было бы вульгаризацией и примитивщиной. Они всегда ведут речь об общественном бытии и общественном сознании, подчеркивают, что взаимоотношения между ними не прямолинейны, а сложны, подвижны, что это бытие воздействует на сознание людей через множество промежуточных звеньев — через государственный строй, правовые и политические отношения и т.д. Общественное сознание имеет относительную самостоятельность и в определенных обстоятельствах оно само воздействует на общественное бытие. Я приводил слова Ленина: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут». Сам Ленин — живой тому пример. Да взять хотя бы и Вас лично. Уж такой патриот и живете среди патриотов, а вот, поди ж ты, Гитлер для Вас гений и «титан XX века», а Жуков — «абсолютный творческий ноль», у которого на даче висит портрет голой бабы, что предельно ясно характеризует его полководческие данные.

У Вас и Маркс и Ленин — жалкие недотепы: «Особенно убого идеи государственного управления Маркса выглядят, если сравнить малоосмысленные метания Ленина с тем, как Гитлер поставил государственный аппарат на службу своему социалистическому (!) государству. Там все чиновники от почтальона до бывшего канцлера Папена стали немедленно служить новому социалистическому (!) государству, удваивая национальный доход каждые 4 года, а у нас Сталину потребовались десятилетия, чтобы подготовить управленцев». Так и хочется сказать словами бессмертного Петьки: «Непостижимый вы для моего ума человек, Василий Иванович!» В самом деле, если смогли в наше время создать газету, значит, Вы человек крутой практической хватки, но рассуждения Ваши, мысли — это полный отрыв от реальности, сплошная абстракция и схоластика.

Вы изображаете дело так, словно Ленин и Гитлер пришли к власти и действовали в совершенно равных условиях, так же в другом месте ставите на одну доску комфронта Жукова и командарма Кулика. Но кто же, кроме пациентов Кащенко, не знает, что Ленин взял власть в результате переворота, революции, за которой последовала Гражданская война, и в ней все рябушинские и путиловы, потерявшие свои заводы и земли, были против Ленина. А Гитлер получил власть тихо, плавно, посредством избирательных бюллетеней, при активнейшей поддержке помянутого Вами канцлера Папена и непосредственно из рук президента Гинденбурга, поручившего ему после победы НСДАП на выборах в ноябре 1932 года формирование правительства. А все крупы и тиссены Германии не только сочувствовали Гитлеру, но и некоторые из них были знакомы с ним лично (Фриц Тиссен, например, еще с 1923 года), и оказывали мощную финансовую помощь нацистской партии (тот же Тиссен отвалил 1 миллион марок!), и даже становились членами партии еще до прихода ее к власти. Можете представить, чтобы, допустим, в 1916 году русские промышленники и помещики пригласили бы Ленина выступить в их элитном клубе с докладом о программе и целях большевистской партии? Смешно подумать! А вот немецкие промышленные воротилы и денежные мешки пригласили Гитлера в свой «Клуб индустрии», находившийся в Дюссельдорфе, и 27 января 1932 года, еще за год до прихода к власти, он произнес там двухчасовую речь. И все это потому, что капиталисты увидели в Гитлере заслон против коммунизма, нараставшего в Германии. Он и не думал отбирать у них заводы, концерны или латифундии. Тиссен еще в 1932 году говорил о Гитлере: «Я твердо убежден, что он единственный человек, который может и хочет спасти Германию от крушения и позора».

Между прочим, в приходе Гитлера к власти нет ничего загадочного, как и в приходе Ельцина. Первый объявил немцам, униженным разгромом в войне и Версальским договором, что они — высшая раса и достойны великой участи, прекрасной жизни, которую он им даст, и это было уж очень лестно и соблазнительно для немцев. Второй со своим обещанием обновить, возродить Россию и заодно ликвидировать партпривилегии выглядел на фоне горбачевско-рыжковского шамкания не менее притягательно. Гораздо загадочнее другое: почему пер-

вого не свергли хотя бы в те дни, когда Красная Армия уже вступила в Германию, и почему второго вновь избрали президентом, хотя он не принес родине и народу ничего, кроме крови, нищеты и слез.

Потешив себя и своих козлов-баранов мыслью, что Ленин по сравнению с Вашим титаном был никудышным кадровиком, в сотни раз повторив для своих баранов-козлов, что «тупым следованием Марксу большевики отрезали себе пути для использования профессионалов, которым они из-за собственной глупости верить не могли», Вы вдруг тут же объявляете: «В годы революции большевики привлекали к управлению все (!!!) царские кадры, но на ответственные посты ставить их боялись, что правильно и естественно». Ну тут уж, как сказал поэт, «изумленные народы не знают, что им предпринять?»... Правильно и естественно? Да Вы же только что сказали, что это большевистская глупость! Привлекали все царские кадры? Да Вы полстатьи доказывали обратное!.. Интересно, существует ли еще знаменитая «Канатчикова дача»?..

Разрушители нашей страны начинали с того, что на XX съезде опорочили Сталина, противопоставив ему как бы безупречного Ленина, а потом и его превратили в чудище. Вы изобретательней: Ленина превратили в чудище сразу, затем додумались побить его Гитлером и, наконец, опороченному Ленину противопоставили как бы безупречного Сталина. Например: «Ленин пишет: «Новичкам в нашей партии мы не даем ходу». А Сталин давал ответственнейшие государственные и военные посты и очень молодым коммунистам и просто беспартийным». И опять — по всем направлениям — вздор! Но мне уже осточертело копать в этом. Пошевелите сами умом любителя думать.

Однако нельзя пройти мимо еще одного уж вовсе замечательного Вашего открытия. Вы уверяете своих козлов и баранов, что Ленин придумал и объявил классовую борьбу, о которой до него, знать, никто и не слыхивал, даже Маркс. Так и пишете: «Не объяви Ленин классовую борьбу...» Сидел-сидел в своем кремлевском кабинете, дело было вечером, делать было нечего, взял и объявил, дабы не скучать. А до этого Вы писали по данному вопросу еще интересней: «Ну, что стоило большевикам, взяв власть, не объявлять классовую борьбу, а сказать, что они строят царство справедливости. Не было бы ни разру-

хи, ни гражданской войны». Ах, Вашими устами да мед бы пить... Что до разрухи, то, увы, в октябре 1917 года она уже была в стране ужасная, это знает любой козел. А вот насчет справедливости все обстояло замечательно. Со всех трибун, на всех перекрестках большевики только о ней и надрывались. И даже песни пели:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой.

Чего же лучше? — братство и свобода! Но при этом, правда, большевики по рассеянности, что ли, национализировали фабрики, заводы, железные дороги, банки, отобрали у помещиков землю, — все, дескать, это создано руками народа, пусть ему по справедливости и принадлежит. Но прежние владельцы этих несметных богатств имели по данному вопросу несколько отличное мнение. Они сказали: «Нет, справедливость — это когда все наше, а у рабочих — только руки». И они захотели вернуть себе отобранные богатства. А народ не пожелал отдавать. И тут почему-то началась Гражданская война. Откуда взялась — неизвестно! Скорее всего, из головы Ленина выскочила.

Да, великое открытие сделали Вы, Юрий Игнатьевич, на радость всем козлам и правящему режиму. Теперь бы Вашу магическую формулу «ну что стоило» обратить бы не в прошлое, а в живую современность, допустим, Березовскому: «Ну что стоит вам, Борис Абрамович, раздать свое богатство трудящимся. Не было бы ни разрухи, ни опасности гражданской войны. Ну, пожалуйста, Абрамыч!..» Попробуйте! Интересно, что он Вам ответит...

* * *

На протяжении всего письма я сравнивал Вас то с Ельциным, то с Чубайсом, то со Старовойтовой, обнаруживая черты сходства. Но больше всего Вы похожи, конечно, на Жириновского. Вот уже несколько лет он беснуется, вопит, скандалит, устраивает дебоши аж в президиуме Думы, и однако же по всем самым важным, насущным для режима вопросам он всегда го-

лосует так, как режиму нужно, как ему выгодно. То же самое и Вы. Поносите Ельцина, громите Чубайса, проклинаете Черномырдина, из номера в номер идут омерзительные коллажи на них, но... Режим делает все, чтобы оскотинить народ, приучить его к языку бардаков и вокзальных сортиров, лишить людей уважения друг к другу. Это для него чрезвычайно важно. И тут Вы его неутомимый оголтелый пособник. Лакеи режима поносят советскую историю, глумятся не только над Лениным, но и над Марксом, над Энгельсом. И это понятно, ибо режим — злобно-антисоветский, фанатично антикоммунистический — только благодаря мощной клевете на наше прошлое, на социализм еще и держится. И в этом вопросе жизни и смерти для него Вы опять вместе с ним, в рядах самых неутомимых его приспешников. И можете делать свое антинародное дело спокойно и дальше — Вас никто не тронет. Ответ на эту загадку подсказывает все тот же Ленин: «Общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма» (ПСС, т. 20, с. 129).

Вы хоть теперь-то поняли, в каком облике корячитесь перед фигурами Маркса, Энгельса и Ленина? А тут еще — и перед великим полководцем Жуковым на горшок сели, но об этом в другой раз. И уж тут как один из последних уходящего племени фронтовиков права щадить я не имею.

«Дуэль», апрель 1998

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ СОЛНЦА

(И. Шафаревич)

Академик И.Р. Шафаревич, математик, много пишет о художественной литературе и истории, особенно — об истории предвоенного времени и Второй мировой войны. Как правило, его публикации и размышления имеют общую унылую направленность — против коммунизма, против Советской власти, против здравого смысла. Такова и недавняя большая статья «Зачем нам сейчас об этом думать?», обнародованная в газете «Завтра», № 29. По счету это уже 67-я агрессивная вылазка академика в таком роде. Казалось бы, по причине рутинности и скукоты можно молча пройти мимо.

В самом деле, что нового способен добавить автор к своему прочно сложившемуся облику после того хотя бы, как в 1991 году не только приветствовал запрет Ельциным компартии, но и с нетерпеливой досадой со страниц журнала «Наш современник» корил благодетеля в мягкости и недостаточности сей прогрессивной меры: «Несерьезно останавливаться на запрете, несерьезно...» Тем более, говорит, что тут же создается КПРФ, то бишь «наследница КПСС, претендующая на украденные той у народа деньги». Что ж, мол, бывший политбюрошник, ты не знал, что ли, что КПСС — это партия-воровка? Словом, не миндальничай, а помни: «Ведь последствия коммунистической идеологии не могут быть ликвидированы административными мерами». И в целях быстрой ликвидации указанного зла ученый предлагал Ельцину не останавливаться, а решительно идти дальше и дополнить долгожданный указ более серьезными и надежными мерами: «Есть у нас Антифашистский комитет. Он кажется затеей довольно академической. А вот Антикоммунистический комитет действительно необходим!» Прямо-таки жить без него дальше невозможно демократии... И тут же подбрасывается такой дьявольский пассажик: «Солженицын подсчитал, что в ФРГ на процессах по денацификации осужде-

но 86 тысяч человек, а если это перевести на нас по пропорции, то получится четверть миллиона» — он уж сам потрудился, подсчитал. Ученому-патриоту легко и просто, даже необходимо фашистских грабителей его родины, убийц его сограждан «перевести по пропорции» на коммунистов, под руководством которых фашизм был разгромлен, родина освобождена, а три миллиона из них сложили головы за это. Не «перевести» ли их на убитых эсэсовцев? Ученый пока молчит. Но дайте срок...¹

Так вот, после такой затеи в гиммлеровском духе о чем спорить с ее автором? Обращать ли внимание на очередной приступ его антикоммунистической чесотки? Тем более что легко представить, с каким ликованием встретил он в свое время блаженной вопль Ельцина в конгрессе США: «С коммунизмом в России покончено навсегда!» (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.) Ведь сам-то затейник еще раньше не мог нарадоваться: «Призрак, о котором писали Маркс и Энгельс, больше не «бродит по Европе». И нашел он свой конец там же, где и армия Гитлера, — на русских просторах». И тут он тщился в духе Ельцина и Новодворской представить коммунизм и коммунистов «красно-коричневыми» родственниками фашизма.

А какое удовольствие доставил академику Степашиным, самый развеселый наш премьер за последние двести лет. Не предвидя своей собственной печальной судьбы, там же, в США, на встрече с представителями Американско-российского делового совета он с улыбочкой неунывающего брандмайора взялся предсказывать будущее коммунизма: «Я открою вам главный государственный секрет, самую главную государственную тайну: коммунисты никогда больше в России не победят, никогда не вернуться. Никто этого не допустит. Я говорю вам это как

---

¹ Все приведенные выше цитаты — из ст. И. Шафаревича «Россия наедине с собой» («Наш современник», № 1, 1992, с. 3—8). Замечу, кстати, что перед нами прошел образец не только редкостной человеческой низости, но и элементарного математического жульничества. Солженицын, тоже математик, подсчитать приведенную цифру просто не мог, да и нужды не было: она широко публиковалась в печати. Но он ее взял и по обыкновению извратил для олухов: на самом деле в ФРГ было привлечено к суду не «86 тысяч», а 90 921 нацист, но осудили только 6479 негодяев («Правда», 10 марта 1988 г.).

бывший руководитель контрразведки и бывший министр внутренних дел». Кстати сказать, это во многом объясняет, почему за время пребывания Степашина в названных им высоких должностях преступность в стране с каждым днем росла: вместо борьбы с ней он занимался коммунистами. Возможно, с помощью негласного Антикоммунистического комитета, который все-таки тайно был создан. Открывая «секрет», Степашин, конечно же, рассчитывал на содействие таких, как Шафаревич. В качестве главы названных им ведомств он, разумеется, был и вообще осведомлен о коммунофобских страстях столь видной фигуры, как наш академик, и знал о его конкретном предложении создать Антикоммунистический комитет. Еще бы! Ведь это было не на кухне сказано, а напечатано как передовица в журнале, тираж которого тогда превышал 200 тысяч экземпляров. Так что обошлось без сексотов. Не приходится сомневаться и в том, что по своему положению пресловутого коня внутри осажденной коммунистической Трои академик представлял и представляет особый, высшего разряда интерес для ФСБ, МВД и других любознательных структур...

Наконец, Шафаревич наверняка с восторгом прочитал недавно в «Независимой газете» (23 июля 1999 г.) или через три дня в «Советской России» рассказ бывшего министра внутренних дел А. Куликова о том, как в марте 1996 года Ельцин решительно намеревался осуществить застарело-голубую мечту академика о полном и окончательном запрете компартии, причем даже с некоторым превышением по части арестов членов ЦК, против чего ученый как гуманист, возможно, и протестовал бы. Только здравомыслие и хладнокровие, твердость и мужество Куликова предотвратили тогда катастрофу с непредсказуемыми последствиями: он первым поднялся против уже готового указа и увлек за собой других. Но Шафаревич, конечно, все равно ликовал: значит, идея-то о запрете жива!

Как видим, ученый-гуманист, поборник справедливости и свободы предлагал создать конкретные организационные формы пособничества режиму в искоренении коммунизма и намечал главное направление пособничества. Никто до этого не додумался — ни покойный пародист Александр Иванов, который прямо объявил, что его идеологическое кредо — «зоологический, пещерный антикоммунизм» («Провинциал», № 19, 30 мая 1993, Тверь), ни бесноватая Новодворская, ни на черта похожий

Глеб Якунин — никто! А вот Шафаревича осенило! На то и ученый с мировым именем, на то и почетный член едва ли не дюжины иностранных академий. И то сказать, как можно было мыслителя с такими задатками и поползновениями не пожаловать, например, званием члена Национальной академии наук и искусства США.

Возглавить Антикоммунистический комитет ученый, вероятно, предполагал сам — кто же лучше дело знает! А заместителями взял бы, возможно, помянутого пародиста, тогда еще живого, или Глеба Якунина, тогда еще не лишенного сана священника. Над входом в комитет хорошо было бы повесить плакат: «Наша цель предельно ясна: коммунизм должен быть уничтожен. Геббельс». Но, увы, тогда все это осуществить не удалось: даже Ельцин брезгливо отшатнулся...

Да, вроде бы уже давно ясно, что за фигура Шафаревич, и однако же пройти молча мимо его новой коммунофобской вылазки невозможно. Дело в том, что эту вылазку, как и ту, в 1991 году, математик рассчитал точно: она приурочена к дням, когда, с одной стороны, разворачивается кампания по выборам в Думу, с другой — все чаще и настойчивее опять раздаются призывы не допустить до власти, запретить компартию, ликвидировать Мавзолей В.И. Ленина. В этих условиях вылазка академика может оказаться весьма эффективной. И есть основания полагать, что за ней последуют другие его акции того же пошиба. Поэтому пора, наконец, сказать о нем кое-что вполне внятно. Тем паче, что не кто-нибудь, а сама патриотическая пресса охотно публикует об академике статьи, одни заголовки которых способны остановить иное критическое перо: «Мыслитель», «Век Шафаревича», «Рыцарь Истины», «Наша совесть», «Наш свет»... Не за горами, видно, и такой: «Лучший мыслитель всех времен и народов».

Провинциально благоговей перед обилием почетных званий, орденов и премий, включая Ленинскую, наша оппозиция не смеет сказать о Шафаревиче хоть одно внятное критическое словцо. Как можно-с! Он же почетный доктор Парижского университета, член Лондонского королевского общества... Даром, что родом из Житомира... Исключение составили тут лишь статьи неутомимой и непреклонной Татьяны Глушковой «Труден путь к большому народу» («Молодая гвардия», № 9, 1993), «Элита» и «чернь» русского патриотизма. Авторитеты измены»

(там же, № 11, 1994 и № 1, 2, 3, 1996) и некоторые другие публикации талантливой писательницы.

Т. Глушкова вспоминает, что впервые услышала имя Шафаревича в 1979 году, когда из уст закордонных радиовещателей оно всплыло «звездой первой величины в гордом, мрачном созвездии академика Сахарова», высланного тогда из Москвы и «не прекращавшего в «горьковском захолустье», как выражались вещатели, свою борьбу против «империи зла» — моей родины. Это новое имя оказалось тесно сплетено еще и с именем Елены Боннэр, «великой женщины современности».

Я услышал о Шафаревиче лет на сорок раньше, и его имя сияло в созвездии совсем ином — вундеркиндов и юных гениев довоенной поры. В моей памяти имя чудо-математика оказалось сплетено с именем чудо-скрипача Бориса Гольдштейна (в газетах и по радио его называли просто Буся). Эти два вундеркинда, не ведая о том, были кошмаром моего детства и отрочества, ибо моя матушка, листая мой школьный дневник, то и дело с горечью говорила: «Нет, из тебя не получится Буся Гольдштейн...» Или: «Ах, если бы ты был хоть немного похож на Игорька Шафаревича!»

Потом Борис Гольдштейн был у всех на виду, а о втором невольном своем мучителе я ничего долгое время не слышал. Но вот настали эти страшные годы, и с ними появились его многочисленные публикации. Слов нет, с иными его суждениями, взглядами, оценками нельзя не согласиться, но в большинстве своем они имеют характер общих мест, а несогласие с академиком все росло и множилось.

Изумляет та уверенность, с какой Шафаревич обильно высказывается по самым различным вопросам, о которых имеет смутное представление, в частности, как уже отмечалось, о минувших войнах. С этого можно и начать...

15 июля в «Советской России» он заявил, например: «Англичане из всех европейцев во Второй мировой войне участвовали самым косвенным образом». Спору нет, вклад англичан в победу над германским фашизмом несоизмерим с нашим, и возмутительно, что ныне на Западе приуменьшают наш вклад и раздувают вклад союзников. Но все же — разве четверть миллиона англичан вместе с французами и бельгийцами не сражались против немцев в мае — июне 1940 года во Франции? Разве не Англия целый год противостояла Германии один на один?

Разве не на английские города фашисты совершили до мая 1941 года 46 тысяч самолетовылетов, сбросили 60 тысяч тонн бомб, некоторые города (например, Ковентри) превратили в развалины и убили, ранили 86 тысяч человек? Разве, потеряв в этой воздушной битве за Англию свыше 900 самолетов, не англичане сбили свыше 1500 немецких машин? Разве не они еще осенью 1940 года бомбили Берлин, а в январе — мае 1941 года изгнали итальянцев из Восточной Африки?.. И все это, повторяю, в ту пору, когда Англия противостояла Гитлеру один на один. Какая другая страна, кроме СССР, конечно, таким же «косвенным образом» участвовала в войне? Неужели все это новость для ученого человека?

Видимо, так и есть, ибо он продолжает столь же уверенно и решительно: «Да, вся (!) война для англичан заключалась в том, чтобы вовлечь (?) в войну какую-то другую страну: Голландию, Данию, Швецию (?), Францию, Грецию, Югославию...» Вовлечь? Как это понимать — перечисленные им страны напали на Германию? Да это не что иное, как оправдание Гитлера, ибо все названные страны, кроме Швеции, были не «вовлечены» Англией в войну против Германии, а оказались жертвами агрессии гитлеровского вермахта.

И дальше: «Можно вспомнить речи Черчилля того времени. В них он клятвенно уверял своих сограждан, что их жертвы будут минимальны». Лидер любой страны обязан думать о том, чтобы жертвы его сограждан были минимальны. Но речей Черчилля на сей счет я не помню. Всем известно другое. Когда 10 мая 1940 года он стал премьером, то в обращении к нации сказал: «Я не обещаю вам ничего, кроме пота, слез и крови...»

А по поводу того, как англичане вели войну, главным образом по поводу затяжки с открытием второго фронта, советская сторона высказала немало самых решительных суждений еще и во время войны (смотри переписку Сталина и Черчилля) и после. Но достойно ли, порядочно ли перечеркивать сейчас все трагическое и мужественное, что было в борьбе английского народа?! Неужели это на пользу «русскому национализму» и он без этого не может? Опасаюсь, что если в Лондонском королевском обществе станет известно о приведенных высказываниях Шафаревича, то при случае в ресторане общества его русскому члену не подадут даже рюмку коньяка. А мне мой русский патриотизм ничуть не мешает признать мужество и

жертвы англичан, да еще и заставляет отринуть оскорбления в их адрес.

Свои, мягко выражаясь, недобросовестные рассуждения автор закончил так: «Вот и теперь потери англичан оказались минимальными, несопоставимыми с объемом нанесенного Югославии ущерба». Большого ума человек, а не видит хотя бы даже элементарной логической несообразности: раньше он противопоставлял роль (и потери, конечно) Англии роли других государств-союзников в войне против агрессора, а теперь сравнивает потери Югославии, оказавшейся жертвой агрессии со стороны Англии и других стран НАТО, с потерями агрессора. А я-то думал, что сила логики — первое качество любого математика...

Давая оценку агрессии против Югославии, академик Шафаревич все с той же уверенностью утверждает: «Не так еще видна всемирно-историческая поворотная роль этих событий. Действительно, у нас на глазах человечество как бы обрушилось лет на двести, если иметь в виду процесс культурно-правового строительства. Мы куда-то почти в средневековье провалились... Ведь в течение этих двухсот лет строилось международное право, формулировалась идея о том, чтобы зло войны как-то локализовать...

Да, право строилась, идея формулировалась. И, что же, все эти двести лет воюющие государства следовали сим гуманным предписаниям — «вычленяли» войны и локализовали их? Представьте себе, читатель, академик уверяет, что именно так замечательно все и было: «воевали, как правило, люди в мундирах — и только (?) против людей в мундирах... Гражданское население как бы выделялось из рамок войны...» и вот, говорит, только в агрессии против Югославии ныне, только «сейчас все эти правовые скрепы совершенно разрушены. О какой уж там войне людей в мундирах против людей в мундирах можно говорить... Было убийство невоюющих граждан... Новая мировая власть не связывает себя никакими правовыми и моральными ограничениями, стремясь подчинить себе весь мир».

Такое впечатление, право, словно человек только что катапультировался с Луны. Вы что ж, Игорь Ростиславович, ничего не слышали хотя бы о немецко-фашистской агрессии против нашей с вами Родины? Почему даже не упомянули о ней? Или

полагаете, что, стремясь подчинить себе весь мир, Гитлер связывал себя какими-то правовыми и моральными ограничениями? И война немецких фашистов против нас была войной людей в мундирах против людей в мундирах? Если так думают даже академики в ранге рыцаря Истины, то приходится напомнить хотя бы несколько документов того времени.

Вот, допустим, приложение к инструкции по боевым действиям согласно плану «Барбаросса» для 4-й танковой группы от 2 мая 1941 года о характере ведения войны: «Цель этой войны — разгром России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью, с непреклонной волей к беспощадному, тотальному истреблению противника. В особенности никакой пощады по отношению к представителям русско-большевистской системы» («Война Германии против Советского Союза. 1941—1945». Берлин, изд. Аргон, 1992, с. 51). Напомним для забывчивых: «тотальное истребление» — это всеобщее истребление.

А вот что директива самого Гитлера предписывала учинить с Москвой: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой... Там, где стоит Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа» («Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». М., 1957, т. 1, с. 495). Женщины и дети — это что же, «люди в мундирах»?

Политику истребления советского народа, разумеется, проводили и все сатрапы Гитлера. 24 апреля 1942 года Гиммлер, выступая в Харьковском университете перед командирами дивизий СС, сказал: «Оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, абсолютно неправильно. И если в войне будет последовательно проводиться линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекнут кровью» («Война Германии против Советского Союза. 1941—1945». Берлин, изд. Аргон, 1992, с. 103—104).

Тот же Гиммлер 7 сентября 1943 года давал такие указания фюреру СС и шефу полиции на Украине Прюцману: «Надо делать все, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось

ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта и не было ни одного неотравленного колодца. Противнику должна остаться только сожженная и разоренная страна...» (там же, с. 232).

Наконец, приведем несколько строк из приказа генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 16 сентября 1941 года о борьбе с партизанским движением, которое уже тогда, в сентябре, развернулось «во всех оккупированных Германией областях Советского Союза»: «Фюрер приказал применить повсюду самые решительные меры, чтобы в кратчайший срок подавить это движение. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь (в России) в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия...» («Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР». М., 1985, с. 81). Вот встали бы из могил помянутые выше коммунисты военного времени и посмотрели на академика, на ленинского лауреата, мечтающего об учреждении Антикоммунистического комитета...

Как известно, захватчикам не все удалось осуществить из приказов и требований своего начальства, ибо под напором Красной Армии часто приходилось удирать слишком поспешно, но и то, что они все-таки успели натворить, в мировой истории не имеет прецедента. И если наши общие людские потери в войне составили 27 миллионов жизней, то около 20 миллионов из них — это гражданское население... Впрочем, справедливости ради надо заметить: академик признает, что в отмеренные им двести лет, увы, не всегда люди в мундирах воевали против людей в мундирах, но вместо того, чтобы напомнить как о самом вопиющем примере этого об ужасах, творимых немцами не так уж давно на его родине, он вдруг неизвестно о ком заявляет: «Конечно, бывали и в XIX веке такие действия, они назывались «дипломатией канонерок». Это когда негритянскую деревню канонерка сносила с лица земли». Уму непостижимо! XIX век он помнит, а середина XX с фашистскими зверствами выпала из памяти. О неведомых неграх скорбит, а о родном народе —

ни слова! А ведь ходит в фирменных русских патриотах. Как видно, не поворачивается язык еще раз осудить своих единомышленников по ненависти к коммунистам.

Из всего сказанного напрашивается вывод, что «всемирно-историческая поворотная роль» агрессии против Югославии состоит вовсе не в отказе американцев и их пособников от правовых и моральных ограничений. Они отказались от них давным-давно — раньше и войны во Вьетнаме, во время которой погибло около трех миллионов мирных жителей, раньше и авиационных налетов на Дрезден во Второй мировой, стоивших жизни 135 тысячам людей без мундиров, раньше и атомных бомбардировок Хиросимы да Нагасаки, когда погибли сотни тысяч мирных японцев... В этих варварских акциях англичане и американцы ничем не отличались от фашистов, а даже превосходили их: они использовали такие огромные силы (в трех сокрушительных налетах на музейный Дрезден участвовало 1400 англо-американских бомбардировщиков), которым немцы не могли противостоять. и такое оружие, какого у противника не было. И тут ничего нового сейчас не произошло. А истинная поворотная роль не в отказе от моральных ограничений, а в том, что ныне нет силы, которая могла бы противостоять наглому разбою, как это было всего десять лет назад — до того, как Солженицын, Сахаров и Шафаревич развернули всю свою деятельность по разложению общества и страны.

Дело, однако, не только в исторических штудиях академика, к которым мы по необходимости еще вернемся. В начале статьи мы упоминали еще и о литературных изысканиях Шафаревича. Неужели и они имеют ту же оголтелую направленность? Увы... Вот при всей его ненависти к коммунистам вынужденный признать, что при них были и для народа великие блага — «бесплатное образование, бесплатная медицина, дешевые квартиры и лекарства, издания Пушкина миллионными тиражами и по всем доступным ценам», тут же присовокупляет, что «под конец» стали издавать «даже и Достоевского». По поводу этого нельзя не заметить, что, во-первых, образование было не только бесплатным — студентам, учащимся техникумов, различных училищ еще и платили стипендии, на которые можно было худо-бедно жить. Во-вторых, квартиры и лекарства были не просто, а сказочно дешевые. В-третьих, огромными тиражами издавали не только Пушкина, а всех классиков русский и мировой литературы.

Что же касается Достоевского, то здесь академик, как обычно, лишь плетется в хвосте вслед за своим другом Солженицыным. Тот еще в своем известном письме IV съезду советских писателей в мае 1967 года неистовствовал: «У нас одно время не печатали, делали недоступным для чтения Достоевского». Это в какое же время? Молчок... И когда же — «под конец»? В 85-м году, что ль?

Достоевский — писатель сложный и трудный, такого полюбить не так-то просто. Его не принимали многие крупные художники. Не любил Чайковский, терпеть не мог Бунин и т. д. Он был сторонником самодержавия, иные его взгляды и произведения, так сказать, не соответствуют идеям коммунизма. Поэтому наивно было бы ожидать, что сразу после революции он привлекал бы такое же большое внимание и его издавали бы так же широко и охотно, как, допустим, Горького и Маяковского. И, тем не менее, 23-томное собрание его сочинений, начатое еще до революции издательством «Просвещение», не было ни прервано, ни заброшено — последние тома беспрепятственно вышли в советское время отнюдь не «под конец» его. В 1926—1930 годы издано первое советское собрание сочинений писателя на научной основе. К нему примкнуло 4-томное издание писем. В эти же годы в столице на Божедомке был открыт государственный музей Достоевского и установлен ему памятник. А всего после революции, по данным на ноябрь 1981 года — 160 лет со дня рождения писателя — вышло в нашей стране 34 миллиона 408 тысяч экземпляров его произведений. Это получается в среднем 540 тысяч ежегодно. Это же все знать надо, прежде чем визг поднимать.

Т. Глушкова замечает о литературных изысканиях Шафаревича: «Автор не знаком с предметом, о котором ведет речь». Действительно, к примеру с Достоевским можно добавить много образцов неосведомленности в области уже советского искусства. Так, академик пишет: «Это было время Булгакова и Платонова... Тогда танцевала великая Уланова и слава Большого театра гремела по всему миру... Прокофьев и Шостакович были тогда вершиной мировой музыкальной культуры». Прекрасно! И что же дальше? Оказывается, «почти вся эта культура противостояла официальной идеологии и делам (!) тогдашней жизни». Вы только представьте себе степень человеческого лицемерия, глубину душевной низости этих корифеев: Шостако-

вич, шестикратный сталинский лауреат, а потом — и Ленинской премии, и премии мира, Герой Социалистического Труда, только и думал о том, как бы ловчее противостоять коммунизму — так, чтобы никто не заметил. А Уланова, дважды Герой Социалистического Труда, такая же многократная лауреатка, оказывается, из кожи лезла, чтобы только своими фуэте, своим полетом, «как пух из уст Эола», выразить протест таким «делам тогдашней жизни», как индустриализация страны, перелет Чкалова в Америку, разгром фашизма, отмена карточной системы, прорыв советского человека в космос... Умри, Денис, и не воскресай...

Между прочим, Шостакович был еще и членом партии. Нынешние толкователи композитора, вроде Е. Пастернака, твердят: «Заставили! Силой загнули! Угрозами принудили, когда он стал первым секретарем Союза композиторов России». И не соображают, как выглядит в таком случае великий композитор: первого секретаря Союза писателей России Леонида Соболева не смогли заставить, председателя Союза писателей СССР Константина Федина не сумели загнать, вице-президента Всемирного совета мира Илью Эренбурга не удалось принудить, Леонида Леонова — не вышло, а вот Шостакович, выходит, смалодушничал, струсил, а еще гений...

Но что же это все-таки такое — просто затмение ума? Нет. Будучи патологическим антисоветчиком, академик не может себе представить, что другой человек — талантливый, известный — не разделяет его пещерных убеждений. «Спорить на таком интеллектуальном уровне не представляется возможным», — пишет Т. Глушкова. Но мы все же рассмотрим еще один свежайший образчик литературоведческих изысканий ученого. Трудно удержаться. Уж очень характерен...

Шафаревич решил внести вклад в пушкиноведение и с этой целью опубликовал свои комментарии к знаменитому стихотворению поэта «Клеветникам России». Там есть такие строки, обращенные к Западу:

И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?..

И вот что обнаружил ученый — внимание! — в словах «под кем»: «Конечно, Пушкин использует здесь, можно сказать, очень грубый образ, на грани пристойности». Вы, читатель, догадались, на что намекает академик? И дальше: но этот очень грубый, на грани пристойности образ, «с одной стороны, почти не замечаемый читателем, а с другой — поразительно точный, подтверждаемый всей историей взаимоотношений России и Запада».

Тут много загадок, ну, во-первых, непонятно, почему столь колоритный образ остается почти не замечаемым читателем. Да и что это значит — «почти незамечаемый»? Во-вторых, могли великий мастер рассчитывать, что восхитительный образ почти не заметят, мог ли желать этого, если сознательно избрал его? Наконец, какое касательство этот «поразительной точности» образ имеет к России, к характеристике ее взаимоотношений с Западом, если в нарисованной пушкинистом картине «под», то есть внизу, лежит Европа, а «над», то есть сверху, лежит Наполеон?

Ответа нет, но есть дальнейшее литературно-историческое умствование сексуально-патриотической озабоченности: «Сложившиеся на Западе нации оказывались слабыми перед лицом завоевателя, которого удавалось остановить лишь России. И в неприязни Запада к России заметную роль играл стыд немцев, «дрожавших под Наполеоном», и французов, «дрожавших под Гитлером»». Иначе говоря, эти нации, выражаясь по-простонародному грубовато (извиняюсь, конечно, но не мы же начали это эстетическое исследование!), — эти нации, как говорится, «слабоваты на передок».

А уж если говорить всерьез, то рассуждения нашего пушкиниста — это поразительный до неправдоподобия пример самоуверенности и эстетической глухоты, оторванности от живой жизни и незнания родного языка. Неужели человек никогда не слышал, чтобы кто-то сказал, допустим, так: «Наш край три года был под немцем». Даже Черномырдин, уж на что оратор, но недавно сказал: «Мы не должны быть под НАТО». У Пастернака одно стихотворение начинается так: «Я под Москвою эту зиму...» Есть все основания думать, что Шафаревич считает, что поэт жил в метро или в какой-то подмосковной пещере.

И вот при такой-то оснащённости, при такой амуниции академик Шафаревич бесстрашно бросается в бой против ком-

мунизма. Его омерзительный облик он начинает малевать аж с Томаса Мора и Кампанеллы, через Морелли и Мабли доходит до Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна, добирается до Маркса, Энгельса, до Ленина и Сталина и, наконец, дотягивается до Зюганова и КПРФ. Смотрите, говорит, какую дичь проповедовали уже самые первые коммунисты, требовали, например, обобществления жен!..

Действительно, в многовековой истории становления коммунизма случалось немало наивного, ошибочного и даже преступного, как, впрочем, например, и в истории христианской церкви с ее благословением крестовых походов, кострами инквизиции, жестоким преследованием раскольников и т. п. Но даже у первых коммунистов-утопистов и сейчас есть чему поучиться. Что это были за люди! Какая чистота помыслов, сколь пленительны их бескорыстие, самоотверженность, преданность идее, до чего твердым было у них единство слова и дела, убеждения и личного поступка.

А какая трагическая судьба у многих из них! Все они, кроме Роберта Оуэна, прожили жизнь гораздо более короткую, чем их нынешний разоблачитель. И что это была за жизнь, что за планида... Сен-Симон родился в богатой и знатной графской семье, а умер нищим; Кампанелла 27 лет просидел в тюрьме; Томас Мор, воспитанник Оксфорда, крупный государственный деятель, казнен в возрасте на двадцать лет моложе Шафаревича... А если вспомнить русских предшественников коммунизма, наших революционных демократов? Белинский умер от чахотки, на сорок лет моложе Шафаревича; Добролюбов трагически погиб, на пятьдесят лет моложе; Чернышевский в 33 года арестован, пережил каменный мешок Петропавловки, позор публичной гражданской казни, более двадцати лет сибирской каторги и ссылки... И при этом какое мужество и величие духа! Кампанелла пишет в тюрьме сочинение «Город Солнца», оставшееся в веках знаменитым. Там он разоблачает эксплуататорское общество, где «крайняя нищета делает людей негодьями, ворами, лжецами, а богатство — невеждами, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, эгоистами». Ведь это как будто написано сегодня, и не в Италии, а в России...

Чернышевский в камере Петропавловской крепости пишет великий роман «Что делать?», который более ста лет будоражит

умы и сердца людей, а в Сибири — роман «Пролог»... И невольно задумываешься, глядя на разоблачителя коммунизма: а сам он мог бы написать свою «Русофобию» не на даче в академической Жуковке или где там, а в «Матросской тишине» или в сибирской ссылке? И мог ли сыскаться столь восхищенный им человек, который поехал бы на перекладных в Сибирь, чтобы устроить побег автора «Русофобии», как это было с Чернышевским? Увы, неизвестно, ибо разоблачитель не сидел даже 15 суток, не попадал даже в вытрезвитель за все 68 лет своей советской жизни и остальные годы.

И Томас Мор, и Сен-Симон, и Фурье, и Оуэн, и даже Кабэ, принимавший активное участие в июльской революции 1830 года во Франции, — все они были принципиальными противниками насильственного перехода к новому обществу. Но все были одновременно и гуманистами, и подлинными интернационалистами. Это Томас Мор, проклиная английских лендлордов, которые в целях наживы сгоняли крестьян с их земли и устраивали на ней пастбища для овец, воскликнул: «Овцы пожрали людей!» Картина была не менее страшной, чем у нас, когда людей пожрали чубайсовские ваучеры... Это Томас Мор первым провозгласил требование 6-часового рабочего дня, которое до сих пор не выполнено нигде в мире. Это из-под его пера вышла знаменитая «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и об острове Утопия». Право, до сих пор она гораздо интересней и полезней, чем творение писучего друга Шафаревича «Как нам обустроить Россию», сочиненное за океаном. Во всяком случае, нет в солженицынском сочинении ни проклятия демократам и их пожиранию людей, ни требования человеческих условий работы для трудящихся.

Оуэн писал: «Какое безумие, что эта огромная сила (трудящаяся беднота) так плохо направлена при существующей неразумной социальной системе, что производит нищету и преступления вместо богатства и добродетели». И там, где мог, где было в его силах, ученый старался облегчить участь трудящихся. Он почти тридцать лет, с 1800 до 1829 года, управлял крупной фабрикой и многое сделал для улучшения условий труда и быта рабочих: снизил рабочий день с 14, как было всюду, часов до 10, создал прекрасную школу для детей рабочих, ясли, детский сад.

А на старости лет отправился в Америку и попытался организовать там коммунистическую колонию. Увы, неудача...

Человеком такой же деятельной любви к народу был и Сен-Симон. Энгельс писал о нем: «Всегда и всюду его в первую очередь интересовала судьба самого многочисленного и самого бедного класса». Это графа-то! На содействие этому классу он и потратил все свое графское состояние. А еще раньше, когда в 1789 году пришла революция, молодой граф отказался от своего пышного титула... И опять приходит мысль: Шафаревич стал антисоветчиком еще в молодые годы — как же он согласился получить премию, носящую имя ненавистного ему создателя Советской власти? Ну а если взял ее «по ошибке» или по минутной человеческой слабости, то почему по примеру утописта-графа не отказался от нее за минувшие сорок лет или хотя бы уже теперь, когда объявил Ленина таким же изменником родины, как генерал Власов? («Завтра», № 29).

Сен-Симон был нестигаемым борцом за свободу человека и подлинным интернационалистом. Это он первый провозгласил: «Все люди — братья!» Наивное заблуждение? Ошибка? По поводу некоторых теоретических положений английского экономиста Уильяма Петти тщательно изучавший его Маркс с восхищением воскликнул: «Даже заблуждения Петти отмечены гениальностью!» Такого же высокого полета и заблуждения Сен-Симона, и неудачи Оуэна,

Тем более что свои «заблуждения» Сен-Симон не просто изрекал на страницах «Завтра» или «Нашего современника», а отвечал за них поступками, жизнью. Именно из такого побуждения он принял участие в войне американцев за независимость... И когда думаешь об участии коммуниста-утописта в войне за свободу чужого заокеанского народа, невольно вспоминаешь тех, кто, пребывая в цветущем солдатском возрасте, не принял участия в великой войне за свободу и само существование своего родного народа, а теперь учит нас патриотизму. А уж побывав три-четыре дня в Приднестровье с целью «посмотреть своими глазами», и вовсе считают себя героями, которые имеют право корить других: «Сколько у нас патриотов, которые любят ходить в форме, поиграть мускулами, показать, какие они здоровые парни, а почему-то ни один из них не сражается в Приднестровье» («Литературная Россия», 5 июня 1992). Да, таких патриотов у нас немало, но они же могут ответить: «А где

ты, батя, был если уж не в июне сорок первого, то хотя бы в мае сорок пятого? Ведь болезненностью вроде не отличаешься, горнолыжным спортом занимался, почти до восьмидесяти дожил...»

А тут еще вопрос об интернационализме, отчасти уже затронутый выше... В семидесятые годы Шафаревич вошел в Комитет прав человека — просто человека, независимо от его национальной, религиозной или партийной принадлежности. Это был тот комитет, в который входили также А. Солженицын, А. Сахаров, А. Галич, А. Вольпин, Б. Цукерман и другие близкие им по антисоветским убеждениям лица. Похоже, что важную роль в Комитете играли диссиденты-евреи, и защищал Комитет многих диссидентов-евреев: А. Амальрика, В. Буковского, А. Гинзбурга... Шафаревич подписывал все обращения и другие документы в защиту этих лиц. Прекрасно! А защитил ли комитет хоть одного русского коммуниста? Или сам Шафаревич лично хотя бы позже, когда Ельцин развернул репрессии против коммунистов, против их газет, выступил когда-нибудь в их защиту? Увы, вспоминаются факты совершенно обратного характера. Вот, например, академик пишет: «Когда произошло настоящее чудо: раздался голос владыки Иоанна, митрополита Петербургского и Ладожского, приобщавшего нас к самым глубоким — православным — корням русского патриотизма, тут «Советская Россия» сочла своевременным обрушиться на него с грубыми и злобными нападками как раз незадолго до его кончины» («Наш современник», № 7, 1996, с. 109). Хоть стой, хоть падай! Да ведь все наоборот! Именно «Советская Россия» пригласила митрополита на свои страницы, он стал ее активным автором, потом здесь же с его благословения была учреждена газета-вкладыш «Русь православная», существующая доныне. И вот за все это — вельможный гнев академика вдобавок к гонениям властей. Это тем более недостойно, что газета как раз и защищала митрополита от литератора, который возражал ему по некоторым историческим вопросам... Здесь опять-таки не просто ошибка. Дело в другом: представление автора о коммунистах столь заскорузло, что он не в силах поверить, как это так в газете, где печатают достойные статьи о Ленине и Сталине как о великих строителях великого государства, дали слово священнослужителю и обильно печатают его. Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Факты у него перед

глазами, они вопиют, а он не верит, он видит их вверх ногами. И хочется сказать: «Если, друг милый, уже не видишь и не понимаешь факты у себя под носом, то чего ж в этой же статье морочишь людям головы цитатами из Полибия и Светония, ссылками на Адриана и Веспасиана!»

Главное обвинение, которое математик-патриот бросает коммунистам всех времен и народов, — антипатриотизм или, в лучшем случае, полное безразличие к своему народу. Но вот же опять Кампанелла. В его время Италия находилась под испанским гнетом. И что же коммунист-утопист? Он создает тайную организацию для борьбы против иноземцев и сам возглавляет ее. Факт, а не утопия!

С Марксом и Энгельсом как с вопиющими антипатриотами академик расправляется очень просто — с помощью одной цитатки из «Коммунистического манифеста»: «Коммунистов упрекают, будто (!) они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет». Но где же тут антипатриотизм? Он опровергается даже всего лишь одним словечком «будто», ведь в противном случае было бы сказано «что»: «Коммунистов упрекают, что они хотят отменить отечество». Впрочем, и это еще не было бы доказательством, ибо упрекать-то, особенно идейные противники, могут в чем угодно. Но дело не в этом только, а в том, что академик все понимает прямолинейно, плоско, как мы уже видели в его рассуждениях о Европе, которая «дрожала под Наполеоном», а потом «под Гитлером». Чехов однажды сказал: «В детстве у меня не было детства». Видимо, Шафаревич понимает это так: писатель родился сразу юношей со всеми вторичными половыми признаками. А писатель хотел сказать то, что всем понятно: его детство было ужасным, совсем не таким, допустим, как у графа Толстого. Обычная гипербола. Так же надо понимать и слова «Рабочие не имеют отечества». Не имеют отечества, где они могли бы жить достойно человека труда. Ведь здесь же, буквально в этом же абзаце, сказано, что пролетариат «национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия». Я не знаю, приходилось ли Шафаревичу когда-нибудь стоять у станка. Если приходилось, то ведь не больше 8 часов, а потом шел домой, принимал душ, играл в футбол, слушал радио, читал книги. А вот если бы выпало ему простоять на фабрике в духоте и грязи 14 часов, как в пору «Манифеста»

заведено было на всех фабриках мира, а потом добрался бы он, шатаясь от усталости и голода, до своей койки в казарме, если койка не занята, — тогда, глядишь, понял бы, какова разница между отечеством пролетария и отечеством буржуа.

Но и это еще не все! Данный раздел «Манифеста» построен так: авторы приводят особенно характерные обвинения в адрес коммунистов и опровергают их. Буквально перед вопросом об отечестве и национальности читаем: «Вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия... Нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов». В ряду таких опровержений стоит в «Манифесте» и рассуждение о национальности, об отечестве, в этом ряду его и надо толковать. А Шафаревич вырвал по обыкновению цитатку из контекста, обрубил все связи и жилы и мчится с кровоточащим обрубок на суд цивилизованного сообщества.

«Правда», № 94—96, август 1999

НА ТВОЕМ БЫ МЕСТЕ

(А. Проханов)

Что бы я предпринял, сидя в высоком кресле главного редактора всемирно знаменитой газеты «Завтра» и вдыхая несказанный аромат своей собственной великой славы?

Прежде всего, я регулярно учинял бы нежные экзекуции своим сотрудникам, в первую очередь — заместителям. Например, я заботливо спросил бы одного из них: «Ты на кого работаешь, голубь, когда сочиняешь хвалебную до небес статью о романе Георгия Владимова «Генерал и его армия», который тут же получает демократскую премию то ли Букера, то ли Пукера, то ли Какера?.. Ты кого поддерживаешь, ангел подколодный, когда ставишь в номер стихи безвестного графомана, который, вишь ты, грозитя, что, как Кутузов отступающих наполеоновских солдат, он заставит коммунистов жрать конину? Ведь тогда у нас в редколлегии состоял сам товарищ Зюганов, коммунист № 1-бис. А таким коммунистам, как Бушин, конина в охотку. Он еще весной 1943 года на фронте под Сухиничами жрал ее, как и все братья-славяне, так, что за ушами пицало. Где тогда был твой графоман?.. Ты кого прославляешь, болезный, когда захлебываешься от восторга по поводу позорной постановки в Малом театре деревянной пьесы Солженицына «Пир победителей»? Шолохов писал о ней, что ее форма «беспомощна и неумна», а если говорить о сути, то «поражает какое-то болезненное бесстыдство автора». Неужели для тебя творец бессмертного «Тихого Дона» меньший авторитет, чем сочинитель уже ныне, при его жизни, никем не читаемых гроссбухов? Да ведь и сам он еще в известном письме к IV съезду писателей СССР в мае 1967 года отрекся от этой пьесы, а теперь видит, что власти-то никакой в стране уже не существует, никакого надзора за приличием нет, скоро без штанов ходить будут, и он полез на чердак, разыскал там замшелую рукопись, стряхнул полувековую пыль и с тем же болезненным бесстыдством помчался в Малый... Соображаешь ли ты, что делаешь, аспид, когда на первой полосе нашей газеты в День Красной Армии в одном ряду с портретами вели-

ких русских полководцев от Александра Невского до Георгия Жукова помещаешь — или это не ты? — портрет адмирала Колчака? Да это же беспримесный американский наемник! Почитай хотя бы, что писал о нем в «Нашем современнике» Вадим Кожинов. Он не только называет по именам его заокеанских советников и инструкторов, но и приводит дотошные цифровые данные о полученных из США военной технике и снаряжении: винтовки, пулеметы, пушки, шинели, связь...»

Что я сделал бы еще на месте Александра Проханова? Конечно же, перестал бы печатать литературных психов. Например, того, который настроил книгу о генерале Власове, духовном сыне Колчака. Он, между прочим, и сам генерал. Ну, правда, пуровский, как, скажем, адмирал Гайдар, и скорее всего — волкогоновской выпечки. Так этот волкогоновец уверяет, что всеми самыми крупными победами в Великой Отечественной войне мы обязаны именно Власову. Как это? Как это?

А очень просто, говорит: под тайным, но непрерываемым командованием Власова было 50 дивизий, сформированных немцами из наших военнопленных, эти дивизии командование вермахта бросало во все крупные битвы, но в решающий момент они расступались перед Красной Армией, и та наносила удар с фланга или тыла, что и давало нам победу. Ну, хорошо, один раз немцы могли оплошать, но как же они попались на удочку и второй раз, и третий, и пятый? Не глупые ведь люди. Это они показали, между прочим, и тем, что понимали русского солдата и Красную Армию гораздо лучше, чем наш власовец-волкогоновец: немцы боялись дать оружие в руки нашим пленным и лишь в конце войны, в отчаянную пору, в ноябре 1944 года, когда Красная Армия уже вступила на немецкую землю, сформировали не 50, а только две дивизии, одной из которых командовал Буняченко, другой — Зверев.

Но газетный генерал стоит на своем и требует памятника Власову рядом с памятником Жукову. Ну, как же не псих! Тем более что уверяет, будто его любимец был сознательно заслан к немцам и выполнял личное задание Верховного Главнокомандующего, и потому после войны его вовсе не расстреляли, а присвоили звание Героя Советского Союза, маршала, дали отменный пенсион и хотели было отправить доживать дни в Австралию от лишних глаз подальше, но там подняли бунт полчища кенгуру: «Не пустим на свою землю пособника Гитлера!»

Тогда ему дали генеральскую квартиру на одной площадке с его будущим биографом и апологетом, и тот уверяет, что Власов жив и поныне; вероятно, заходит картишками перебраться.

На месте Проханова дал бы я полный отлуп от газеты и тому литературному психу (на сей раз не генерал, а газетный капитан первого ранга), что поносит чуть ли не всю нашу литературу, начиная со Льва Толстого. Его он называет «отравителем колодцев русской жизни», а его произведения — это, оказывается, «вагон книг типа (!) «Войны и мира». И при этом, естественно, взывает к авторитету — кого же еще! — дяди Сэма: «Весь этот вагон художественности американцы точно называют «фикшн» — «фикция», вымысел, сочинительство». И не соображает при этом, что с помощью таких доводов можно объявить эшелон баракла не только почти всю русскую литературу — сочинительство же! — но и американскую тоже, хотя бы Фолкнера с его выдуманной Йокнапатофой.

Толстой, Бунин, Вересаев видятся психу то ли вдохновителями, то ли прямыми соучастниками Ягоды, Ежова, Берии, поскольку лет за 30—40 до них имели неосторожность напечататься в газете, которая потом стала большевистской. А свихнулся он на монархизме, и потому истинными светочами русской литературы считает лишь особы великокняжеские: известного Константина Романова и неизвестного Олега Романова, погибшего молодым, но успевшего сочинить несколько стихотворений. Например:

Братцы! Грудью послужите!
Грядьте бодро на врага!
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога.

Тем не менее, псих заявляет: «Князь Олег более народен, чем его сверстник Есенин». А недавно надеждой русской литературы объявил по телевидению Олега Романова еще и всем известный Радзинский, который по нечаянно меткому замечанию Н. Сванидзе, в дополнительной рекомендации не нуждается...

В советской литературе капитан-монархист, естественно, признает и любит только Булгакова, только «Дни Турбиных». Но, мамочка родная, какими ворохами новостей и открытий окружена эта африканская любовь! Пишет, допустим, что на пре-

мьере «Дней Турбиных», которая-де состоялась во МХАТе «в начале тридцатых годов», как только артисты на сцене по ходу пьесы затянули «Боже, царя храни...», так весь зал вскочил и тоже благоговейно затянул. И вместе со всеми, говорит, затянул председатель Совнаркома Н.И. Рыков. А когда очухался от приступа монархизма, то побежал за кулисы и устроил артистам разнос: как, мол, посмели меня, предсовнаркома!..

Ах, как все это живописно! Но, во-первых, при чем же здесь артисты? Они лишь играли текст Булгакова, и разнос надо бы делать ему, художественному совету театра, дирекции. Неужто Рыков этого не понимал? Во-вторых, в начале тридцатых годов Рыков уже не был предсовнаркома, его сменил сорокалетний В.М. Молотов. В-третьих, премьера «Дней Турбиных» состоялась во МХАТе вовсе не «в начале тридцатых». Спроси любого пожарного или омоновца, да что там — даже Ельцина, и они без запинки ответят: 5 октября 1926 года. Тогда действительно предсовнаркома был Рыков, но все-таки он не вскакивал и не пел царский гимн, ибо никто, кроме артистов на сцене, его не пел. Все другие рассуждения капитана о литературе — на таком же примерно умственном уровне.

И, наконец, последнее. У Александра Проханова юбилей. На его месте я непременно учел бы опыт некоторых нынешних посткоммунистических торжеств этого рода. Недавно я был на одном из них...

Как это делалось раньше? Ну, во главе стола или в президиуме рядом с юбиляром сажали директора или другого большого начальника, секретаря парткома, а то и райкома — по пропаганде, дальше — знатного стахановца, ветерана войны или труда... А что я увидел теперь? Все то же, только наоборот: секретарь, но не партийный; а союзописательский; не директор, а губернатор (недавний секретарь обкома); наконец, не ветеран войны, не стахановец, а старенький батюшка. Он-то, батюшка, был особенно уместен, ибо сподобился еще и стихи сочинять. За это его и приняли в члены Союза... И приглашали на юбилей.

А что дарили раньше на юбилеях? Разное. Допустим, однотомник Проскурина или «Книгу о вкусной и здоровой пище», портрет Брежнева или шестеренку, увитую олеандром и т.п. Что подарили теперь? Икону. А кто подарил? Доктор социалистических наук, профессор, член КПСС с 1956 года, бывший редактор «Комсомольской правды», кавалер ордена Красного

Знамени, дважды лауреат премии имени Ленинского комсомола, автор замечательного исторического исследования «Боевой опыт комсомольской печати. 1917-1925» (в частности, ее опыт по борьбе с религией)...

А как раньше начинались такие торжества? Очень нередко — с пения гимна. Или «Интернационала», или (уже после двух-трех рюмок) пели «Вот мчится тройка удалая». А как обстояло дело теперь? Поднялся в президиуме батюшка, член секции поэзии, и возгласил: «Братие? Всякое доброе дело надо начинать с молитвы. Так воздадим же хвалу Господу нашему и возрадуемся хлебу насущному, что он нам сегодня послал!» Все вскочили, и кое-кто даже затянул вслед за батюшкой. Оно и понятно: сегодня послано нам было отменно, столы ломились от яств и питий. Рядом со мной подпевала, например, мой старый друг Наташа Дурова, знаменитая наша зверолюбка. От умиления и восторга я хотел было ее расцеловать, но вспомнил, что дня три назад на телевидении — кстати, тоже на чьем-то юбилее, она целовалась со своим удавом...

Так вот, на месте дорогого Александра Проханова, я на свой юбилей для полного ажюра или, как говорили у нас на Благуше, для понта тоже непременно пригласил бы парочку губернаторов (родного тифлисского — уж обязательно!), кого-нибудь из бывших боссов комсомольской или партийной печати, одного-двух лауреатов КГБ, одну циркачку с проволокой, но без удава, и уж, конечно, священнослужителя, желательно из секции критики. Уж то-то они устроили бы торжество!..

И все, что я тут насоветовал, ты прекрасно успеешь сделать, ибо ты еще очень молодой — всего-то шестьдесят. А по духу и работоспособности тебе нет и сорока. А улыбка у тебя — та же, что и в двадцать лет.

«День литературы», № 2, февраль 1998

ИЗ-ЗА ЧУЖОЙ СПИНЫ

(В. Бондаренко)

Диву даюсь, до чего резвы, неутомимы и вездесущи все эти антисоветчики — от полнометражной Валерии Новодворской и широкоформатного Радзинского до малогабаритного Владимира Бондаренко! Круглые сутки бдят, как бы да где бы пнуть советское время, советских людей. И пинают даже там, где и ожидать невозможно.

Вот недавно исполнилось восемьдесят лет Юрию Бондареву. Естественно, в патриотических газетах были юбилейные статьи, поздравления, телевидение расщедрилось на пару фильмов по книгам юбиляра, отбил телеграммку даже президент.

Так вот, казалось бы, в юбилее Бондарева абсолютно нечем поживиться антисоветчику, негде ему разгуляться. И, однако же, Бондаренко изловчился, нашел.

В своей газете «День литературы» (№ 3) тоже напечатал статью о юбиляре. В ней, прежде всего, удивляет какой-то совершенно неуместный в праздник слезливо-жалостливый тон разговора о фронтовиках как о каких-то несчастных «солдатиках», «лейтенантиках», «студентиках»... Отличительной чертой так называемой лейтенантской прозы автор считает то, что она повествует «о студентиках, попавших (!) на фронт взводными да ротными и погибших там в первом же бою». Это, мол, мы видим, например, в произведениях Бондарева и Бакланова.

Какая неопрятность мысли и слова! Во-первых, как понимать «попавшие на фронт» — случайно, что ли? Вовсе нет — согласно указу о мобилизации, а кто и добровольно. Во-вторых, взводами и ротами командовали не «студентики», а офицеры, как правило, имевшие за плечами военное училище, подобно тому же Бондареву, летом 1942 года окончившему артиллерийское училище, и Бакланову — тоже артиллерийское в августе 1942-го. В-третьих, первый провоевал до октября 1944 года, второй дошел до Венгрии.

Что же касается гибели в первом бою, то, конечно, случилось такое. Даже и в тылу были жертвы войны. Так, за первые

полгода войны или, точнее, за пять месяцев налетов немецкой авиации в Москве погибло 1327 человек, в Московской области — 1275, да еще в несколько раз больше — ранено. («Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», М., 2000, т. 2, кн. 2, с. 351—352). Но герои произведений Бондарева и Бакланова, как и создатели их, тоже, слава Богу, не погибают в первом бою — иначе, о чем было бы писать молодым авторам? А «студентиками» оба они стали только в сентябре 1946 года, но тогда уже никем не командовали.

О непреременной гибели в первом же бою любит почесать язык Ал. Яковлев, академик в особо крупных размерах. Кстати, ровесник Бондарева и Бакланова, он тоже оказался на фронте летом 1942 года после окончания военного училища и пробыл на войне два-три героических месяца.

Продолжая свои сопоставления, Бондаренко пишет, что вот, мол, у В. Богомолова «была смершевская закваска, и как бы правдиво ни превозносил (!) подвиги смершевцев Юрий (?) Богомолов, высшая правда войны все-таки остается не за ними, а за миллионами таких, как Юрий Бондарев, за безусыми солдатами, лейтенантиками, добровольно шедшими в бой и умиравшими за Родину».

Тут опять много удивительного. Начать с того, что добровольно можно идти в армию, на фронт, а в бой идут не когда кому вздумается, а по приказу командования: хочешь не хочешь, а иди. К тому же автор странным образом не знает, что вторичные половые признаки, в том числе усы, появляются у мужчин гораздо раньше, чем он думает: в солдатском возрасте усы может иметь любой. И хорошо помню, как на первом курсе мы бубнили в коридорах Литинститута стихи фронтовика-старшекурсника Немы Рамбаха, ставшего позже Наумом Гребневым, гениальным переводчиком гениальных гамзатовских «Журавлей» и других советских поэтических шедевров того времени:

Мы не бреем усы,
Мы гвардейских значков не снимаем,
Мы на сердце храним фотографии наших отцов...

Но гораздо важнее, чем усы и старые фотографии, постоянное хобби Бондаренко: искать, у кого правды больше, у кого меньше, кто выше и главнее, а кто так себе. Что ж, это занятие

интересное. Но беда, что обладателем вершинной правды Бондаренко вместе с Радзинским и Немцовым объявил антисоветчика № 1 Солженицына: «Главное уже навсегда останется за ним — народная правда!» («Завтра», № 47, 2003). Народная! Что может быть выше? Вот и теперь, столкнув недавно почившего Богомолова и благополучно здравствующего Бондарева, объявляет: у второго — высшая правда, надо полагать, почти солженицынская.

Более того, о первом, как мы уже видели, сказано, что он при его «смершевской закваске» «правдиво превозносил подвиги смершевцев», которые в отличие от героев Бондарева будто бы и не умирали за Родину. Здесь уже не только в слове «превозносил» (ведь о правде так не скажешь) проклюнулось главное — то, что малотиражный антисоветчик намерен далее сказать о советской военной контрразведке, о смершевцах. Вот это: «Я знаю резко отрицательное отношение героев прозы Бондарева, да и других фронтовиков, Виктора Астафьева и Евгения Носова, — к местным армейским смершевцам, которые не врагов ловили, а среди своих врагов находили и весьма успешно».

Да, случилось, находили. Но что значит «я знаю»? У меня нет возможности верить Бондаренко на слово. Если знаешь, то приведи примеры, а там разберемся. Зачем прятаться за три широкие спины и лаять из-за них на чекистов? И тут приходится разъяснить критику, что «среди своих», увы, враги были. Да и почему им не быть? Ведь армия — это сколок всего общества, а в обществе враги Советской власти имелись. Уж если ныне выползли орды горбачевых, ельциных, чубайсов, то шестьдесят лет назад... А при мобилизации учитывались только возраст и здоровье, о политических взглядах никто не спрашивал.

Да взять хоть и самого Бондаренко. Когда в День Советской Армии 23 февраля 1992 года он поместил в «Дне» под заголовком «Витязи России» рядом с портретами Александра Невского и маршала Жукова фотографию американского наймита Колчака, я сперва думал, что это по причине плохого образования и убогой осведомленности. Ведь он же при этом еще что-то там и о России декламировал, о народе... Когда принялся исступленно защищать Солженицына, я поначалу решил, что это из-за слабого соображения. И лишь когда он, продолжая превозносить (тут это слово уместно) Солженицына, начал восхищаться народностью Бродского, обещавшего маршалу Жукову и всем

советским солдатам ад на том свете, да еще стал употреблять в своих писаниях такие словечки, как «советчина», «голь перекатная» и т.п., — только тогда стало вполне ясно, что есть Бондаренко как явление духа. Такие были и до войны, и в войну.

И как им не быть! У кого-то в революцию народ отобрал фабрику или поместье, кого-то раскулачили справедливо или не очень, кто-то за дело, а случилось, и за пустяк отсидел срок, кого-то исключили из партии и лишили важного поста... Да мало ли что могло быть в бесконечно разнообразной жизни!.. На этом фоне генезис нынешнего Бондаренко весьма загадочен. Ведь поместья у него вроде не отбирали, сенаторской должности не лишали, не высылали, как того же Бродского, даже 25% зарплаты за опоздание на работу не вычитали. В чем же дело? Естественно предположить, что его вражда к советскому времени чисто книжно-парникового происхождения. Знать, шибко начитался белогвардейщины, перебрал. Что ж, это случается. Еще когда о таких людях говорили:

Что ему книга последняя скажет,
То ему на сердце сверху и ляжет.

И вот представьте себе подобного человека на фронте. Таким «своим», конечно же, сразу заинтересовались бы смершевцы.

Утверждать, что во время войны «среди своих» не могло быть врагов и контрразведка «весьма успешно» фабриковала их из честных солдат и офицеров, — это почти то же самое, что уверения в духе иных «демократов», будто у России не было и нет врагов, что все ее безумно любят и желают ей лишь добра да процветания.

Но отнюдь не только среди своих работали наши контрразведчики. Уже 9 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял за подписью Сталина постановление «О мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и Московской области» (т. 2, кн. 1, с. 222). А 11 июля НКВД и НКГБ издали директиву «Об усилении борьбы с диверсантами, забрасываемыми противником» (т. 2, кн. 1, с. 229). 18 июля НКГБ Белоруссии сообщал: «Органы немецкой разведки широко практикуют обработку и вербовку пленных красноармейцев, переодевают их в гражданскую одежду и направляют

в районы расположения воинских частей для ведения разложеческой работы в Красной Армии, агитации красноармейцев, толкать их к переходу на сторону немцев». И тут же приводились конкретные факты, назывались имена завербованных немецких агентов, получивших задание проникнуть в свои прежние части и сеять там панические слухи, вести пораженческую пропаганду (т. 2, кн. 1, с. 353).

Мало того, нашим контрразведчикам приходилось иметь дело и с агентами наших драгоценных союзничков, в частности Англии. Вот поразительный, ярко характеризующий дело документ. 23 июня 1941 года состоялось заседание начальников штабов всех родов английских войск. И читаем: «Начальник штаба ВВС Великобритании сэр Чарльз Портал в связи с нападением Германии на Россию предложил послать телеграмму командующим войсками в Индии и на Ближнем Востоке с запросом, когда будет закончена подготовка к бомбардировке нефтяных промыслов в Баку.

Комитет постановил: предложение утвердить и просить военное министерство послать такую телеграмму» (т. 2, кн. 1, с. 61). Вот чем были озабочены, чего хотели иные высокопоставленные головы за Ла-Маншем на второй день после нападения Германии на СССР. Им не терпелось помочь агрессору.

Неудивительно, что в директиве НКВД от 20 августа 1941 года говорилось: «Установлено, что английские разведывательные органы, используя существующие отношения между СССР и Англией, намерены развернуть в СССР работу по созданию шпионской сети и диверсионных групп в важнейших центрах страны под предлогом необходимости продолжения борьбы с немцами в случае поражения СССР.

С этой задачей, в состав прибывшей в СССР английской военно-экономической миссии, введены специалисты по разведке и диверсии». Далее приводятся конкретные имена (т. 2, кн. 1, с. 492). Подобных фактов и имен в цитируемом издании множество. Вот бы почитать такие интересные анналы нашему президенту...

Этот сборник документов издается с 1995 года. Пока вышли три тома в шести книгах, а всего должно быть восемь томов. Замечательное издание! И оформлено отлично, и прекрасный научный аппарат. Но главное — большой коллектив редакционной трудится весьма плодотворно. В научный оборот

введено множество новых и очень ценных исторических документов. На страницах книг оживают десятки, сотни новых имен истинных героев нашей контрразведки. Читатель узнает документально о коварстве и беспощадности врага, его приемах и методов. Но там можно прочитать и гневные строки из приказа Сталина № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы в Красной Армии репрессиями»: «Самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника. Надо самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов».

Но Бондаренко, начав с «местных смершевцев», т.е., надо полагать, с таких случаев, что подобны упомянутым в приказе, тут же опять-таки за чужой спиной перешел к безответственному обобщению: «Для Юрия Бондарева «смершевец» (в отличие от В. Богомолова) — скорее отрицательное явление. Близкое к фашисту». Ничего себе юбилейный комплимент.. Советский контрразведчик близок к фашисту! Так, дескать, считает уважаемый юбиляр. А у юбиляра, между прочим, родной отец был в армии следователем...

Поздравляя прославленного однокашника с большой датой, я спросил: что он думает о таком юбилейном комплименте? Юра выразил величайшее изумление...

Если Бондаренко так пишет кривой ручкой из-за чужой спины о смершевцах, то что же он изобразит (если еще не сделал этого) о заградчиках? Если все-таки еще не изобразил, то хорошо бы ему задуматься хотя бы вот над этими строками из докладной записки начальника 3-го отдела КБФ дивизионного комиссара Лебедева о действиях в начале войны флотского заградотряда в Эстонии: «В разгар сражения за Таллин заградотряд работал особенно интенсивно. Под давлением противника защищавшие город части в некоторых местах отступили. В этой обстановке заградотряд не только останавливал и возвращал на фронт отступающих, но и удерживал оборонительные рубежи.

Особенно тяжелое положение сложилось днем 27 августа. Отдельные части 8-й армии, потеряв руководство, оставив последнюю линию обороны, обратились в бегство. Для наведения порядка был брошен не только заградотряд, но и весь оператив-

ный состав отдела. Отступающие под угрозой оружия остановились и в результате контрудара отбросили противника на 7 километров. Эта операция имела решающее значение в эвакуации Таллина.

В ходе боев и эвакуации заградотряд потерял свыше 60% личного состава, одного оперуполномоченного (до 1943 года так называли смершевцев. — *В. Б.*) и почти весь командный состав роты».

Да, под угрозой оружия... Да, свыше 60%... Да, почти весь состав... Это война, а не рейды Радзинского по тылам, не метания от Солженицына к Бондареву и обратно.

Статья Бондаренко заканчивается так: «Юрий Васильевич, я равняюсь на Вас».

Да в чем же Бондаренко равняется на Бондарева? И сколь успешно? Бондарев одним из первых раскусил Солженицына в статье «Злоба съедает талант». Вот и последуй ему в этом хотя бы теперь. Нет, это для него немислимо, и он, наоборот, пытается подравнять большого писателя под свои малотиражные взгляды. Пустые хлопоты...

НАПЕРЕГОНКИ С РАДЗИНСКИМ

(Ю. Качановский)

Статья Ю. Качановского большая, она печаталась в трех номерах «Советской России» по четыре подвала в каждом номере. Это, собственно, и не статья, а главы из книги. Поскольку работа над книгой, судя по всему, еще не закончена, то, надо полагать, есть смысл высказать некоторые соображения о напечатанных главах — возможно, они окажутся не бесполезны. Да мы и не первыми здесь будем. Члены семьи покойного М.Г. Первухина, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, в надежде на доработку книги уже отметили на страницах «Советской России» некоторые упущения автора.

В публикации многоопытного эрудированного автора, разумеется, много полезных сведений, справедливых оценок, интересных суждений. Все это редакция видела, принимая решение о печатании глав. Надо полагать, это увидел, оценил и читатель. Но, к сожалению, остались не замечены некоторые неточности, ошибки, а порой и такие суждения, оценки, что на страницах патриотического издания просто изумляют.

Ну, такие пассажи, как уверенное заявление профессора о том, что «Сталин не имел любовниц», нас не слишком занимают, да и кажутся сомнительными. В самом деле, откуда это профессору известно? А главное — почему бы Иосифу Виссарионовичу их и не иметь? Ведь первый раз он овдовел, когда ему еще не было и тридцати лет, а после этого больше десяти лет вдовствовал. А у него же горячая грузинская кровь. Да и в 1932 году, когда овдовел второй раз, ему шел 53-й год — тоже далеко не старик. А Молотов вспоминал: «Сталин нравился женщинам». Первая жена, религиозная грузинка Екатерина, его, безвестного, гонимого подпольщика, боготворила. О второй жене Надежде Аллилуевой дочь Светлана писала в книге «Двадцать писем к другу»: «Он был для нее целой жизнью». В этой же книге у нее есть такое место в рассказе о смерти отца на Кунцевкой даче: «Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы,

дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача... Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей. Все эти люди, служившие у отца, любили его... А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела его больше, чем я, жившая далеко и отчужденно...»

Так вот, профессор, я легко допускаю, что не знаменитые артистки Валерия Барсова или Вера Давыдова, о которых пишут некоторые сочинители вроде Ларисы Васильевой, специалистки по «кремлевским женам», а как раз Валентина Васильевна, эта Валечка с ее вековой деревенской манерой горя, была после смерти жены возлюбленной Сталина... Другое дело, что я не могу вообразить, чтобы если уж не в семьдесят или в пятьдесят, то хотя бы в тридцать лет имел и любовниц, допустим, генерал Волкогонов, писатель Радзинский или широколобый мыслитель Рой Медведев, авторы гнусных книг о Сталине. Это же книги явных импотентов...

Но есть вопросы поважней, чем любовницы. Ю. Качановский неоднократно делает заявления такого рода: «Чтобы учесть уроки истории, надо относиться к ней строго объективно». Или: «Мы должны объективно оценивать факты истории». Еще и подкрепляет это золотой латынью, для весомости впечатления не давая перевода: «*Suum cuique tribuere*». Что означает сей таинственный афоризм, я, как и большинство читателей, не знаю, но уж, конечно, что-то очень серьезное насчет объективности. Может быть, «Послушай, ври, да знай же меру», как сказал патриций Чацкий плебею Репетилову.

Видимо, твердым намерением неукоснительно следовать древнеримскому принципу объективности объясняются многие особенности публикации. Так, надо полагать, именно поэтому, а также для демонстрации своих познаний автор счел нужным на страницах патриотической газеты поведать об ужасных, но весьма сомнительных поступках царя Петра, столь же увлеченно то и дело твердит о «красном терроре», о «жестокости, абсо-

лютной безжалостности Ленина», о «беспоощадности Сталина», о «сталинских репрессиях» и других любимых демократами кошмарах революции, Гражданской войны и Советской власти.

Ах, какой шум!.. Но тут прежде всего с изумлением думаешь: неужели автору «Советской России» и ее редколлегии все еще мало того, что обо всем этом каждый день неумоимо долдонят без оглядки на объективность прислужники режима едва ли не в любой передаче телевидения, во всех своих газетах, книгах, фильмах, и притом по малейшему поводу и безо всякого повода? Что заставляет газету повторять, 300-тысячным тиражом, дополнять и поддерживать этих неумоимых долдонов, шагая в одной упряжи с таким, например, декламатором прогресса, как кинорежиссер Андрей Смирнов, последнее явление которого народу состоялось в телепередаче «Культурная революция» 7 февраля этого года?

К Смирнову мы еще вернемся, а пока заметим, что жажда объективности принимает у профессора Качановского порой весьма избыточные, уже осточертевшие формы. Так, с огорчением видим, что автор, совсем как Радзинский, считает, например, коллективизацию кошмарным делом, строительство Беломорско-Балтийского канала — преступлением; верит, что «завещание» Бухарина — это не ловкая пропагандистская проделка, а достоверный документ (ссылается на него!), который его вдова заучила наизусть и хранила в памяти пятьдесят лет, чтобы повесть Коротичу для публикации в «Огоньке»; самого Бухарина держит за славного добряка; Молотова и Маленкова называет «догматиками»... Хоть задумался бы, как же Сталин, которого он признает гениальным, мог долгие годы, десятилетия работать буквально рука об руку с догматиками на самых высоких постах? В таком случае, какой же он гений? Концы с концами никак не сходятся... Словно под диктовку Волкогонова пишет о Сталине: «Он был властолюбив. В борьбе за власть был жесток и беспощаден, не останавливался ни перед чем... Он использовал репрессии для укрепления своей власти» и т.п. Да ведь под всем этим с радостью подпишется любая демократическая сволочь.

А вот, горя желанием быть объективным, пишет: «Кто бы ни был виновен в развязывании Гражданской войны...» То есть он допускает, что виновны могли быть и большевики. Но зачем им война, если власть в их руках? За что им было воевать? Они думали о восстановлении разрушенного хозяйства, о мирном

восстановлении страны. Да ведь сам же автор приводит слова В. Шульгина, идеолога и практика контрреволюции: «Мы объявили войну Ленину. Наступила Октябрьская революция. На нее мы ответили, взявшись за оружие». И это понятно: за оружие взялись те, у кого революция много отняла в интересах народа. Им было за что воевать.

Кое-что ученый адепт объективности досадно путает и в истории Великой Отечественной войны. Так, он уверяет: «Остановить противника Красная Армия смогла только в конце октября 1941 года». Это не так. Еще 30 июля верховное командование вермахта вынуждено было директивой № 34 предписать группе армий «Центр», наступавшей в ходе Смоленского сражения на главном — Западном, Московском направлении, перейти основными силами к обороне. В это же время на Лужской линии обороны была остановлена и группа армий «Север», наступавшая на Ленинград. Это был наш большой успех: за все время с начала Второй мировой войны в сентябре 1939 года немецкая армия впервые была остановлена и перешла к обороне. Я уж не говорю о том, что наши войска и до этого предприняли ряд контрударов, даже контрнаступлений. Так, 23 июня, на второй день войны, 99-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Деметьева вышибла немцев из Перемышля, занятого ими накануне, и удерживала его до 27 июня. А Ельнинская наступательная операция 30 августа — 8 сентября 1941 года, в ходе которой родилась советская гвардия, — как можно на страницах «Советской России» забыть о таких славных делах!

Конечно же, к радости Яковлева, профессор несколько раз со вкусом повторяет численность высланных во время коллективизации на поселение кулацких семей: «1 803 397 человек. Почти два миллиона!» Во-первых, зачем патриоту округлять число в сторону увеличения? Во-вторых, почему патриоту не напомнить, как и в вопросе о заключенных, что СССР — это не Голландия и даже не Польша, — названное число составляло лишь не многим больше 1 процента населения всей страны, которое при Советской власти росло, повторим для ясности, от 150 миллионов до 300. Ведь только такое сопоставление дает возможность понять масштаб события и факта.

Вместо этого автор тут же уверяет, будто в 1929 году во время коллективизации было 1300 «открытых мятежей», т.е. ежедневно вспыхивало по 3—4 мятежа. О-го-го! Но где имен-

но? Когда? Назвал бы хоть один... Мой дед Бушин Федор Григорьевич был председателем колхоза в деревне Рыльское Куркинского района Тульской области, где я провел немалую часть детства и отрочества. Ни одну семью тогда из деревни не выслали. А мятежи случались: дядька мой был большой выпивоха, так жена нередко выходила из супружеского повиновения и дубасила его.

Откуда автор взял чудовищную цифру мятежей? Из какой-то загадочной книги «Документы свидетельствуют», почему-то не указывая при этом, ни когда и где она издана, ни кто ее автор. Верить этому таинственному источнику, разумеется, нет никаких оснований, ибо сейчас появляется столько «документов» и преподносят их нам такие «публикаторы», что хоть святых выноси. А профессор ничуть не брезгует источниками такого пошиба.

Удивительно читать и это: «Первый результат коллективизации — голод 1932—33 годов». Конечно, перестройка хозяйства не могла пройти без потерь, но вы же, профессор, дальше сами пишете, что в 1931—32-33 годы засуха и недород охватили «важнейшие зернопроизводящие районы страны, территорию, где проживало 30 миллионов крестьян». Зачем же тогда все валить на коллективизацию? И почему бы патриоту не напомнить, что за все семьдесят пять лет Советской власти было лишь два голода — в 1922 году, как результат восьми лет войны, и в 1932—33-м. А что мы видим в царское время? В XVIII веке голод приходил в Россию 34 раза, в XIX — свыше 40. Но возьмем для наглядности сравнения тоже семьдесят пять последних лет царизма. Вот даты особенно крупных голодов: 1845—1846, 1851, 1855, 1872, 1891—1892, 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911—1912. Причем размах голода все время нарастал: 10—20—30—50 губерний. Наконец, в 1911—1912 годах, накануне 300-летия дома Романовых, столь пышно и торжественно отпразднованного, голод охватил 60 губерний. Характерно и то, что голодные годы порой следовали один за другим кряду, например, четыре года с 1905 по 1908-й. Это говорит, что власть была бессильна предотвратить бедствие, даже зная уже о его угрозе. В советское время; совсем иная картина и в этом смысле: благодаря усилиям общества и власти голод ни разу не вышел за пределы одного года. Больше того, в 1924 году неурожай поразил те же районы, что и в 1922-м, но благодаря своевремен-

но принятым мерам голода не было... Остается лишь добавить, что большая часть сведений о голоде в дореволюционное время взята мной не из Советской энциклопедии 1-го, 2-го или 3-го издания, а из 4-го тома до сих пор знаменитой своей полнотой и объективностью энциклопедии Брокгауза и Эфрона, из тома, вышедшего еще в 1893 году.

Нехорошо ученому-историку путать столь примечательные фигуры Гражданской войны, как Корнилов и Краснов, или не знать о некоторых важных событиях Великой Отечественной, или оперировать сомнительными источниками. А притом где же еще и торжественно объявленная объективность, допустим, в вопросе о жестокости большевиков? Конечно, война есть война, и красные тоже воевали не в белых перчатках, но все же широко известные факты, иные из которых сам профессор напоминает, выражаясь деликатно, не подтверждают обвинение большевиков и их вождей в беспощадной кровожадности. Так, сразу же после взятия власти большевики в одном ряду с декретами «О мире», «О земле» приняли постановление «Об отмене смертной казни». Правда, уже на Третьем съезде Советов в январе 1918 года Ленин говорил: «Мы были слишком гуманны, слишком добросердечны по отношению к чудовищным по своему предательству представителям буржуазно-империалистического строя». И после убийства некоторых крупных работников Советской власти, после покушения 30 августа этого года на самого Ленина, на главу правительства, в сентябре был объявлен «красный террор», который таким образом явился лишь ответом на «белый террор», а у автора и выражения такого нет, он его стесняется. Однако уже 17 января 1920 года Ленин подписывает новое постановление Советского правительства «Об отмене смертной казни». Оно заканчивалось словами: «Постановление ввести в действие по телеграфу», т.е. немедленно. И скольким это спасло жизнь...

Сам же Ю. Качановский пишет: «Большевики во главе с Лениным еще раз попытались перевести политическую борьбу на мирные методы и формы. Это не получилось. Смертная казнь была восстановлена». Но гуманная тенденция продолжалась. В 1927 году ЦИК СССР отменил смертную казнь по ряду преступлений, сохранив ее как временную и исключительную меру в отношении немногих тягчайших преступлений. Вскоре после войны, 26 мая 1947 года, Президиум Верховного Совета

СССР отменил смертную казнь в мирное время. Однако своим Указом от 12 января 1950 года допустил ее как исключительную меру наказания изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам. Так что по этому Указу, принятому для защиты безопасности страны, получили бы свое и изменник Родины, многократный убийца Салман Радуев, и нанесший нашей обороне многомиллиардные убытки американский шпион Эдмонд Поуп, и диверсанты, взорвавшие дома в Москве и Волгодонске. Но и эти казни не затмили бы приведенных фактов, свидетельствующих о многолетней гуманной тенденции Советской власти, опровергающих домыслы о безоглядной жестокости и беспощадности большевиков. Ю. Качановский мог бы для назидания пустозвонам напомнить еще и о том, как в годы Великой Отечественной войны новое поколение большевиков уже без Ленина, но со Сталиным во главе относилось к немецким пленным и как немцы — к нашим...

В сочинении Ю. Качановского «враги народа» всегда в кавычках. Как это понимать? Что, не было у советского народа врагов? Может, и теперь их нет, как уверяли Ельцин и Козырев, а теперь — Путин и оба Ивановых? Более того, к удовольствию Евгении Альбац и Ирины Хакамады автор заявляет, например, что на судебном процессе 1938 года жестоко подавляли «любую попытку Бухарина, Рыкова, Крестинского защищаться, вскрывать нелепости обвинения». Любую!.. Вот один фрагмент выступления хотя бы только Бухарина на этом процессе:

— Я признаю себя виновным в измене социалистической родине, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов...

— Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию (в случае войны), хотя я утверждаю:

а) лично я на этой позиции не стоял,

б) фраза об открытии фронта принадлежит не мне...

Я считаю себя далее и юридически, и политически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил... А гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства. Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организа-

торов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слышал...

Шарангович: Бросьте врать хоть раз в жизни. Врете и сейчас на суде.

Председательствующий Ульрих: Подсудимый Шарангович, не мешайте.

Бухарин: Ходжаев утверждает, что я советовал ему связаться с английским резидентом, а Икрамов говорит, будто я ему заявил, что Туркестан является лакомым кусочком для Англии. В действительности дело было совсем не так... Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова...»

Как видим, Бухарин защищается весьма решительно, и никто не только не мешает отрицать многие обвинения, но председательствующий даже помогает ему говорить беспрепятственно. Отрицали некоторые обвинения и Ягода, и Крестинский, и Рыков... Вы, что же, профессор, не читали всего этого?

В другом месте вы пишете: «По существу это был не процесс, а юридическая «гильотина». У подсудимого не было никаких шансов выйти из нее живым». И под этим подписался бы любой сукин сын демократии. Но вам же при вашей учености должно быть известно, что, например, в этом самом процессе 1938 года «вышли живыми» Д.Д. Плетнев, Х.Г. Раковский, С.А. Бессонов, в других процессах — ученый Леонид Рамзин, публицист Карл Радек и т.д. Их приговорили к разным срокам лишения свободы с зачетом времени со дня их ареста. Л. Рамзин в 1943 году получил Сталинскую премию.

А что касается упомянутого убийства Кирова, то об этом Качановский поведал так: «Кто приказал убить Кирова? Ответ на поверхности — Сталин». Одно это заявление обнаруживает в нашем историке адента блистательной плеяды демократических правдолюбивцев от Яковлева до Радзинского. Правда, он тут же добавляет: «Но нет ни одного доказательства такой версии. Даже Троцкий не уверен в ней».

Во-первых, если нет доказательств, то что же заставляет тебя вслед за вереницей клеветников мурыжить эту «версию»? Во-вторых, отсутствие доказательств, как известно, еще не свидетельствует об отсутствии преступления, т.е. тень на Сталина все же брошена патриотом «Советской России». Демократы, кажется, уже отвязались от знаменитого девиза Горького «Если

враг не сдается — его уничтожают», а заторможенный профессор Качановский все продолжает негодовать по поводу этого девиза, да так, словно Горький вел речь не о врагах, а о соперниках в спортивном соревновании или об оппонентах в ученом споре.

Надо полагать, профессор был бы доволен, если, допустим, окружив немцев под Сталинградом, а потом в операциях Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской, Минской, Восточно-Прусской, наконец, в Берлинской и предложив им сложить оружие, а мы делали это каждый раз, но получив отказ, мы бросились бы к ним с объятиями и поцелуями. Ах, как было бы прекрасно! А ведь враг иной раз не просто отвергал наше гуманное предложение, но убивал советских парламентариев, как это было, например, с двумя нашими офицерами в Венгрии. И, увы, получив на свой ультиматум отказ, мы начинали уничтожение врага и уничтожали до тех пор, пока остатки, наконец, не сдавались. И так было на протяжении всей войны. Вот один из последних наших ультиматумов, предъявленных врагу во время последних сражений в Восточной Пруссии, — там, где закончила войну и моя 50-я армия, в составе которой мне довелось пройти от Калуги до Кенигсберга.

«К генералам, офицерам и солдатам немецкой армии на косе Фриш Нерунг и в устье Вислы.

От Командующего советскими войсками Третьего Белорусского фронта.

Русские и союзные войска соединились на всем фронте от Балтийского моря до Дрездена. 2 мая русские войска заняли Берлин. Вся Германия, Италия, Голландия и Дания в руках русских и союзных войск.

В результате полного разгрома 7 мая 1945 года в Реймсе представители германского правительства и ОКВ (Верховного командования) подписали безоговорочную капитуляцию Германии и всех германских вооруженных сил как на Восточном, так и на Западном фронтах. Капитуляция вступает в силу с 23.00 8 мая 1945 года по немецкому времени.

Днем 7 мая ОКВ по радио из Фленсбурга объявило о безоговорочной капитуляции Германии. Всем германским войскам на востоке и западе, севере и юге гроссадмирал Дениц приказал прекратить сопротивление и капитулировать. Всем немецким

судам и подводным лодкам он приказал прекратить военные действия и вернуться в Германию.

Офицеры и солдаты!

В соответствии с подписанной представителями германского правительства и ОКВ капитуляцией предлагаю:

немедленно прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен.

Если отдельные нацистские фанатики не подчинятся приказу ОКВ — уничтожайте их как предателей германского народа.

Если вы не выполните условий капитуляции и к 10.00 по немецкому времени 9 мая 1945 года не сложите оружия, тогда пеняйте на себя. Наши войска перейдут к решительному штурму и беспощадно вас уничтожат.

Командующий Третийм Белорусским фронтом

Генерал Армии *Баграмян*.

8 мая 1945 г.»

Листовки с этим текстом на немецком и русском языках разбрасывались над немецкими войсками. Генерал армии дважды Герой Советского Союза А.П. Белобородов, командовавший там 43-й армией, потом вспоминал: «Верные своему обещанию, мы не пускали в ход оружия до установленного часа. Однако, как оказалось, фашисты понимали только язык силы. И мы применили ее. Этот последний удар вынудил капитулировать много тысяч солдат и офицеров немецко-фашистских войск во главе с пятнадцатью генералами.

Так вот и получилось, что в день Великой Победы мы с Иваном Христофоровичем еще продолжали утверждать ее».

Как ни досадно профессору Качановскому, а генералы Баграмян, Белобородов и вся Красная Армия следовали девизу Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Странно читать и то, что пишет профессор-патриот о переселении во время войны немцев, финнов и некоторых других народов. Он хочет хотя бы частично оправдать Сталина: «Инициатором переселения немцев был не только Сталин». Не один, мол, он в этом виноват. И дальше: «29 августа 1941 года Молотов, Маленков, Косыгин и Жданов направляют Сталину телеграмму: «Сообщаем, что нами принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тысяч человек». А Сталин в оправдании не нуждается. Первым, еще 26 августа 1941 года, постанов-

ление «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области», принял Военный совет Ленинградского фронта, знавший обстановку на месте, видевший ее воочию, а вышеназванные высокопоставленные официальные лица, будучи уполномоченными ГКО, поддержали это постановление (Органы Госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000, т. 2, кн. 1, с. 550). Увы, такова была военная необходимость, в чем убеждаешься, читая, например, «сообщение № 4» от 30 августа того же года замнаркома МВД В.Н. Меркулова, как видно, находившегося тоже в Ленинграде, своему наркому Л.П. Берия. Он, в частности, писал: «Следует указать, что в связи с близостью линии фронта финское и немецкое население частично уходит в леса, ожидая прихода немцев, в то время как русское население стекается в Ленинград» (там же, с. 561). А вот донесение командования Южного фронта №28/оп от 3 августа 1941 года уже оттуда, где наши войска отошли. Оно адресовано в Ставку лично Сталину и Главкому Южного направления Буденному: «1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие фашистско-немецкие войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов» (там же, с. 447—448).

На этом донесении, переданном из Полтавы, Сталин поставил резолюцию: «Товарищу Берия. Нужно выселить с треском». И вот какой получился «треск». 31 августа было принято по становление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», в котором предписывалось: «1. Немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2. остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР» (там же, с. 448).

При переселении немцев Поволжья «треск» оказался еще ужаснее. Если ленинградским немцам и финнам разрешалось брать в дорогу до 600 килограммов груза, то здесь по Постановлению Совнаркома и ЦК партии можно было брать до тонны.

По этому же Постановлению на оставляемое имущество, продовольствие, скот, фураж переселенцы получали от специальных комиссий квитанции, по которым на новом месте жительства все сданное имущество (кроме лошадей) «подлежит восстановлению». Так прямо, конкретно и говорилось, в частности «9. Обязать НКМ, МП и НК Совхозов (тов. Лобанов) в течение 1941-1942 гг. выдать переселяемым колхозам и колхозникам по месту их расселения скот (кроме лошадей) в количестве сданного ими». Питание переселяемых в пути следования возлагалось конкретно на Наркомторг (тов. Любимов), медицинское обслуживание — на Наркомздрав (тов. Митярев), организация приема на станциях разгрузки, перевозка до места расселения и устройство на новых местах — на председателя СНК и секретаря ЦК компартии Казахстана, на председателей облисполкомов и секретарей обкомов и т.д. (там же, с. 524). Все было продумано и подготовлено. Потому и обошлось без единого выстрела. без единой жертвы.

Как известно, 14 ноября 1989 года горбачевско-яковлевский Верховный Совет принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». Ах, мыслители! О, отцы отечества!.. Ведь дело рисуется так, словно сидел-сидел Сталин в Кремле и заскучал, и захотелось ему поразвлечься, и придумал: «Переселю-ка я несколько народишек с одного места на другое». Сказано — сделано... Наш профессор с этим, конечно, не согласен, однако же, как он краток и сдержан: «Была также упразднена национальная государственность крымских татар, балкарского, ингушского, чеченского, калмыцкого и карачаевского народов. Они тоже были выселены в Среднюю Азию. Было учтено, что из представителей этих народов формировались войска, которые участвовали в войне против СССР на стороне вермахта». Перенести бы помянутых отцов отечества в обстановочку лета 41-го года, когда переселяли немцев, или февраля 44-го, когда переселяли чеченцев, да хотя бы и весны 44-го, когда переселяли крымских татар. Ведь даже и весной 44-го неизвестно было, сколько еще продлится война. И вот идти в наступление, а в спину тебе будут стрелять? И никто не мог гарантировать, что немцы уже не предпримут контрнаступления, не вернуться в Крым и на Кавказ, где их ждут не дождутся.

Качановский пишет: «Какую оценку можно дать сталинским депортациям? Оценка не должна быть односторонней. Чем руководствовался Сталин при депортациях? Национализмом? Ни в малейшей мере! Только политической необходимостью, как он ее понимал». Совершенно неверно. Во-первых, политически было бы целесообразно «не обижать» народы, но Сталин вынужден был пойти наперекор политической выгоде, он руководствовался не политической, а чисто военной необходимостью. Во-вторых, что значит «как он ее понимал»? Это попытка дискредитации его понимания. А он понимал военную необходимость так, как понимают ее все разумные политики: в тылу сражающейся армии нельзя оставлять силу, которая может ударить в спину. Так понимал дело и президент Рузвельт, когда, начав войну с Японией, приказал заключить в концлагеря сотни тысяч американских граждан японской национальности. Концлагерь — это не поселение на новом месте, а жизнь за колючей проволокой. И еще неизвестно, получали ли японцы официальные расписки за оставленное имущество, приобретали ли на новом месте коров и свиней... А ведь Япония не тыл американской армии, как для нас Чечня или Крым, — она за тысячи километров, за океаном от США. И однако же, пожалуйста, япошки, за колючую проволоку!.. И непонятно, чего ж наши отцы отечества не обратились к американцам тоже принять декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против японцев, загнанных за колючую проволоку».

Читаем: «Как всегда в сложной и напряженной обстановке, Сталин действовал беспощадно, не отделяя виновных от невиновных». Как это — «не отделяя»? Не были же переселены аварцы, лезгины, абхазы, адыги, лакцы... А вот уж очень наглядный пример: балкарцы и кабардинцы входили в одну единую автономную республику, но первых переселили, а вторых не тронули. Что же касается «сталинской жестокости», то, как мы видели, она была с питанием в пути, с медицинским обслуживанием, с Указом Президиума Верховного Совета СССР о том, «чтобы переселяемые были наделены землей, и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах» (там же, с. 540)... Знали бы те самые отцы отечества, какой кровью обернется их безответственная болтовня в тех самых краях, где в 1941 и 1944 годах при решении конфликта не пролилось ни капли крови русских, немцев, чеченцев, татар...

Но обратимся опять к А. Смирнову. 7 февраля в передаче «Культурная революция», которую ведет известный культурный революционер М. Швыдкой, он с великим пылом нес замшелую солженицынско-радзинскую ахиною о «преступном советском режиме», о 10 миллионах заключенных, о том, что в 80-х годах он побывал в командировке на Колыме и шагал там «по страшным гулаговским местам, где буквально на каждом шагу кости». Ну буквально! Патриоты обязаны затыкать рты таким вельмигласным пустозвонам, указав хотя бы на то, например, что число заключенных в стране никогда не превышало 2—2,5 миллиона (*Пыхалов И.* *Время Сталина: факты против мифов.* Ленинград, 2001, с. 160). И это не более 1,5 процента населения, которое все годы Советской власти неуклонно росло от 150 миллионов сразу после революции до 200 с лишним по переписи 1959 года и дальше почти до 300. А как с этим в благоуханной Америке, где Швыдкому и Смирнову собираются поставить памятники?

Канадский исследователь Марио Соус пишет: «Вряд ли можно назвать новостью сообщение в августе 1997 года информ-агентства FLT-AP о том, что в тюрьмах США 5,5 миллиона заключенных... Это на 3 миллиона больше, чем когда-либо было в СССР!» И добавил: «Согласно пресс-релизу департамента юстиции от 18 января 1998 года, число заключенных в США выросло в 1997 году на 96 100 человек» (*М. Соус.* *ГУЛАГ: архивы против лжи.* М., 2001, с. 19—20). За один год — почти на 100 тысяч... 3 марта при обсуждении на телевидении проблемы преступности один оратор привел такие данные: в США при их 5 процентах населения всего мира содержится 25 процентов заключенных всего мира...

А что касается смирновских костей на каждом шагу или уверений Солженицына о том, что «на общих работах через две недели дашь дубаря», то можно было бы напомнить, допустим, о таких известных страдальцах «сталинских лагерей», как академик Лихачев, очеркист Олег Волков, мемуарист Лев Разгон и тот же Солженицын. Да, все эти антисоветчики сидели, и вот, представьте, побывав в «кругах ада», первый прожил 93 года, второй — 96, третий — 98, а лагерный дока Солженицын-Ветров, несомненно, переживет их всех, может быть, даже вместе взятых. И тут для ясности добавим из упомянутой книги И. Пыхалова: «Как свидетельствуют цифры, вопреки уверениям «об-

личителей», смертность заключенных при Сталине держалась на весьма низком уровне. Однако во время войны положение заключенных ГУЛАГа ухудшилось. Нормы питания были значительно снижены, что сразу же привело к резкому увеличению смертности... Тем не менее, даже в самые тяжелые 1942 и 1943 годы смертность заключенных составляла около 20% в год в лагерях и около 10% в год в тюрьмах, а не 10% в месяц, как утверждает, например, Солженицын. (И не 1% в день, как нагло врет он в другом месте. — В.Б.) К началу же 50-х годов в лагерях и колониях смертность упала ниже 1% в год, в а тюрьмах — ниже 0,5%» (с. 26).

Что касается О. Волкова и Л. Разгона, то им вообще следовало бы всю жизнь благодарить судьбу за то, что лагерь избавил их от фронта, где они очень просто могли оказаться в числе тех более чем двадцати миллионов соотечественников, что не вернулись назад. А Д. Лихачеву, когда началась война, шел всего лишь 35-й год, и был он не инженером на танковом заводе, а младшим научным сотрудником в Институте русской литературы. Такие подлежали мобилизации в первую очередь. Как этот великий патриот и будущий лауреат Сталинской премии избегал ее, неизвестно...

Перейдя от дутых миллионов и сказочных курганов костей к своей личной судьбе, Смирнов и себя, отпрыска лауреата Ленинской премии, представил жертвой «преступного советского режима». Договорился до того, что, будучи известным режиссером да еще и секретарем Союза кинематографистов, не знал, как ему прокормить своих детушек. Ну, если Советская власть ничего не платила Смирнову за его фильмы, то это и впрямь «преступный режим», подобный ельцинскому. Но — со странностями. Григорий Бакланов, например, за свою повесть «Пядь земли» получил, надо полагать, неплохие гонорары, а Смирнов за фильм по этой повести, как видно, — ничего: ни славы, ни гонорара. Чем это объяснить, ума не приложу. Может, бесцветностью фильма? Тот же Бакланов, будучи в 1986—1993 годах главным редактором журнала «Знамя», я думаю, работал не на общественных началах, а Андрей Сергеевич работал секретарем Союза, как видно, только так...

Тут мне вспомнился его отец Сергей Сергеевич. В самом конце 50-х годов он стал главным редактором «Литературной газеты». Я тоже работал в то время там. Позже приходилось

бывать у него и дома на проспекте Мира. Номер дома забыл, а квартиру почему-то помню до сих пор: №37... Знал бы автор «Брестской крепости», лауреат Ленинской премии, каким оборотнем окажется его отпрыск...

В той же телепередаче 7 февраля известный своей шустростью депутат Владимир Рыжков, внешне и куртуазными манерами очень похожий на беглого взяточника Станкевича, к десяти смирновским миллионам заключенных и к хрустевшим под ногами костям добавил еще «десятки тысяч священников, живьем зарытых в землю большевиками». И ведь так уверенно, с таким пылом говорил, будто сам только вчера чудом вылез из-под земли... Писатель Константин Лагунов, живущий в Тюмени (там, кстати, откуда юный Рыжков попал в Думу), не так давно написал книгу о тобольском антисоветском восстании в начале 1921 года. Вадим Кожинóв писал об этой книге и ее авторе: «Он сумел в целом ряде отношений беспристрастно показать реальный ход событий, хотя — в соответствии с нынешними устремлениями — сосредоточил главное внимание на насилиях большевистской власти и ее вреднейших «ошибках». Это отнюдь не упрек в адрес автора: действия большевиков так долго и всячески «лакировались», что стремление как можно более «разоблачительно» сказать сегодня об их власти и вполне понятно, и всецело оправдано».

Конечно, вполне понятно — в глазах антисоветчиков. Разумеется, всецело оправдано — в глазах антикоммунистов. Точно так же, допустим, как в глазах немецких фашистов и понятно, и оправдано как можно более «разоблачительно» сказать о фактах беззакония со стороны Красной Армии, увы, порой имевших место во время войны на немецкой земле... И вот, даже этот писатель, уделивший главное внимание «разоблачению» коммунистов, основываясь на документах, свидетельствах очевидцев, а может быть, и личных воспоминаниях, рассказывает, характеризует картину в целом: «Дикая ярость, невиданные зверства и жестокость — вот что отличало крестьянское восстание 1921 года. Коммунистов не расстреливают, а распиливают пилами или обливают холодной водой и замораживают. А еще разбивали дубинами черепа; заживо сжигали; вспарывали животы, набивая в брюшную полость зерно и мякину; волочили за скачущей лошадей; протыкали кольями, вилами, раскаленными пиками; разбивали молотками половые органы; топили в

прорубях и колодцах. Трудно представить и описать все те нечеловеческие муки и пытки, через которые по пути к смерти прошли коммунисты и все те, кто хоть как-то проявлял благожелательное отношение к Советской власти» (с. 104).

И все это делалось не с кондачка, не в слепом порыве. Восставшие создали свою власть и свои карательные органы, в частности «следственную комиссию». Во главе ее был назначен не кто иной, а сельский священник Булатников. Странная должность для святого отца, не так ли, мусье Рыжков? Однако он от нее не отказался. И читаем в книге дальше: «По предложению священника приговаривались к расстрелу коммунисты и беспартийные советские служащие. Когда в одном бою повстанцам удалось захватить в плен 27 красноармейцев и среди крестьян разгорелся спор об их судьбе, Булатников, узнав об этом, немедленно явился на место судилища и сразу вынес приговор:

— Всех тюкнуть!

— Не твое дело, батюшка. Уходи, — вступился за пленных один крестьянин. Но батюшка все же настоял на своем: красноармейцев расстреляли».

И это был не единичный случай: «Приговоренных священником учителей, избачей, коммунистов убивали еще и специальным молотком с напаянными зубьями, и вилами» (с. 158).

Повторяю: все это написал автор, настроенный против коммунистов, а воспроизвел в своей книге «Россия. Век XX» В. Кожин, который никогда в жизни коммунистом не был и даже в комсомол вступил только в университете. А батюшка Булатников, возможно, улизнул в свое время от справедливого суда, дожил до глубокой старости и перед смертью поведал Рыжкову, будущему депутату с мягким темечком, как коммунисты зарыли живьем в землю десятки тысяч священников... Господи, хоть бы одного депутата они зарыли или какого-нибудь Починка...

А знает ли этот Рыжков, как вели себя церковные иерархи во время войны на оккупированной немцами советской территории? Был фильм «Секретарь райкома». Там священник помогает партизанам. Очень хорошо. Такие, как Рыжков, изучают жизнь по фильмам, а между тем, увы, это не совсем одно и то же. Современный историк церкви Г.П. Горяченков пишет: «Были священнослужители, боровшиеся с захватчиками. Но основная их масса на оккупированной территории служила оккупантам. Их ненависть к Советской власти оказалась намного

сильнее любви к родине» («Досье», № 13, 2001). Исследователь называет конкретные имена. Так, в начале войны экзарху Прибалтики Сергию Воскресенскому Синод предложил эвакуироваться. Тот отказался, спрятался, а когда Ригу захватили немцы, предложил им свое сотрудничество. С ним заодно выступили архиепископы Даниил и Павел, епископы Иоанн и Макарий, игумен Псково-Печорского монастыря Павел Горшков. В этом монастыре названные иерархи чествовали фашистских «освободителей от большевистского ига». А потом они организовали во Пскове издание бюллетеней и листовок с призывами к нашим солдатам переходить на сторону немцев. По имеющимся сведениям, послушник упомянутого монастыря Ефим Петров лично расстрелял двадцать русских патриотов... На Украине с помощью немцев была восстановлена автокефальная церковь. О том, чем занимались, как держали себя в оккупации 15 епископов этой церкви, убедительно свидетельствует тот факт, что все они, кроме одного, сбежали на Запад вместе с немцами...

А с кем сейчас церковные иерархи — с народом, вымирающим по миллиону в год, или с властью, которая довела его до этого? Тут достаточно напомнить, что два года тому назад Патриарх в день рождения Ельцина, главного могильщика России, даря ему, видимо, золотую статуэтку святого князя Владимира, сказал перед лицом всего народа: «Вы, Борис Николаевич, Владимир Святой нашего времени!» И верные друзья облобызались... Так вот, говорю, неужели профессору Качановскому и его газете не осточертело все это чумное демократическое пустозвонство в духе Смирнова-Рыжкова?

Как литератора меня в публикации Ю. Качановского больше всего поразило вот что. Автор приводит восторженное высказывание писателя Сергея Залыгина о наших довоенных успехах — о коллективизации, о Кузбассе и Магнитке, о Днепротэсе и Турксибе, о Сталинградском тракторном и т.д. И тут же, стремясь подтвердить справедливость приведенного высказывания, спрашивает: «Залыгин по своим взглядам — сталинист-догматик? Ни в коей мере!» Удивительная постановка вопроса! Да разве только «сталинисты» восхищались и восхищаются нашими великими достижениями той поры? Разве одни лишь догматики могут сказать о них доброе слово? Для этого достаточно быть просто объективным и честным человеком. Сам же автор только что привел цитату из «Британской энциклопедии», где,

надо полагать, сталинисты не имели решающего влияния: «Несмотря на первоначальные неудачи и голод 1932 года, новая система сельского хозяйства (колхозы) в последующие годы достигла высокой степени прочности» и т.д. И ни о чем другом, как именно о собственном демократическом догматизме Качановского, свидетельствует словосочетание «сталинист-догматик». Еще удивительней то, что Ю. Качановский пишет дальше о Залыгине: «Это был патриот России и человек свободомыслящий». Что ж, прекрасно. Только почему-то во время Великой Отечественной войны, пребывая в прекрасном солдатском возрасте, будущий Герой Социалистического Труда предпочел свой патриотизм проявить не на фронте с оружием в руках, а работая в Сибири гидрологом. Может, здоровьем был слаб? Так ведь почти до ста лет дожил. Дальше, будучи главным редактором «Нового мира», он не боялся идти «против ветра». Он опубликовал «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус» и «Красное колесо» Солженицына». Не постижимо! На страницах «Советской-России» говорится о публикации сочинений антисоветчика №1 как о доблести... Но что же это за «ветер», против которого будто бы бесстрашно шел Залыгин? Откуда он взялся? Ну, правда, случилась некоторая задержка с публикацией «Архипелага», но тут же шестнадцать энтузиастов патриотизма во главе с Валентином Распутиным и Натаном Эйдельманом кинулись к Генеральному секретарю Горбачеву, советником коего Распутин тогда был, с гневным протестом (Жорж Нива. «Солженицын», с. 28), и в августовском номере журнала за 1989 год печатание этой энциклопедии антисоветской лжи началось. Неужели профессор уже не помнит, что это было за время, куда дул тогда «ветер»? Напоминаю: во всех журналах и газетах, на телевидении и на радио уже сидели ставленники Яковлева, и во многих журналах, включая «Наш современник», напропалую печатались бесчисленные сочинения Солженицына. А Горбачев с трибуны Всесоюзного съезда народных депутатов объявил его великим писателем. Так что Залыгин не шел «против ветра», а на всех парах мчался, подгоняемый в спину этим «ветром». Поэтому смешно читать: «Он никогда не был перевертышем». Уважаемый профессор не понимает, что говорит. Залыгин — типичный оборотень, один из самых ослепительных образцов этой человеческой породы. И тем более мерзкий, что ведь был уже в возрасте не Собчака или Немцова — ему подка-

тывало под восемьдесят. Отвратителен вид старца, задрав штаны бегущего за юными демократами и даже обгоняющего их. Приведенные выше его похвалы Советской власти относятся к 1986 году, но настал 1989-й, и мы узнали совсем другого Залыгина — неумоимого пропагандиста антисоветчины. Он занимался ею и в 1990, и в 1991 годах, а в 1992-м, надо полагать, именно за это (за что же еще!) вдруг стал академиком сперва Российской, а тотчас и Нью-Йоркской академий наук.

В позапрошлом году стараниями «Научного издательства «Большая Российская Энциклопедия» и какого-то еще «Рандеву-АМ» выпущен биографический словарь «Русские писатели XX века» (главный редактор и составитель П.А. Николаев, тоже академик). Как вы думаете, читатель, кому посвящена там самая обстоятельная и пространная статья — Горькому? Блоку? Маяковскому? Алексею Толстому? Бунину? Шолохову?.. Нет, Солженицыну. Как вы думаете, кто ее написал — Коротич? Радзинский? Бакланов? Евтушенко? Наконец, какой-то Немзер?.. Нет, ее написал Герой Социалистического Труда американский академик Залыгин. Как вы думаете, есть ли в его статье критические соображения, хотя бы замечания о Солженицыне? Нет ни единого. Одни сплошные восторги. Словарь был подписан к печати 27 марта 2000 года, а 19 апреля, то есть через три недели, Герой Сергей Павлович, видимо, надорвавшись на этой статье, преставился.

Чем объяснить появление глав из книги Ю. Качановского в «Советской России», и случайность это или нечто характерное? Думаю, что тут проявилась одна застарелая болезнь нашего партийного руководства (а ведь главный редактор газеты — член ЦК КПРФ, кажется, даже президиума). Нерачительно, а то и бесцеремонно относясь к своим кадрам, наши руководители всегда бегали на цыпочках вокруг разного рода леваков, диссидентов, эмигрантов, иностранцев, а также — профессоров, докторов, академиков. Вспомните, как наши партбоссы цацкались, например, с Евтушенко, Вознесенским, Окуджавой... То сурово погрозят пальчиком за их фортели дома и за рубежом, то собрание сочинений издадут; то строго пожурят, глядя себе под ноги, то Госпремию выпишут; то гневно цыкнут, то орденок навесят; то беспощадно щелкнут в замшевых перчатках по лбу, то ключи от трех-четырёхкомнатной квартиры и от дачи преподнесут на палехском подносе; то решительно осудят: «Ай-яй-яй!», то пошлют во Францию или Италию укреплять здоровье...

А с эмигрантами!.. Явился из Парижу средней кондиции писатель Владимир Максимов, и патриотические газеты уж и не знали, как да чем ему потрафить. Редколлегия «Правды» даже приняла беспрецедентное в истории журналистики решение и обнародовала его: под страхом увольнения запретить сотрудникам газеты притрагиваться к рукописям парижанина русским редакторским карандашом. И уж он развернулся!.. Возможно, такое же решение, но тайно приняла и «Советская Россия». Иначе чем объяснить, что с кладбищенским восторгом она печатает его статью «Надгробие для России»? И тут же похоронная картиночка: лежит мертвая царевна в собольей шубе — Россия. Иначе говоря, автор вырыл для всех нас братскую могилу, закопал живьем, а газета и надгробие водрузила в виде этой картиночки. Что полагается после похорон? Конечно, поминки. И в «Правде», пожалуйста, следом появляется его статья «Поминки по России». Так лидеры коммунизма спешили похоронить родную страну. А вспомните, как в свое время яростно обрушились патриоты на Н. Сванидзе за то, что он назвал комсомол «гитлерюгендом». Разумеется, негодяй. Но первым-то это сделал парижанин Максимов, и не где-нибудь, а на страницах «Правды». И все патриоты молчали...

Вскоре В. Максимов умер, успев передать свой журнал «Континент», конечно же, в руки не патриотов, а демократа Игоря Виноградова. После смерти парижанина «Советская Россия» кинулась печатать ньюйоркца Константина Ковалева. У него немало интересного, важного, нужного, но, увы, автор порой многословен, увлекается ненужными подробностями, частностями. Его надо было редактировать, сокращать. Нет! Давали целыми простынями. Как же-с, из Америки...

И вдруг нью-йоркский автор внезапно исчез, но появился оттуда же Виталий Рогальский. Ну, этот вообще... Чего стоит один его недавний рассказ о беседе недорезанного прохвоста Резуна с Маршалом Советского Союза Виктором Георгиевичем Куликовым. Маршал вынужден был обратиться в газету с письмом: как она могла подумать, что старый воин, член ВКП(б) с 1942 года, Герой Советского Союза, кавалер четырех орденов Ленина встречался с этим малограмотным психом и клеветником. Откуда взял это Рогальский? Оказывается, из американской еврейской газеты «Новое русское слово». А там даже имя маршала было перевернуто, да еще говорилось, к радости Резуна,

распространяющего эту выдумку для придания себе значительности и веса, что он приговорен у нас к смертной казни. И все это сэр Рогальский вывалил на страницы газеты...

Что же касается непомерной любви наших лидеров к докторам-профессорам, то об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы два факта. Во-первых, сам тов. Зюганов пожелал стать доктором философских наук и стал им, превзойдя тем самым многих политиков, начиная с В.И. Ленина. Во-вторых, в нынешнем президиуме ЦК КПРФ среди 17 его членов нет ни одного рабочего и крестьянина, но зато сплошь интеллигенция — доктора, профессора да академики пенсионного возраста. В 2004 году станет пенсионером и сам тов. Зюганов... К числу таких пенсионеров принадлежит и профессор Ю. Качановский. А появление глав из его книги на страницах «Советской России» знаменует тот печальный факт, что советские рубежи оппозиции стремительно размываются, чего лидеры даже не замечают.

«Патриот», № 12, 13. Март 2002 г.

В ЗАЩИТУ БОЛЬШЕВИКА

(А.Бобров)

Не раз мне приходилось сталкиваться с неприязненным, даже враждебным отношением наших выдающихся патриотов к Луначарскому. Чем не угодил им Анатолий Васильевич? Что раздражало их в нем? Казалось бы, уж одно то, как много сделал он почти за двенадцать лет на посту наркома и за тридцать лет литературной деятельности для сбережения русского реалистического искусства, должно бы укоротить иные языки. Ведь это он еще в пору бума Пикассо и Шагала сказал до сих пор не устаревшие, даже как никогда злободневные ныне слова: «Шутовство и щегольство — самая губительная эпидемия среди современных художников». И нет оснований думать, что сейчас он отрекся бы, как Солженицын от «Пира победителей», от такой, допустим, оценки: «Претенциозным кривлянием и какой-то болезнью вкуса веет от работ Шагала» (Об искусстве. М., 1982, с. 207). Это он в дни разгула театрального модернизма выдвинул дерзкий лозунг: «Назад к Островскому!», что тотчас вызвало язвительный отклик Маяковского «К мамонту! К Островскому! Назад». Уж не говорю о том, что в молодости Луначарский знавал и Лукьяновскую тюрьму в Киеве, и знаменитые Кресты в Петербурге, и ссылку в Вологде, и бегство от преследования властей за границу...

Так нет же, злые языки не устают! Видимо, больше всего не по душе знаменитым патриотам сама фамилия Луначарский. Действительно, в ней есть нечто уж больно красивое: и луна, и чары, и Чарская... Но чем лучше, хотя бы, допустим, фамилии Мухин, Блохин, Тараканов? Или Волков, Лисицын, Бобров?.. Еще когда Сергей Михалков писал:

А Пушкин, Глинка, Пирогов
Прославились навеки.
И вывод, стало быть, таков:
Все дело в человеке.

И Луначарский был прекрасным человеком.

Тогда, может быть, большим патриотам не нравится имя жены наркома — Н.А. Розенель? Но это его вторая жена, а первый раз он женился в 1902 году на А.А. Малиновской, сестре известного философа, писателя, директора Института переливания крови А.А. Богданова, настоящая фамилия которого тоже Малиновский. С другой стороны, тогда у многих наших наркомов жены непостижимым образом имели фамилии того же происхождения, что и Розенель: У Рыкова — Нина Семеновна Маршак (тетка бывшего драматурга М. Шатрова), у Бухарина — Эсфирь Исааковна Гурвич, потом — Анна Михайловна Лурье, у Молотова — Полина Семеновна Жемчужина-Карповская, у Калинина — Екатерина Ивановна Лоорберг, у Кирова — Мария Львовна Маркус, у Куйбышева — Евгения Самойловна Коган, у Андреева — Дора Моисеевна Хазан, даже у Ежова жену звали Суламифь Израилевна, и даже у сталинского секретаря Поскребышева — Бронислава Соломоновна... Я уж не говорю, на ком были женаты Троцкий, Каменев, Зиновьев, Каганович, Ягода, Литвинов (Валлах), Ярославский (Губельман), редактор «Правды» Мехлис, редактор «Известий» Стеклов (Нахамкис), начальники ПУРа Иван Сергеевич Гусев (Яков Давидович Драбкин) и Ян Борисович Гамарник... Так что Розенель отнюдь не выглядела в этой большой одноцветной стае белой вороной. Пожалуй, только жены Ленина да Сталина были тут досадным сепаратистским исключением. В чем же, наконец, дело?

Неужели вражда к Луначарскому объясняется просто элементарной неосведомленностью? Очень на то похоже... Вот свежайший примерчик. Известный поэт и публицист Александр Бобров, лауреат премии им. Фатьянова, в статье «Рвачи на кормлении» («Советская Россия», 31 июля 2003 г.) высказал, на мой взгляд, справедливые суждения о Викторе Ерофееве, который, оказывается, в перерывы между своими явлениями на телеэкране прочитал все тридцать томов Достоевского, и о Алексее Фатьянове. Очень хорошо. Но вдруг ни с того ни с сего между этими двумя именами вставляет такое странное суждение: «В летние дни 1921 года Максим Горький написал Ленину странное письмо, где настаивал на том, чтобы Блоку разрешили выехать лечиться за границу. Вот его аргумент: «Честный писатель, неспособный на хулу и клевету по адресу Совправитель-

ства». Нет, это не совсем так: письмо действительно пространное, но главный аргумент был иной: «А.А. Блок умирает от цинги и астмы...»

Читаем Боброва дальше: «Но письмо попало к почитаемому либеральной интеллигенцией наркому просвещения Луначарскому, который резко воспротивился отъезду Блока, наплевав на уверенность Горького в благородстве поэта». Вот ведь как! Резко воспротивился да еще смачно наплевал и на Горького, и на Блока. Странно. Ведь Луначарский любил Горького, высоко ценил и много писал о нем, как и о Блоке. Выходит, Луначарский и виноват в смерти поэта. Но прежде хотелось бы знать, с одной стороны, какая такая «либеральная интеллигенция» почитает большевика Луначарского, — Швыдкой? Радзинский? Хакамада?.. Молчание... С другой стороны, если я почитаю, то — «либеральный интеллигент» из названной компании? Ну, спасибо, Александр Бобров.

Однако почему же Луначарский так подло вел себя по отношению к Блоку, не говоря уж о Горьком? Ведь и того и другого, повторяю, он очень высоко ценил. Чего хотел теперь? Какую цель преследовал? Боброву это не известно. Или знает, но боится сказать: страшно...

А вот Владимир Солоухин, тоже писавший об этом, не только знал, в чем дело, но в свое время на страницах антисоветской «Литературной России» и открыл секрет. Оказывается, это Ленин не хотел выпускать больного, а не Луначарский. Почему? А потому, говорит, что «испугался нелояльности поэта». Какая нелояльность? Откуда взялась? В чем проявилась? Это Солоухину было неизвестно. Да разве не Блок написал первую поэму о революции, осенив ее образом Христа? Разве не он возглашал там: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!» Разве не он писал: «Может ли интеллигенция работать с большевиками? Может и обязана»? И личным примером своего активного сотрудничества показывал, как это надо делать. И всем этим вызывал бешеную злобу эмиграции. Одна фурия Гиппиус Зинаида чего стоила. Почище Хакамады и Новодворской, вместе взятых. Ей, давным-давно имевшей квартиру в Париже, где уже в 1920 году и оказалась ее трехчленная семья, ужасно хотелось, чтобы в квартиру Блока определили на постой взвод красноармейцев.

Ну а если все-таки тогда в микроскоп обнаружили нелояльность, то чего уж так-то пугаться ее именно в то время и в данном конкретном случае? В книге «При свете дня» (на сей «свет» в 1992 году деньги предоставила американская фирма *Velka Traiding Corporation*) Солоухин писал: «К этому времени Ленина не очень заботила лояльность к большевистскому режиму какого-нибудь отдельного интеллигента. В конце концов, уже находились в эмиграции и вовсе не были лояльны к большевикам десятки русских интеллигентов (Бунин, Куприн, Мережковский, Ив. Шмелев, Шаляпин, Цветаева), и от их нелояльности большевистский режим не рушился». Это не совсем так: к тому времени, к лету 1921 года, из названных шести уехали за границу лишь трое первых, а трое остальных пребывали на родине. Но это несущественно.

Важно, как Солоухин думал: «Выиграна Гражданская война, бояться было уже нечего. Не случайно легко выпустили Ходасевича и два десятка ученых-философов». Это не совсем так: война продолжалась еще целый год, Ходасевич тоже еще год оставался в России, и «философский пароход» с учеными тоже отчалит на следующий год.

Так почему же при столь надежной, по мнению любимца фирмы *Velka Traiding Corporation*, обстановке Ленин все-таки не хотел выпускать Блока за границу? Хотите верить, хотите нет: Солоухин божился, что Ленин приказал отравить поэта, и теперь пугала не его нелояльность за границей, а то, что тамошние врачи установят факт отравления. Да почему же Ленин не опасался, что сей злодейский факт мог установить — ведь не такой уж трудный случай! — хотя бы доктор А.Г. Пекелис, лечивший Блока, и даже целый консилиум известных врачей Петрограда, состоявшийся 18 июня 1921 года? Неужели Владимир Ильич так высоко ставил иностранных врачей и так низко — русских? На это у Солоухина ответа опять не было.

Но главное-то вот в чем: с какой стати Ленин приказал отравить Блока? Даже если согласиться, что после исторического бабаха «Авроры» никаких нравственных соображений уже не существовало, — зачем? Почему? С какой целью? Уж ежели кого надо было тогда во имя мировой революции травить мышьяком, так это прежде всего Максима Горького. Именно в ту пору, когда Блок призывал к революционной бдительности и осенял Октябрьскую революцию именем Христа, Алексей

Максимович на страницах своей газеты «Новая жизнь» являл по отношению не только к новой власти, но и лично к Ленину уж такую «нелояльность», что хоть святых выноси. А у него, в отличие от Блока, великая слава, мировая известность. Тут действительно можно было испугаться отъезда за границу. Вот его и мышьяком бы!.. Но ничего подобного! Наоборот, Ленин советует своему недавнему ненавистнику поехать за границу. А 21 декабря 1921 года Политбюро ЦК («Предложение т. Ленина») принимает постановление: «Включить т. Горького в число товарищей, лечащихся за границей, и поручить т. Крестинскому проверить, чтобы он был вполне обеспечен необходимой для лечения суммой» (Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. с. 30).

Нет, уверял Солоухин, до убийства Горького очередь дойдет лет через пятнадцать, его уморит мышьяком Сталин, а сейчас подлежал истреблению именно Блок, он по алфавиту раньше. И представьте себе, ему было даже точно известно, кто именно отравил поэта, — коварная красавица Лариса Рейснер, жена Федора Раскольниковова, пламенная публицистка, которой было тогда двадцать пять лет. Есть доказательства? Еще бы! «Блок бывал несколько раз у нее дома, обедал и ужинал». Слышите? У-жи-нал! Разве это не доказательство? Действительно, в январе 1921 года поэт, которому предстояло несколько выступлений здесь, приехал из Петрограда в Москву, поужинал у Ларисы, а в августе, через восемь месяцев, умер — вот какой ужасный яд красавица Лариса сыпанула ему в тарелку или в бокал.

О, это была та еще штучка!! В книге Солоухина «Последняя ступень» (М., 1995), где он в аннотации назван «писателем-самородком» (с дипломом Литинститута за голенищем!), очень осведомленный персонаж по имени Кирилл, в котором почему-то некоторые разглядели Илью Глазунова, многолетнего друга самородка, говорит о ней: «Сука, жила в особняке, держала слуг, в шампанском купалась...» И еще: «жила, занимая особняк с прислугой, принимала ванны из шампанского». Между прочим, Глазунов едва ли мог это сказать: поди, сам живет ныне в особняке и купается уж если не в шампанском, то в кока-коле.

Очень основательно просветила Солоухина об этой роковой женщине покойная Надежда Мандельштам. В ее воспоминаниях он прочитал и вставил в свое криминальное исследование:

«Лариса была способна на многое. Все, кого она знала, погибли, не прожив своей жизни». Жуткое дело и очень убедительно. Правда, не совсем ясно, что значит «прожить свою жизнь» — шестьдесят лет? восемьдесят? сто? И откуда Мандельштам знала, кому какой век отмерен? С другой стороны, если «все (!), кого она знала, погибли (!)» раньше времени, то почему бы не назвать двух-трех? Наконец, знакомыми Рейснер, как известно, были, например, Вера Инбер, Корней Чуковский, Рюрик Ивнев, Виктор Шкловский, мой сосед по даче Оскар Курганов... Так вот, никто из них не погиб, а тихо умерли своей смертью, при этом первая прожила 82 года, второй — 87 лет, третий — 90, четвертый — 91, пятый — 92. Интересно, как им удалось избежать преждевременной гибели и так долго держаться?

Да, много было в этой женщине таинственного, говорил Солоухин. Еще и умерла в тридцать лет. Надо же! Ну кто из порядочных людей с чистой совестью умирает в таком возрасте! И в подтверждение загадочности Солоухин опять цитировал Н. Мандельштам: «Мне не верится: неужели обыкновенный тиф мог унести эту полную жизни красавицу?» Действительно, обыкновенный тиф косил тогда тысячи и тысячи обыкновенных людей, но тут-то была необыкновенная красавица! Известно же, что на них, на таких красавиц, абсолютно не действуют ни тиф, ни чума, ни сибирская язва, а может, и атомная бомба. И совершенно ясно, что Лариса Рейснер нарочно, целенаправленно умерла, мерзавка, чтобы унести в могилу тайну смерти Блока и ответственности за нее Ленина; а может, и Луначарского. Пастернак, у которого Андрей Вознесенский перенял склонность к погребальным одам, писал о смерти Ларисы:

Бреди же в глубь преданья, героиня.

Нет, этот путь не утомит ступни.

Ширяй, как высь, над мыслями моими:

Мне хорошо в твоей большой тени.

По-моему, первая и последняя строки тут вполне вразумительны.

Теперь вернемся на землю и обратимся к документам. Так вот, сперва не Горький писал Ленину о Блоке и не Луначарский перехватил письмо да наплевал на него, как уверяет А. Бобров, а сам Луначарский еще 8 июля 1921 года направил письмо

наркому иностранных дел Г.В. Чичерину, в Особый отдел ВЧК В.Р. Менжинскому и управляющему делами Совнаркома Н.П. Горбунову. Сразу по трем высоким адресам! Поскольку обвинения Боброва слишком тяжкие, придется дать это письмо достаточно полно: «Общее положение писателей в России чрезвычайно тяжелое. Вам, вероятно, известно дело об отпуске за границу Сологуба и просьбы о том же Ремизова и Белого; но особенно трагично повернулось дело с Александром Блоком, несомненно, самым талантливым и наиболее нам симпатизирующим из известных русских поэтов. Я предпринимал все зависящие от меня шаги, как в смысле разрешения Блоку отпуска за границу, так и в смысле его устройства в сколько-нибудь удовлетворительных условиях здесь». Из последних слов видно, что это письмо не первая попытка Луначарского помочь поэту.

Дальше: «Блок сейчас тяжело болен цингой и серьезно психически расстроен, так что боится тяжелого психического заболевания. Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его <...> Я еще раз (еще раз! — В.Б.) в самой энергичной форме протестую против невнимательного отношения ведомств к нуждам крупнейших русских писателей и с той же энергией ходатайствую о немедленном разрешении Блоку выехать в Финляндию для лечения» (там же, с. 22). Интересно знать, писал ли когда-нибудь Бобров с такой же энергией подобные письма хотя бы в райком партии. Ведь дело не в должности, а в любви к родной культуре, в желании защитить ее...

Через два дня, 11 июля, Луначарский направил письма по этому же вопросу еще выше — уже в ЦК и лично Ленину: «Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырех лет державшийся вполне лояльно по отношению к Советской власти и написавший ряд сочинений, учтенных за границей как явно симпатизирующие Октябрьской революции, в настоящее время тяжело заболел нервным расстройством. По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем. Бумаги находятся в Особом отделе ВЧК. Просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле» (там же, с. 24).

В этот же день Ленин, прочитав письмо Луначарского, пишет на нем: «т. Менжинскому! Ваш отзыв? Верните, пожалуйста-

та, с отзывом» (там же). Солоухин в своем пронзительном изыскании о мышьяке особенно подчеркивал то обстоятельство, что Ленин запросил не Наркомздрав, а именно ВЧК, Менжинского: они, мол, травили, они и знают, когда наступит конец, и, значит, сколько надо еще помурожить с решением, чтобы дожидаться кончины поэта здесь, а не за границей. Баловень фирмы Velka писал крупными буквами: «БОЛЕЗНЬ БЛОКА ПРОХОДИЛА ПО ВЕДОМСТВУ МЕНЖИНСКОГО. Другого объяснения этому (письму Ленина в ВЧК) нет». О такой простоте нельзя воскликнуть: «О, святая!» А дело-то действительно простое: тогда ВЧК, как позже КГБ, принимала участие в решении вопроса о выезде граждан за границу, в том числе — всех писателей. Что же до Наркомздрава, то обращаться туда не было никакой необходимости: Ленин верил Луначарскому и Горькому, что Блок болен.

В этот же день Менжинский пишет Ленину: «Уважаемый товарищ! За Бальмонта ручался не только Луначарский, но и Бухарин. Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории» (Там же).

На другой день, 12 июля, Политбюро решило: «Ходатайство гг. Луначарского и Горького об отпуске в Финляндию А. Блока отклонить. Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока» (там же, с. 25).

Понять такое решение нетрудно, ибо незадолго до этого, 19 апреля, Дзержинский докладывал в ЦК: «До сих пор ни одно из выпущенных лиц (как, например, Кусевицкий, Гзовская, Гайданов, Бальмонт) не вернулись обратно, некоторые — в частности Бальмонт — ведут злостную кампанию против нас <...> ВЧК просит Центральный комитет относиться к этому вопросу со всей серьезностью» (там же, с. 15). А через месяц, 18 мая, секретарь ЦК В.М. Молотов получил новое сообщение из ВЧК: «Из числа выехавших за границу с разрешения Наркомпроса вернулось только 5 человек, остальные 19 не вернулись, 1 (Бальмонт) ведет самую гнусную кампанию против Советской России» (там же, с. 18). Действительно, стоит лишь вспомнить, как пламенно Константин Бальмонт даже здесь, на родине, прославлял тех, кто покушался на Ленина и убил Урицкого:

Люба моя мне буква «К».
Вокруг нее сияет бисер.
И да получают свет венка
Борцы — Каплан и Канегиссер!

Как известно, оба покушения произошли в 1918 году, тогда же были написаны и эти стихи. Так что А.Н. Яковлев вводит в заблуждение читателей; публикуя комментарии к приведенному выше документу, в которых утверждается, будто Бальмонт «проявлял лояльность к Советской власти вплоть до кронштадтских событий марта 1921 года, когда поэт выступил с резкой антибольшевистской статьей» (там же, с. 734).

А что вытворяла в Варшаве, Берлине и Париже дружная трехчленная семейка Мережковского — Гиппиус — Философова, удравшая на Запад безо всякого разрешения... «Царство Антихриста!» — в три глотки вопили они на всю Европу о Советской России.

Наконец, 28 июня Молотов получает новое письмо из ВЧК, где говорилось: «В ИноВЧК в настоящий момент имеются заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Сологуба — о выезде за границу.

Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями — ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства» (там же, с. 20—21).

Из процитированных документов видно, что поначалу Советская власть давала разрешение на выезд за границу довольно просто, но реальность, увы, заставила ее стать строже. Именно в этом конкретном историческом контексте и следует рассматривать вопрос об отказе Блоку. Впрочем, на том же заседании Политбюро почему-то было дано разрешение Сологубу.

И Горький и Луначарский не прекращают своих усилий. Первый пишет Ленину то самое большое письмо, о котором упомянул Бобров: «Честный писатель, не способный на хулу и клевету по адресу Совправительства, А.А. Блок умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в са-

наторию. Его — не выпускают, но, в то же время, выпустили за границу трех литераторов, которые будут хулить и клеветать — будут. (Имелись в виду Ф.К. Сологуб, К.Д. Бальмонт и, вероятно, М.П. Арцибашев. — *В.Б.*). Я знаю, что Соввласть от этого не пострадает, я желал бы, чтобы за границу выпустили всех, кто туда стремится, но я не понимаю такой странной политики: она кажется мне подозрительной, нарочитой. Невольно вспоминается случай с Щпицбергом, «коммунистом» и следователем ВЧК по делам духовенства. Этот Шпицберг во времена царского режима был мелким гнусеньким адвокатом по бракоразводным делам. Человек темный, он даже в Духовных консисториях вызывал презрительное отношение к себе. После Октября он объявил себя «богоборцем» (как ныне вчерашние богоборцы объявляют себя воинами Христа. — *В.Б.*), выступал на митингах с А.В. Луначарским, редактировал с Красиковым журнал «Церковь и революция», наконец — проник в ВЧК и, работая там в качестве следователя, совершил бесчисленное количество всяких мерзостей, крайне вредных для престижа Совправительства. Я слышал, что его, наконец, выгнали из ВЧК, да, кстати, и из партии. Это — хорошо, но не осталось ли там еще одного Шпицберга?» (там же, с. 26).

Сохранилась записка Ленина: «Из ЧК выгнали: Шпицберг выгнан из партии месяца три назад (Сволочь определенная)» (там же, с. 734). А на вопрос Горького, не осталось ли в ЧК еще одного Шпицберга, увы, приходится ответить, что не только осталось, но там со временем шпицберги невероятно еще и расплодились.

А что Луначарский? 16 июля он опять пишет в ЦК РКП: «Решения ЦК по поводу Блока и Сологуба кажутся мне плодом явного недоразумения. Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой огромной мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием «Китайская республика равных». И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как народный комиссар просвещения, ни разу не ручался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что поставлен в тяжелое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств

его содержать, этого человека вы отпускаете. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким главное украшение всей нашей литературы, так сказать, вчерашнего дня... Человек, о котором газета «Таймс» недавно написала большую статью, называя его самым выдающимся поэтом России и указывая на то, что он признает и восхваляет Октябрьскую революцию.

В то время как Сологуб попросту подголодывает, имея, впрочем, большой заработок, Блок заболел тяжелой ипохондрией, и выезд его за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти. Но вы его не отпускаете. Накануне получения вашего решения я говорил об этом факте с В.И. Лениным, который просил меня послать соответствующую просьбу в ЦК, а копию ему, обещая всячески поддержать отпуск Блока в Финляндию. Но ЦК вовсе не считает нужным запросить у народного комиссара по просвещению его мотивы, рассматривая эти вопросы заглазно и, конечно, совершает грубую ошибку. Могу вам заранее сказать результат, который получится вследствие вашего решения. Высоко даровитый Блок умрет недели через две, а Федор Кузьмич Сологуб напишет по этому поводу отчаянную, полную брани и проклятий статью, против которой мы будем беззащитны, т.к. основание этой статьи, т.е. тот факт, что мы уморили талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению.

Копию этого письма я посылаю В.И. Ленину, заинтересовавшемуся судьбой Блока, и тов. Горькому, чтобы лучшие писатели России знали, что я в этом (пусть ЦК простит мне это выражение) легкомысленном решении несколько не повинен» (там же, с. 28). Не знаю, сбылось ли предсказание о статье Сологуба, но Блок умер именно через две недели...

Прошло 82 года, и один из лучших писателей России на страницах одной из лучших газет России твердит: «виноват Луначарский!».

Через несколько дней член Политбюро Л.Б. Каменев писал Молотову: «Я и Ленин предлагаем:

1. Пересмотреть вопрос о поездке за границу А.А. Блока. На прошлом ПБ «за» голосовали Троцкий и я, против — Ленин, Зиновьев, Молотов. Теперь Ленин переходит к нам» (там же,

с.29). Судя по всему, Ленин изменил свою точку зрения под влиянием именно Луначарского.

На заседании 23 июля Политбюро постановило: «Разрешить выезд А.А. Блоку за границу» (там же).

Так что Андрей Турков ошибается, уверяя, что «попытки Горького и др. добиться разрешения на выезд поэта за границу для лечения остались безрезультатными» (Русские писатели XX века. М., 2000, с. 98—99). Другое дело, что Блоку было уже так плохо, что воспользоваться разрешением он не мог. 7 августа 1921 года поэт умер. Ему было сорок лет.

Луначарский умер в 1933 году. Ему было пятьдесят восемь. Александр Бобров, слава Богу, благополучно здравствует. Ему скоро шестьдесят...

В предвидении того, что я могу быть приглашен на юбилей Боброва, заранее дарю ему на память еще один драгоценный факт из жизни Луначарского — его «весьма срочное» письмо В.И. Ленину от 13 января 1922 года. Анатолий Васильевич писал:

«Дорогой Владимир Ильич, тов. Енукидзе вчера сказал мне, что на последнем заседании Политбюро вновь решено закрыть Большой театр <...> Я протестую самым категорическим образом <...> Центральный Комитет собирается внезапно, не уведомляя меня ни одним словом и не заслушав ни одного компетентного лица, делает жест, который, как я сейчас докажу Вам, является компрометирующим его абсурдом.<...> Я формально протестую против решения Центрального Комитета, принятого без меня, и категорически требую пересмотреть это решение по заслушивании моих аргументов против него. Об этом я посылаю заявление и секретарю ЦК» (В.М. Молотову).

Письмо длинное. В нем автор рассмотрел и эстетическую сторону вопроса, и экономическую, и чисто человеческую: «Мы лишили бы куска хлеба полторы тысячи людей с их семьями, быть может, уморили бы голодом несколько десятков детей. Вот что значит закрытие Большого театра».

Кончалось письмо так: «Если законы конституции не распространяются на ЦК, то законы разумности безусловно распространяются. Как тут быть и кому жаловаться?»

Уверенный в том, что Вы, Владимир Ильич, не рассердитесь на мое письмо, а, наоборот, исправите сделанный промах, крепко жму Вашу руку».

Луначарского энергично поддержал, возможно, по его просьбе, председатель ВЦИК (как бы президент) и член ЦК Михаил Иванович Калинин. Накануне окончательного рассмотрения вопроса в Политбюро его членам была роздана записка, в которой тверской крестьянин вразумлял партийных интеллигентов: «Мне кажется, прежде чем разрушать огромную, накопленную целыми поколениями культурную ценность в лице оперных и балетных артистов, их профессиональную спаянность — необходимо предварительно решить: кто же должен занять их место, т.е. какой вид искусства займет место уничтоженных оперы и балета. <...> Разве этот вид искусства несовместим с Советским строем? Или зрительные залы бывают пусты?.. Большой театр, несомненно, играет не меньшую воспитательную роль для своих посетителей, чем публичная библиотека. Неправда, что Большой театр посещают одни спекулянты. <...> Я надеюсь, что Политбюро пересмотрит и отменит свое решение» (там же, с. 735).

И что же? Политбюро пересмотрело свое решение и отменило его.

И невольно приходит на ум: а что было бы, если наркомом просвещения тогда работал культурный революционер Швыдкой, а президентом — лошкарь Ельцин?

P.S. Между прочим, мать Луначарского — Александра Яковлевна Ростовцева, дворянка, отец — Александр Иванович Антонов, действительный статский советник, то бишь гражданский генерал. А фамилию он носил Василия Федоровича Луначарского, статского советника, с которым мать состояла в официальном браке, и даже отчество у него взял. Анатолий Васильевич был человеком огромной культуры, пользовался в стране большим уважением и авторитетом. Он никогда не мог бы, например, как некоторые нынешние его ненавистники, стихи Алигер приписать Эренбургу, да еще обвинить того в плохом звании русского языка.

Это был человек стасовского кругозора, стасовских интересов, стасовского темперамента. Он писал об искусстве прошлого и современности — и о литературе, и о живописи, и о ваянии. Если вспомнить хотя бы наиболее крупные имена русской литературной классики, блиставшие под пером Луначарского, то это будут Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Некрасов, Достоевский... Из его современников, из советс-

ких писателей — Короленко, Горький, Блок, Маяковский, Есенин, Леонов, Фурманов, Шолохов, Фадеев... Из мировой классики — Шекспир, Свифт, Гёте, Шиллер, Флобер, Диккенс, Золя, Ибсен, Франс... Я думаю, что нынешний «нарком просвещения» иные из этих имен и не слышал... В 1930 году Луначарский был избран действительным членом Академия наук, — не той, «Славянской», что сгондобил энтузиаст Исхаков, а которую с 1917 года двадцать лет возглавлял Александр Петрович Карпинский, знаменитый основатель русской геологической научной школы, академик еще с царских времен, с 1896 года.

Как неумолимому защитнику русской культуры Луначарскому давным-давно надо бы поставить памятник. И если Союз писателей поручит при его открытии произнести речь Александру Боброву, который к радости сфер так обильно уснащает свои публикации именами отцов церкви, святых и великомучеников, то, надеюсь, он исправит свою ошибку и вспомнит, что это памятник одному из мучеников, который смело шел на святой подвиг обережения русской культуры.

«Патриот», № 45—46, ноябрь 2003 г.

СОБЛАЗН ПРОКУКАРЕКАТЬ ПЕРВЫМ

(С.Куняев)

Недавно в «Правде» Станислав Куняев объявил, что стоит на консервативных позициях. Очень хорошо. Я тоже консерватор. Может быть, даже мракобес. Предполагаю, что именно так меня и понимают, допустим, М. Шатров и Е. Евтушенко. Ну как же! Ведь я против столь любезных им бесконечных революций, тем паче, если революцию возводят в квадрат и радостно сообщают с пригорка: вот вам «революция в революции», ликуйте! Не могу ликовать... Я против бесчисленных встрясок во всех областях жизни. Я, постепеновец, за осмотрительность и взвешенность, за сбережение ценностей, добытых народом веками. Как же не мракобес! Словом, вроде бы мы со Ст. Куняевым соседи, стоим рядом, и даже плечом к плечу. И должен бы я, как мракобес мракобеса, во всем его понимать и поддерживать. Должен. Но...

Вот недавняя его статья «Человеческое и тоталитарное». Не имея намерения давать ей здесь общую характеристику, не могу пройти мимо некоторых суждений и оценок критика в главе «О революционной законности и большом терроре». В ходе своих изысканий в данном вопросе автор в частности заявляет: «Не будем делать из Бухарина крестьянского заступника, чем занимаются сегодня многие средства массовой информации. Не случайно, что именно Бухарину, своему единомышленнику по отношению к русскому крестьянству как реакционной силе, М. Горький в 1925 году пишет письмо-совет или даже письмо-инструкцию со следующим содержанием...» Максима Горького критик рисует в образе главного ненавистника русского крестьянства, дающего инструкции своим подручным в Политбюро. К тому же инструкции тайные, поскольку письмо имело личный характер и 65 лет не публиковалось.

Вот текст этой тайной инструкции, почему-то не зашифрованный: «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возмо-

жен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть теперь же.

Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима».

Отношение Горького к деревне вопрос очень сложный. Кое в чем весьма существенном великий писатель был здесь не прав. Пока отметим только для никогда не ошибающихся дистиллированных праведников, что это отношение определялось во многом тревогой за малочисленный тогда русский рабочий класс. В письме от 23 июня 1925 года тому же Бухарину он писал: «Нет, дорогой Николай Иванович, я не боюсь, что «мужик съест». Однако же когда представишь себе всю огромность всемирной русско-китайско-индусской деревни, а впереди ее небольшого, хотя и нашедшего Архимедову точку опоры, русского коммуниста, то, всматриваясь в соотношение сил, испытываешь некоторую тревогу». Горький был обеспокоен не вообще работой писателей-крестьян, не произведениями о деревне как таковыми, — писатель считал нужным выступить против «возрождающегося сентиментализма» в изображении деревни, против попыток представить ее безмятежным «раем», против бездумного поклонения идеализированному мужику, — идеализация вредна и опасна в любом деле. В только что цитированном письме Горький продолжал: «И когда я вижу, что о деревне пишут — снова! — дифирамбы гекзаметром, создают во славу ее «поэмы» в стиле Златовратского, — это меня не восхищает. Мне гораздо более по душе и по разуму соленькие рассказы о деревне старого знакомого моего Пантелеймона Романова».

В письме, превращенном С. Куняевым в «инструкцию», как и во втором, речь шла о вопросе чисто идеологическом, и важно подчеркнуть, что Горький считал совершенно недопустимой всякую цензуру в отношении авторов чуждого ему направления. И как бы то ни было, а идейное расхождение в литературе, конфликт, самое резкое противостояние он, в отличие от некоторых тогдашних и нынешних «прорабов», считал возможным решать только средствами критики, то есть спора, дискуссии, а не печатной угрозы, допустим, при встрече съездить литературному противнику по салазкам, как мы видим это в наши дни.

(Смотри «Московский литератор», № 42, 1989.) Нельзя не отметить и того, что, считая в ту пору лирику Есенина несвоевременной, Горький тем не менее давал ей высокую оценку. Много ли может указать нам С. Куняев подобных жестов в наши дни?

Все эти непустячные достоинства позиции писателя не заинтересовали Ст. Куняева, он продолжает высвечивать роль Горького в «большом терроре», пока — идеологическом: «Жаль, что это письмо опубликовано лишь сегодня («Известия ЦК КПСС», 1989, № 1), иначе давно стало бы ясно, что Бухарин в «Злых заметках» с вдохновением выполнил пожелание Горького». Почему же пожелание? Инструкцию!

Об этих «Заметках» Ст. Куняев писал в 1989 году так: «В них Бухарин издевается над поэзией Тютчева, над расстрелянными дочерьми (девочками!) последнего царя («которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненужностью свой век») и, в первую очередь, над великим русским народным поэтом Сергеем Есениным: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера», все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэзии Есенина»; «с мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции Сергей Есенин»; «причудливая смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господ бога, некрофилии... и т.д. — все это под колпаком юродствующего квазинародного национализма — вот что такое есенищина». Да, все это в бухаринской статье есть. И вот теперь Ст. Куняев уверяет, что вдохновителем всего этого был не кто иной, как Максим Горький...

Нашего критика не смутило ни то, что между письмом Горького и статьей Бухарина пролегло полтора года; ни то, что изображать Бухарина простачком, жившим чужими мыслями и легко управляемым тайными «инструкциями», значит, ничего не знать о Бухарине; ни то, наконец, что не прошло и двух месяцев после статьи «Злые заметки», напечатанной в «Правде» 12 января 1927 года, как пятого марта в «Красной газете» появился знаменитый очерк Горького о Есенине, пронизанный такой болью за его судьбу и таким восхищением его поэзией!.. Ст. Куняев, стремясь убедить нас в полном единомыслии и четкой согласованности действий Горького и автора «Злых заме-

ток», порой прибегает к неосновательным намекам и слишком вольным допущениям: «не случайно»... «понятно» и т.п. Но ему почему-то не пришло в голову, что, может быть, очерк Горького появился не случайно, может быть, это сознательный и намеренный ответ на «Злые заметки».

Вспомним хотя бы несколько фраз из этого очерка: «его размашистые яркие, удивительно сердечные стихи»... «изумительный рязанский поэт» ...«Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью» ... «Взволновал он меня (чтением монолога Хлопуши. — В.Б.) до спазмы в горле, хотелось рыдать. Помнится, не мог сказать ему никаких похвал» ... «Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком»...¹ И этот влюбленный почитатель, так писавший о Есенине, под пером моего единомышленника предстает ныне как инструктор и организатор разносных статей против поэта, как вдохновитель его посмертной травли!

Но читаем статью дальше: «Весьма любопытно, что «нещадную критику» крестьянской литературы Горький считает по плечу лишь двум идеологам — Троцкому и Бухарину, признавая их настоящими «мужикоборцами».

Ни о каких «мужикоборцах» в письме не упоминается. И неизвестно, откуда автор знает, что писатель рассчитывал лишь на двоих. Может, он подобные тайные инструкции рассылал во все концы страны пачками? Но гораздо важнее то, что здесь до предела выправлены и упрощены отношения Горького не только к Бухарину, но и к Троцкому. Напомним лишь один эпизод.

Горький вскоре после смерти В.И. Ленина опубликовал в «Русском современнике» (№ 1, 1924 г.) воспоминания о нем. Троцкий, который в это время сам работал над книгой о Ленине, немедленно отозвался в «Правде» статьей «Верное и фальшивое о Ленине». И для тона и для сути статьи характерно сочувствие, с коим автор вспоминал слова какого-то безымянного «питерс-

---

¹ Слова о милосердии к человеку дают богатую пищу для размышления с связи с тем, что ныне так часто ставятся в вину Горькому слова его персонажа: «Жалость унижает человека».

кого рабочего», который-де когда-то предлагал «без слезливой сентиментальности» в случае чего «подвезти под Петроград динамиту да взорвать все». Видя в этом «настоящее отношение к культуре». Троцкий, по его словам, смотрел на динамитчика «любящими глазами». И революционером именно такого толка, «революционером без оглядки», он пытался представить Ленина. И потому язвительно иронизировал над тем, что писатель видел в жизни Ленина «подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости», посмеивался над словами о том, что Ленину приходилось иногда «держаться за крылья». В Институте мировой литературы хранится письмо Горького, где в частности сказано: «Суждение Льва Троцкого по поводу моих воспоминаний о Ленине написаны хамовато по моему адресу и с неожиданным для меня цинизмом демагога». Сказано точно, а дальше — и прозорливо: «Не хочет ли Троцкий, рисуя Ленина таким топором, таким «революционером без оглядки», взвалить на него всю тяжесть ответственности перед историей за «разбитые горшки»?.. Похоже. «Революционер без оглядки» — это был тип, презираемый Ильичем, враждебный ему». И, наконец: «Если бы я хотел, я мог бы возразить Троцкому, опубликовав письмо Ильича о Зиновьеве: там очень веско говорится о людях «без оглядки действующих со страха», о «лакеях революции» и вообще о лакеях».

Готовя очерк для отдельного издания, а позже существенно перерабатывая его, Горький игнорировал все суждения и претензии Троцкого. Что касается упомянутой книги Троцкого о Ленине, то она вышла в мае 1924 года. В письме Горького А.И. Рыкову из Сорренто 24 декабря 1924 года упоминается о ней: «Книгу его я не читал, эмигрантская печать обрадована ею, как жирной купеческой милостыней за упокой родителей». Между прочим, в том самом номере «Известий ЦК КПСС», на который ссылается Ст. Куняев, об этой книге Троцкого сказано: «В ней была искажена роль В.И. Ленина в Октябрьской революции. Даже меньшевистский «Социалистический вестник» отметил, что Л.Д. Троцкий «издевается над памятью В. Ленина». Вот такие случались эпизоды между Горьким и Троцким. О некоторых других упомянем ниже.

Всего этого Ст. Куняев либо не знает, либо не желает принимать в расчет. И продолжает искать о Горьком что-нибудь

еще поскосительней. И представьте себе, находит! Притом опять в сфере «большого террора», но уже не идеологического, а террора в прямом смысле: «Понятно (так и видится мне, как автор при этих словах потирает руки. — В.Б.), почему при таких убеждениях (по крестьянскому вопросу. — В.Б.) десятилетие спустя М. Горький не заступился ни за Клюева, ни за Клычкова, ни за Платонова, ни за Павла Васильева».

Выказанная здесь «понятливость» изумляет и удручает. Да неужели сам Куняев, имея на то возможность, не попытался бы помочь в лихой беде, допустим, своему литературному противнику, но все же тезке Ст. Рассадину? Не могу поверить. Я лично помог бы. Хотя он мне совсем не тезка, и не раз писал про меня нечто весьма прискорбное. Или вот В. Лакшин. Я не раз спорил с ним, и он отвечал мне достаточно резко. Но в журнале «Москва» могут подтвердить, что в одной статье за участие в создании цикла телепередач о Чехове я предлагал выдвинуть его на Государственную премию. И сделал это, право, не только потому, что мы тезки. Увы, статью М. Алексеев не напечатал... Сократили эти строки и в «Коммунисте Вооруженных сил». А ведь здесь-то речь шла совсем не о лихой беде! Если будет за что, с легким сердцем выдвину я и Рассадина.

Да, не могу поверить, что Ст. Куняев отрицает приоритет общечеловеческих ценностей. И непонятно мне, откуда эта убежденность в том, что всемирно прославленный и влиятельный писатель не пожелал спасти от гибели младших собратьев по литературе исключительно только из-за расхождений во взглядах по крестьянскому вопросу. Черт с вами, мол, пусть вас сажают и расстреливают, коли вы со мной не согласны! Так, что ли?

В куняевском обвинении непонятно мне и еще многое. Например, как оказались у критика в «крестьянской литературе» и даже в числе «писателей-крестьян» П. Васильев и А. Платонов? А принимает ли автор в расчет, что все названные им писателя пережили Горького, кто на год-полтора, кто лет на пять, а кто и на все пятнадцать? И как можно ставить в один ряд, на одну доску, допустим, того же П. Васильева, который действительно был расстрелян в 1937 году, и А. Платонова, литературная судьба которого была очень трудной, но все-таки уголовным репрессиям он не подвергался? Ну, а ведомо ли автору, что П. Васильев был арестован в 1937 году весной, а С. Клычков — в

ночь на первое августа 1937 года, когда Горького уже год с лишним не было в живых? Или ныне, в эпоху всеохватных разоблачений, можно и покойника обвинить в том, что он из могилы не помог живому?

Из всего списка остается один Николай Клюев. Он действительно был арестован при жизни Горького — 2 февраля 1934 года. Но, во-первых, при всей его влиятельности писатель вовсе не был всемогущим. Во-вторых, неужели трудно представить себе хотя бы житейскую (болезнь, отсутствие и т.п.) или еще какую-то более вескую причину, которая могла бы помешать вступить-ся?¹ Наконец, кто сказал критику, что Горький не пытался помочь Клюеву? В том самом журнале, который Ст. Куняев ныне редактирует, в двенадцатом номере за 1989 год, на странице 185 читаем: «За смягчение участи Клюева ходатайствовали в Москве его друзья, А.М. Горький, П.А. Обухова. Их хлопоты, как сообщает журнал «Дружба народов» (1987, № 12, с. 137), увенчались успехом...» Если журнал редактируешь, то хорошо бы иногда еще и почитать его. А сообразить, чей именно ходатайский голос звучал тогда особенно веско, совсем не трудно.

В чем же, однако, состоял успех ходатайства? Н. Клюева сослали в Нарымский край, в поселок Колпашев. Вот как он сам писал о нем: «Это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем». И вот благодаря хлопотам в Москве поэта переводят из этой страшной дыры в Томск, в университетский город. «Это на тысячу верст ближе к Москве», — радовался Клюев. Там, в конце концов, ему удалось довольно сносно устроиться в доме сердобольной русской женщины Марии Алексеевны Балакиной. А погиб он в октябре 1937 года. Как и Васильев, как и Клычков — уже после смерти Горького.

Поэтесса Наталья Сидорина в статье «Меня хотят убить» («Слово», № 10, 1989) рассматривает обстоятельства смерти Сергея Есенина. В статье немало странного. Например, она на-

---

¹ Может быть, критик примет во внимание хотя бы то, что у Горького заболел и 11 мая умер единственный и горячо любимый сын?

чинается так: «Поэты сами предсказывают свою судьбу. Сергей Есенин писал:

...И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь.
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Казалось бы, здесь предсказано самоубийство, но как ни странно, отталкиваясь от этих строк, автор статьи ведет речь об убийстве поэта.

Но нас интересует в статье другое: в меру сил ее автор тоже пытается связать имя Максима Горького с «большим террором». Она пишет: «Мягко говоря, негативное отношение к поэтам есенинского круга появилось и даже получило теоретическое оформление задолго до сталинских репрессий. Об этом, в частности, свидетельствует...» И дальше цитирует уже цитированные Ст. Куняевым строки из письма Горького Бухарину. Но этим Н. Сидорина не ограничивается, она несет черную эстафету дальше. Если Ст. Куняев изобразил Горького инспиратором статьи «Злые заметки», то поэтесса исследует, что же было потом с горьковской «подачи». А вот что, оказывается: «В 1926 году из-под пера А. Крученых, вдохновленного «Злыми заметками», вышли одна за другой книги...» И приводит большой перечень книг, направленных против Есенина. Очень веско! Выходит, Горький несет ответственность и за эти книги Крученых. Очень убедительно! Если бы не одна деталь: статья Бухарина не могла вдохновить на книги, вышедшие в 1926 году, по той досадной причине, что появилась она, как свидетельствует тот же Ст. Куняев в том же «Нашем современнике», 12 января 1927 года.

Много преуспел на интересующей нас тучной ниве доктор филологических наук Вадим Баранов. Он в своих беспощадных глубинных изысканиях дошел до установления факта семейного родства между Горьким и Ягодой. И то сказать, Генрих Ягода был женат на племяннице Якова Свердлова, а Горький имел когда-то неосторожность усыновить брата Свердлова — Зинovia, дал ему свою фамилию Пешков. В. Баранов замечает по этому поводу: «Хоть и седьмая вода на киселе, а все же...» Все же, все же. Поистине ни одно доброе дело, даже такое, как усы-

новление сироты, не остается в этом мире безнаказанным. Особенно, если засучивают рукава ученые люди¹.

В подобного рода публикациях более всего поражает легкость, с какой авторы подходят даже к такой огромной и сложной фигуре, как Горький. Человек, который олицетворяет собой одно из самых ярких и убедительных свидетельств талантливости их народа, для этих критиков лишь подпорка сфабрикованных ими концепций. А ведь они ходят в мундирах патриотов... Ст. Куняева не остановило и то, что на обложке журнала, который он ныне возглавляет, портрет Горького. Один из недавно привлеченных к сотрудничеству в журнале авторов как-то сказал мне, мечтательно прикрыв глаза: «Убрать бы этот портретик-то с обложки!..» Судя по фактам, это соответствует желанию и главного редактора. Кого же он водрузит на освободившееся место? Скорее всего, кое-кого из учителей своей молодости... Есть люди, которые никак не могут преодолеть соблазн первым прокукарекать.

Есть основания полагать, что, прихлестывая Максима Горького к «большому террору», Ст. Куняев не читал не только его «Несвоевременные мысли», но даже и те письма писателя, что опубликованы в том самом номере «Известий ЦК КПСС», откуда критик выудил нужные ему цитатки — они «просто попались под руку» в какой-то другой публикации.

Поскольку эти письма еще мало известны широкому читателю, я позволю себе привести несколько выдержек из них.

В 1919 году Горький писал Г.Е. Зиновьеву, бывшему тогда председателем Совнаркома коммун Северной области, по поводу ареста ученых, принадлежавших ранее к партии кадетов: «...Аресты не могут быть оправданы никакими соображениями политики, если не подразумевать под ними безумный и животный страх за целостность шкуры тех людей, которые производят аресты.

Сегодня арестована целиком составленная мной по поручению А.В. Луначарского коллегия <...> Вместе с этой коллeгией должен быть арестован и я как организатор и председатель

---

¹ А еще один ученый человек многозначительно уверяет нас, что после усыновления Зиновия Свердлова «тиражи книг писателя резко возросли». Господи, и это о писателе, равного которому по славе и популярности тогда не было!

оной <...> Я покорно прошу освободить арестованных экспертов, ибо их арест или глупость, или нечто худшее.

Дикие безобразия, которые за последние дни творятся в Петербурге, окончательно компрометируют власть, возбуждая к ней всеобщую ненависть и презрение ее трусости».

3 июня того же года, ходатайствуя за арестованного сына журналистки Э.К. Пименовой, Горький писал тому же адресату: «Аресты производятся крайне обильно и столь же нелепо, следовало бы соблюдать в этом деле осторожность, всегда и везде полезную».

По этим письмам 11 сентября Политбюро приняло решение «пересмотреть списки и дела арестованных во время последних массовых арестов». В результате многие были освобождены, среди них — писатель Иван Вольнов.

Позже Горький обращается с подобными письмами к В.И. Ленину, а 6 октября — к Ф.Э. Дзержинскому, в последнем письме он, в частности, решительно подчеркивал: «Сообщаю Вам, что смотрю на аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны, и заявляю в конце письма, что Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней. М. Горький».

В письме Н.И. Бухарину от 1 июня 1922 года есть такие строки: «Вопрос о жестокости — мой мучительнейший вопрос, я не могу отрешиться от него. Всюду наблюдаю я бессмысленное озверение...»

Через месяц — А.И. Рыкову в связи с процессом над 34 активными деятелями партии эсеров: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством — это будет убийство с заранее обдуманым намерением — гнусное убийство.

Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.

Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России».

Горький попросил еще и Анатоля Франса обратиться к Советскому правительству «с указанием на недопустимость преступления». «Может быть, писал он, — Ваше веское слово со-

хранит ценные жизни революционеров». Это письмо была опубликовано 20 июля 1922 года в упоминавшемся «Социалистическом вестнике».

На письме Рыкову наложил резолюцию Троцкий: «Предлагаю: поручить ред. «Правды» мягкую статью о художнике Горьком, которого в политике никто всерьез не берет; статью опубликовать на иностранных языках». И уже 18 июля в «Правде» появилась «мягкая» статья с издевательским заголовком «Почти на дне». Автор ее некто О. Зорин писал, что «своими политическими заграничными выступлениями Максим Горький вредит нашей революции. И вредит сильно».

А по поводу письма Горького Франсу В.И. Ленин писал 7 сентября 1922 года Н.И. Бухарину: «Я читал (в «Социалистическом вестнике») поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться...»

Так вот я хочу спросить у вас, герои-прорабы перестройки, рыцари плюрализма, адепты дозволенной гласности, — есть у вас за душой хоть одно письмо, подобное горьковским, хоть один похожий поступок?

«Литературное обозрение», № 8, 1990 г.

ПРОЗРЕВШИЙ И УПЕРТЫЙ

(В. Кожин, С. Куняев)

К критике относятся по-разному. Это естественно и зависит от многих причин, прежде всего — от характера критики, а также от личности и самого критика, и того, кто оказался предметом его внимания.

Не так давно в «Завтра» у меня была большая статья «Почему безмолвствовал Шолохов». В ней я оспаривал некоторые суждения о великом писателе ряда авторов — Ф. Кузнецова, В. Осипова, С. Семанова, И. Жукова... И что же? Иные вообще прошли молча мимо моей критики, другие, как двое первых, кратко возразили мне в этой же газете. Ф. Бирюков, хоть и не был даже упомянут в моей статье, опубликовал целую полосу, где возражал мне по одному частному вопросу. Но никто не кинулся к Большой Берте и не начал палить. А один из них, которого, кажется, я задел чувствительней других, при первой же встрече в Союзе писателей России кинулся ко мне с распростертыми объятьями, — неужто так ему понравилась моя статья в целом? Впрочем, это не помешало мне тут же высказать огорчение по поводу того, что он написал о шолоховской Аксины. И только один Виктор Кожемяко прислал в «Завтра» гневное письмо и решительно настаивал, чтобы газета перепечатала его статью из «Правды», которую я будто бы злонамеренно и бесстыдно искажил. И вот характерно: он вовсе не шолоховед, и я упомянул-то его в статье раза два-три мельком, по частным вопросам, при этом кое в чем охотно и даже благодарно соглашаясь с ним, даже величая «дорогим собратом» и т.д. Так нет, он оскорблен, пишет, что Бушин — шулер, который не только его лично лишил чести и достоинства, но «припечатал и самого Шолохова». Мало того, Бушин — страшный литературный потрошитель, «одним махом уничтоживший семь серьезных исследований о великом писателе». И подумать только, так пишет обо мне младший товарищ по партии, который не так давно на страницах трижды орденосной «Правды» превозносил меня до небес.

А ведь я с тех пор не изменил своих политических убеждений, не стал троцкистом или ельцинистом, не сжег свой партбилет, не спрятался под юбку Хакамады, не стал печататься в «МК», никого не обокрал, не убил и даже не увел жену у соседа, допустим у Анатолия Приставкина. В чем же дело? Да вот только в этом: я всего-навсего лишь кое в чем не согласился со своим младшим товарищем и позволил себе с высоты несколько большего жизненного и литературного опыта покритиковать его. И тотчас — шулер! убийца! И это мы слышим от ведущего сотрудника двух главных газет ЦК КПРФ! Да, идет обновление... Тов. Зюганов говорит: «Мы должны придать партии вид, привлекательный для молодежи». Очень привлекателен ваш вид Кожемяка, очень... Эти люди выросли в обстановке такой благости и непогрешимости, что любое слово несогласия для них как чаша с цикутой.

А еще раньше была у меня статья, в которой довелось сурово покритиковать аж самого Анатолия Ивановича Лукьянова, в не столь уж далеком прошлом второе лицо в государстве, ныне члена Президиума ЦК КПРФ, депутата Госдумы. По выражению тов. Зюганова, «нашего Дэн Сяопина». И что же? Недавно в День Победы на демонстрации, увидев меня невдалеке, «дядя Дэн» выбежал из своей шеренги и тоже кинулся с объятьями. А следом за ним подбегает и — то же самое... Кто бы вы думали? Не поверите — председатель Союза писателей России товарищ Ганичев, орденосец, профессор, наперсный друг патриарха. А ведь я своими статьями и ему персонально нервы потрепал, причем последний раз — совсем недавно. Спустя недолгое время с дачи звоню дочери в город, она дрожащим голосом говорит: «Папочка, родненький, тебе правительственная телеграмма». Что такое? Я — по стойке «смирно». Не иначе, думаю, как президент переложил на меня обязанности главнокомандующего. Что ж, если надо... Как Пушкин писал о Кутузове: «Иди спасай. Он встал и спас». Прочитай, говорю. Дочка читает. Оказывается, не от президента, он, видно, еще размышляет. Это было сердечное поздравление председателя Комитета Госдумы по связям с общественностью и члена Президиума ЦК КПРФ товарища Зоркальцева. Очень, видите ли, по душе ему моя статейка «Черное и красное», напечатанная в «Завтра» и в «Правде», полностью опубликованная, кстати, в газете «Патриот», в попытке удушения которой, будучи председателем Ис-

полкома НПСР, Виктор Ильич принимал самое активное участие. Что ж, спасибо, тов. Зоркальцев. Но представьте себе, я ведь и его успел ужасно огорчить. Он напечатал в «Правде» большую и как бы программную статью «КПРФ и религия». Я сочинил ответ, в котором во многом не согласился с автором. «Правда» не пожелала его напечатать, тогда напечатал в своей «Молнии» бесстрашный трибун и рыцарь революции Виктор Анпилов. Мне известно, что статью т. Зоркальцев читал еще в рукописи. И вот... Как всему этому не порадоваться со слезами на глазах!..

Могу привести, если Кожемяко опять не обвинит меня в жутком самовосхвалении, несколько примеров терпимости к критике из собственной жизни. Так, упомянутому шолоховеду Ф. Бирюкову я позвонил и поблагодарил его. А однажды я высказал несогласие по некоторым вопросам советской истории с покойным митрополитом Иоанном (царство ему небесное!). Сам он не ответил, но со страниц «Аль-Кодса» (царство ему небесное!) на меня обрушился Юрий Лощин: «Какое издевательство в духе Ярославского-Губельмана — Бушин живого человека называет святым отцом!» В таком духе целый подвал напечатал в родимой «Завтра» Николай Котенко (царство ему небесное!). Но всех превзошел в «Советской России» Душенов, спичрайтер митрополита: «Такие, как Бушин, расстреливали священников!..» Вот такие страсти, извольте радоваться. И на это отвечать? Ну, разве что, по поводу «святого отца».

Есть высокая церковная процедура причисления к лику святых — это одно. А есть житейское обыкновение, в соответствии с коим так обращаются едва ли не ко всем священнослужителям. Писатель должен знать это различие. В те дни вместе с Евгением Карповым меня пригласил в гости отец Дудко. В беседе я говорил ему «святой отец»...

Как же объяснить все эти отрадные факты спокойного, а то и любезного отношения к критике? Да просто люди понимают, что жизнь неостановима, и у Бога всего много, нельзя заикливаться на одном чувстве, пусть даже и очень горьком, надо вместе с жизнью идти вперед.

И вот на фоне примирительных объятий, дружелюбных поздравлений, правительственных телеграмм — все же свои! — возникает Виктор Кожемяко. Вроде бы тоже свой, но с ним ничего не поделаешь, это *minuteman*, человек, готовый к

беспощадному ответному огню на поражение в любую минуту дня и ночи. Он, поди, смотрит на это и дивуется: как деградировало человечество! Перед ними Джек-потрошитель, а они с объятьями... И продолжает свое: если по поводу моей статьи о «Тихом Доне» писал, что я «припечатал самого Шолохова» и «уничтожил» семь книг о нем, то в связи с более поздней статьей «Билет на лайнер» заявил в «Советской России», что я пошел в своем озверении еще дальше и «буквально изничтожил» уже не литературное произведение, а самого «писателя патриота Распутина». И сделал я это едва ли не по заданию известного агента влияния Александра Яковлева, то ли друга, то ли учителя своего. Казалось бы, чего проще, если критика несправедлива, приведи доводы против нее, защити любимого писателя. Увы, доводов у него нет. Зато есть пыл и страсть. И вот совсем недавно, 19 июня, народный мститель Кожемяко опять объявился в той же «Советской России» и заявил по поводу моей статьи о Вадиме Кожинове в «Завтра», в которой я остерегал его, Кожемяку, от поспешных публикаций о творческом наследии усопшего: дескать, Бушин «отрекомендовался другом Кожинова, даже в подтверждение фотографию и автограф кожиновский предъявляет. А для чего? Чтобы на газетной полосе свести какие-то мелкие счета, выискать, что и где он не так написал — словом, учинить разборку над свежей могилой. И это не в каком-нибудь «МК» — в патриотической газете... «Да, конечно, не все у Кожинова так, как хотелось бы этому «другу», но должен же быть у любого ненавистника и завистника хоть какой-то нравственный закон...» Нет его у Бушина!

Вот такие пошли защитники коммунизма... Правда, на сей раз есть кое-какие доводы. Однако же, во-первых, правдист-мститель не может сообразить, что далеко не всякая фотография, запечатлевшая лишь миг жизни, может свидетельствовать о дружбе. И та, о которой он говорит, подтверждает это: стоим мы с Вадимом и, улыбаясь, смотрим в разные стороны — где тут дружба? Во-вторых, правдист не способен представить себе, что фотография не моя вовсе. У меня ее не было и нет. Впервые, видимо, из редакционного фотоархива она появилась в номере «Дня литературы», в котором отмечалось 70-летие Кожинова. Тогда, поздравляя Вадима с днем рождения, я спросил, что это за фото — где мы и когда? Он не знал, не знаю и я. В-третьих, дарственную надпись Кожинова на его книге действительно

«предоставил» я сам, дабы защититься ею от ожидавшихся нападков, но и она никак не свидетельствует о том, что я был другом Кожинова: в ней есть лишь признание моих заслуг, как они ему виделись, и только.

В-четвертых, другом Кожинова я и в тексте статьи опять же не «отрекомендовывался» (каким надо быть глухарем, чтобы употреблять такие слова...). Я писал: «Мы познакомились в самом конце пятидесятых... И с тех почти мифических пор наши добрые отношения с Вадимом ничем не омрачались». И все. Добрые отношения это, тов. Кожемяко, еще не дружба. Такие отношения были когда-то у меня даже с вами. «При встречах и по телефону, — продолжал я, — мы нередко делились впечатлением о прочитанном, спорили о самых разных разностях, дарили друг другу книги...» И это еще не дружба. Делиться впечатлением и спорить можно с кем угодно, даже со случайным попутчиком в метро. Да и книги дарить — это так распространено среди пишущей братии. Нам же интересно, чтобы читали знакомые. Например, свою книгу «Ничего, кроме всей жизни» (1971 г.) я когда-то подарил более чем ста знакомым, «Эоловы арфы» (1982 г.) — более чем пятидесяти и т.д. Слышу негодующий голос мстителя: «Но ведь в статье было ясно сказано «дарили друг другу», — какие еще нужны доказательства!» Ему действительно невдомек, что это выражение означает «взаимно», и не более того. Ведь можно сказать даже и так: «Они друг друга ненавидели», то есть была взаимная ненависть.

И еще одна пуля народного мстителя: Бушин — завистник Кожинова! Конечно, завистью можно объяснить все. Почему, например, СССР первый послал человека в космос? А потому, что завидовал США: там растут бананы, а у нас только огурцы. Так хоть в космосе утереть нос этим америкашкам! Очень правдоподобно, но все-таки нельзя же злоупотреблять этим доводом... Вот и Станислав Куняев объявил в своих воспоминаниях, что Татьяна Глушкова всю жизнь завидовала Кожинову, а Бушин исходит зеленой завистью и черной ревностью к нему, Куняеву, несмотря на то, что он, как увидим дальше, живет на таблетках, а Бушин, слава Богу, пока обходится без них. Все тот же известный жэковский уровень.

Что же касается уверений Кожемяко, будто я хотел «на газетной полосе свести какие-то мелкие счета», то ничего нового

тут нет: люди, впитавшие в себя дух 100-процентного единогласия, всякое расхождение, критику, полемику рассматривают именно как склоку, мелкую разборку, как сведение каких-то личных и чаще всего конъюнктурных, даже корыстных счетов, — ничто другое, кроме этого жэковского уровня, им просто недоступно.

Был такой случай. В «Правде» шла моя статья, в которой я неодобрительно писал об известном фильме по повести Б.Васильева «А зори здесь тихие»: уж такую гору немцев отборной егерьской части наколошматили там в лесном бою златокудрые наши девушки, распевая при этом лихие песенки и сигая с пенек на пенек, что просто непонятно становится, как же эти самые немцы доперли до Москвы и до Волги? Звонит мне Кожемяко: «Ведь вы не думали так раньше. Но вот Васильев оказался демократом, и вы сводите счета...» Я ответил: «Нет, всегда так думал, но высказаться не было возможности. Царил всеобщий восторг по поводу этого фильма, он получил множество всяких премий и т.д.»

И в случае с В. Кожиновым речь шла отнюдь не о сведении личных счетов. С радостью воздав должное тому, что он успел сделать, я не считал возможным пройти мимо и того, например, что совсем недавно, в последней прижизненной публикации в «Завтра», он сказал не «не так», а не то, совсем не то, и не о пустячке, а о нашей Родине. Вот эти слова: «Россия такая страна, которая всегда надеялась на кого-то: на батюшку-царя, на «отца народов», на кого угодно». Вдумайтесь: на кого угодно! Для меня здесь неприемлемо все, даже иронические кавычки. Дальше: «Именно поэтому (то есть по причине такого национально-захребетничества. — *В.Б.*) у нас чрезвычайно редок тип человека, который может быть настоящим предпринимателем. Либо это человек, который ждет, что его накормят, оденут, дадут жилье и работу, либо это тип, стремящийся вот здесь и сейчас что-то урвать для себя — чтобы не работать» («Завтра», январь 2001). И это сказано не о каких-то отдельных личностях, группах или слоях, а о всем русском народе, о всей стране в целом на всем протяжении ее истории. Как тут не вспомнить Толстого, о непатриотизме которого любят побалакать иные наши суперпатриоты. Он писал: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сде-

лать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое единое государство? Но кроме того, читая о том, как (безобразно) грабили, правили, воевали (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: а что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?» (ПСС. М., 1952, т. 48—49, с. 124). В таком точно духе в 1934 году Сталин писал о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

Разве и в нашем случае не приходишь невольно к вопросу: если Россия всегда надеялась на кого угодно, если русский человек способен только ждать, как бы его накормили, одели и дали жилье, если он думает лишь о том, где бы что здесь и сейчас урвать для себя лично, только бы не работать, то кто же произвел великое единое государство, кто создал такие богатства, что вот уже пятнадцать лет их не могут разворовать самые прожорливые кровососы в истории?.. И вот задавать такие вопросы, уверяет Кожемяко, значит заниматься сведением личных счетов, мелкими разборками, плясать на свежей могиле. Поищите, Виктор Стефанович, дураков в другой деревне...

А вот еще такая странная мысль В. Кожина: «Тот факт, что Троцкий (и, конечно, другие большевики еврейского происхождения) по-разному относились к своим одноплеменникам и, с другой стороны, к остальному населению России (евреи и остальные! — В.Б.), вызывает сегодня у многих русских людей крайнее негодование. Но такая — чисто эмоциональная — реакция едва ли сколько-нибудь основательна и справедлива. Ведь те, кто безоговорочно осуждают еврейскую солидарность в условиях жестокой революционной эпохи, вместе с тем готовы восхищаться проявлениями русской солидарности, которые — пусть и в гораздо более редких случаях (ибо русские никогда не обладали той сплоченностью, которая присуща рассеявшимся по миру евреям) — все же имели место в то время... И негоже по-разному оценивать еврейскую и русскую солидарность, согласитесь» (Россия. Век XX. 1901—1939. М., 2001, с. 257—258).

Нет, согласиться и с этим и со всем остальным здесь я, видимо, в отличие от В. Кожемяко, никак не могу. Не вижу здесь «широкого и возвышенного взгляда на явления», обещанного мне в аннотации книги. Автор употребляет здесь высокие слова — «солидарность», «сплоченность», но к чему он их отно-

сит, к каким делам и свершениям, — неизвестно. А тут не обойтись еще и без словца «спайка» или, как у В.В. Шульгина, «сцепка». Так вот, рассеянные по всему миру евреи как отдельные личности совершили немало выдающихся деяний, но уже в силу этой рассеянности и сравнительной малочисленности не могли как народ, проявив при этом сплоченность и солидарность, совершить акции большого исторического значения, но они всегда обнаруживали спайку, сцепку в делах локального характера, представляющих для них интерес. Вот один из примеров этого.

В исследовании Н. Петрова и К. Скоркина «Кто руководил НКВД. 1934—1941» (М., «Звенья», 1999) приведены такие, допустим, данные: в 1934 году, когда наркомом внутренних дел был еврей Ягода, из 96 руководящих работников комиссариата 37 были евреями, 30 — русскими, а к моменту снятия Ягоды 26 сентября 1936 года из 110 руководителей 43 — евреи, 33 — русские (с. 146). Таким образом, среди высшего руководства НКВД евреи составляли тогда почти 40 процентов, превысив долю русских, украинцев и белорусов, вместе взятых. И при чем тут солидарность? Это именно спайка, сцепка. Да, русские никогда не обладали этим еврейским качеством в способствовании друг другу. Но мы всегда являли изумленному миру величайшую национальную сплоченность в таких исторических деяниях, как всестороннее возрождение и расцвет родины, ее защита и спасение, восстановление народного хозяйства и т.п.

Имея в виду разного рода беззакония и жестокости в первые годы Советской власти, В. Кожинов далее уверял: «Поскольку большевики-евреи были «чужаками» в русской жизни, их ответственность и их вина должны быть признаны безусловно менее тяжкими, нежели ответственность и вина тех русских людей, которые действовали рука об руку с ними» (с. 258). Вот так-так — безусловно менее! Это с какой же стати? Автор явно путает здесь совершенно разные вещи: чувства, эмоции и законную вину, ответственность. Мне, русскому, трудно сказать, кого я глубже презираю и сильнее ненавижу, ибо, с одной стороны, русские преступники вдвойне заслуживают этих чувств, поскольку орудовали против своего народа, но, с другой стороны, чего евреи лезли в чужие дела — разве за это они не заслуживают тройное презрение и тройную ненависть? Но законная вина, юридическая ответственность тех и других, конечно, должны быть одинаковы.

А Кожинов еще и так вот обосновывает свою двойную бухгалтерию: «В связи с этим следует со всей определенностью сказать, что среди евреев-большевиков было очень мало таких, которые к 1917 году более или менее приобщились к русской культуре и быту. Те евреи, которые становились большевиками, начинали свою жизнь в собственно еврейской среде, где все русское воспринималось как чужое или даже прямо враждебное, а также как заведомо второсортное либо вообще примитивное» (с. 258—259). И тут же автор приводит конкретное свидетельство такого отношения евреев к русским из воспоминаний «видного филолога» М.С. Альтмана (1896—1986), родившегося и выросшего в уездном городке Витебской губернии: «Русские у евреев вообще не считались «людьми». Русских мальчиков и девушек называли «шейгец» и «шикса», т.е. нечистью... Для русских даже была особая номенклатура: он не ел, а жрал, не спал, а дрых, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было души, душа была только у еврея...» (с. 260).

И вот все это, по убеждению Кожинова, должно смягчать, уменьшать в глазах русских вину и ответственность тех евреев, которые чем-то нам нашкодили. И это проповедуется в дни, когда самое большое зло творят бесчисленные кровососы именно еврейского происхождения. Русские люди, видите ли, должны быть к Березовскому и Гусинскому более снисходительны, чем к Черномырдину и Вяхиреву, поскольку первые выросли в среде, в которой русские считались нечистью, а вторым в детстве читали «Сказку о рыбаке и рыбке». Но почему же свой суперноваторский этически-правовой постулат Кожинов прилагал только к евреям? А немцы, например, во время Великой Отечественной? Ведь они тоже считали все русское примитивным, называли нас «унтерменшами» (недочеловеками) и т.д. Вот же и сам он приводил строки из приказа начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала Кейтеля от 16 сентября 1941 года: «Следует учитывать, что на указанных территориях (на нашей земле. — *В.Б.*) человеческая жизнь (прежде всего жизнь русских. — *В.Б.*) ничего не стоит». Право, по объявленной логике оккупанты заслуживали еще большего снисхождения, а мы с ними так невежливо обошлись. Не за это ли извинялся перед ними наш патриарх?

Продолжая размышление на тему вины и ответственности, В. Кожинов вспомнил четырех выдающихся военачальников

Гражданской войны: И.Л. Сорокина, Б.М. Думенко, Ф.К. Миронова и Н.А. Щорса. Как можно понять из его рассказа, все они в той или иной мере выступали против того, что творил в армии Троцкий, в том числе против самоуправства комиссаров, многие из которых были евреями. Так, командарм Второй Конной армии Миронов писал 31 июля 1919 года Ленину: «Социальная жизнь русского народа должна быть построена в соответствии с его историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени» (там же, с. 280). Ленин два часа беседовал с Мироновым. Но еще до этого, пишет Кожин, 13 сентября 1919 года Троцкий издал приказ: «Как изменник и предатель Миронов объявлен вне закона. Каждый гражданин, которому Миронов попадется на пути, обязан пристрелить его как собаку» (там же). Хотя существование приказа именно в такой форме довольно сомнительно, но как бы то ни было, а в 1920 году Миронов оказался в Бутырской тюрьме, и там 2 апреля 1921 года его расстреляли. По обвинению в том, что он «проводил юдофобскую и антисоветскую политику, обзывая руководителей Красной Армии жидами» (там же, с. 281). 24 февраля 1920 года были арестованы, а 11 мая расстреляны командующий Первым конным корпусом Думенко и его штаб. 30 августа 1919 года во время боя пулей в затылок был убит и комдив Щорс. Доказывается, что убил его политинспектор Реввоенсовета еврей П.С. Танхиль-Танхилевич. И мы узнаем, что ранее Троцкому было доложено, что «в частях дивизии развит антисемитизм» (там же). Сорокин, командующий войсками на Северном Кавказе, сам 13 октября 1918 года арестовал председателя ЦИК Кавказской республики еврея Рубина и трех его заместителей, из которых двое тоже евреи, и 21 октября расстрелял их. За это 1 ноября и сам был расстрелян.

И вот что пишет обо всем этом Кожин: «Необходимо вдуматься в объективный смысл этой трагической ситуации». Вот он вдумался. И что же? «Во-первых, при беспристрастном размышлении становится ясно... (а как остаться беспристрастным при виде таких жутких дел? — *В.Б.*) что такие люди, как Сорокин, Думенко, Миронов и Щорс, если бы даже они свергли стоявших над ними «чужаков» (т.е. евреев), едва ли смогли в тогдашних условиях создать и удержать власть» (там же). Позвольте, главное тут, какова оценка автора этих кровавых рас-

прав, а он переводит речь совсем на другое, на вопрос о власти. Но раньше не было сказано ни слова о том, что эти военачальники хотят свергнуть «чужаков» и взять власть. А уж если он завел об этом речь, то на чем основано его предположение, что эти военные оказались бы совершенно беспомощны перед проблемой власти? Троцкий, всю жизнь только писавший трактаты да произносивший речи, смог властвовать, а из этих четырех, имевших конкретный опыт руководства тысячами и тысячами людских масс, не смог бы никто! Да вспомним хотя бы парочку их коллег, так далеко отстоящих и друг от друга, и от этой четверки: капитан артиллерии Бонапарт становится императором, генерал де Голль — президентом, генерал Эйзенхауэр — тоже президентом...

Но читаем дальше: «Во-вторых, «на стороне Троцкого» было преобладающее большинство русских военачальников» (там же). Мы уже отмечали, что В. Кожин любил брать иные слова и речения в кавычки, и этим порой затуманивал их смысл, становилось не ясно, как же их конкретно понимать. Здесь как раз такой случай: что значит военачальники были в кавычках «на стороне Троцкого» — в каком смысле, в чем именно? И конкретные имена, которые тут же следуют, ничего не проясняют: «Так, С.М. Буденный самым активным образом выступал и против Миронова, и против Думенко, «разоблачал» (опять кавычки! — В.Б.) Думенко и командир Первого конного корпуса Д.П. Жлоба» (там же, с. 281—282)...

Но главное вот: «Нельзя не признать, что «вина» (кавычки! — В.Б.) этих «одноплеменников» (кавычки! имеются в виду названные военачальники. — В.Б.) уж по крайней мере более непростительна, чем тех или иных «чужаков» (евреев. — В.Б.), с которыми застреленные военачальники к тому же вступили в противостояние сами, первыми...» (там же). То есть патриот Кожин опять на стороне «чужаков». Непостижимым образом главным для него оказывается не то, где правда и кто прав, а то, кто первым пошел на противостояние. И ведь оно ж бывает разное. Если Сорокин, не имея ни оснований, ни права, расстрелял четырех человек, то, конечно, оправданий ему нет. Но за остальными-то тремя ничего подобного не числится, они лишь были недовольны политикой Троцкого, лишь протестовали. И были убиты. И нам говорят, что они больше виноваты, чем те, кто их убил... Чудны дела Твои, Господи...

Нельзя тут не вспомнить одно весьма примечательное место из только что вышедшей книги А. Солженицына «Двести лет вместе» (М., Русский путь, 2001), посвященной русско-еврейским отношениям. Речь идет о переселении в начале XIX века евреев из Белорусских губерний в Новороссию, т.е. в Херсонскую губернию и в другие районы Причерноморья. В Белоруссии евреи занимались главным образом винокурением в деревнях, чем разлагали и доводили до нищеты крестьян, и арендным промыслом. Арендовали все, что удавалось, в том числе имения помещиков-католиков и православные церкви, находившиеся на их земле. Автор книги цитирует В.В. Шульгина: «В качестве арендаторов евреи считали себя вправе взимать деньги с посещающих храм и совершающих требы. Чтобы окрестить, обвенчаться или похоронить, надо было получить разрешение «жида» за соответствующую мзду».

И вот, получив льготные ссуды, а на месте и скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена, тысячи еврейских семей хлынули «из земли халдейской в землю ханаанскую». Ссылаясь на «кропотливый труд» еврея В.Н. Никитина, Солженицын пишет: «Цель правительства была, признает Никитин, кроме государственной задачи освоения обширных ненаселенных земель — расселить евреев просторнее, чем они живут, привлечь их к производительному физическому труду и удалить от «вредных промыслов», при которых они «массаами, волей-неволей отягощали и без того незавидный быт крепостных крестьян».

Что же получилось? «К поселенцам, «не знающим, как что начать и кончить», наняты для обучения их — государственные крестьяне; так, распашку производят большей частью наймом русских». Засевают лишь незначительную часть отведенной земли». А давали по 40 десятин на семью, в то время как по средней России земельный надел был лишь несколько десятин, редко за 10. «Используют для посева не лучшие семена, а некоторые, хотя и получили лучшие семена на посев, вообще не пахут и не сеют.. По неопытности ломают, а то и продают инструмент». «Режут скот на пищу, а после жалуются на неимение скота», другие — продают полученный скот.. Домов, приходящих в упадок, не поправляют. Не сажают огородов.. По неумению жать, косить и молотить поселенцы не могут и наняться на работу в соседние селения, их не берут. От нечистоты содержания жилищ — болезни. Они «отнюдь не ожидали, что их самих

будут принуждать непременно заниматься сельскими работами». Очевидно, они понимали — хлебопашество наемными рабочими, а когда скот размножится — торговать и по ярмаркам. Жалуются, что доведены до самого жалкого положения, что изнасились до лохмотьев, но — возражает инспекция — «не имели одежды по лености, ибо не держали овец, не сеяли льна и коноплю», и женщины не пряли, не ткали... Евреи не справлялись с хозяйством «по привычке к беззаботной жизни, малой старательности и неопытности к сельским работам».

Что же дальше? «К 1812 году открылось, что из вышедших уже на поселение 848 семейств осталось налицо 538, в отлучках 88 семейств (уходили на промысел в Херсон, Николаев, Одессу, даже в Польшу), а остальных — вовсе нет, исчезли». Вот такие целинники, первопроходцы. А самое интересное — «Правительство находило теперь, что по «узнанному их (евреев) отвращению к земледелию, по незнанию, как за него приняться и по упущению смотрителей» переселение это «произвело немалое расстройство и потому евреи могут быть признаны заслуживающими снисхождения». Русские смотрители, т.е. те, кто евреям всячески содействовал обустроиться на новом поселении, виноваты, а евреям — снисхождение. Вот когда еще этот дух витал над Россией, чтобы дожить до Вадима Кожинова...

Я для того так подробно рассказывал о народном мстителе из «Правды», чтобы переход от объятий и правительственных телеграмм к главному объекту повествования не оказался слишком резким. Дело в том, что товарищ Кожемяко это лишь слабая тень господина Куняева... Недавно в газете «Патриот» мне довелось напечатать статью «Как на масленой неделе я гостей ждал». Статья огромная и труднопереваримая: в трех номерах по три полосы. Я и не рассчитывал, что кто-то из истинных интеллигентов, особенно из тех, что живут на таблетках, сможет одолеть ее до конца. Но вот Кожемяко и Куняев одолели. В статье речь идет главным образом о В. Распутине, В. Бондаренко и М. Назарове. Мимоходом упомянут, как уже отмечалось, еще В. Ганичев. И никто, кроме Кожемяко, не кричал «убийца!». А Куняеву посвящено десятка два неласковых строк. И, Боже милосердный, тут началось такое, чего ни я, ни вы, читатель, никогда в жизни не видывали...

29 мая в пятом часу пополудни в прекрасном по случаю получения Шолоховской премии настроении я пришел в «Наш

современник» за майским номером журнала, в котором напечатано мое сочиненьице о Э. Радзинском. Решил заглянуть к заместителю главного редактора Геннадию Гусеву. В его кабинете оказалось все руководство, видимо, что-то обсуждали. Я сразу с присущей мне наглой ухмылочкой вякнул: «Что ж, собратья, в прошлом году вы на страницах журнала поздравили Валентина Распутина с получением премии антисоветчика Солженицына. Надеюсь, теперь вы готовитесь поздравить вашего давнего автора с премией имени писателя-коммуниста». Раздались изумленные голоса: «Как с премией?.. Ничего не знаем!.. Когда было?.. Сколько долларов?» Я ответил: «Мы люди советские, и получаем в рублях... А как же вы могли не знать — что вы читаете?» — «Как что! «Советскую Россию», «Правду», селезневскую «Россию», бабуриновское «Время»... — «В «Правде», — с привычным для меня высокомерием ответил я, — где главным специалистом по вопросам литературы известный вам Кожемяко, вы могли не заметить куденькую информашку, она подверстана к непримечательной рецензии на одну сомнительную книгу. В «Советской России», где по вопросам литературы просвещает читателей тот же самый неутомимый Кожемяко, вообще не было ни словечка, даже в ежемесячном обзоре Александра Боброва, который так любит писать о славянских праздниках, а уж это ли не повод!

Но тут дело не только в Кожемяке, сам главный редактор вот уже лет восемь при имени Бушина если не падает в обморок, то хватается за пистолет. Сообщить читателям, что этот гусь получил такую почетную премию, он не в силах.

Я, видите ли, будучи членом ЦК КПРФ, однажды на пленуме ЦК посмел покритиковать его газету за малограмотные антисоветские публикации. В обновленной компартии товарища Зюганова такое критиканство не прощается. Моим статьям тотчас был закрыт доступ на страницы «Сов. России». А я, к слову сказать, лауреат обеих главных комгазет...»

«Но ты же не один получил сейчас Шолоховскую!» — удивленно воскликнул кто-то. В том-то и дело! Вместе со мной нас пять человек: президент Приднестровской Республики Игорь Смирнов, народный художник СССР Виктор Иванов, хорошо известный вам замечательный писатель и критик Владимир Гусев и украинский поэт Борис Олейник. Словом, настоящий праздник славянской культуры. И ведь каков престиж пре-

мии! Она имеет статус международной. В свое время ее получили Фидель Кастро, Радован Караджич, патриарх Алексей, писатели Бондарев, Проскурин. А им, патриотам с коммунистическими билетами, наплевать на все это. Лишь бы негодяю Бушину фитиль вставить!..

Они озабочены не такой премией, не такими лауреатами.

Вот вручил Солженицын свою премию Распутину, тот благодарственную речь произнес — «Правда» первой эту речь публикует. Получил ту же премию из тех же рук Евгений Носов — «Правда» опять первой («Литературка» — потом!) тут же печатает обширную беседу с ним неизменного марксиста Кожемяки. Много у них забот и о других мастерах культуры. «Правда» решила, например, защитить такое сокровище, как Наташа Королева: ее, бедненькую, мерзкие продюсеры заставляют отмачивать на сцене похабные коленца. И вообще не дают прохода. Однажды летом 1996 года во время агитвояжа по плану избирательного штаба Ельцина во главе с Чубайсом милое дитя (это был как раз день ее рождения, и Ельцин поздравил ее, прислал цветы) предалось утехам любви прямо на палубе корабля. Но тут же возник фотокор, зафиксировал момент экстаза, и снимок появился в «Московском комсомольце» с его миллионным тиражом. Как не защитить прелестную Хлою! Защитили. Говорят, после этого она подала заявление в КПРФ: «Товарищ Зюганов, прошу принять. Отдам любимой партии все, что имею...»

Очень любят иные из этих газет оживлять свои страницы бросающими в дрожь картиночками. Например, удав заглатывает кролика или цапля — лягушку, змею, рыбу. Ведь у нормального человека от таких картиночек с души воротит, а они ликуют: «Приятного аппетита!» Или вот: то молодой мужчина, то молодая красавица, а вся голова их, лицо и даже рот облеплены скорпионами. Подпись: «Дружба». Разве не ясно, что людям, помещающим такие картиночки в массовых газетах, давно пора на Канатчикову дачу, они социально опасны. Чем в смысле психическом отличаются они от тех психов, которые смастачили торт в виде фигуры Ленина и показали по телевидению пожирание этого торта? По-моему, тех и других вполне можно поместить в одной палате с общей парашей... Так что этим коммунистам не до шолоховских лауреатов, и не те газеты читаете вы, милые.

«А где же было объявлено о премии?» — спрашивают «наши современники». — «Ну, по радио, например. Как ни

странно, еще и в «Литературке». Очень достойная публикация с коллективным портретом всех лауреатов. Не пожалел места для статьи и большой фотографии даже «Коммерсант». Правда, статью написала некая Лиза, уж совсем бедная и малограмотная газетная бацилла, но как бы то ни было, а не утаили же, подобно «Сов. России», и читатель получил информацию, а уж как он ее поймет — это его дело». А из патриотических изданий обстоятельно и наиболее полно рассказала об этом событии только газета «Патриот».

Примерно в таком духе шел разговор, если память не изменяет... Вдруг Куняев, глядя на меня волком, ласково говорит: «Значит, как Распутин, как я, ты огреб премию. Так?» — «Нет, — отвечаю, — не совсем так. Вы-то своим премиям в рублях и долларах счет потеряли, а у меня — первая в жизни, если, конечно, не считать газетно-журнальных, почти или совсем символических. К тому же в моем случае никак не подходит слово «огреб», и по той причине, как уже сказал, что это первая высокая премия за 55 лет литературной работы, и по той, что дали мне ее после девяти лет борения страстей: Бондарев и Викулов, как мне известно от них самих, выдвигали меня еще в 1992 году, а последние три года, правда, уже другие выдвигали каждый раз. Куняев же огреб за свои воспоминания хорошую кучку долларов с ходу, с лету, с пылу, с жару: книга еще печатается, должна быть третья часть, а премия уже вот она, шелестит в кармане «зелененькими».

Вдруг Куняев совсем о другом: «Я написал тебе «Открытое письмо». Скоро оно будет напечатано». Батюшки, страсть-то какая — «Открытое»! Пострашней правительственной телеграммы. Это вместо поздравления-то... Робко спрашиваю: «Об чем же-с письмецо? По какому вопросу? Неужто нельзя было по телефонцу?» — «Ты написал в «Патриоте», что я здоровый мужик. А ты что, мой личный врач? Ты в мою медицинскую карточку заглядывал? Может, ты знаешь, какие операции я перенес, на каких таблетках живу? (Вот они, таблетки-то!) Или в 1998 году ты навещал меня в кардиологическом центре? Пишешь о том, чего не знаешь! И не стыдно?»

Мне, конечно, сразу стало жутко стыдно. Он-то всегда точно знает, о чем пишет, а я, конечно, в карту не заглядывал, ни о каких таблетках ничего не ведаю, в больнице не был. Да ведь и он, хоть я лет на десять старше, не навещал меня в больнице,

где лежал по поводу полостной операции. Но я попытался оправдаться тем, что, дескать, судил о здоровье поэта по образу его жизни. В самом деле, у него с юных лет прекрасная спортивная закалка, был чемпионом Калуги по плаванию, охотник — соболю дробинкой под хвост попадает, рыбац — вот фотография в его воспоминаниях, где он в болотных сапогах то ли осетра, то ли акулу одной рукой на весу держит. Но мало того, лет десять был рабочим секретарем Союза писателей, вот уже двенадцать лет — три президентских срока! — тянет воз толстого журнала, много пишет, издает книги, широко справляет юбилеи — журнала и свои собственные, устраивает большие литературные вечера, грандиозные презентации, часовые передачи по радио... Я и думал в простоте душевной: какой двужильный старик!.. И ведь это не все!

Еще Куняев объездил весь мир. Так, с благословения Мэтлока, посла США у нас, и друга Кожинава целый месяц гулял на дармовщинку по Америке, таким же макаром объездил Китай, Австралию, видел там кенгуру (вот чему я завидую!), купался в Арафурском море, кажется, даже созерцал идолов на острове Пасхи... А Франция, Польша, Швеция, Афганистан, ГДР, Куба, Чехословакия, Югославия... Это ж какое здоровье нужно для такой бурной жизни! Я-то из перечисленных стран лишь в одной Польше побывал, и то — в 1944 году, как солдат Красной Армии.

И тем не менее, я решился назвать Куняева здоровым мужиком только после того, как прочитал его воспоминания. Ведь там еще и бесчисленные застолья, выпивки, кутежи, потасовки... То и дело читаешь; «Я взял бутылку водки»... «выпивая с ним или играя в бильярд»... «Мы обмывали книгу в шашлычной»... «Развели костер и выпили по первой»... «Пойдемте-ка в «Националь», «Естественно, выпили»... «Ну, конечно, выпили»... «Осушая бокалы пурпурного «оджалеши»... «Мы пили горилку и закусывали салом»... «Несколько часов за «смирновской»... «Мы с Бобаевичем выпили за дружбу народов»... «Какое! — кричал я, захмелев от тутовой водки»... «Нам захотелось водки» (по-русски говорят: «захотелось выпить»)... «Мы разлили водку»... «Много раз, сидя у меня на тахте за бутылкой вина»... «Мы очутились рядом в застолье»... «Митрополит Алексей поднял бокал... Кто-то тут же снова наполнил мою стопку»... «Я налил себе очередную стопку»... «После каждого тоста разбивали вдребезги тарелку»... «Кто-то вытащил пару

бутылок украинского первача»... «Мы загремели пивными кружками»... «Мы уютно устраивались в мастерской, а пока потомки «жидов-арендаторов» скульптор Флит и его жена Мина священнодействовали с глиной над нашими головами, мы потягивали красное вино, запасенное Флитом для натурщиков»... «Аркадий Львов (тоже потомок) зачастил в журнал, приходя, как правило, с бутылкой хорошей водки и закуской. Мы сидели с ним в моем кабинете и размышляли»...

Читатель мог заметить, что лишь изредка дело ограничивается такими шадящими напитками, как, «оджадеша», чаще всего фигурируют московская горькая, армянский коньяк, тутовая водка, вульгарный самогон, а то кое-что и позабористей. Я думал, что передо мной как бы современный вариант Вани Дылдина, героя Маяковского. Помните?

Силища!

За ножку взяв,

поднял раз

железный шкаф...

Выйдет,

выпив всю пивную, —

переулок врассыпную!..

Вот заурядная сценка. Дело происходит в ГДР в поезде. «Я вытащил из чемодана бутылку армянского коньяка и предложил попутчику выпить за встречу... Немец, видимо, потрясенный щедростью, с которой известный (как он догадался? — *В.Б.*) советский поэт распил с ним, маленьким госслужащим, бутылку дорогого коньяка, робко предложил мне пойти в поездной буфет и намекнул, что там мы выпьем за его счет знаменитого баварского пива. Пивом, конечно, не обошлось, я потребовал бутылку какого-то напитка под названием Doppel (т.е., видимо, двойной по убойной силе. — *В.Б.*). Напиток был отвратительный, и чтоб спладить впечатление от него, я предложил залакировать все то, что произошло, бутылкой вина «Milch Lieben Frau» («Молоко любимой женщины»). После всего, поддерживая спутника под мышки, я привел его в купе».

Каково! В короткий срок три бутылки на двоих, не считая пива, — и ни в одном глазу! Уж не говорю о сердце, но какой надо иметь мочевой пузырь... Он еще и собутыльника поддерживает, приводит в купе, а потом, когда поезд прибыл на стан-

цию, на плечах выносит его на платформу, как тот железный шкаф. Силища! Если не Микула Селянинович с мочевым пузырем, как у быка, то уж Ваня Дылдин — непременно!.. И вот так на протяжении двух томов воспоминаний автор убедительно являет нам свою постоянную готовность пить что угодно, с кем угодно, когда угодно, где угодно. И это все при жизни на таблетках?!

— Ха! — презрительно воскликнул Куняев. — Это когда было! Чемпионом Калуги по плаванию в среднем весе я стал в пятнадцать лет... Демагогия!

— Не скажите, Станислав Юрьевич, — робко возразил я. — Вот весьма свеженький эпизодик из жизни бурного гения: «Летом 1999 года.. (то есть, может, через пару месяцев после выхода из кардиологического центра...) вдруг вошел в мой редакторский кабинет грузинский поэт, которого я с трудом вспомнил.

— Батоно Станислав! — сказал он, раскрывая объятия. — Вы издаете лучший журнал в России, вы написали изумительную книгу о Есенине. У меня есть стихотворение, посвященное вам, есть статья о вашем изумительном творчестве. Вот они! — и он протянул несколько листочков с грузинской вязью.

Я растрогался».

Еще бы!.. А что было дальше? Главред немедленно посылает кого-то из работников журнала за бутылкой, и с этим незнакомым пустобрехом на глазах всей редакции в рабочем кабинете в рабочее время главред устраивает очередную попойку. И что после этого я должен думать о нынешнем состоянии его здоровья?

А тот кацо еще и посулил перевести и напечатать в лучшем грузинском журнале изумительную книгу о Есенине. Тут главред уж так рассиропился, что дал прохвосту на прощание 200 долларов (правда, не своих, а редакционных). С тех пор этого горца в Москве никто не видывал...

Но, как уже сказано, дело не только в путешествиях да кутежах. А потасовки! Опять же как Ваня Дылдин:

Ходит весел и вихраст,
Что ни слово — «в морду хряст».
Не сказать о нем двояко,
Общий толк один — вояка!

Вот изящный сюжетец о пощечине критику Рассадину. Потом — драка Куняева и Передреева в ресторане ЦДЛ с иллюзионистом Кио и его помощником. А вот уже драка с мил-дружкой Передреевым, вчерашним единомышленником по великой русской идее. А в Тбилиси на каком-то юбилее еще одна драка — с Василием Аксеновым, очередным «потомком жидов-литераторов». И тут, как всегда и во всем, мемуарист оказался победителем: «Когда грузинские друзья разняли нас, синяков и ссадин на его лице все-таки было больше, чем на моем». Это ли не новое торжество великой русской идеи! Правда, не совсем ясно, как победителю удалось тут же рассмотреть свои синяки, подсчитать их и подвести радостный баланс.

Впрочем, он всегда и везде все фиксирует, подсчитывает, хранит, а потом вставляет в мемуары. Двадцать лет хранил и теперь напечатал даже огромную речь Татьяны Глушковой на его юбилее: «Живой, абсолютно живой, интересный поэт... Вижу заслугу Куняева... Один из уроков Станислава Куняева... Он обрел право говорить о народе... Интереснейший и прекраснейший цикл...» Пятнадцать лет хранил и теперь напечатал свою собственную надгробную речь о Слуцком... У него такой творческий принцип: «Не пропадать же добру!» Именно так поэт сформулировал его в связи с трагическими событиями в Останкино 3 октября 1993 года. В этот день он должен был выступать по телевидению в передаче о Есенине. Но, как известно, у телестудии творилось такое...

«Вдруг меня осенила мысль, — рассказывает он, — а почему бы не пробиться к мегафону и не прочитать две странички из моих размышлений о Есенине». Вы только подумайте, тут вот-вот кровь рекой польется, а он со своими размышлизмами о поэзии! И уверен, что это и к месту, и ко времени: «Не худо напомнить мятущейся толпе, что завтра день рождения ее великого поэта». Чтобы отметили они завтра знаменательную дату. И ведь полез, попер!

«— Куда лезешь?

— Я слово хочу сказать!

— Какое слово? Кто ты такой?

— Я главный редактор «Нашего современника», у меня есть небольшое слово о Есенине...»

Через двадцать минут полилась кровь... А размышлизмы остались. «Вот они, эти странички. Не пропадать же им». И мы читаем: «Советский или антисоветский поэт Есенин — решайте сами». Вот какую загадочку хотел Куняев предложить людям, восставшим против антисоветского режима...

Примерно такие содержательные картины и мысли пронеслись в моей голове, и кое-что из них я напомнил Станиславу Куняеву, добавив при этом, что если со здоровьем все-таки ужасно плохо, если Ваня Дылдин уже не тот, не может выпить всю пивную, то надо срочно сделать по крайней мере две вещи: перестать бражничать и уйти из журнала на заслуженный покой, попутно вернув в редакционную казну 200 грузинских долларов. Но Ваня мой жалкий оправдательный лепет решительно отверг. «Хорошо, — капитулянтски сказал я, — теперь, если придется, буду писать не «здоровый мужик», а «тяжело больной поэт». Идет? Как известно, самый тяжелый больной на свете — это Карлсон, который живет на крыше. Пусть Куняев будет вторым».

Он продолжал смотреть на меня свирепым леопардом и отвергал все, что я говорил. А я, оправившись от первого удара, уже наседал: «Да это же мелочь — здоровый или хилый мужик. Зачем все сводить к жэковскому уровню? Вспомни, что ты написал в своих воспоминаниях о многих писателях — от Шевченко до Сельвинского... даже до Владимира Соколова. Вот ты на украинской земле, поэт Микола Петренко пригласил тебя в гости, поит горилкой, угощает салом, а ты поносишь его национального кумира: «Я хотел подразнить или чуть-чуть поставить его на место и нарочно равнодушным голосом заводил речь о том, что, да, Шевченко великий украинский поэт, но повести и дневники писал на русском. Мыкола слушал со страдальческим выражением лица... Его воловьи глаза наполнялись слезами. А я еще щадил его...» Да это же просто изуверская пытка! Вот пришел бы к тебе в гости украинец и, напившись да нажравшись, стал бы читать статью Писарева о Пушкине. Понравилось бы?.. И как же ты «щадил» бедного Петренко? А вот: «У Мыколы текли слезы. Он ничего не мог сказать, кроме как «давай лучше выпьем за гениального Тараса!» — «За гениального?!» — взвивался я...» Хоть пожалел бы человека за то, что он в немецкой неволе был. Нет! И ведь какие доводы!

«Шевченко оскорбил помазанника Божьего и его супругу.
Вот читай, как царь по залам

Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой...

Это — благородно? Поэма ходила по рукам. Царь ее знал, но и пальцем не пошевелил, чтобы приструнить хама!» Великий Шевченко — хам... Это его любимое словцо. У него и Смеляков хам, которого он за хамство однажды «послал куда подалее».

Куняев смотрел на меня тигром, а я продолжал: «Что ж, вчера нельзя было тронуть членов Политбюро, а сегодня — помазанников Божьих?.. А вот это — благородно?

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...

Это почище высохшего опенка. Так Пушкин изображал одного помазанника Божьего, которому к тому же, как писал Жуковскому, «подсвистывал до самого гроба». А вот как о помазаннице:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно.
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно...

«Куда Шевченко до таких перлов! А что писал Пушкин об этой помазаннице в прозе! «Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, пока-

жет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России». Сурово, а? Но у Пушкина ты этого даже не замечаешь, а украинец, в сущности, за подражание русскому собрату у тебя хам... Прочитай еще в журнале твои «Споры хохла с москалем», я позвонил тебе и сказал, что это глумление над национальными чувствами украинцев. Что ты ответил? «А так было в жизни». Да мало ли что было чуть не сорок лет тому назад, когда ты в один присест выдувал, как бурсак, сразу три бутылки. А теперь ты главный редактор столичного журнала, большой государственный человек, и обязан не тащить все, что было в твоей многогрешной жизни, в журнал, а думать, как твое слово отзовется всюду, в том числе и среди братского народа. Куняев смотрел на меня разъяренным носорогом, готовым растоптать супостата, как болотную лягушку.

— Пушкин писал и то и другое...

— Правильно. «Плешивый щеголь» и — «Дней Александровых прекрасное начало...» Но это не может служить обвинением для Шевченко... А что ты написал о Сельвинском! Ты же угодничал перед ним, а теперь поносишь!

И тут Куняев взорвался: «Ты не литературный критик, а литературный хам!..» Потолок не обрушился, никто из сотрудников не кинулся к шефу со смирительной рубахой и даже ни один не молвил ни словечка. «Будь здоров!» — я встал и вышел. Да, тяжело больной человек... Может, вызвать «скорую»?..

Спускался по лестнице со второго этажа и думал: что ж, компания хама Шевченко и хама Смелякова меня вполне устраивает. Да и не одни мы оказались в литературной резервации больного поэта. Тут и Герцен, у которого «понятие чести было полностью разрушено»; и Лев Толстой: он, видите ли, достукался до того, что Ленин назвал его зеркалом русской революции; и Куприн, который «разлагал армейский менталитет»; и Горький: он до того отвратителен Куняеву, что, придя в основанный им же, Горьким, журнал, первым делом приказал убрать его портрет с обложки; тут и Маяковский, о котором прямо однажды сказал: «Я его ненавижу!»... Откуда такая злобность в чемпионе по плаванию, а? И что далась ему классика! Возился бы со своим напарником Евтушенко, с которым столько лет бежал ухо в ухо. Нет!..

На этом запас желчи не иссяк, и списочек продолжается уже только о советской литературе, причем порой сразу пачками: «людьми крайне тщеславными, напыщенными, разыгрывавшими из себя классиков были Шкловский, Маршак, Сельвинский, Вера Инбер»... «глуповатые стихи Асеева»... «скучнейший Федин»... Хоть бы один довод привел! Хоть бы единый пример. Нет, он убежден, что ему верят на слово. Да с какой же стати!.. И опять: «заслуженно забытый любой из романов Кочетова»... «демагог и циник Кожевников»... «никудашный поэт Озеров»... Боже милостивый, и Озерова пнул! Тишайший человек был. Работал добросовестно, обожал русскую классику. «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Вот попробуй, Куняев, выразить мысль так сжато и точно... Между прочим, Озеров дал рекомендацию в Союз писателей Татьяне Глушковой, многолетнему куняевскому другу. Он там писал: «Родниковая русская речь, крепкий стих, восходящий к самым славным нашим традициям, знание культуры веков, внимание к душевному миру современника, — таковы характерные особенности молодой поэтессы, молодого мастера, не побоюсь сказать, ибо перед нами человек работающий, взыскательный, скромный».

Удивительно, что брань, оплеухи и подзатыльники больной поэт то и дело пересыпает, с одной стороны, библейским поучением «не судите, не судимы будете», с другой — уверениями в том, что его всегда уважали за редкостную «интеллигентность и терпимость». Или это тоже признак болезни? Во всяком случае, вот что мы видим и дальше: «Петрусь Бровка, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов — фанерные, наспех сколоченные классики»... «ходульный Евгений Винокуров»... «феноменально бездарный Владимир Савельев»... Стихи покойного Савельева я не знаю, кроме его единственной эпиграммы на меня в связи с моей статьей в защиту Павлика Морозова, которую он сам прислал мне, но неужели хотя бы мимо одного покойника нельзя пройти без плевка? Нельзя же злоупотреблять своим долголетием. Это так не по-русски...

Дальше тоже почти сплошь о покойниках: «С молчаливым презрением прослушал я речь поэта Алексея Маркова... Алеша опростоволосился»... «Я всегда имел право с брезгливой усмешкой глядеть на Межирова, Шкляревского, Преловского»... Откуда у человека столько высокомерия — от наград? премий? должностей? А ведь о Межирове как о старшем друге-фронт-

вике больной поэт когда-то восторженные рецензии и даже стихи слагал:

Не жесток он и не желчен,
просто знает про войну,
мой товарищ любит женщин,
Блока, Библию, весну... и т.д.

Зачем теперь-то эти стишки здесь? Да и можно ли валить в одну кучу такие «объекты любви», как Библию и женщин? Но — не пропадать же добру...

И вот после очередного припадка злобы опять уверенно заявляет: «Во мне всегда было некое объединительное, дружелюбное, спокойно-доброжелательное свойство». Вы когда-нибудь встречали дружелюбие и доброжелательство такого рода? Шкляревский? «Он предал меня так, как не предавал никто»... Глушкова? «Склочный характер и мелкое интриганство»... Владимир Соколов? «Предатель... предатель... предатель»... Передреев? «Безнадежный друг... жену чеченку привез из Грозного, может быть, только для того, чтобы его роман походил на историю любви Печорина и Бэлы или чтобы написать стихи о Кавказе...»

Хоть бы кого-нибудь из этих четверых обошел молчанием. Ведь все они тоже были его друзьями-ровесниками. Что, если Шкляревский за почившего Передреева ответит ему так: «А ты почему женился на девушке по имени Галя? Да не потому ли только, чтобы походить на Евтушенко, тогдашнюю жену которого тоже звали так?»... Но, Боже, среди каких ужасных людей прошла его литературная жизнь. Его обманывали, предавали, покидали... Был среди них только один порядочный человек, да и то, если сказать по совести...

Особого внимания мемуариста удостоился Константин Симонов. Однажды, говорит, за то, что он не согласился принять участие в литературном вечере, врезал ему почище, чем Смелякову: «Баба с возу — кобыле легче!» Ну, что ж, если это и впрямь было, считай, что доказал свое превосходство, и до конца дней гордись этим. Но ему этого мало, и приводит еще письмо поэта Федора Сухова, не отличавшегося стабильностью психики, где тот писал: «Все эти эренбурги, симоновы, полевые — преступники...» Сюда же подверстан и Светлов. Пре-

ступники!.. Да еще бы, ведь Симонов во время войны призывал советского солдата, шедшего в бой против оккупанта:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей,
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

В те же дни Светлов писал:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей.
Я стреляю.
И нет справедливости
Справедливее пули моей.

А оказывается, как прозрел после войны **Сухов**, **надо было** вот в каком духе писать:

Не хвастайся, что убивал врага, —
Ты убивал обманутого брата...

Вот оно что! Грабители, насильники и убийцы, в современном всеоружии нагрянувшие к нам отнять родину и истребить нас самих, были, оказывается, совершенно в духе Светланы Сорокиной — нашими братьями, а мы по серости своей не поняли их. Ну, жалко, что они не добрались до его нижегородской деревни, как доползли до моей тульской... Названные писатели лишь пером воевали против захватчиков, и то уже преступники. А ведь миллионы солдат, вся Красная Армия истребляла немцев в прямом смысле, силой оружия. Понимает ли патриот Куняев со своим Суховым, что из этого следует по их гуманистической классификации?

Тут же мемуарист, и в армии-то не служивший, с уже известным нам презрением и брезгливостью упомянул «всех (!) корреспондентов фронтовых газет», т.е. сотни советских писателей, иные из которых головы сложили за Родину, «всех (!) политруков», в том числе, естественно, и Героя Советского Союза панфиловца Василия Клочкова, который в страшный для Родины и в свой смертный час бросил боевой клич: «Велика Россия,

а отступить некуда, позади — Москва!» Чем еще и они все провинились перед бурным гением?..

Прочитав это еще в журнале, я тотчас позвонил мемуаристу: «Что ты себе позволяешь! Ведь этот Федя был блаженный. Статьями Эренбурга мы на фронте всю войну зачитывались: Симонов был тогда самым смелым, энергичным и популярным писателем, побывал на всех фронтах от Черного до Баренцева моря, его стихи жены переписывали и посылали на фронт мужьям; Полевой всю войну был военным корреспондентом, а потом написал замечательный роман о Маресьеве...» «Да, Федя был блаженный, — согласился Куняев, — но он имел в виду не только военное время, а всю литературную деятельность этих писателей в целом». «Еще того чище! Преступна не только военная пора их жизни — вся их жизнь преступна! Да ты соображаешь, что говоришь?..»

Видимо, под влиянием этого разговора в книжной публикации своих воспоминаний он вставил: «Погорячился Федя, называя «преступниками» Эренбурга, Толстого, Симонова...» Ну а если тебя назовут в журнале, а потом в книге хотя бы, допустим, редактором-взяточником, потом промурлыкают: «Ну, погорячились...» Доволен будешь?

В «списке Куняева» еще и Алексей Толстой, названный авантюристом; и Катаев. Опять заявив, что он «всю жизнь старался быть посредником, послем, глашатаем примирения», Куняев пишет о них: «Не зря (!) была сочинена в 1920-е годы хлесткая эпиграмма:

Я человек простой,
Читаю негодяев,
Таких, как А. Толстой
И Валентин Катаев.

Да, был когда-то пародист-юморист Арго (Абрам Маркович Гольденберг, 1897—1968). Это он специализировался на фабрикации таких милых побрехушек, которые ныне поддерживает и пропагандирует больной русский патриот Куняев. Прочитав это еще в журнале, я опять подумал, а как бы наш любитель старых еврейских эпиграмм встретил, допустим, в воспоминаниях коллеги такую запись: «Не зря, не зря после публикации мемуаров Куняева появилась хлесткая эпиграмма:

Я слезы лью рекой...
О время негодяев! —
Таких, как М. Швыдкой
И Станислав Куняев.

Не зря!..» А ведь рядом с тиражированием первой эпиграммы это выглядит просто шуткой, поскольку Толстой и Катаев, как и подавляющее большинство других писателей, оплеванных Куняевым, ответить и защитить себя уже не могут, а тут у одного из названных в руках телеканал «Культура», газета «Культура», у другого — свой журнал и даже свое издательство...

На старом друге Евтушенке, которого не так уж давно он считал великим поэтом и готов был поднять за это бокал, Куняев, похоже, совсем, надорвался и потерял управление собой. Вот ведь какой извергает фонтан желчи: «выкормыш социалистических джунглей (А самого где вскормили?)... подкидыш (Чей и кому?)... цирковой пудель... дворняшка... кабысдошек... собаченыш... сволоченыш... зверек... хищник... волчонок... волчушок... волченыш... охвостыш... сталиненыш... гибрид собаки и волка... помесь либеральной болонки и тоталитарной овчарки... шакал... сука...» Я вовсе не против крепкого словца в иных случаях, и Евтушенко вызывает у меня сейчас только неприязнь, но ведь здесь дело не в нем. Дело в литературе, в культуре. Весь «список Куняева» и, в частности, этот последний букет о Евтушенке находятся уже вне литературы, вне культуры, и прежде всего — вне русской культуры. Ведь и гнев, и брань имеют свою эстетику. Должны иметь! Впрочем, что ж это я? Ведь и Евтушенко вон что лепит в глаза тем, кто ему не по нраву: «евнух»... «труп»... «питекантроп»... «предатель»... «убийца»... «палач»... «козлы»... «стадо»... «навоз»... и т.д. Так что стоят они здесь друг друга, два сапога — пара...

До пророка Солженицына такое полоумное кабацкое буйство было совершенно невысказано не только в литературе, но и просто в печати. Но ему запали в душу слова одного бандюги: «Я освобождаю человека от унижительной химеры, называемой совестью». И вот появились его полубессмертные труды «Архипелаг» да «Теленок», и оттуда о всей нашей истории и жизни, о советских писателях поперло: «слюнтяй и трепач»... «шавка»... «дрянь»... «эти хари, эти мурлы»... «туполобая дремучесть»...

«лысый, изворотливый, бесстыжий»... «проходимец»... «ископаемый догматик»... И все это дано не так, как я привожу, а с конкретными именами живых и почивших.

Подумал бы: может, это и ко мне приложимо? Нет, он знай наяривает дальше: «мракобес»... «душителъ»... «палач»... «мертвец»... «лицо, подобное холеному заду»... Это все об отдельных писателях, а вот коллективные портреты: «бездари»... «шельмецы»... «паразиты»... «шкодники»... «плесняки»... «плюгавцы»... «сволота»... «шайка»... «балаганные хари»... «огородные пугала»... И подумать только, такое пугало получило Нобелевскую премию да еще наши ученые мужи избрали его в Академию наук вместе с Яковлевым!..

А вот особая, чисто зоологическая часть солженицынского арсенала: «кот»... «собака»... «сукин сын»... «волк»... «хваткий волк»... «порочный волк»... «яростный кабан»... «ревуший буйвол»... Нетрудно видеть, что Куняев для своего исследования личности и творчества Евтушенко черпал именно отсюда. Но надо честно признать, что Станислав Юрьевич еще не дошел до таких вот солженицынских красот из мира рептилий и насекомых: «пьявистый змей»... «широкочелюстный хамелеон»... «разъяренный скорпион на задних ножках»... и т.п. Видимо, отсюда он позаимствует сокровища для третьего тома своих воспоминаний...

Да, родоначальник всех мерзостей нынешней жизни, в том числе и пьяной распушенности языка, — Солженицын. Ведь «Архипелаг» — это 1973 год. А ныне его последователей, учеников можно встретить там, где совершенно не ожидаешь... Куняев рассказывает, что однажды в «Знамя», где он работал, зашел Виктор Ефимович Ардов и, приглядевшись к нему, вдруг при всем народе брякнул: «А вы, милейший, не полужидок?» Очень правдоподобно. Именно таким предстает он в воспоминаниях хорошо знавшей его Э. Герштейн: «развязный, охальный анекдотчик-юморист» (Мемуары, с. 428). И я запомнил его таким же. Когда я в конце 1950-х годов работал главным редактором Литературной редакции нашего зарубежного радио, он приходил с ворохом неряшливых слепых экземпляров своих юморесок и совал их мне в руки, бесцеремонно приговаривая: «Это можно вещать сразу. Сразу!» Помнится, мне ничто не подошло...

Непостижимым образом Ардов, писавший для цирка, для эстрады, для «Крокодила», был долгие годы в приятельских от-

ношениях с Ахматовой. Бывая в Москве, она часто останавливалась в доме Ардовых на Большой Ордынке и подолгу там жила. Есть человеческие сочетания, которые поражают воображение: Шолохов и Шамагонов... Ахматова и Ардов... Впрочем, в последнем случае, с одной стороны, надо принять во внимание, что со временем, как свидетельствует Э. Герштейн, «Анна Андреевна стала холодно относиться к Виктору Ефимовичу... В конце концов она потеряла к нему доверие» (с. 485). С другой стороны, Ахматова очень любила его жену — Нину Антоновну Ольшевскую, артистку МХАТа. Это многое объясняет. Судя по всему, та действительно была очень обаятельным человеком. Э. Герштейн представляет ее нам «красавицей смешанных кровей, — аристократической польской, русской и татарской». Ну сам-то Ардов был красавцем одной крови... Э. Герштейн пишет со слов Льва Гумилева: «Дом Ардовых imponировал ему своей, как ему казалось, артистической светскостью. Там бывают только блестящие женщины: Вероника Полонская (последняя любовь Маяковского, красавица), или дочь верховного (?) прокурора, или жена Ильфа... Над тахтой Нины Антоновны портреты влюбленных в нее знаменитых поэтов, например Михаила Светлова... а в ногах вот сидит Гумилев... Нина Антоновна кокетничала с Левой, и он откровенно признавался: «Я не могу оставаться равнодушным, когда она лежит с полуоткрытой грудью и смотрит на меня двоими блестящими черными глазами» (с. 230)...

Первым браком Ольшевская была замужем за Владимиром Петровичем Баталовым, тоже артистом, но мало известным. Их сын — Алексей Баталов, знаменитый ныне народный артист СССР. У Владимира был родной брат Николай Баталов, прославившийся участием еще в немых фильмах «Путевка в жизнь» и «Мать». Его очень любил Сталин, то и дело отправлявший его в санатории лечиться от туберкулеза. Увы, в 38 лет он умер...

Так вот, зафиксированный Куняевым интерес Ардова к «полужидкам» объясняется, вероятно, тем, что в его семье их было двое — Миша и Боря, братья Алексея Баталова по матери. Нас интересует первый — Михаил. Окончив в том самом 1960 году, когда его папа пытал Куняева, факультет журналистики МГУ, он работал на радио, возможно, где-то в соседней комнате со мной. Может быть, именно этим и объясняются вторжения его папы ко мне: «Это можно вещать сразу!»... Будучи выходцем из ар-

тистическо-писательской богемной среды, «полужидок» Михаил по прошествии времени стал протоиереем, настоятелем одной из церквей в районе Речного вокзала. Что ж, исполать!

Но к чему я это все? А к тому, что все хорошо бы, но протоиерей-«полужидок» не только вопит с телеэкранов «Мы никогда не признаем бандитское Красное знамя!», но еще и книги сочиняет, в направленности коих есть нечто существенно общее с тем, что пишут Солженицын и Куняев о русской литературе. Последняя из них называется «Возвращение на Ордынку» (Л., Инкапресс, 1998). Там можно прочитать такое, например: «Еще полтора года лет назад полуграмотному Белинскому было известно»... «начиная с неуча Белинского и кончая чудовищным монстром Лениным»... «нравственный урод и графоман Чернышевский»...¹ «памятный нам персонаж, любимец палачей Шолохов»... В последнем случае Ардов несколько уступает Солженицыну, который писал не о «любимце палачей», а прямо — о «палаческих руках» Шолохова. Но зато батюшка превзошел всех в своей проповеди, обращенной к «чрезмерно горячим поклонникам Пушкина»: «Этот человек почти всю жизнь прожил кощунником, развратником, дуэлянтом, картежником, чревоугодником...» В частности, кощунственными сын юмориста объявил стихотворения Пушкина «Мадонна», «Бесы», «Жил на свете рыцарь бедный». Не соответствуют-де они букве Святого Писания. Да если так, то почему не зачислить в кощунники, допустим, и Лермонтова еще. Это же он писал:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...

Выходит, звезды-то не внемлют Богу, а о чем-то своим ласы точат. А дальше?

В небесах торжественно и чудно
Спит земля в сиянье голубом...

---

¹ А большой патриот О. Платонов в свою энциклопедию «Русская литература» вообще не включил статьи о Белинском, Герцене, Добролюбова, Чернышевском. Уж так старался угодить протонерею Ардову! В. Бондаренко есть, а Белинского нет, В. Ганичев есть, а Герцена нет, И. Дроздов есть, а Добролюбова нет, В. Чалмаев есть, а Чернышевского нет. Как же не ликовать Ардову!

Спит! Значит, тоже не внимлет Божьему гласу. А в последних строфах и вовсе неверие в загробную небесную жизнь. Автор мечтает о бессмертии на земле:

Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...

И все это не на небесах, а на земле:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,

Темный дуб склонялся и шумел.

Дубы, как известно, на небесах не растут... Кто же Лермонтов после этого? Несомненный кощунник, а то и воинствующий безбожник... Так вот, Станислав Куняев, поцелуйтесь с батюшкой Ардовым. Вы идете в одном направлении, вам светят одни и те же звезды...

Я вышел из редакции, перелез два зелененьких заборчика Цветного бульвара и нетвердой от возбуждения походкой направился в одноименное метро. Вдруг — милиционер, молодой парень: «Пройдемте, гражданин». Что такое? Зашли в комнатку. «Дыхните!» — «Да вы что, товарищ милиционер! Я чай не из кабака, а из журнала иду, из интеллектуального очага, так сказать» — «Из «Нашего современника»?» — «Да. А как вы угадали?» — «Вчера один из этого очага так хорош был, что мы его не пустили в метро. И у вас походочка нетвердая. А потом нам отвечать. Документы есть?» Я достал из бумажника красную книжечку, протянул. Парень долго пялил глаза на обложку, потом развернул и так же долго изучал там фотографию, подписи, печать. И глаза у него лезли на лоб. «Что-то подпись не разберу», — сказал он. Я наклонился и обмер. Оказывается, вместо ветеранского я сослепу предъявил «Удостоверение гения», которое за двадцать рублей купил у одного предприимчивого шутника на Арбате. А там все чин-чинарем: печать какая-то была, а старую фотографию я сам наклеил и расписался за Ганичева. «Подпись? — переспросил я. — Это подпись председателя Союза писателей. Он у нас прекрасно разбирается, кто ге-

ний, кто нет» — «А что-то фотка непохожа», — сказал милиционер. «Да это я молодой, только что с войны пришел». — «Что, уже и молодой гением был?» — «Да. Мы все, кто вернулся с войны живым, гении. Ведь за скольких товарищей, что не вернулись, мы обязаны думать и действовать» — «Что ж, — сказал милиционер, — гения штрафовать неудобно. Инструкции такой нет. Вот ваше удостоверение. Можете быть свободны». Я поблагодарил и направился к эскалатору, торопясь домой...

По дороге из редакции домой я подумал о том, что, видимо, в расчете подкрепить в глазах читателя свои пещерные чувства ко многим писателям и русской классики и советской литературы Куняев напечатал воспоминания Бунина о Горьком и Маяковском. Господи, лучше бы никогда я не знал об этих «воспоминаниях»... Они — поразительный пример того, как злоба съедает не только талант, не только разум, но и простую рассудительность.

Вот какие портретные детали дает Бунин для создания образа молодого Горького: «Ражий детина... сутулый ражий парень с быстрыми и уклончивыми глазами, с утиным носом в веснушках...» Точности ради замечу, что в таких случаях лучше говорить о взгляде, а не о глазах. Как сидящие в глазницах глаза могут быть уклончивы? А что касается утинового носа, то я перебрал десятка два портретов Горького и нигде его не обнаружил. А что, если бы и нашел? Чем утиный нос хуже длинного гусиного носа, с каким всю жизнь проходил Бунин? Уж не говорю о великом Гоголе...

Дальше: «в выражении лица нечто клоунское... комически глупая улыбка... небольшой лоб, низко заросший волосами, был морщинист, как у обезьяны»... Это уж уровень Роя Медведева, который писал, будто у Сталина был такой низкий лоб, что Политбюро приняло решение: на всех фотографиях под страхом смерти увеличивать его на два сантиметра. Правда, до уподобления обезьяньему лбу даже Медведев не доходил... Дальше: «воровская походка... я немало видел таких походок в одесском порту... хмурился свирепо, кашлял по-солдатски». Бунин в армии не служил, солдатом не был, а я был, и не нахожу, что тогдашний мой, как и моих товарищей, кашель изменился после демобилизации и стал у меня совсем другим, когда я сделался профессиональным литератором.

Вот такая была отталкивающая внешность. Манеры тоже ужасны. Чего только стоит, что «курил папиросу за папирсой,

тянул красное вино, выпивал всегда полный стакан, не отрываясь, до дна...», то бишь залпом. Этому несколько противоречит другое наблюдение: «Вино пил со вкусом и с наслаждением», то есть смакуя, что невозможно при питье залпом. И тут же: «У себя дома — только французское вино, хотя превосходных русских вин было в России сколько угодно». Это, видимо, намек на непатриотичность.

Ну, хорошо, допустим, что портрет хотя бы отчасти, хотя бы в отношении веснушек на носу справедлив. Что же из этого следует? Какое отношение все сказанное имеет к литературному творчеству Горького, к его таланту? Бунин пока молчит.

Он продолжает и добирается до гонораров: «Я сперва сотрудничал в его журнале «Новая жизнь», потом стал издавать свои первые книги в его издательстве «Знание»... «Знание» сильно повысило писательские гонорары. Мы получали кто по 300, кто по 400, а кто и по 500 рублей с листа, он — 1000: большие деньги он всегда любил». Во-первых, не сам же Горький выписывал себе гонорар. Кому сколько платить, решает издатель, ему видней, чьи книги лучше раскупаются и приносят больше дохода. А сам Бунин признает: «Его книги расходились чуть не в сотнях тысяч экземпляров». О своих книгах Иван Алексеевич сказать этого не может. Да, Горький был тогда самым знаменитым писателем. Замечательный художник М.В. Нестеров писал в 1901 году: «Какой вихрь успеха у нас и за границей переживает сейчас Горький. Это один из популярнейших писателей Европы. И все это в пять-шесть лет!»

Во-вторых, а разве сам Бунин не любил большие деньги? А к тому же Горький и любил их весьма своеобразно. Сколько народу вокруг него кормилось, и как бесшабашно раздавал он их всем, кто просил! Это видел своими глазами несколько лет живший у Горького со своей женой Ниной Берберовой поэт Ходасевич: «Отказа не получал никто. Горький раздавал деньги, не соображаясь с действительной нуждой просителя». А кому помог Бунин?

Но он продолжает обличение: «У него был снят целый дом в Нижнем Новгороде, была большая квартира в Петербурге». Вообще все, что Бунин пишет о Горьком с целью очернить его, не внушает никакого доверия. Но почему бы и не иметь две квартиры, если, с одной стороны, он, по признанию Бунина, так много работал: «Я всегда дивился — как это его на все хватает...

Спит не больше пяти, шести часов — и пишет роман за романом, пьесу за пьесой!» С другой стороны, ведь это были не абы какие романы и пьесы. По тому же признанию, «каждое новое произведение Горького тотчас делалось всероссийским событием». Отсюда и гонорары. А о своих замечательных произведениях Бунин, опять же, сказать не может, что они были событиями. Поэтому, если бы Иван Алексеевич тоже спал по пять-шесть часов, то все равно едва ли имел бы тогда дом в Нижнем и квартиру в Петербурге. Вот в советское время — вполне.

Как видим, Бунин не отрицал, что Горький был знаменитейшим писателем. Он повторяет это то и дело: «Многие зачитывались и «Макаром Чудрой», и последующими созданиями горьковского пера: «Емельян Пиляй», «Дед Архип и Ленька»... Уже славился Горький и сатирами... Слава его шла уже по всей России. Потом она только продолжала расти... Восторг публики перед ним... Всюду, где он появлялся, набивалось столько народу, не спускающего с него глаз, что протолкнуться было нельзя...» Уже сколько лет и мировой славы... Но все это Бунин объявил «совершенно беспримерным по незаслуженности». Вот если бы он, то — да, а тут...

Как же так? Ведь похоже на то, что и сам Иван Алексеевич был среди народа, не спускающего с Горького восторженных глаз. Не об этом ли свидетельствует то, что, спустя много десятилетий, он в подробностях помнил даже, как Горький одевался: «Крылатка, и вот этакая шляпа, и дубинка. Под крылаткой желтая шелковая рубаха, подпоясанная толстым шелковым жгутом кремового цвета, вышитая по подолу и вороту...» А? Даже цвет подпояски запомнил!.. И опять: «В темной блузе, подпоясанной кавказским ремешком, в каких-то особенных сапожках с короткими голенищами, в которые вправлял черные штаны...» Не синие, не серые, а черные!..

И тем не менее: «Слава, совершенно беспримерная по незаслуженности...» Как же она могла возникнуть и так долго жить? Ведь до сих пор и книги его издаются, и пьесы ставятся. Да если бы даже Горький не написал больше ничего, кроме «На дне», он и тогда, как Грибоедов, навсегда вошел бы в нашу литературу. И тут талантливейший Бунин предстает перед ними в таком жалком виде, что просто плакать хочется от жалости.

Он лепечет, что слава Горького основана «на безмерно счастливом для него сочетании не только политических, но и

весьма многих других обстоятельств...» Позвольте, но, во-первых, политические и всякие другие обстоятельства с 1892 года, со дня появления первого рассказа Горького, так много раз и столь решительно менялись, а слава его все живет. Во-вторых, никакие политические обстоятельства не могут сделать настоящего писательского имени. Неужели, дожив тогда почти до семидесяти лет, Бунин этого не понимал?

А дальше — еще ужасней для него. Говоря о «других обстоятельствах», которые-де явились основой горьковской славы, Бунин в первую очередь, надо полагать, как одно из самых важных, если не решающих, называет «неосведомленность публики в его биографии». Боже милостивый, и это сказал не Лев Колодный (он лишь повторил), а Бунин! А много ли мы осведомлены в биографии Гомера? А в биографии Шекспира? О первом мало что известно, кроме того, что был слепым. О втором до сих пор спорят: он автор пьес или кто другой. Я лично поверхностно знаю биографию самого Бунина, но это не мешает мне ценить и его прозу, и его стихи.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Слушайте дальше, если вы еще не упали в обморок: «Все повторяют: «босьяк, поднялся со дна моря народного...» Но никто не знает строк, напечатанных в словаре Брокгауза: «Горький-Пешков Алексей Максимович родился в 1868 году в среде вполне буржуазной: отец — управляющий большой пароходной конторы, мать — дочь богатого купца»... Ну, во-первых, почему же «никто не знает», если это напечатано, притом — в популярнейшем словаре. Во-вторых, подумать только: ведь Бунин большой писатель, но и яростный антисоветчик, а тут — самый махровый вульгарный социологизм рапповского закваса: Горький, дескать, не из глубин народа, а из буржуазной среды, и следовательно, его слава дутая. Не может быть талантлив человек из буржуазной среды. А ведь Иван-то Алексеевич тоже был не со дна моря народного.

Нет, вообще-то Бунин не отрицает одаренности Горького, но пишет, что это «примитивные литературные способности, как нельзя более подходящие для вкусов толпы». Но сам же пишет: «Уже давно шла молва о Горьком по интеллигенции». Раз-

ве это толпа? Или сообщает, что иные писатели так полюбили Горького, что даже, «подражая ему в «народности» одежды, Андреев, Скиталец и прочие «подмаксимки» тоже стали носить сапоги с голенищами» (между прочим, без голенищ сапог не бывает. — В.Б.). Разве упоминавшийся художник Нестеров или Леонид Андреев — толпа? А великая Ермолова! По словам самого Бунина, она так волновалась, сердечно приветствуя Горького.

Иван Алексеевич уж совсем не щадит свою писательскую репутацию, когда от общих слов вражды и ненависти переходит к конкретной критике произведений Горького. Например: «В 92-м году Горький напечатал в газете «Кавказ» свой первый рассказ «Макар Чудра», который начинается на редкость пошло...» Ну, допустим, так и есть. Но ведь это же только начало рассказа, а он довольно большой. А вот к лицу ли старому писателю писать прозу в рифму: Кавказ — рассказ? Кроме того, ведь это же рассказ первый, и автору всего 24 года. Можно бы взглянуть и понисходительней. Ведь история литературы, в том числе и русской, знает немало ужасных неудач с первыми публикациями: поэма «Ганц Кюхельgarten» Гоголя, драма «Дмитрий Калинин» Белинского, сборник стихов «Мечты и звуки» Некрасова... Иные из них бегали по магазинам, скупали свои творения и сжигали. А тут... Рассказ был напечатан 12 сентября 1892 г. В этот день Горький проснулся знаменитым. И, по точному замечанию Троцкого, — «колоссальная, выросшая в 24 часа популярность».

В другой раз Бунин обрушился на «Песню о соколе»: «Песня о том, как совершенно неизвестно зачем «высоко в горы вполз уж, а к нему прилетел какой-то ужасно гордый сокол». Неизвестно зачем?.. Уж — тварь свободная, куда хочет, туда и ползет. А таким подходцем можно всю мировую поэзию раздраконить. «Выхожу один я на дорогу...» Зачем выходит? Чего ему дома не сидится у телевизора? Почему один, а не с подружкой? Ведь с ней веселее. А куда ведет эта дорога? Далеко ли по ней идти поэту?..

Но возникает вопрос. Если Горький обладал таким пошлым талантом и был так неприятен даже внешностью и манерами, то ведь тонкий писатель Бунин, эстет, стилист, должен был почувствовать это сразу и сразу должен бы отвернуться от вульгарного писателя с носом уточкой и воровской походкой. Что же заставляло на протяжении двадцати лет много раз встречать-

ся с ним в Москве, Петербурге, Нижнем, в Крыму, а на Капри, говорит, «лет пять подряд мы с Горьким встречались каждый день, чуть не все вечера проводили вместе, сошлись очень близко». Что заставило потом распространять сплетню, что Горький «пишет совершенно безграмотно, и его рукописи кто-то поправляет». Это уж на уровне солженицынских писаний о Шолохове...

Да, лучше бы я никогда не знал ваши воспоминания, Иван Алексеевич, не видел вас в таком облике. Тем более что ведь написано это было вскоре после смерти Горького, т.е. это как бы некролог. Даже упомянутый Троцкий, написавший статью о Горьком тогда же, не исключено, в один день с Буниним, закончил статью так: «Мы провожаем его без нот интимности и преувеличенных похвал, но с уважением и благодарностью: этот большой писатель и большой человек навсегда вошел в историю народа, прокладывая новые исторические пути».

А воспоминания о Маяковском! Это такое злобное убожество, что невозможно читать. Всем, кто не по душе, приписывает все, что угодно. Например, Ленину: «Писатели должны непременно войти в партийные организации». Какая чушь! У нас даже руководители Союзов писателей России и СССР — Леонид Соболев и Константин Федин — были беспартийными. О Маяковском так: «Он писал, что имя Есенина «публикой осоплено». Я, конечно, не одобряю подобное словотворчество, но у Маяковского все-таки по-другому: «Ваше имя в платочках рассоплено». Есть разница!

И вот до каких пределов доходит ненависть: «Маяковскому пошло на пользу даже его самоубийство». Что такое? Оказывается, Пастернак написал на его смерть стихи. Если так, то можно сказать, что и Есенину пошло на пользу самоубийство: Маяковский написал об этом замечательные стихи. И Пушкину пошла на пользу его смерть: Лермонтов написал незабываемые стихи... Но вот Бунину, кажется, не удалось извлечь пользу из своей смерти, хоть она и пришла в 83 года, а не в 38.

Но в одном Бунин честен: он прямо говорит, что в 1917 году Горький «вдруг оказался для меня врагом». Тогда все понятно. Но Куняев-то!.. На что ему соли насыпали Шевченко и Герцен, Горький и Маяковский, Асеев и Кочетов, Федин и Сельвинский?.. Зачем, как Бенедикт Сарнов, он и Бунина использует, как

бульдога? А затем, что цель одна: участие в швидковском погроме русской и советской культуры.

В этот же день часов в семь вечера у меня раздался телефонный звонок: «Владимир Сергеевич?..» Куняев! Я был уверен, что он позвонит, и думал, конечно, что станет извиняться за публичную истерику в служебном кабинете. Куда там!..

— Ты двурушник! — Он, видите ли, преодолевая. — Расхвалил в газете работу моего сына о Павле Васильеве, звонил мне, что понравились воспоминания моей матери, а теперь написал в «Патриоте», как я мог их напечатать...

— Да, я дважды похвалил работу твоего сына, он собрал большой материал, и уже одно это радует, но у него много лишнего, работу надо сократить хотя бы за счет бесчисленных и непримечательных стихов давно и заслуженно забытых поэтов, за счет несуразных рассуждений о Горьком. Дай Бог твоему сыну усердия и удачи в дальнейшем, но кое в чем его надо и поправить... Нельзя же, например, писать о Горьком в духе своего отца — как о соседе по коммуналке, который на кухне бросил тебе в кастрюлю с супом таракана. Или вот он в совершенно издевательском духе пишет о Первом Всесоюзном съезде писателей, глумится даже над такими словами, прозвучавшими с его трибуны: «Первая рабочая республика — единственная вещь в мире, за которую я хотела бы жить и умереть». Что тут смешного? Прошло семь лет, и люди действительно умирали за эту республику. А автор ухмыляется: «Вдохновленные такими речами, отечественные делегаты заходились в ораторском экстазе». Или: «Посылая громы и молнии в адрес мировой буржуазии, «инженеры человеческих душ» не забывали также о бдительности в своих рядах». Увы, как обнаружилось через пятьдесят лет, слишком часто забывали. Автору смешны и такие речи: «Внутри страны уцелели еще остатки капитализма, с которыми нужно бороться, которые нашептывают отсталой части рабочего класса и крестьянства свои старые песни. В самой партии есть еще чуждая мещанская засоренность». Над чем тут смеяться? Время показало, что именно так и было, ныне эти «старые песни» гремят на всю страну. Вон обновленное НТВ вопит: «Дайте волю своей алчности!..»

Автор покатывается со смеху над «зажигательными речами», в которых говорилось, что «надо держать лирический порошок сухим». Понять смешливость автора просто невозможно.

Как и то, что большевиков, сохранивших нашу Родину от развала и уже к тому времени выведивших страну на передовые позиции в Европе, он называет «племенем разрушителей». Ну, это родовая закваска... Дальше автор переходит к самозабвенно выразительной декламации в духе Роя Медведева, Радзинского и подобных им светочей: «Абсолютное большинство делегатов XVII съезда партии пошло под нож. Подобно ему не уцелела треть делегатов писательского съезда. Будущие историки, надеюсь, проследят их судьбу...» Чего ж кивать на будущих историков? Прошло уже почти семьдесят лет. Вот сам и займись. Молодой, здоровый... Или тоже не очень?.. Когда я занялся проверкой того, что об этом же писал известный Антонов-Овсеенко, то оказалось, что он не знает даже даты XVII съезда и сколько было делегатов. А ведь тоже: «Под нож!..» Как ножи-то у них близко — за голенищем... Молодой автор не побрезговал воспользоваться даже доносами тайных агентов о кулуарных разговорах делегатов. Да мало ли что мы говорим в буфетах и курилках. Вот агент доносит, что Бабель, может быть, выходя из уборной, сказал кому-то: «Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом, как голубки». Так и поступают элементарно воспитанные люди. А Бабель что, хотел, чтобы они склоку устроили в президиуме?.. Так что твоему сыну, Станислав, есть о чем подумать. Это моему думать уже не о чем...

Да, я хвалил воспоминания и твоей матери. Я хвалил тебе по телефону и некоторые места твоих собственных воспоминаний, например, рассуждение о трусоватых литературных генералах. Да, да, да! Но все это никак не значит, что главному редактору можно в двадцати номерах своего журнала печатать свое сочинение, в десяти — родного сына, да тут еще и родная матушка. Во что превращается журнал?.. Как об стенку горох...

Переубедить Куняева хоть в чем-нибудь дело безнадежное. За долгие годы мне не удалось это, кажется, ни разу, если не считать его вставочки «Погорячился Федя...». И не только мне, как увидим дальше. Он прет против самых очевидных фактов. Лет десять тому назад я однажды напомнил, что подлинную суть позорно знаменитой статьи Александра Яковлева «Против антиисторизма» в свое время не раскусили многие писатели, а иные и поддержали, например Станислав Куняев. Тот немедленно взвился: «Неправда! Я не поддерживал. Наоборот, я был

против!» — «Позволь, — сказал я, — но вот же «Литературная Россия» за 8 декабря 1972 года. В ней, на шестой странице, отчет о работе пленума Московской писательской организации, который был целиком посвящен обсуждению статьи Яковлева. И здесь напечатано: «С. Куняев на конкретных примерах показал несостоятельность поэзии, «проливающей слезы над обломками старых храмов, убегающей от жизни под сень хат, крытых соломой, под своды церквей и мечетей, за частокोल языка, на котором не говорят ни в городе, ни в деревне». Именно об этом писал и Яковлев. «Ложь! — снова, как пламя из Этны, взметнулся поэт, — У меня было совершенно противоположное. Меня извратили, мне приписали!» — «Да кто же этому поверит? — недоумевал я. — Пятнадцать человек выступили в поддержку, и только один бесстрашный бунтарь — против. И что ты был за птица, чтобы тебе приписывать чего не говорил? Ведь гораздо проще было в отчете просто замолчать твой бунт с помощью такой, допустим, фразы: «В обсуждении приняли участие также С. Куняев, Ф. Кузнецов и другие». На крайний случай возможен был и такой вариант: «Странным диссонансом прозвучало выступление поэта С. Куняева, к сожалению, не понявшего важности и актуальности проблем, поднятых в статье А.Н. Яковлева.

«Меня извратили! Меня изнасиловали — продолжал оратор. — Подними архив, найди стенограмму!» — «Нет, сударь, это была твоя забота — потребовать публикации по стенограмме или хотя бы пустить ее по рукам, как делал в других случаях. Ведь трудно поверить, что человек, который десятилетиями хранит даже свои надгробные речи, не сберег текста своего выступления на столь важном пленуме хотя бы в дневниковой записи, коих так много в воспоминаниях». Но, увы, ни тогда, по горячим следам, ни позже — ни слова протеста. Даже и теперь в воспоминаниях ни звука об этом, хотя статья Яковлева упоминается не раз. А ведь такой подходящий случай рассказать о грубом насилии над вольным поэтом в подтверждение того, что он, как гордо заявляет сейчас, «к идеологии не подлаживался». И наконец, почему «Литературной России» верить нельзя, а Куняеву при полном отсутствии доводов — надо? Выходит, или никакого героического бунта бесстрашной одиночки не было, или в интересах карьеры устраивало, что изнасиловали. Потому и молчал тридцать лет.

А вот один из недавних примеров. Уж очень разителен... После смерти Вадима Кожинова я написал о нем статью. Крат-

кий вариант напечатала «Завтра», а полный предложил «Нашему современнику». Куняев энергичнейшим образом отверг его. Почему? А потому, что я искажил образ, напомнив, что в свое время Кожинов был диссидентом. «Нет! Это неправда! — негодовал Куняев. — Он никогда не был!» — «Да ведь сам в этом признавался, и неоднократно, и не где-нибудь, а на страницах «Нашего современника», даже называл исходный толчок, источник своего диссидентства — беседы с Бахтиным». — «Нет! Нет! Ложь! Не был!» — «Он не был антисоветчиком, т.е. человеком, который в той или иной форме выступает против Советской власти, советской идеологии, как Солженицын или Шафаревич. Но что такое диссидент? Это слово пришло к нам из истории церкви и означает «инаковерующий, инокомыслящий». Это, так сказать, «вещь в себе». И таким вот диссидентом в себе Кожинов был». — «Нет! Нет! Нет! Клевета!»

Господи, ну какая упертость!

В этом году уже после смерти Кожинова вышел его двухтомник «Россия, век XX». Он и там оставил покаяния о своем диссидентстве: «Многое из того, что произошло в 1929—1933 годы, мне стало известно (прежде всего, из бесед с М.М. Бахтиным) еще в начале 1960-х годов, и должен признаться: я пришел тогда к полнейшему «отрицанию» послереволюционного пути страны» (т. 1, с. 190). Здесь удивительна прежде всего неадекватность: из-за 4 «нехороших» лет человек отвергал почти 50 лет советской истории родной страны. Но он настаивал: «В свое время я безоговорочно «отрицал» все то, что свершилось в России с 1917 года. Это было как раз в «разгар» хрущевского правления, а к середине 1960-х годов сравнительно краткий период моего радикальнейшего «диссидентства» уже закончился» (т. 2, с. 366). Чего еще надо? «Безоговорочно «отрицал»... «Радикальнейшее «диссидентство»!» Как уже отмечалось, в своем письме Кожинов злоупотреблял кавычками, тем самым придавая иным речениям двусмысленность, даже неясность. Думаю, что в данном случае кавычки означают именно невысказанность диссидентства, сугубо внутренний характер радикальности, т.е. публичных выступлений и поступков такого рода у него не было.

Но вот что с гордостью поведал в прошлом году Г. Ганичев в беседе с В. Бондаренко в «Завтра». Несколько московских литераторов летели из Тбилиси в Москву. И когда пролетали над донской землей, В. Кожинов и С. Семанов встали и предложили

почтить молчанием память погибшего в этих краях генерала Л. Корнилова, руководителя первого мятежа против революции, одного из главных организаторов Белой армии. Все встали. В. Ганичев был тогда главным редактором «Комсомольской правды». А на дворе стоял 1972 год.

В другом месте он уточняет и даже «оправдывает» ту пору своего развития: «В первой половине 1960-х годов (это на четвертом-то десятке жизни! — *В.Б.*) я проникся «диссидентскими» воззрениями и, в сущности, вообще «отрицал» всю советско-социалистическую систему. Полагая, что и у меня и у других людей моего поколения и круга это был своего рода неизбежный и по-своему нужный этап развития» (там же, с. 336). И опять, уже прямо-таки навязчиво: «Я пережил период (правда, не очень долгий) полнейшего «отрицания» Революции — то есть всего происходившего в стране после 1917 года. Теперь я понимаю, что эта «стадия» отрицания была по-своему оправданной или даже необходимой» (там же, с. 377)

В. Кожемяко по своему обыкновению пытается смягчить: «Кожинов шел к пониманию этих 70 лет не так-то просто. Был у него период, когда у него было отрицание многого (!) из этих лет». Да не многого, Виктор Стефанович, а «всего, что произошло после 1917 года», «всей советской системы». Но, слава Богу, что Кожемяко хоть частично-то признает кожиновское диссидентство и даже призывает Куняева: «Согласитесь, что он шел к пониманию непросто...» Но куда тем! Собеседник и бровью не повел, и словечка согласного не молвил. Какая бульдозерная твердость русского духа!..

У Кожинова было любимое выражение: «Ведь если вдуматься...» Так вот, ведь если вдуматься, его диссидентство — поразительная и загадочная вещь. Да, безоговорочно, радикальнейшим образом он полностью отрицал все! Что же именно? Напомним только главное: спасение большевиками Родины от развала и гибели в 1918—1922 годах, возрождение и расцвет экономики и культуры страны в 20—30-е годы, «Клима Самгина», «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», Прокофьева и Шостаковича, всемирно-историческую Победу над германским фашизмом в 1941—1945 годы, «Василия Теркина», послевоенное восстановление народного хозяйства, овладение атомной энергией, превращение отсталой России во вторую супердержаву мира, пуск в 1954 году первой в мире АЭС, вывод в космос в

1957 году первого в мире спутника Земли и постройку первого в мире атомного ледокола, доставку в 1959 году на Луну Государственного герба страны, а затем первого в мире лунохода, первый в мире полет советского человека в космос в 1961 году, полет первого в мире трехместного космического корабля в 1964 году... И обо всем этом и о многом сверх того начитанный и любознательный Кожинов прекрасно знал, а то, что было с конца тридцатых годов, и видел собственными глазами... И был он не студентиком, когда его хватил удар диссидентства, ему шел четвертый десяток, — взрослый зрелый человек. Так в чем же дело? Где разгадка?

Думаю, разгадка в том, что психологическая и душевная предрасположенность к диссидентству была у Кожинова с юности. Вот он рассказывает об одном эпизоде своей только что начавшейся студенческой жизни: «В первые дни сентября 1948 года Игорь Виноградов, впоследствии один из ведущих сотрудников «Нового мира», был избран «комсоргом» группы. Произнося полагающуюся по этому поводу речь, Игорь восторженно процитировал высокоидейные «строки Маяковского». Даже теперь Кожинов писал об этом довольно странно. Почему комсорг опять же в кавычках? Это было живое, реальное, конкретное по смыслу слово. Что за «полагающаяся речь»? Меня избирали комсоргом и в школе, и на фронте, и в Литинституте, и я не помню, чтобы произносил при этом какие-то «полагающиеся» речи. Наконец, почему прочитанные стихи Маяковского названы высокоидейными в кавычках? Надо думать, они такими и были. Другое дело, может, здесь не очень уместны.

Но главное дальше: «Отведя Игоря в сторону, я спросил: неужели он считает, что строки эти были написаны «от души», а не ради денег и почестей? И в ответ Игорь долго и горячо убеждал меня в обратном, притом было совершенно ясно, что он говорит с полнейшей искренностью». Да, Виноградов, впоследствии диссидент, тогда думал и чувствовал, воспринимал стихи Маяковского как большинство нормальных советских людей, в частности, его сверстников-студентов, никому из них и в голову не приходили деньги. А Кожинов, в противоположность им, был убежден, что советский поэт не может написать высокоидейные патриотические стихи от души, а только — ради денег. Это и есть фундамент, основа, почва диссидентства. И всего в восемнадцать лет! Так что на четвертом десятке жиз-

ни слова М.М. Бахтина упали в почву, давно и хорошо унавоженную антисоветизмом.

Слава богу, Вадим Кожин довольно быстро прозрел и никаких, так сказать, целостных диссидентских публикаций у него не было, но следы прошлого нередко давали о себе знать в иных его рассуждениях до самой последней поры. В упоминавшейся последней книге крайне удивляет рассказ, связанный с Евтушенко: «На студенческом фестивале в Хельсинки в 1962 году имел место неприятный эпизод: молодые финны — как тогда сообщалось, потомки погибших на советско-финской войне — бросали камни в автобус с делегацией СССР». Та война была в 1939—1940 годах. Интересно, а что делали в это время на фестивале «потомки» участников немецко-финской агрессии против СССР в 1941—1944 годы? Но читаем дальше: «Вернувшись в Москву, Евтушенко опубликовал об этом стишки «Сопливый фашизм». Встретив его в ЦДЛ, я сказал, что стыдно писать подобное; вспомни, что Твардовский назвал эту войну «незнаменитой», то есть недостойной славы...» Это поразительно...

Какая литературщина! Какой догматизм! Лауреат Ленинской премии Твардовский сказал — и не смей по-другому. Вы подумайте только: за границей, на чужбине во время прекрасного всемирного праздника на глазах множества иностранцев негодяи забрасывают камнями наших ребят, нашу национальную делегацию. Это государственное оскорбление, а для русского патриота всего лишь — «неприятный эпизод». Евтушенко встал на защиту своих, негодует против наглой вылазки, возможно, даже опасной для жизни наших ребят, а этот патриот целиком на стороне оскорбивших его Родину подонков, он считает своим долгом еще и отчитать поэта, вступившегося за честь родной страны: «Стыдно!..»

Да ведь здесь вражда к литературному противнику затмила чувство к Родине. И человек не понимал этого в тридцать лет, не понял и в семьдесят. В таких случаях невольно хочется защищать даже Евтушенко тех времен. Точнее говоря, не его, а саму родную страну. В других случаях у патриотов такого рода чувство к Родине столь же решительно оттесняется и литературной симпатией, как у того же Кожина — почтением к Солженицыну, попыткой оправдать даже его грязную возню против Шолохова, как это было в беседе с В. Кожемяко в «Советской

России» 3 декабря 1998 года. Надо отметить, что для кружка этих патриотов крайне характерно главенство литературных страстей над всем остальным.

А слово «незнаменитый», кстати, вовсе не означает «недостойный славы». В числе многих толкований, которые Даль дает слову «знаменитый», есть и такие: «великий», «весьма известный», «прославленный». А мало ли солдат даже и Великой Отечественной осталось непрославленными, хотя и достойны этого. Ныне же говорят еще и так: «печально знаменитый» и даже «позорно знаменитый»... Да, финская война не была великой, это локальная война. Да, о ней многое оставалось неизвестным. Да, она не была прославлена, она померкла в великой трагедии и великой славе тут же грянувшей Отечественной войны. Но тысячи солдат и офицеров, сложивших головы тогда, заслужили славу и нашу вечную благодарность. Они прорвали линию Маннергейма, заставили финнов просить мира. выполнили все задачи, которые ставились в этой войне: в условиях уже бушевавшей в Европе мировой войны отодвинули границу от Ленинграда, завоевали необходимые для нашей обороны базы и тем самым предотвратили захват летом 1941 года второй столицы нашей Родины. Кожинов словно и не ведает, что ведь финны, как немецкие прихвостни, воевали против его Родины еще и в «знаменитой» войне...

Уже не раз так или иначе была затронута военная тема. В. Кожинов и С. Куняев по возрасту не могли быть на войне, и в армии они не служили. Что ж, это выпадает не всем. Они были на военных сборах: первый, кажется, всего разок, второй — два. Один из своих сборов, проходивших во Львове, Куняев описывает так: «Мы в ту золотую осень 1965 года то коротали время в окружной военной газете, то читали стихи студентам, то позировали скульптору Флиту, потягивая красное вино...» То, как помним, в гостях у Петренко под водочку глумились над Шевченко, закусывая украинским салом... Словом, человек порошу не нюхал, портянки сушил недолго, и вдруг читаем, что, попав второй раз на сборы, он писал жене: «Ненавижу армию. Если бы ты знала, как эта организация не считается с человеком, с его привычками, настроениями, способностями, как она обстригает каждого человека...» Ну, еще можно понять, если это писал бы вчерашний восемнадцатилетний школьник, как мои ровесники, оказавшиеся в 1941—1942 годах в армии, а вскоре и на

фронте. Но Куняеву здесь уже без малого 25 лет, почти ровесник Андрея Болконского в Аустерлицком сражении, окончил институт, работает, женат. А в ту пору в армии еще служили участники Великой Отечественной, и никакой дедовщиной пока и не пахло... Мемуарист поведал нам, что в десять лет прочитал все четыре тома «Войны и мира» вместе с двумя эпилогами, в которых я лично до конца еще не разобрался. Так вот, во втором томе есть описание того, как Николай Ростов возвращается из отпуска в свой полк: «Когда Ростов подъезжал к полку, он испытывал чувство, подобное тому, которое он испытывал, подъезжая к Поварскому дому (т.е. к родному дому на Поварской улице в Москве. — В.Б.) Когда он увидел первого гусара в расстегнутом мундире своего полка, когда он узнал рыжего Деметьева, увидел коновязи рыжих лошадей, когда Лаврушка радостно закричал своему барину: «Граф приехал!» — и лохматый Денисов, спавший на постели, выбежал из землянки, обнял его, и офицеры сошлись к приезжему, — Ростов испытал такое же чувство, как когда его обнимала мать, отец и сестры, и слезы радости, подступившие ему к горлу, помешали ему говорить. Полк был тоже дом, и дом неизменно милый и дорогой, как и дом родительский». В десять лет Куняев не мог понять чувство Николая Ростова. Но он не понимал их и в двадцать пять, не понимает и под семьдесят... Конечно, у него не было Лаврушки, но, как видно, не было и друга Денисова: «Я проклинал армию, ее режим, ее бесчеловечность в негодующих письмах матери, жене, друзьям, плакал и вздыхал о свободе личности, а вернувшись после службы (аж двухмесячной?! — В.Б.) домой, с жадностью записывал рассказы тети Поли, только что вернувшейся из Магадана после 17 лет тюремной и ссыльной жизни». В другом месте об этой тете Поле сказано, что сидела она не в тюрьме, а в лагере, и лишь пять лет, а двенадцать как вольнонаемная работала на швейной фабрике, и «вернулась в 1956 году в Калугу весьма богатой по тем временам женщиной». Но как примечательно, что сразу после «службы» в ненавистной организации, где не считаются с привычками и настроениями, кинулся к бывшей заключенной, в надежде, надо полагать, на антисоветские рассказы о том, как и в лагерях тоже не считаются с настроениями... С чем сравнить такое отношение к армии? А.Солженицын в упоминавшейся книге цитирует «Записки русского еврея» Г.Б. Слиозерга: «По отсутствию товарищества и вечной

обособленности еврейского солдата военная служба представлялась для евреев самой грозной и тягостной из всех повинностей» (с.150).

Могут сказать: «Что ж, Николай Ростов! Гусары, графы, денщики, дом на Поварской — все это слишком давно было!» Правильно. Но вот прошло почти 140 лет, и 29 марта 1945 года я, не гусар и не граф, а сержант Красной Армии в Восточной Пруссии под Кенигсбергом записываю в своем дневнике: «Сегодня ночью последнюю ночь в роте. Посылают на курсы зенитчиков. Прощай, рота! 27 месяцев протекло здесь. Как я ко всему и ко всем привык! Ухожу с таким же чувством, с каким уходил из дому...Итак, мой путь лежит в деревню Вилау километрах в восьми от Тапиау...О чем я жалею в роте? Единственно о друзьях. Как я привык к Адайчику, Райсу, Шуре Бароновой, ко всем. А как трудно будет привыкать ко всему новому... Итак, в путь. Прощай рота!» Тогда я еще не читал «Войну и мир», но посмотрите: граф Ростов возвращался в свою часть, как в родной дом на Поварской, и я, комсомолец, покидал свою часть, как родной дом в Измайлове... А вот запись 3 апреля: «Напрасно я прощался с ротой, видно, здесь и войну кончать придется. Подполковник Лантух дал мне неверный адрес: курсы не в Вилау, а в Швиндау. Я два дня проблуждал, устал, как черт, и пропала всякая охота идти на эти курсы. И потом, серьезно говоря, ведь так хочется встретить окончание войны в своей родной роте, среди старых друзей... Дома (!) меня ждали два письма от Нины, одно от мамы и одно от капитана Шевцова из «Разгромим врага»...

Дня через два начался штурм Кенигсберга... После его взятия нашу часть уже летом перебросили на Дальний Восток, в Куйбышевку-Восточную. Там мы приняли участие в скоротечной войне против Японии, в разгроме Квантунской армии на территории Маньчжурии. Не помню, почему, из Маньчжурии я возвращался не со всей частью. В дневнике за 21 сентября 1945 года читаю: «От Амура мы с Потеминым поехали одни. Доехали довольно хорошо... Как приятно было идти по темным, но знакомым улицам Куйбышевки».

И в этот же день позже: «Сейчас демобилизационная лихорадка: старики и девушки-связистки уже сдают оружие, готовятся. А ей-богу грустно расставаться с некоторыми девчатами, и не только с девчатами... Сегодня им, демобилизующимся, вы-

дали медали «За Победу». 26 сентября: «Вчера проводили стариков и девчат. Я и не представлял, что так грустно будет расставаться!

На студебеккерах в две очереди отвезли их на станцию. Ждать там пришлось недолго. Штурмом взяли вагон, втиснули всех, усадили... Я забрался в вагон, несмотря на страшную тесноту, сквозь мешки, сидора, пассажиров. Добрался до самого конца вагона, где за горой мешков сидела Саня Баронова. Попрощался с ней, крепко пожал ей руку. Она как-то жалко улыбалась. А потом пошел обратно к выходу, пожимая руки, прощаясь, желая счастья и доброго пути. Мне отвечали тем же. Все были возбуждены, взволнованы — и старики и девушки. Ведь три года прожили вместе!.. Наконец, свистки. Поезд пошел...

Как сразу пусто, тихо стало в казарме. Раньше шум надоел, а теперь мы были бы рады этому шуму, суматохе, толкотне... А вчера было просто невыносимо. Захотелось выпиться, чтобы потерять ощущение времени. Но не удалось, несмотря на все старания Адайчика».

Какова суть этих давних записей? Она та же, что у Николая Ростова: сослуживцы — самые близкие и дорогие люди, своя часть — родной дом.

Куняев пишет: «Два месяца сборов были для меня хорошей школой... Я почувствовал, что нащупал какое-то необходимое понимание хода истории». Это остается декларацией, и трудно понять, как из ненависти к армии, проклятий ее и тоски по «правам человека» может родиться понимание «хода истории». Понятно, конечно, что за два месяца далеко не для всякого казарма станет родным домом, но зачем сейчас-то, когда в армии так тяжело, рисовать картину, будто бы так и всегда было? Разве трудно понять, какое впечатление производят слова «я ненавижу армию...» в устах главного редактора патриотического (да?) журнала?

В нашем первом телефонном разговоре возникла и военная тема. Я сказал:

— Ты стыдишь других за то, что не знают, какой скорбный у тебя анализ урины. А сам не знаешь вещи поважней. Вот у тебя встретились два фронтовика. «Ты где воевал?» — «На Центральном фронте. А ты?» — «И я на Центральном! В какой армии?» — «В Тридцать восьмой». — «И я в Тридцать восьмой! Калугу брал?» — «Брал». — «Давай выпьем!» Прекрасная

встреча. Только мы о наших и союзных городах говорили не «брал», а «освобождал». Так и на наших медалях выбито: «За освобождение Варшавы», но — «За взятие Кенигсберга»... А ты знаешь, когда освободили твою родную Калугу?

— В конце декабря.

— Правильно, тридцатого. Так вот, никакого Центрального фронта тогда не было, его расформировали еще в августе.

— Я верю этим фронтовикам с десятого года рождения, а не тебе. Они так говорили.

— Да мало ли что люди говорят, особенно когда перед ними бутылка, да еще старики под восемьдесят. И 38-я армия никакого отношения к освобождению Калуги не имела, она воевала на Украине. А освободила город подвижная группа генерал-майора Попова войск 50-й армии Западного фронта, в рядах которой, кстати, я прошел путь от твоей Калуги до Кенигсберга.

— Не верю!

— Ну зайди ко мне, покажу книги, карты, красноармейскую книжку, воспоминания моего командарма Ивана Васильевича Болдина. Пятидесятая армия! Могу и состав этой ПГ назвать: 154 сд, 112 тд, 31 кд... Между прочим, командиром этой кд — кавалерийской дивизии был подполковник Михаил Дмитриевич Борисов, мой родственник...

— Не верю!

И здесь — все та же упертость!

А что его старички-фронтовички дальше плетут под водочку! «Взяли в плен двести пятьдесят эсэсовцев и тут же на путях порешили». И у поэта-гуманиста ни малейшего сомнения, никакого вопроса. Слово ему достоверно известно, что в Красной Армии так именно заведено было — расстреливать пленных. Его другое интересует: «А дезертиры из ваших деревень были?» Так ты на кого работаешь, патриот?.. Оказывается, этот текст входил в его книгу «Огонь, мерцающий в сосуде», за которую в 1987 году получил Государственную премию им. Горького. И тогда еще директор издательства «Современник» Николай Елисеевич Шундик — царство ему небесное! — уговаривал опустить это место: «Немецкая волна» найдет время повозиться, целую передачу устроит. Зачем это нам?»

Но дело не только в этом — зачем? Шундик на войне не был и, возможно, тоже принимал брехню за чистую монету. Но это же именно брехня, ложь! Клевета на родную армию! И с

какой легкостью, не приводя никаких доказательств, сует он е в свою Книгу Жизни! С какой свирепостью, как за великую драгоценность, держится за нее зубами пятнадцать лет!.. Вот и Феликс Чуев, не тем будь помянут, еще круче брал, уверяя, например, что на Ленинградском фронте Жуков «батальонами расстреливал своих». Знать, и ненужны ему были для обороны города солдаты...

Вот такие патриоты... Хоть на иностранцев посмотрели бы! Незадолго перед отставкой Клинтона по одной телепрограмме проскочил такой антиамериканский сюжетик. Во время войны в Корее (1950—1953 гг.) при паническом отступлении американских войск они должны были пройти через довольно узкий тоннель, который оказался забит корейскими беженцами. И что же? Американцы огнем проложили себе дорогу к бегству среди сотен трупов. И вот сейчас нашлись люди, которые провели расследование, разыскали живых свидетелей, составили надлежащие документы и потребовали от США извинения и материальной компенсации. И как же поступил душка Клинтон? Он ответил: «Да, расстрел был, отрицать невозможно, но нет доказательств, что огонь по беженцам солдаты открыли по приказу командования. Следовательно, это было не что иное, как стихийное бедствие, ответственность за которое не может нести никто». И все! Шиш вам, а не извинение. Получите плевков, а не компенсацию... А тут — сами своими руками взваливают на свою армию, на свою родину страшное преступление. И красиво объявляют это «полнотой картины жизни»... Почему не последовал совету старшего товарища? Чхал он на все советы.

И тут же устами одного из собутыльников в сотый раз повторена едва ли не самая грязная побрехушка всех волкогонных и сорокиных, всех антисоветчиков: «Да жить и в лагере по-разному жили. Помню, рядом с нами французский барак стоял — они на простынях спали! В волейбол играли! Им Красный Крест помогал... А мы в Красный Крест не входили». Потому, дескать, и морили русских голодом, потому и погибли в плену 3 миллиона... Французы, говоришь? Да откуда же у немцев могло быть особенно враждебное чувство к ним, если они в 1940 году не пожелали и не смогли сопротивляться вторжению вермахта даже половину того срока, что продержалась одна наша Брестская крепость, а объявили свою столицу открытым городом и через несколько дней капитулировали. Чего ж после тако-

го подарка не снабдить французских пленных простынками, даже если их оказалось там 1 миллион 547 тысяч. А когда в конце 1942 года американские войска под командованием Эйзенхауэра высадились в Северной Африке, им там пришлось сражаться не с немцами, а с 200-тысячной французской армией под командованием самого военного министра профашистского петеновского правительства Франции адмирала Жана Дарлана, и хотя эта армия тоже вскоре капитулировала, но ей удалось все-таки истребить 584 американца и 597 англичан. Чего ж после такой поддержки немцам не разрешить французским пленным играть в волейбол!

И вот что еще интересно. В. Кожин приводит данные: из общего количества 3 770 290 вражеских солдат, взятых нами в плен, 464 147 — французы, бельгийцы, чехи. Надо полагать, что основную часть составляли здесь именно французы. И ведь это только пленные! А сколько всего их воевало против нас? По подсчетам дотошного демографа Б. Урланиса, воюя на стороне Германии, погибло от 40 до 50 тысяч французов, а защищая свою родину, погибло 84 тысячи. Как видим, цифры сопоставимые. И Кожин глубоко прав, когда пишет, что пока многонациональная армия под немецким командованием «одерживала победы на русском фронте, Европа была в общем и целом на ее стороне». Именно этим, а не Красным Крестом определялось положение пленных в немецких лагерях. Такое впечатление, что вот это Кожин написал специально для своего друга Куняева: «Виноват, мол, опять Сталин, не подписавший в 1929 году Женевскую конвенцию о военнопленных. Эта версия давно и убедительно опровергнута, но тем не менее доверчивым читателям продолжают внушать, что в уничтожении миллионов действительных и мнимых военнопленных виноваты-де не враги, а свои» (Цит. соч., т. 2, с. 122). Да чего тут доказывать! Если немцы разорвали в клочки, так сказать, персональный договор о дружбе, то с какой стати стали бы они считаться с какой-то коллективной конвенцией.

С отменным тщанием доносит до нас Куняев из уст то ли упившихся собутыльников, то ли Валерии Новодворской еще и такую подлую дичь о Красной Армии и о Сталине: «В госпитале работал. Выхожу раз в коридор — стонет раненый. Смотрю, у него нет одной руки до локтя, другой до кисти, и ног нету выше колена... Вроде был приказ Сталина усыплять таких: да потом,

говорят, отменили...» И у автора опять — ни удивления, ни вопроса, ни протеста. Словно так и надо. Воспитали демократы...

Весьма примечательны сильнопатриотические размышления С. Куняева об известной книге маркиза де Кюстина (1790—1857) «Россия в 1839 году», которые увязаны им, как ни странно, тоже с военным вопросом. Он пишет: «Аристократ Кюстин был в одном стане с «революционерами» всех мастей (свежо сказано, правда? — В.Б.). Лишь бы против России. Он даже в любви к декабристам объяснялся: «Мы, люди Запада, революционеры и роялисты, видим в русском государственном преступнике невинную жертву абсолютизма». Ну, прямо-таки говорил, как Ленин или Троцкий с Луначарским, а не как французский аристократ!» Во-первых, заметим, неужто Куняеву неизвестно, что «в любви к декабристам объяснялись» очень многие замечательные люди, и в частности, поэты — от великого Пушкина («Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...») до знакомого ему Асеева («Голубые гусары»), которого он объявил «сапогом». Тем более что на вопрос Николая, где бы он был, если 14 декабря находился бы в Петербурге, Пушкин, не колеблясь, ответил: «Ваше величество, на Сенатской!» Так что Ленин (Троцкий меня тут не интересуется, и его высказываний о декабристах я не знаю) в данном вопросе оказался в весьма достойной компании. А для апологетов «божьих помазанников» декабристы, конечно, преступники.

Читаем дальше: «Многие великие люди прошлого отозвались о книге Кюстина с презрением». Следуют имена: Тютчев, Жуковский, Вяземский — и подтверждающие оценку цитаты из них... «Один только Герцен приветствовал антирусскую эпопею». Почему приветствовал? А потому, что, как помним, «понятие чести у него было полностью разрушено». Допустим. А почему же нет цитаты, как в остальных случаях? Минутку...

«Книга Кюстина была издана во Франции в 1843 году, — пишет Куняев, — за десять лет много раз переиздавалась на французском, английском, немецком, шведском и прочих языках. Общий ее тираж был по тем временам огромен, более 200 тысяч. И когда за десять лет она обработала умы и души миллионов европейских обывателей и их правительственных элит, когда вся читающая Европа пришла к выводу, что такая Россия недостойна существования, то армада англо-франко-турецких кораблей появилась в Черном море, и началась Крымская вой-

на...» Вот он, военный аспект темы. И так, виновники войны наконец установлены: Кюстин и его злокозненная книга. Прочитали ее в Европе и ахнули: ба! Россия-то, оказывается, империя зла, надо ее уничтожить! Но тут возникают вопросы. Во-первых, чего полезли турки, ведь они, судя по всему, не читали книгу. Во-вторых, с другой стороны, почему прочитавшие книгу немцы и шведы, давние противники России, не ринулись вместе с начитанными французами и англичанами против империи зла? В-третьих, войну начали не англо-французы, направившие корабли в Черном море, а турки, и не на Черном море, а на Балканах. Когда же, в-четвертых, эти корабли появились в Черном море, то сама Россия объявила войну Англии и Франции, видимо, с целью отомстить за книгу де Кюстина. Как известно, Крымскую войну еще называют Восточной. Странно. Надо бы назвать Литературной.

Однако закончим о книге француза. Почему же все-таки Куняев не привел в нужном месте суждения Герцена о ней? Да просто потому, что они не оставляют камня на камне от новаторской концепции литературного происхождения Крымской войны. Отношение Герцена к этой книге было не однозначным, не прямолинейным. Он, в частности, писал: «Без сомнения, это самая занимательная и умная книга, писанная о России иностранцем. Есть ошибки, много поверхностного, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий ловить на лету... Всего лучше он схватил искусственность, поражающую у нас на всяком шагу, и хвастовство теми элементами европейской жизни, которые только и есть у нас для показа». Да не об этом ли писал хотя бы и Грибоедов: «Ах, Франция! Нет в мире лучше края...» Да не об этом ли и ныне надо ежедневно на площади в рельсу бить при виде хотя бы повсеместного у нас американского холуйства... Еще: «Несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой, что возбудил в этом отношении изумление Кюстина». Или: «Он оценил национальный характер — это большое достоинство. Он сумел в грубой, дикой и рабством искаженной физиономии разглядеть черты высоких свойств, прекрасных надежд и намеков... Теплое начало его души и добросовестность сделали особенно важной эту книгу, она вовсе не враждебна России, напротив, он с любовью изучал нас и, любя, не мог не бичевать многого, что нас бичует». И однако же: «Тя-

гостно влияние этой книги на русского человека, голова склоняется к груди, и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой человек дотронулся до больного места, и миришься с ним за многое, и более всего за любовь к народу». И наконец: «Книга эта действует на меня как пытка, как камень, приваленный к груди; я не смотрю на его промахи, основа воззрения верна, и это страшное общество, эта страна — Россия. Его взгляд оскорбительно много видит» (Собр. соч., т. 3 и 9). Как мы видели, Куняев может говорить все, что хочет, но утверждать, что Герцен — человек, «родившийся эмигрантом», человек, у которого «понятие чести полностью разрушено», что он в приведенных строках «приветствовал антирусскую эпопею», значит нарушать приличие в особо крупных размерах. И что это за садистский патриотизм — не читая, вытаптывать писателей родной литературы!

А между тем книга Кюстина чрезвычайно привлекает внимание Куняева еще и с другой стороны. Он пишет: «Многие годы я неторопливо разгадываю «историческую основу» лермонтовского стихотворения «Родина». Конечно же, его можно понимать, как некий ключ к спорам между славянофилами, западниками и идеологами официальной государственности. Но, лишь внимательно прочитав маркиза де Кюстина, я предположил, что «Родина», может быть, является косвенным или даже прямым откликом Михаила Юрьевича на сочинение французского литератора». Тут мы вынуждены спустить исследователя с литературоведческих заоблачных высот, где звезда с звездой говорит, на грешную землю, где шумит темный дуб: книга Кюстина опубликована в 1843 году, а Лермонтов погиб, как должен знать великий русский патриот, в 1841-м. Так что, ни прямого, ни даже косвенного ответа маркизу поэт никак не мог дать. Лучше бы аналитик сопоставил книгу де Кюстина не со стихотворением Лермонтова, а с сочинениями Солженицына. Они были изданы не только в Европе — во всем мире, и не в 200 тысяч, а миллионными тиражами, и сыграли, реальную роль в холодной войне с горячими последствиями против России. И в тиражировании этих сочинений г-н Куняев принял прямое, непосредственное и чрезвычайно энергичное участие. Но об этом — потом...

И последняя закавыка с книгой де Кюстина. Вот цитата: «Поскольку широкое распространение получили лишь ее зна-

чительно и тенденциозно сокращенные переводы на русский язык, она считается «антирусской», всячески, мол, дискредитирующей Россию. В своей статье под названием «Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России» (журнал «Москва», 1999, № 3) я стремился показать, что в действительности этот весьма наблюдательный француз был (при всех возможных оговорках) потрясен мощью и величием России; в частности, на него произвел огромное впечатление факт создания столь могучей державы на столь северной территории: «Эта людская раса оказалась вытолкнута к самому полюсу. Война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными».

Откуда эти возвышенные слова? Представьте себе, из статьи Вадима Кожинова «Россия как цивилизация и культура». Где эта статья была напечатана? Представьте себе, в журнале «Наш современник» (№ 5, 2000), который г-н Куняев столь многоуспешно редактирует вот уже двенадцать лет, иногда отвлекаясь на выпивки, дебоши и юбилеи. Когда я ему еще тогда в редакции сказал о статье Кожинова, он, конечно, как всегда, стал решительно отвергать: «У него совсем не о том, о чем у Герцена!» Да как же не о том? Сличи цитаты... Я книгу де Кюстина не читал, но что-то подсказывает мне, что в суждении о ней правы Герцен и Кожинов, а не Вяземский и Куняев.

К сожалению, в раздумьях о Великой Отечественной войне, как порой и о Великой Октябрьской революции, на Вадима Кожинова не всегда можно опереться, как это удалось нам в вопросе о книге де Кюстина... Вот рассуждая о том, что-де после каждой революции рано или поздно происходит реставрация, он пишет: во Франции после революции 1789 года реставрация наступила довольно скоро, а у нас «нечто подобное реставрации началось только в 1991 году, т.е. не через четверть века, а через три четверти». Это не так. У нас было не «нечто подобное реставрации», а отказ от многих революционных крайностей, излишеств, и началось это еще в 1934 году с решительной критики Сталиным статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Вслед за этим с разумной постепенностью были возвращены звания маршала (1935), генерала (1940), офицера (1941—1942)... Впрочем, еще в 1920-е годы мы напевали: «Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер...» Уже в

войну были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского (все три — в 1942 г.), орден Славы на георгиевской ленте (1943), введены погоны (1943), ордена Ушакова, Нахимова (оба — в 1944 г.), в 1943-м была поддержана церковь, разрешен колокольный благовест, избран патриарх. Вскоре после войны Красная Армия стала Советской и т.д. — вплоть до восстановления еще в 1936 году новогодней елки, запрещенной, между прочим, вовсе не большевиками в 1917-м, а царским правительством еще в 1914-м как «католической затей»....

Но читаем дальше: «Быстрая реставрация во Франции определялась, конечно же, ее военным поражением в 1812—1814 годы. И если бы в 1941—1945 гг. мы потерпели поражение, у нас произошло бы то же самое» (цит. соч., т. 2, с. 381). Что — то же самое? Во Франции вернули Бурбонов, и сделали это сами французы. А у нас немцы вернули бы Романовых и весь прежний строй? Примерно так думал когда-то и Солженицын: «Что за беда, если бы победили немцы! Справляли елку на Новый год, стали бы, как при царе, на Рождество». Но даже он не думал, что немцы вернут Романовых, ибо тут же добавлял: «Вешали портрет с усами, стали бы вешать с усиками», т.е. портрет того самого, кто еще до нападения на нас изрек: «Россия должна быть уничтожена!» Со всеми ее Романовыми в прошлом и большевиками в настоящем, со всеми орлами и красными знаменами...

Можно привести еще немало таких странностей в сочинениях В. Кожинова. Так, в книге «Россия, век XX. 1939-1964», являющейся продолжением той, о которой только что шла речь, в главе «Итоги войны» он писал: «Наших воинов погибло в боях в 1,7 раза больше, чем вражеских, и это объясняется главным образом (!) более высоким уровнем выучки, дисциплины и технической оснащенности армии врага» (с. 128). Тут все неверно. Во-первых, не в 1,7 раза больше, а в 1,3. Это сейчас общепризнано. Во-вторых, автор говорит о войне так, словно она была 3-4-месячным блицкригом, как и планировали немцы. А она длилась почти четыре года. И если в начальную пору, примерно до конца 1942 года, вермахт действительно имел более высокий уровень выучки (опыт двух лет войны в Западной Европе!) и технической оснащенности, то ведь потом все изменилось: мы решительно превзошли врага и в том и в другом. Однако автор настаивает на постоянном и всестороннем превосходстве не-

мцев: «Чтобы убедиться в превосходстве германского воинского мастерства (!), достаточно (!), полагаю, знать следующее. Наши наиболее «результативные» истребители трижды герои Советского Союза (в таких случаях у нас принято писать Герои. — В.Б.) И.Н. Кожедуб и А.И. Покрышкин сбили соответственно 62 и 59 вражеских самолетов, а в авиации врага имелись 34 летчика, сбивших более 150 («корифей» — Эрих Хартман — сбил 352)». Это поразительно во многих отношениях! В. Кожинов очень привержен цифрам, его сочинения испещрены ими, он любит их анализировать, сопоставлять, вычислять процент и т.п. Так, говоря о нашем и вражеском наступлении и отступлении, он непременно вычислит и сообщит нам среднюю ежедневную скорость движения. Например, мы узнаем, что от границы до Москвы немцы наступали со скоростью 7 километров в день. Но это не все. Кожинов вычел время, когда враг вынужден был останавливаться, и у него получилось, что наступал он со скоростью 16—17 км в день.

А тут аналитик встретил цифровые показатели одного и того же рода воинского успеха, и видит, что показатель вражеского летчика почти в шесть раз — поразительно! — превосходит показатели наших, и он не говорит свое обычное «необходимо вдуматься», не сомневается, не проверяет, а тотчас принял за истину. У Кожинова была «Энциклопедия Третьего рейха» (М., Локид-Миф, 1996), он неоднократно ссылается на нее. Так вот, даже там статья о Хартмане заканчивается так: «Многие военные историки подвергают сомнению количество сбитых им самолетов» (с. 493). Многие!.. Русского патриота Кожинова, увы, среди них не оказалось...

А ведь следовало бы задуматься хотя бы о том, что, когда началась война, Покрышкину было уже под тридцать — лучший для воина возраст, — он имел немалый летный опыт и воевал с первого дня. А двадцатилетний юнец Хартман попал на войну прямо из училища лишь в августе 1942 года. Но главное в другом: у нас и у немцев были разные системы подсчета побед. Если немецкий летчик сбивал трехмоторный бомбардировщик, ему засчитывалось три победы; если такой бомбардировщик сбили совместными усилиями пять немецких истребителей, каждому летчику засчитывалась победа; засчитывались также самолеты, уничтоженные на земле... Ничего этого у нас не было. Кроме того, у нас требовалось подтверждение и фото-

контроля и очевидца, а если сбитый самолет падал на территории, занятой врагом, то это не засчитывалось. У немцев в начальную пору фотоконтроля не было, и победа записывалась со слов летчика. Все это достаточно хорошо известно. Но ведь вот что самое-то удивительное: уверив себя в том, что немецкие летчики невероятно превосходили наших, Кожинов из этого, так сказать, единичного заблуждения относительно одного-единственного рода оружия сделал вывод о всестороннем и общем превосходстве «германского воинского мастерства», в том числе, разумеется, и полководческого. И вот всему этому верить, не смей этому возразить?.. Нет, товарищ Кожемяко, это не для нас...

Дальше в этой же книге, произведя ряд сомнительных манипуляций с рядом сомнительных данных, Кожинов делал вывод: «На основе этих цифр сторонний эксперт мог бы прийти к выводу, что в 1941 году имела место не столько война, сколько капитуляция наших войск...» (с. 94). При чем здесь какой-то «сторонний эксперт»? Капитуляция?.. Даже иностранные, даже немецкие генералы и историки ничего подобного не говорили. А как сам-то автор думает? Да точно так же, как придуманный им «сторонний эксперт»: для него вне сомнения «тот факт, что в 1941 году не менее трети наших тогдашних вооруженных сил так или иначе «сдались» врагу...»

Сдача в плен? Капитуляция? Это произошло 28 сентября 1939 года в Варшаве, 9 апреля 1940 года — в Дании, 3 мая 1940 года — в Норвегии, 14 мая 1940 года — в Голландии, 28 мая 1940 года — в Бельгии, 22 июня 1940 года — во Франции, 8 мая 1945 года — в Берлине. И каждый раз всё было по полной форме — с делегациями обеих сторон, с подписанием соответствующих актов о безоговорочной капитуляции. А у нас ни одна дивизия, ни одна армия не капитулировали, не подписывали никаких актов. Они не сдались, а были взяты в плен — это большая разница.

Но если даже, как пишет Кожинов, «не менее трети наших сил сдались», то ведь оставалось еще две трети. Что же делали эти силы, весьма немалые? Исследователь пишет: «Нередко утверждают, что «остановки» германских войск, наступавших в направлении Москвы (в конце июля и второй раз — в середине октября), были обусловлены непреодолимостью сопротивления наших войск. Но это едва ли верно» (с. 94). Какая уклончивая форма — «едва ли». По такому вопросу уж в наше-то время ис-

торик обязан иметь ясную и твердую точку зрения. Впрочем, мы тут же видим, что это «едва ли» как бы минутная слабость, на самом деле у Кожина именно твердая точка зрения: «В начале войны наши войска в количественном отношении не уступали германским, но смогли только в очень (!) небольшой мере задерживать продвижение врага на восток» (там же). Так в чем дело? У Кожина ответ такой: «В августе — сентябре враг перенес центр тяжести своих сил на Украину. В частности, туда переместились (!) танки Гудериана, а с середины октября ему пришлось пережить распутицу» (там же). Ах, вот оно что! Мешала им только распутица, и ничего больше. Раньше битые немецкие воители дурили головы всему миру: «В сорок первом русским помог генерал Мороз!» А теперь русский патриот завербовал в наши союзники еще и генерала Распутицу. Да разве распутица, как и мороз, не мешали и Красной Армии, допустим, маневрировать и подтягивать свежие силы? Это исследователя не интересует. А что касается Гудериана, о котором у нас почему-то ужасно любят говорить, словно он был единственный в танковых войсках вермахта, то его 2-ю танковую армию действительно «переместили» на Украину, но как только 19 сентября немцы захватили Киев, эту армию опять «переместили» в группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок, и в декабре она была разбита под Тулой. В своих «Воспоминаниях солдата» он писал: «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасны. Мы потерпели серьезное поражение».

Кожин уверяет нас, что все усилия доблестных войск были направлены на преодоление только распутицы. Но Гудериан поправляет его: «У нас недооценили силы противника, и за это пришлось расплачиваться» (с. 249). И первыми пришлось расплатиться как раз Гудериану и Боку. «Мощное контрнаступление Красной Армии, начавшееся 5 декабря, — констатирует «Энциклопедия Третьего рейха», — поставило группу армий «Центр» перед угрозой уничтожения» (с. 82). За разгром их войск под Москвой Гитлер сместил обоих генералов и к серьезной работе уже не привлекал, маринуя в резерве.

Вадим Кожин любил сокрушать разного рода устоявшиеся мифы. И это было весьма плодотворно, полезно, когда он пускал по ветру действительные мифы — о мракобесии и анги-семитизме черносотенцев, о развале царской армии большеви-

ками, о расстреле ими министров Временного правительства, о небывалой в истории кровопролитности и односторонней жестокости Октябрьской революции и Гражданской войны, о патриотизме и благородстве Колчака, о том, что Ленин будто бы сказал: «Пусть погибнет 90 процентов русского народа, лишь бы 10 процентов дожили до мировой революции», о том, что на Ленина было будто бы лишь одно покушение, — на самом деле с полдюжины, о сильно раздутом европейском, в частности французском, сопротивлении нацизму, о невероятных многомиллионных потерях Красной Армии в войне против Германии, о государственном антисемитизме в СССР и т.д. Все это было замечательно.

Или вот недавно созданный или, вернее, экзгумированный и клонированный из праха Гитлера и Геббельса миф о том, что Советский Союз сам планировал нападение на Германию, а Гитлер, мол, всего лишь опередил. Наши честные историки без устали твердят, приводя убедительнейшие свидетельства: не было и не могло быть такого плана. Но их старания, право же, не совсем понятны. Сколько сил и времени доктора-профессора потратили на опровержение малограмотных вымыслов психопата Резуна!.. Да ведь если бы возможности разгромить Германию были бы у нас еще в 1939 или 1940 году, то этим непременно надо было бы воспользоваться. Какова была обстановка? Фашистская банда Гитлера с ее людоедской идеологией высшей расы поработила всю Европу, изгоняла, преследовала, истребляла в концлагерях всех инакомыслящих и всех представителей «низшей расы». Она являла собой величайшую угрозу для всей мировой цивилизации. И разгром этой банды по собственному почину, избавление человечества от фашизма не могло быть не чем иным, как величайшим и благороднейшим подвигом в истории. Советский Союз и совершил его в 1945 году, но — в ходе разгрома фашистской агрессии. А — ведь еще лучше было бы — в 1939-м или в 1940-м. Но, увы, мы не могли это сделать, не было необходимых сил и политической возможности. Об этом можно лишь сожалеть, но стесняться этого, оправдываться за это — уму непостижимо!.. Ведь среди благородных мыслителей, что поносят нас за мнимый план превентивной войны против фашизма, много и тех, кто если не аплодировали, то молча взирали, как уже после Второй мировой Америка в надежде расправиться вторгалась в Корею, Вьетнам, Иран, Ирак,

Югославию, которые никого не поработили и не насаждали фашистскую идеологию, но, видите ли, «представляют опасность для интересов Америки».

Разумеется, В. Кожинов выступил против и этого мифа, который точнее было бы назвать просто клеветой, он свою статью озаглавил «Миф о 1941 годе» («Завтра», № 4, 2001)...

Однако, человек увлекающийся, он порой и сам создавал мифы. Так случилось и в процессе опровержения названной клеветы... Главный документ, которым манипулируют клеветники, это написанные от руки «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Автор документа будто бы А.М. Василевский, который в звании генерал-майора был тогда заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба. Примечательно, что сей документ пустили в оборот лишь теперь, когда самого Василевского давно нет в живых. Я не буду здесь повторять доводы, опровергающие клевету. Это уже сделали Кожинов и, как уже сказано, многие другие. В данном случае любопытен миф, созданный самим мифоборцем.

В. Кожинов пишет: «Стоит сказать, что составитель документа А.М. Василевский, генерал-майор к началу Отечественной, через две недели после победы под Сталинградом 16 февраля 1943 года был удостоен звания маршала». Можно подумать, что из генерал-майора Василевский сразу стал маршалом. На самом деле 28 октября 1941 года он получил звание генерал-лейтенанта, 21 мая 1942-го — генерал-полковника, 18 января 1943-го — генерала армии и уж потом — маршала. Это несколько отличается от карьерного пути, допустим, Степашина или Шапошникова (не того, а этого). Но как бы то ни было, а взлет действительно стремительный. Кожинов пишет: «Во время войны немного ранее — 18 января — получил звание маршала один только Г.К. Жуков, который к тому же в начале войны был уже генералом армии».

В чем же видит Кожинов причину такого взлета? Оказывается, в тех самых написанных от руки «Соображениях», ибо «Московская битва, явившаяся первой сокрушительной победой над врагом, осуществлялась в полном соответствии со словами из «Соображений»... Так же осуществляются через год Сталинградская победа, а еще через полгода — Курская, после которой враг уже только отступал до самого Берлина. Словом, составленный 15 мая 1941 года документ, который иные исто-

рики толкуют как программу нападения СССР на Германию, в действительности закладывал основы победоносной стратегии в великой войне с напавшим на нас врагом».

Прекрасно! За такой вклад в военную науку и в победу действительно можно генерал-майору сразу дать маршала. Но что же это за магические слова из «Соображений»? Кожинов приводит их дважды, вот они: «прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление». Видимо, Кожинов очень удивился бы, но пленивший его «рецепт победы» — это азбучная истина, всем известное первое правило любой наступательной операции: тайно произвести подготовку, скрытно сосредоточить силы и неожиданно ударить в неожиданном месте... Именно так старались и стараются действовать всегда со времен Ганнибала или раньше. Что ж тут нового? И все мастерство полководца на первой стадии наступления состоит именно в том, чтобы жестко выполнить это правило. Так что, все-таки не за написание от руки мудрых слов в «Соображениях», а за конкретное участие в разработке и проведении многих конкретных операций А.М. Василевский получил звание Маршала Советского Союза.

Остается лишь добавить, что «во время войны» вовсе не только Жуков и Василевский стали маршалами. За ними 6 марта 1943 года третьим маршалом военных лет стал Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. Потом, уже в 1944 году, это звание получили шесть генералов: 22 февраля — И.С. Конев, 18 июня — Л.А. Говоров, 29 июня — К.К. Рокоссовский, 10 сентября — Р.Я. Малиновский, 12 сентября — Ф.И. Толбухин и 25 октября — К.А. Мерецков. Кроме того, три генерала стали Главными маршалами родов войск, а 12 генералов — «рядовыми» маршалами родов войск. Так что всего было 24 маршала. Что ж, армия большая, а война была долгая... И были эти маршалы в большинстве своем лет сорока пяти, а то и сорока: А.Б. Голованов, Н.С. Скрипко, И.Т. Пересыпкин... Обе ошибки В. Кожинова тут — и в отношении «рецепта победы», и в отношении звания маршала — представляются мне даже загадочными...

Между тем разговор с Куняевым по телефону продолжался. Я не знал, что вскоре он засыплет меня звонками, записочками и восхищенными посланиями читателей.

— А что ты устроил с письмами! — сказал я. — С чужими, личными, написанными вовсе не для печати, — взял и опубликовал! Да неужто не понимаешь, что это неприлично, непорочно, за это можно к суду привлечь. И ведь печатаешь-то не для «полноты картины жизни», а главным образом, чтобы уязвить, а то и опорочить вчерашнего друга, приятеля, знакомца...

Действительно, вот письма Игоря Шкляревского. Они были большими друзьями, Куняев гостил у него в Белоруссии, он писал размашистые безоглядные письма, предназначавшиеся только для друга, и вот эта беззащитная душевная открытость выставлена на всеобщее обозрение... Разве получил его согласие? Да как же ты смеешь! Одна читательница прямо предупреждает: «Мое письмо носит сугубо личный характер. Публикация его равносильна моей гибели». И все-таки он печатает, а по тем данным, которые в письме, не составляет никакого труда, не выходя из дома, по телефону «вычислить» автора. Оказывается, получая письма, Куняев хранил их, как возможных в будущем заложников. Как хранил он текст речи Глушковой на своем юбилее и даже текст своей собственной надгробной речи на похоронах Слуцкого. И вот теперь — пожалуйста, у нас гласность, открытое общество, мы за прозрачность личной жизни...

Но что там друг-ровесник или безвестная читательница! Куняев пренебрег волей даже покойного Георгия Свиридова. И тот его прямо просил: «Не показывайте моих замечаний никому». Никому! А теперь их может прочитать всякий... Да тут же еще и «монологи Свиридова», т.е. беседы с ним, записанные неизвестно когда и как. Вот один известнейший русский композитор, ныне покойный, назван в них «слабеньким», другой, еще более известный, здравствующий ныне, — «опереточным», покойная поэтесса — «противной» и т.д. Почему я должен верить, что это Свиридов, а не Куняев продолжает свой «список»? Тем более что в иных случаях я точно знаю: Свиридов не мог этого сказать. Например, он у Куняева говорит, что вот, мол, такая была беспросветная русофобская обстановка, созданная коммунистами в стране, что «во время войны в эвакуации, когда на каком-то плакате я встретил слова «Россия, родина, русский», у меня слезы потекли из глаз». Это упертые глаза Куняева. Это он, а не Свиридов рисует лживую картину, в которой нет места тому, что задолго до войны у нас выходили огромными тиража-

ми романы, поэмы, во всех театрах шли фильмы, спектакли об Александре Невском, Дмитрие Донском, Кутузове, Суворове, Петре Первом... Или во всех этих произведениях не допускались слова «Россия», «родина», «русский»? Космическими тиражами издавалась и русская классика. Так что, эти слова там были вычеркнуты? А оперы «Князь Игорь», «Иван Сусанин», «Хованщина», которые ставились не только в Большом, — это что, из китайской жизни?

А в конце разговора я сказал:

— Но самое удручающее в твоих воспоминаниях о столь сложном времени то, что в них нет ни сомнений, ни признания каких-то ошибок, ни сожалений, — ты всегда победитель, везде на коне, во всем прав!

Действительно, прочитал недавно воспоминания Виктора Петелина «Счастье быть самим собой» (М., «Голос», 1999). Они почти ровесники с Куняевым, примерно в одно время начали литературный путь. Не все кажется мне здесь нужным и интересным. Так, книга явно перегружена письмами, но среди них нет ни одного, которое так или иначе порочило бы адресанта, было бы сведением счетов с ним. А главное — автор нередко признается в ошибках, жалеет о робком поведении в сложной ситуации, раскаивается... Здесь же — абсолютная непогрешимость! Но все-таки то, что я услышал в трубке, поразило меня:

— Приучайся к мысли, что я всегда прав!..

Я надеялся, что после всех этих милых бесед в редакции и по телефону Куняев все-таки задумается и не станет печатать свое «Открытое письмо» в бондаренковском «Дне». Нет, бульдозер, неколебимый в сознании своей правоты, продолжал работу. Ведь сейчас эпидемия открытых писем. Она захватила и «Наш современник». В майском номере письмо аж самому президенту. Ну, это, впрочем, самый любимый и самый безнадежный ныне адресат. Раскройте любую газету, письма ему только ленивый не пишет. Это «Письмо» начинается так: «Высокочтимый Президент!» А все его содержание убеждает, что столь возвышенного обращения сей президент никак не заслуживает. К тому же, перейдя на лакейский язык и на лакейскую орфографию, автор семьдесят раз восклицает: «Господин Президент!»

Но каково же письмо Куняева ко мне? Очень сумбурное. Видно, что написано в панике. С одной стороны, вроде бы есть признаки раскаяния. С другой — автор повторяет печатно все,

что в припадке дамской истерики уже огласил в своей редакции. С одной стороны, «твоя темная ревность ко мне», с другой — «поздравляю тебя с замечательной статьей о Радзинском в «НС» № 5». И тут лицемерие! Ни шагу без него. Если «замечательная», так надо было печатать сразу, тем более это же всего несколько страниц, а он мариновал статью два года и вот теперь поздравляет. С одной стороны, божится, будто ужасно рад, что я получил Шолоховскую премию, с другой — и тут изрыгает: «литературный хам»! Ну где ж это видано — радоваться успеху ненавистного хама? Ведь все понимают, что и это не что иное, как убогое номенклатурное лицемерие. А я прямо скажу: совсем не рад, что за свои воспоминания Куняев отхватил премию. Больше того, считаю это профанацией литературы и позором для тех, кто за премию голосовал.

Да, в «Письме» такого героического жанра, увы, уж очень много достослезного... В моей статье говорилось, что Куняев бесцеремонно напечатал в своем журнале 16 хвалебных писем о своих воспоминаниях. Он даже этого не понимает: «Опубликованных писем о моей книге могло быть много больше, поскольку (!) журнал получил около 300 положительных откликов». Не понимает, что тут вопрос не в количестве полученных писем, а в элементарном чувстве приличия. У меня говорилось, что свои воспоминания главред напечатал в 15 номерах журнала, что похвалам в свой адрес отвел там же 11 страниц. Куняев язвит: «Как все точно ты подсчитал — чистый бухгалтер! Как Солженицын». Но нетрудно представить, какую сцену закатил бы Куняев, если я, как плохой бухгалтер, подсчитал бы кое-как и написал, например, что номеров не 15, а 20, полос не 11, а 25, откликов не 16, а 30. Но вот ведь в чем штука-то: бухгалтер я хороший, а провидец плохой.

Коли мемуарист завел речь о бухгалтерии, что ж, придется посчитать еще раз. Вскоре после моей статьи в «Патриоте» вышел майский номер «Нашего современника», и там главред с присущей ему широтой русского патриота под похвалы себе еще 15 авторов отвел еще 14 полос. Кроме того, к первому тому книжного издания воспоминаний под грифом «Вместо послесловия» приложил 9 восторгов на 8 страницах и ко второму тому — 11 восторгов на 14 страницах. А воспоминания все печатаются, они уже в 18 номерах, и указано «Продолжение следует», значит, будут они по меньшей мере в 20. Да что там!

Будет третий том. Самый плохой бухгалтер теперь может подсчитать: всего — уже не 15 номеров, а 20, не 11 полос, а 47, не 16 восторгов, а 50. Вот этого я никак предвидеть не мог. Надеялся, что возвышенный поэт поймет все-таки: и в саморекламе, как в поэзии, должно быть «чувство соразмерности и сообразности». А ведь если бы печатал воспоминания не у себя, а в «Москве» или «Слове», как при Советской власти водилось, то ведь не было бы этой восторженной свистопляски «с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков».

Трудно понять, на каких напуганных идиотов рассчитывал автор, когда писал: «Ты прямо намекаешь, что «антикоммунист» Куняев (заметьте, он сам себя так именуется. — *В.Б.*) узурпировал власть и сместил в «Нашем современнике» коммуниста Викулова»: И чуть не плачет: «Зачем же так, Володя? Викулов сам предложил мне взять журнал, причем долго уговаривал».

Вот так иные умельцы шили и шьют дела: придумывали преступление и объявляли его доказанным! Я не знал, конечно, как в данном случае новый редактор «взял» журнал, ибо не был близок делам журнала. Но мне давно и хорошо известно, что это всегда делалось через секретариат Союза писателей, решение которого утверждалось в ЦК, а прежний редактор мог тут лишь содействовать, протезировать. Поэтому «намекать» на «узурпаторство» Куняева в 1989 году мне просто не могло прийти в голову. Да ведь он сам же об этом поведал, а я прочитал: «В то время главных редакторов утверждали на Политбюро ЦК КПСС, и мои друзья В. Распутин и В. Белов потратили немало сил убедить генсека не возражать против моего назначения... В августе 1989 года С.В. Викулов окончательно решил: «Приходи в мой кабинет и принимай журнал, а в ЦК утвердят». Так мы и поступили. Позже состоялось и заседание Политбюро. (Ему откуда-то известен даже разговор будто бы состоявшийся там. Правда, он сильно пахнет липой. Трудно поверить, чтобы Горбачев на заседании сказал Яковлеву: «Ну давай бросим кость русским писателям». — *В.Б.*) Через месяц-полтора меня пригласил секретарь ЦК по идеологии В. Медведев, чтобы сообщить, что мое утверждение состоялось...» В эти же дни позвонил еще и Е.К. Лигачев: «Поздравляю с утверждением. Надеюсь, что журнал будет вести литературную политику в интересах партии и народа»... Ах, Егор Кузьмич, откуда вам, добрая душа,

было знать, что совсем скоро Куняев запишет в дневнике: «На КПСС надели намордник. Да, это победа. Но... сегодня Ельцин, а если завтра Лигачев?» Предатель Ельцин для патриота Куняева — сбывшаяся мечта, а коммунист Лигачев — кошмарный ужас. И можно представить себе, Егор Кузьмич, что испытали вы, когда вскоре, раскрыв журнал, увидели там лучезарное имечко Солженицына, а попозже — передовицу с призывом создать в помощь Ельцину для расправы над коммунистами «Антикоммунистический комитет»...

Так вот, повторяю: все это — роль и названных друзей, и Викулова, и секретарей ЦК, и Политбюро — все это я знал еще два с лишним года тому назад по публикации воспоминаний в «НС» № 7 за 1999 год (с. 137). Так, спрашивается, как же я мог, вместе со всеми читателями журнала зная это, намекать на захват, на узурпацию, на оккупацию!.. Господи, и соврать-то правдоподобно не умеют, а всегда только с солженицынским бульдозерным напором... Это сейчас с помощью наглости, ловкости рук или ОМОНа захватывают что угодно, а тогда была Советская власть, существовал закон. Куняев, как видно, все это уже забыл. Головокружение от перманентных триумфов!.. Да ведь мог бы подумать еще и о том, с какой стати буду я стеснительно «намекать», коли не робею молвить прямо и ясно. Намек — это не мой жанр... А вообще-то именно так и произошло: место коммуниста занял антикоммунист с партбилетом. Но если его так долго уговаривали «взять», то непонятно, почему он сидит на этом месте и не может отвалиться вот уже двенадцать лет. Понравилось? Но опять — а как же хлипкое здоровье?

Автор «Письма» и дальше использует тот прием: выдумает обвинение и гвоздит. Пишет, например, что дорогой Володя «недавно похвалил» и его воспоминания, и работу сына о П. Васильеве, но другой Владимир Сергеевич резко сменил милость на гнев. В чем дело? Спятил, что ли? Нет, говорит, гораздо хуже: «душа его отравлена завистью», «сердце его свербит от ревности», «темной ревности ко мне и «Нашему современнику», причем еще с 1989 года...»

Очнись, Куняев, ну каким твоим духовным сокровищам и доблестям я могу завидовать — пронзительному уму? блистательному таланту? обширной эрудиции? наконец, твоей ослепительной красоте? Что, разве очаровательного Стасика и теперь обожают самые элегантные женщины Москвы, Парижа и

Оклахомы, а меня и в молодости презирали красотки Измайлова и Благуши?.. Как уже говорил, я завидую Куняеву только в одном: он был в Австралии и видел, как там на зеленой лужайке кенгуру делает антраша... О таких, как Куняев, писал еще Анакреон в пятом веке до нашей эры в стихотворении «Зависть»:

В моих объятьях вновь ты,
Хлоя...
О Зевс! Какой блаженный миг!..
Вдруг — стук в окошко...
Что такое —
И в час любви нам нет покоя!
Стучит один поэт, старик.
Он страстно шепчет:
«Нимфа! Детка!
Хоть я вчера ходил к врачу,
Хоть и живу лишь
На таблетках,
Но все ж тебя хотя бы редко,
Хотя бы раз обнять хочу!..»
Он шепчет, а она не слышит.
И я-то знаю, почему:
Пыл старца Хлою не колышет.
А он, плебей, в эклогах пишет,
Что я завидую ему!

Так писал Анакреон, но ведь и сам Куняев вполне разумно отвечал Евтушенко на такое же обвинение: «Он всю жизнь считал, будто я завидую ему. Наивный человек. Как будто у людей нет других, более серьезных причин для отторжения, нежели зависть!» Золотые слова. Хотя в данном случае зависть поэта, имеющего журнально-цэдэловскую известность, к поэту-ровеснику, получившему известность всероссийскую и даже шире, не так уж невероятна. Вот сценка из воспоминаний. После выступления на литературном вечере Евтушенко, Куняев и Олег Чухонцев оказались за одним столиком в кафе. «К нам тут же подлетел поклонник, — пишет Куняев. — Вернее, не к нам, а к нему». Вот именно — к нему. «Подпишите! — задыхаясь от удачи, он протянул своему кумиру его же книгу». Естественно, что его книгу, а не куняевскую. И вот приходится гадать, чего

больше — яда или зависти — в нарисованной дальше картине: «Кумир, не прерывая разговора с нами, вытащил авторучку — и не то чтобы спросить поклонника, как зовут или что другое, — повернулся к нему лишь настолько, чтобы не промахнуться золотым пером «паркера» мимо обложки, и коряво черкнул на ней что-то отдаленно похожее на свою фамилию». А? И золотое перо «паркера» тут!.. А дальше уже просто умопомрачительно: «Молодой человек, — обратился я к поклоннику, — вот, — показал на истинного, но малопопулярного поэта Чухонцева, — возьмите и у него автограф, он тоже пишет замечательные стихи...» По-моему, только при помрачении ума можно давать советы любителям поэзии, у кого им брать автографы. Чем же ум Куняева был помрачен в этой сцене? Вот вопрос... А Чухонцев, увы, как был малопопулярным, так и остался.

Да, зависть среди писателей, пожалуй, особенно среди стихотворцев, дело не редкое, о чем честные среди них свидетельствуют сами. Вот Блок:

Там жили поэты, и каждый встречал
Другого надменной улыбкой...

А вот Дмитрий Кедрин:

У поэтов есть такой обычай:
В круг сходясь, оплевывать друг друга...

Наконец, Леонид Мартынов:

Я жил во времена Шекспира,
И видел я его в лицо.
И говорил я про Шекспира.
Что пьесы у него — дрянцо
И что заимствует сюжеты
Он где попало без стыда,
Что грязны у него манжеты
И неопрятна борода...
Но ненавистником Шекспира
Я был лишь только потому,
Что был завистником Шекспира
И был соперником ему.

И Куняев был соперником Евтушенко хотя бы в издании своих сочинений, о чем еще будет сказано. Но я-то никогда ни в чем соперником Куняева не был. Ну, может быть, всего разок в анакреоническом сюжете... А вообще-то у него свои цапки, у меня — свои. И все-таки он уверен, что черная зависть и зеленая ревность снедают Бушина с 1989 года. Да почему же именно с той поры? А потому, оказывается, что именно тогда я предложил «Нашему современнику» статью об академике Сахарове, а Куняев ее не напечатал. Вот и охватила «ранимую психику» черно-зеленая пагубная страсть. Это все тот же самый жэковский уровень мысли, вроде бы отринутый им в случае с Евтушенко. Но нет, представить себе в подобной ситуации что-то иное он все-таки не в силах. Но, во-первых, статья-то тогда же была напечатана в «Военно-историческом журнале» — чего ж мне ревновать? А во-вторых, меня в жизни столько не печатали, зажимали, отвергали, что если бы я хоть в одном случае из пяти предавался черно-зеленой страсти, то уже давным-давно не могли бы мне никакие таблетки...

В «Письме» заслуживает внимания еще вопрос о печатании в журнале целый год «Красного колеса» Солженицына. Я слышал от Куняева несколько объяснений этого поразительного факта, подобно тому, как читал у Солженицына разные версии его ареста. Однажды Куняев сказал, что тогда просто нечего было печатать, вот и катили весь 1990 год это повапленное «Колесо». Но я сразу же назвал ему несколько достойных произведений, которые можно было бы поместить вместо «Колеса», поскольку в свое время их напечатали скупо и они подзабыты. Как поступил в ту пору, например, Михаил Алексеев в «Москве»? Стал печатать не Солженицына, а «Историю» Карамзина. И все были рады.

В другой раз Куняев объяснил свой выбор тем, что в главах, которые они печатали, обстоятельно рассказано о масонах, а читатель, мол, тут осведомлен слабо. Замечательно. Теперь мы все знаем об этих проклятых масонах. И вот третье объяснение уже в «Письме»: «Печатали мы не все «Колесо», а лишь одну часть «Октябрь Шестнадцатого», и выбрали этот сюжет лишь потому, что в центре там мерзкий и влиятельный еврейский авантюрист Парвус (Березовский той эпохи), который пытался подчинить своей воле Ленина, и от интриг и пут которого Ленин судорожно желал освободиться».

Великолепно! Значит, это была публикация с целью показать, как трудно приходилось Ленину под еврейским напором, и защитить, поддержать его в глазах читателей? Солженицын и Куняев — в роли защитников Ленина? Это надо запомнить. И дальше: «Журнальная жизнь, дорогой Володя, имеет свою логику. Имя Солженицына в те времена притягивало читательскую массу, в том числе и патриотическую. И когда мы объявили, что в 1990 году будем печатать «Октябрь Шестнадцатого», наш тираж вырос почти вдвое и достиг 480 тысяч». Уточню: даже 490 тысяч. Только произошло это лишь в малой степени из-за Солженицына. Все-таки у «Современника» была своя «читательская масса». Двадцать лет журнал воспитывал ее под руководством коммуниста С.В. Викулова, наращивая тираж с 11 тысяч в 1968 году до 240 тысяч в 1988-м. Трудно поверить, что эта «масса» так уж клюнула на Солженицына. В 1989 году тираж продолжал не так-то быстро, но уверенно расти: 245, 247, 249, 252 тысячи. А осенью того года вдруг произошел скачок — 313 тысяч. Рост на 60 тысяч. Куняев до сих пор твердо уверен, что это произошло только «благодаря Солженицыну». Очень сомнительно-с, ибо его «Колесо» было обещано лишь с нового, 1990 года. Тогда, с января, тираж снова подскочил до уже названных 490 тысяч. Но опять нет уверенности, что из-за «Колеса». Почему нет? Да потому, что это была краткая пора всеобщего и невероятного журнального бума. Мемуарист, как видно, это уже не помнит. У него с памятью, увы, совсем плохо стало. Пишет, например, тут же, что в 1990 году заодно с истинным антисоветчиком Шафаревичем «пригласил в редколлегию истинного коммуниста Ивана Васильева». И ведь уверен! А на самом-то деле Иван Афанасьевич на десять лет раньше самого Куняева стал членом редколлегии. Его пригласил Викулов. В таких случаях Василий Иванович рубил с плеча: «К чужой славе хочешь примазаться?!»

Так вот, на рубеже 1980—1990-х годов примерно в одно и то же время тиражи подскочили почти у всех журналов, в том числе у тех, которые и не думали печатать Солженицына. Например, у «Молодой гвардии» в 1989 году было 630 тысяч, и вдруг в 1990-м — 725. «Москва» в 1987 году имела 490 тысяч, а в 1988-м — 680, в 1989 — 775. Тираж «Знамени» в 1988 году — 516 тысяч, в 1989—1990-м — 1 миллион! Как видим, скачки гораздо более крупные, чем у «Современника» — аж до 500 ты-

сяч и, повторяю, без Солженицына. Вызвано это было всем известной причиной: колоссальным вбросом ранее недоступных литературных материалов и забытых или запретных имен преимущественно антисоветского характера. Имя Солженицына оказалось тут одним из типичнейших, но далеко не определяющим.

Куняев поучает, дает мне задание: «Что касается Солженицына, то «Новый мир» опубликовал чуть ли не полное собрание его сочинений, а «Молодая гвардия» — ни строки, воюя с ним. А теперь и у «НМ» и у «МГ» читателей значительно меньше, чем у «Нашего современника». Подумай, почему». Вот манера — сваливать на другого свои обязанности. Но я все-таки подумал и вижу: он хочет сказать, что тогда выбрал такую мудрую дипломатически-тонкую среднюю линию в отношении Солженицына, что это до сих пор вот уже второе десятилетие сказывается на его тираже самым благотворным образом: находясь на уровне 1968 года, он все-таки тысяч на шесть-семь опережает «Молодую гвардию», которая вместе с «Новым миром» горит сейчас синим огнем из-за их крайности в отношении того же великого писателя земли русской.

Подумай же и ты, Куняев, как выглядел этот писатель на страницах «Нашего современника», который читатели считали журналом советским, патриотическим, основанным Горьким, где в редколлегии во главе с главным редактором было много коммунистов, да еще и фронтовиков. К тому же при проводах Викулова вы клялись на партбилетах: «Редколлегия во главе с новым главным редактором будет бережно хранить и развивать традиции, заложенные в эти два десятилетия...» И вот вместо того, чтобы во имя этих традиций неустанно разъяснять читателю истинную роль Солженицына, пойти наперекор таким журналам, как «Новый мир», ты пристроил свой журнал им в хвост. О таком поведении говорят: «цыпленок тоже хочет жить»...

Принципиальность по отношению к Солженицыну была тем более необходима, что ведь он — и это не трудно было предвидеть — до сих пор ничуть не изменился: злобно лжет о нашем прошлом всегда, во всем, даже там, где вроде бы никакой нужды нет, даже в торжественных случаях, даже при вручении своей собственной самодельной премии. И тут он ничем не отличается от какого-нибудь Чубайса или Новодворской.

Вот при вручении в прошлом году своей Солжпремии Валентину Распутину объявил, что тот «выделился в 1974 году

внезапностью темы — дезертирством с фронта, — до того запрещенной и замолченной, и внезапностью трактовки ее». Тут такой же, как у Куняева, расчет на девственных идиотов. Разумеется, тема эта не была ни замолченной, ни запрещенной. Еще в 1941—1942 годах в многомиллионной «Правде», в «Красной звезде» и других газетах безо всякой «внезапности» печатались и передавались по радио, ставились в театрах произведения, в которых были и дезертиры, и предатели. Таков, например, сильный рассказ Александра Довженко «Отступник». Тогда же шла в театрах пьеса Леонида Леонова «Нашествие», в которой целая галерея предателей и фашистских прихвостней. А едва ли не за пятнадцать-двадцать лет до Распутина появились на эту же тему повести Ч. Айтматова «Лицом к лицу», писателя-фронтовика Юрия Гончарова «Дезертир», стихи Евгения Винокурова того же названия... И это вовсе не полный список, а только то, что сразу вспомнилось. Так обстоит дело с враньем нобелевского лауреата о «запрете» и «внезапности» темы. Но еще отвратительней, просто как провокатор, он лжет о «внезапности трактовки»: изображает дело так, будто Распутин сочувствует дезертиру, жалеет его. Да ничего подобного. Тогда Распутин столь же сурово осудил своего героя, как и писатели, упомянутые выше. Но сейчас он ни словечка не возразил благодетелю... В этом году новое присуждение Солжпремии — дележ ее между покойным Константином Воробьевым и здравствующим Евгением Носовым. И опять речь благодетеля в том же самом духе... Повесть К. Воробьева «Это мы, Господи!» опять объявил «первой, да и последней в советской литературе о немецком плене».

Ну хоть бы сменил пластинку! Ведь и тут можно назвать целый ряд произведений от «Судьбы человека» Шолохова, «Молодой гвардии» Фадеева, двухтомника «Пропавшие без вести» Злобина до «Альпийской баллады» Быкова, до автобиографической повести «Все это было!» Юрия Пиляра, узника Маутхаузена. Во всех этих произведениях речь идет и о плене, и об оккупации, и о борьбе против немцев.

Сам К. Воробьев еще в декабре 1941 года лейтенантом попал в плен. Солженицын негодует, что, мол, после освобождения — «недоверие и допросы». А ты как думал, дядя? Конечно, допросы. Так во всех армиях мира. Вон совсем недавно сербы сбили американский бомбардировщик и взяли двух летчиков в

плен. Они пробыли там всего несколько дней, и сербы их отпустили. И тогда сообщалось, что ими сразу занялись американские спецорганы: проверка! А тут человек был в плену почти два года! Конечно, допросы.

Вот «Сообщение НКВД №2926-Б в ГКО об аресте группы агентов германской разведки» от 29 ноября 1941 года. Речь идет о задержании при переходе линии фронта 17 вражеских разведчиков. Среди них три финна, поляк, латыш, серб, шесть цыган, но, увы, есть и русские офицеры, побывавшие в плену. Все они признали, что перешли фронт для выполнения разведзаданий (там же, с. 367).

А что касается недоверия, то надо заметить, что еще и в первой молодости Воробьева случалось немало такого, что, по уверению Солженицына, должно было окружить его стеной сплошного недоверия. Так, он был уволен из редакции, потом даже исключали из комсомола. Однако в том самом 1937 году он приехал из Курской области в Москву и стал ответственным секретарем заводской газеты, закончил вечернюю среднюю школу. Надо полагать, в комсомоле его восстановили. Отслужив два года в армии, с 1940-го работал редактором в газете где-нибудь, а в Военной академии им. Фрунзе, откуда был направлен в Высшее пехотное училище им. Верховного Совета. Где же тут недоверие? Совсем наоборот! В октябре 1941 года в составе роты кремлевских курсантов Воробьев оказался на фронте, в декабре попал в плен...

И после плена из биографии не видно, что недоверие преследовало Воробьева. В самом деле, он был оставлен в армии при своем звании и сразу, как только 27 июля 1944 года освободили Шауляй, его назначили там начальником городского штаба МПВО. И еще прослужил в армии года три, до 1947-го. А в 1956 году вышел первый сборник рассказов «Подснежник». И вскоре талантливый писатель стал заведующим отделом литературы и искусства газеты «Советская Литва». А это не рядовая газетка, это орган ЦК компартии республики. Какое же недоверие?..

Тут уместно вспомнить о судьбе Степана Злобина. Он попал в плен еще раньше — в октябре 1941 года — и пробыл там еще дольше — до января 1945-го, т.е. почти всю войну. И что же? Надо полагать, и у него были допросы, проверка. Но сразу после этого, как и до плена, стал сотрудником дивизионной газеты. И дошел со своей дивизией до Берлина. Получил орден Отечест-

венной войны II степени, медали «За победу над Германией», «За взятие Берлина». После войны Злобин был председателем секции прозы Союза писателей. А в 1952 году за роман «Степан Разин» получил Сталинскую премию первой степени. Вот как это описывает именной марксист-ленинец Марлен Кораллов в новейшем биографическом словаре «Русские писатели XX века» (М., 2000 / Составитель и редактор П. Николаев): «Руководство СП не включило автора «Степана Разина», чья анкета была «запятнана», в список кандидатов на Сталинскую премию». Сразу вранье. О какой «запятнанности анкеты» можно лепетать, если человек состоит в Союзе писателей, работает, издает книги да еще и живет в столице в роскошном высотном доме — последний крик! — на Котельнической набережной? Но слушайте дальше: «Однако Сталин нередко заводил в тупик свой аппарат, сам игнорируя правила, за нарушение которых строго наказывал. Так, трижды удостаивалась Сталинской премии Вера Панова, вдова «врага народа», застрывшая с детьми на оккупированной немцами Украине. Получил премию и Юрий Трифонов, чей отец был расстрелян, а мать отбывала срок».

Очень содержательно! О Трифонове можно бы еще добавить, что, будучи призывного возраста, он почему-то и на фронте не был, и даже в армии не служил. Однажды еще в Литинституте я спросил его: каким же образом? Он ответил: «Я же близорук, очки ношу». И это он мне, очкарику с шестого класса школы, сказал! А сейчас в его биографии читаю: «В начале войны Т. уезжает в Среднюю Азию. Вернувшись в 1944 году в Москву, поступает в Литинститут». Конечно, в Средней Азии военкомат мог его и не сыскать, приезжего москвича...

Завел Сталин в тупик свой аппарат и на сей раз: «Собственно-ручно дополнил фамилией Злобина список кандидатов в лауреаты». Антисталинист не воображает, какую замечательную черту вождя тут показал: он был так внимателен к литературе, что читал отнюдь не только то, что в «списках»... И вот исследователь Кораллов привел четыре конкретных примера того, как Сталин в интересах литературы «заводил в тупик свой аппарат», и в то же время — ни одного примера, как он «строго наказывал» за нарушение правил! А ведь «тупиковые примеры» можно приводить долго. Да взять хотя бы Твардовского. Еще в 1939 году он был награжден орденом Ленина, потом — еще двумя, да Отечественной войны обеих степеней, да Крас-

ной Звезды, да множеством медалей. А тут же еще и три Сталинских премии. Ну и членом партии был с 1940 года, а после войны — чуть ли ни членом ЦК. А ведь у него — «кулацкое происхождение», вся семья была сослана. Вы что, Марлен Кораллов, не слышали об этом? Чего ж тогда лезете в историки литературы, в энциклопедическое издание?..

Дальше: «На этот раз Сталин расхвалил «выдающееся», «талантливое» сочинение Злобина. Роман был выгоден режиму и лично вождю». Без уверенности в личной выгоде эти марлены не могут взглянуть ни на одно событие, ни на один поступок...

Завершается этот умственный фейерверк так: «Звание лауреата вывело Злобина из-под ударов органов безопасности». Ну назвал бы хоть один удар! Да уж не было ли таким ударом бесплатное получение квартиры в высотном доме? И наконец: «Впервые появилась возможность, прежде всего материальная, работать над давними замыслами». А до этого что, нищенствовал в своей роскошной квартире? Да как же «Степана Разина»-то написал? Ведь роман огромный. А до него были написаны «Остров Буян» и первый вариант «Пропавших без вести»...

Но вернемся к Воробьеву. И жизнь, и литературная судьба талантливого писателя были не из легких, но — не без радостей... Повесть «Это мы, Господи!» автор послал в «Новый мир». Солженицын пишет: «Она была, конечно, отстранена: власть победителей не хотела знать, кому и во сколько досталась победа. Повесть отбросили»... Не иначе как именно «отбросили». Каждую клетку этой скорбной твари Божьей распирают ложь и демагогия. Любой пустяк он может раздуть до немислимых размеров и убийственного обличительного значения. В самом деле, при чем тут «власть победителей», ненавистных ему? Разве не естественней другая версия: попался неопытный рецензент или редактор — только и всего. Обычное дело литературной жизни. Легко теперь Солженицыну валить на власть, когда его «Один день» Лев Копелев вручил лично Твардовскому. А еще более вероятно другое: ведь это первая повесть совсем молодого автора, и писалась она в оккупации, на конспиративной квартире, «в нервности», по выражению Солженицына, и притом всего месяц. Может быть, это был лишь первый вариант, над которым еще предстояла работа. Что ж удивительного, если он не удовлетворил редакцию? Я бы, например, будучи редактором, тоже не напечатал «Красное колесо». И власть была бы

тут совершенно ни при чем. Дело в самом сочинении: скукотища, несъедобщина, тягомотина.

Да ведь Солженицыну самому приходилось получать отлуп. И от кого! Аж от Твардовского. Он говорил ему о «Раковом корпусе»: «Даже если бы печатание зависело целиком от одного меня, я бы не напечатал. Там — неприятие советской власти. У вас нет подлинной заботы о народе! Такое впечатление, что вы не хотите, чтобы в колхозах стало лучше. У вас нет ничего святого». Впечатление было совершенно правильное, но, к сожалению, запоздалое.

В 1962 году Воробьев напечатал в «Неве» повесть «Крик», а в 1963 году в том же «Новом мире» — повесть «Убиты под Москвой». Солженицын уверяет, что вторая повесть вызвала «бешеную атаку на уничтожение». Очередное бешеное вранье. И откуда только в старом человеке столько силы на это дело? Талантливого писателя заметили и оценили сразу. Еще в 1960 году не кто-нибудь, а тогда уже прославленный Юрий Бондарев и не где-нибудь, а в «Литгазете» напечатал о нем статью «Новый писатель», другая его статья о нем называлась «Талантливый писатель», была и третья. Горячо поддержал Воробьева также Виктор Астафьев в 1965 году и еще два раза — позже. Весьма одобрительно писали о нем известные критики Олег Михайлов, Юрий Томашевский, Игорь Золотусский, Игорь Дедков и другие. И опять же не где-нибудь, а в столичных газетах и журналах — в «Москве», «Нашем современнике», «Литературной России», опять в «Литгазете», не прошли мимо даже «Литературная учеба» и «Литература в школе». Так что из всех упомянутых выше лиц бешеный здесь только один.

И ведь такое глумление над фактами, над правдой — во всех его писаниях, включая полубессмертный «Архипелаг». И при этом, вручая в апреле свою премию, не моргнув глазом, опять затянул свою любимую песню: «Человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи».

Это он-то жаждет правды, не может жить без нее, ночей не спит! А дальше о своем лауреате: «Воробьев читал, что полилось в печати о фронте, о войне, и приходил в ярость от перекажения (!), от облыгания (!)». Ведь словечка без выверта не молвит, а хоть бы один примерчик «облыгания» привел. Разумеется, появлялись халтурные и книги, и фильмы, как появлялись они во все века, но «Василий Теркин» Твардовского — это «пе-

рекажение»? «Они сражались за Родину» и «Судьба человека» Шолохова — это «облыгание»? «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова — это что? «Батальоны просят огня» и «Горячий снег» Бондарева — это как? Фильм «Летят журавли» Калатозова — какое тут «перекажение»? «Враги сожгли родную хату» Исаковского — в чем тут «облыгание»?..

Перечень может быть долгим, но старый бесстыдник все равно до последнего дня будет лгать на своем выморочном языке. И вот что при всем этом особенно хотел бы Солженицын видеть в литературе о войне, в частности, о плене: «Кто расскажет о жестокой борьбе между пленными за выживание на краю гибели и сколько зла и низости обнаружилось при этом?» Не о борьбе с фашистами, а между пленными! Не о мужестве и благородстве, а о зле и низости среди пленных!.. Наши люди боролись против фашистов и в оккупации, и в лагерях смерти, как рассказали об этом, в частности, Степан Злобин, сам возглавлявший подполье в лагере Цейтхейн, и Юрий Пиляр, участник такого подполья в лагере Маутхаузен. Узники лагерей поддерживали друг друга, создавали тайные организации, устраивали побег, и сколько при этом было явлено отваги, высоты духа, благородства! И Злобин организовывал побег, а Воробьев бежал из плена, создал партизанскую группу, которая влилась в большой отряд... Но все это абсолютно не интересует свистуна Нобелевской премии, всю жизнь всегда и во всем его интересует только зло, только низость, только ложь. С этим скоро и столетний юбилей отметит.

Сейчас, когда жизнь его, как догадался, «на исчерпе», он, видите ли, вдруг начал жутко страдать за фронтовиков: «Больно, когда невежественная молодежь высмеивает боевые ордена никому уже не нужных ветеранов, израненных, больных и нищих». Ему больно, ему жалко... Так ведь есть два огромных поместья с дворцами — в Троице-Лыкове и за океаном в штате Вермонт. Вот вместо лицедейства и устроил бы там дома отдыха для фронтовиков. Ну — как Толстой помогал голодающим и духоборам, как Чехов и Короленко строили больницы, как Горький спасал обреченных, как Шолохов вытаскивал невиновных из тюрем, спасал от голода, а потом построил школу и больницу... Ну, вперед!.. Тебя же Бондаренко в один ряд с ними ставит.. Вперед, живой классик!..

Я ему в июле написал письмо насчет Эдуарда Лимонова. Дескать, сидит мужик уже несколько месяцев ни за что. Родине

не изменял, не убил никого, ничего не украл. Так вы, говорю, чай с президентом распиваете, — замолвите в любой удобной для вас форме словечко о собрате, поддержите хлопоты Союза писателей о смягчении его участи. Стояла как раз дикая жара, я и на это налегал: «Вы-то лучше других представляете себе положение узника. В эти несносные дни мы и на лоне природы от жары места себе не находим, а он там в каменном мешке». Как же он ответил? И не ворохнулся...

Еще в те дни, когда его обласкал Хрущев, когда все считали его невинным страдальцем и бескорыстным борцом за справедливость, Солженицына однажды пригласил министр Охраны общественного порядка (так одно время называлось МВД) и сказал: «Вы пишете, что заключенные у нас находятся в ужасных условиях, у них непосильная работа, их морят голодом. Вот вам на выбор два лагеря, езжайте туда, чтобы все увидеть своими глазами». Солженицын действительно писал: «Наших оступившихся соотечественников исправляют голодом! Им снится хлеб!»

И вот такая удача! Сам министр поднимает шлагбаум. Надо немедленно соглашаться, ведь там голодающие. Но гость настороже, он соображает: «Уж из того, что с готовностью он эти два назвал — ясно, что потемкинские устройства». Что ж, не будем строго судить за недоверчивость, ибо такие «устройства» в разных сферах жизни отнюдь не столь уж невероятная вещь. Борец сейчас, конечно, скажет: «В эти не хочу, разрешите съездить в другие». И назовет два, три, четыре лагеря — ведь он их знает наперечет. Посмотрим, что ответит министр. Если откажет, то по крайней мере будет уличен в недостойной игре. Ну, Александр Исаевич, вперед!..

Однако происходит нечто ошеломительное: он, всесветно объявивший себя их глашатаем и защитником, радетелем и страдальцем, вдруг спокойно говорит: «Я отказываюсь». То есть и в предложенные лагеря ехать не хочет, и своих встречных вариантов не выдвигает. Отказывается полностью! Ну как же так? Ты же уверен, что там люди умирают от голода! Объяснение (как у Куняева, оно у него на все есть) такое: «Я жалкий каторжник... Человек, не занимающий никакого поста... Кем я поеду? Я отказываюсь»...

А Лев-то Толстой, тоже никаких постов не занимавший, не спрашивал, кем поедет, а сел в тарантас или на подводу и

ехал помогать действительно голодающим в нищую Бегичевку, что недалеко от Рязани. А ведь был притом действительно в труднейшем положении: тогда как раз готовилось его отлучение от церкви. Правда, некий пост он все-таки занимал — священный пост русского писателя, народного заступника. А Солженицын и тогда уверял и теперь твердит, что это и его пост. Во всяком случае, по вниманию к нему он тогда стоял бесспорно на первом месте в литературе, затмив даже Куняева и Бондаренко. С ним беседовали министры, секретари Союза писателей и даже секретари ЦК, его «новомирские лбы», как он их называл, даже выдвинули на Ленинскую премию, а тогда одно лишь выдвижение — и то много значило...

Да, в ту пору многие считали его твердо стоящим на том благородном посту, о чем он и сам трубил неутомимо. Но вот потребовалось предпринять не литературную акцию, за которую платят гонорар и возможна премия, а куда-то поехать, бескорыстно потратить время и силы, поспорить, похлопотать, побегать, — и он уже только «жалкий каторжник». И не желая глянуть в глаза голодающим (сам-то он в жизни не голодал, даже в лагере), он отворачивается от своей Бегичевки и бежит домой обедать: жена просила не опаздывать...

А между прочим, идея устроить в своих поместьях дома отдыха для фронтовиков ведь была бы тем более душевспасительна для замшелого грешника, что ведь никто другой так злобно и грязно не клеветал на этих самых фронтовиков и на всю Красную Армию, на ее полководцев, на всю Великую Отечественную войну, никто так бесстыдно не нахваливал генерала Власова и других предателей.

В полном соответствии с гитлеровской пропагандой и задолго до появления полоумного Резуна этот живой классик объявил виновницей войны не фашистскую Германию, а свою родину, усмотрев в действиях ее руководства в 1940 и 1941 годах «склонение иностранного государства к объявлению войны СССР». То есть полтора года наше руководство только тем и озабочено было, лишь о том и мечтало, как бы подбить Гитлера на агрессию против родины!

Но, говорит, «Америка, Англия, Франция, Канада, Австралия при первой (!) опасности гитлеризма протянули руку Сталину». А тот, надо полагать, не желал помощи, ему нужна была агрессия немцев, он готовился встретить их с цветами под Мос-

квой. Но к какому времени относит мыслитель «первую опасность гитлеризма»? Если к июню 1941 года, то какую же «руку» могла протянуть, допустим, Франция, сама уже год стонавшая под фашистской пятой? А Англия? Отброшенная за Ла-Манш, она сама нуждалась в помощи не меньше нас. Что же до Австралии, то она и дипломатические-то отношения с нами установила лишь в октябре 1942 года. Америка же, вступившая в войну только в декабре 1941 года, тогда, в июне, и англичанам-то не шибко помогала. А в целом картина войны у него такая: «Огромный Советский Союз воевал против маленькой Германии». Против маленькой, бедненькой, несчастненькой... Полоумный Резун, право, часто выглядит умнее Солженицына.

Он при первом же появлении уверял: «Я четыре года воевал на фронте». Когда возвращался из Америки, то в Омске на встрече с лопухими почитателями добавил: «Я воевал доблестно!» А на самом деле два первых самых страшных года войны в глубоком тылу обитал то под юбкой супруги, то в обозной роте чистил конюшню, то кантовался в каком-то блатном училище, то в запасном полку, а остаток войны — в таких условиях, что без конца строчил стихи да рассказы и донимал ими по почте московских писателей — Федина, Лавренева, профессора Тимофеева...

Потом денщик привез ему из Ростова жену, и она у него гостевала, сколько хотела, по вечерам читали вслух «Жизнь Матвея Кожемякина» и другие шедевры мировой литературы. В конце концов это осточертело командиру дивизиона, и он потребовал: «Убрать бабу!» А последние три месяца войны Солженицын и вовсе обеспечил себе полную безопасность под защитой бутырских стен. И вот, имея за спиной такую войну, он и теперь, при вручении Солжпремии, все обличает «нашу полную растерянность 1941 года, и тупость неподготовленных командиров, и малодушие политруков...» И назидательно живописует «эту немецкую легкость, как при лихо закатанных по локоть рукавах секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам»...

Это он в кино видел или Сорокина ему рассказала, больше-то неоткуда. И ведь, опять же, какая неумомимость! Еще в заплесневелом «Архипелаге», в этой бондаренковской библии, поносил наших генералов и офицеров: дескать, все они скопом «были ничтожны, ни одной личности, много было совсем ту-

пых и неопытных». Старичок, видимо, уже в маразме и не помнит, что ведь лет, поди, тридцать долдонит об этом, но ни разу не задался вопросом: как же эти тупые да ничтожные немцев в Москву не пустили, а сами в Берлин припожаловали? Однажды в редакции «Нового мира» встретил маршала И.С. Конева и, придя домой, прошептал жене под одеялом: «Похож на колхозного бригадира». А потом и напечатал. Ах, аристократ сермяжный! Нашел чем уязвить крестьянского сына. Да и мало ли кто на кого похож. На кого сам-то похож? Поглядишь в зеркало, образина...

А что касается «нашей полной растерянности 1941 года», то о ней тогда же, а именно еще 17 сентября 1941 года, когда Солженицын увлеченно преподавал астрономию в школе города Морозовска Ростовской области, хорошо, например, писал в «Памятной записке» Гитлеру командир 39-го армейского корпуса генерал-лейтенант Рудольф Шмидт: «Ход Восточной кампании показал, что большевистское сопротивление и ожесточение далеко превзошли все ожидания... В качестве немедленной меры надо отменить приказ о расстреле комиссаров». (Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995, с. 259—260). Генерал надеялся, что это ослабит отпор Красной Армии. Гитлер не послушал его, но совсем не по этой причине пришлось через три с половиной года стреляться самому.

Немного позднее, 7 декабря, кажется, именно в тот день, когда Солженицын, как писал он жене, чистил навоз в конюшне, «нашу полную растерянность» зафиксировал в дневнике и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок: «Ужасный день!.. Правое крыло 3-й танковой группы начало ночью отступать. На правом фланге 9-й армии противник тоже значительно расширил свой прорыв... Танковая армия терпит неудачу у Михайлова, который приходится сдать...

К нынешнему тяжелому кризису привели три фактора.

1. Наступление осенней распутицы.
2. Паралич железных дорог.
3. Недооценка силы сопротивления врага и его людских и материальных ресурсов.

В ошеломляюще короткий срок русский снова поставил на ноги разгромленные дивизии. В противоположность этому сила немецких дивизий в результате непрерывных боев и наступившей суровой зимы уменьшилась более чем наполовину, боеспо-

способность танковых войск стала и того меньше. Потери офицерского и унтерофицерского состава пугающе велики...» (там же, с. 168—169).

Генерал малодушно лукавил, выдвигая на первое место среди причин провала наступления на Москву распутицу и морозы, а силу нашего отпора — на последнее. Сам же чуть ниже пишет, что сила немецких дивизий уменьшилась более чем наполовину прежде всего в результате непрерывных боев. В самом деле, не утонули же в грязи, не окостенели на морозе 750 тысяч их солдат, а, ведь грязь и мороз, однако, и нам во многом мешали.

Уже после войны более объективно писал о «нашей полной растерянности 1941 года» генерал Г. Блюментрит: «Теперь политическим руководителям Германии нужно было понять, что... нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя». И — ни слова о морозе. Руководители Германии это поняли, Солженицын до сих пор не может понять и уже никогда не поймет..

Солженицын решительно изменил бы себе, если и в этой премиальной речи не изобразил бы «засады за нашей спиной откормленных заградотрядчиков». Представьте себе: они с женой, лежа в постели под тремя накатами офицерской землянки или в избе, читают вслух «Жизнь Матвея Кожемякина», а рядом — откормленные с автоматами прислушиваются...

Да видел ли он в жизни хоть одного заградчика?.. Вот несколько строк из докладной записки 3-го отдела Краснознаменного Балтийского флота № 21431 от 10 декабря 1941 года Военному совету флота о работе заградотряда на территории Эстонской ССР и в районе Ленинграда с 22 июня по 22 ноября 1941 года: «На территории Эстонии с началом Великой Отечественной войны образовалось значительное количество мелких банд из антисоветских элементов, главным образом националистической организации «Кайтселиит»... В связи с этим основные усилия заградотряда были направлены на разгром укрывавшихся в лесах и болотах банд... В первые дни войны в районе Локса было поймано шесть бандитов, один из них при попытке к бегству убит... На пути в Виртсу взвод заградотряда внезапно на машинах врезался в заставу немцев. В этой стычке взвод потерял 6 человек убитыми и 2 ранеными. Потери немцев не установлены...» Так вот, в одной схватке погибло 6 «откормленных».

А в вашей беспушечной батарее звуковой разведки, Солженицын, за полтора года, что вы ей командовали, сколько погибло изможденных? Во всех ваших писаниях об этом — ни слова...

А уж как Солженицын превозносил Власова: «один из самых способных», «настоящая фигура». Надо полагать, Власов вообще-то не был лишен военных способностей, дослужился же до генерал-лейтенанта, до командарма. Но Солженицын-то нахваливает его безграмотно, невпопад. Пишет, например, что 99-й стрелковой дивизией, которая нанесла немцам один из первых контрударов в самом начале войны, командовал тогда именно он, Власов. Но вот что писал о тех днях маршал И.Х. Баграмян, тогда в звании полковника начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта: «В полосе 26-й армии большой урон нанесла врагу 99-я сд генерала Н.И. Дементьева. Хотя в результате внезапности частям 101-й немецкой пехотной дивизии удалось ворваться в пограничный город Перемышль, но развить успех они не сумели. Наши войска атаковали противника. Они дрались за каждый дом. Хотя освободить Перемышль пока не удалось, враг был задержан, и генерал Дементьев заверил командование, что утром они вышвырнут гитлеровцев из города». Свое слово генерал сдержал.

Может быть, Власов был начальником штаба 99-й сд? Нет, им был полковник С.Ф. Горохов. 12-томная «История Второй мировой войны» тоже называет Н.И. Дементьева командиром 99-й дивизии, которая «совместно с пограничниками 23 июня выбила немцев из Перемышля и удерживала его до 27 июня». Наконец, на мой запрос Главное управление кадров Министерства обороны в ответе за подписью начальника отдела т. Прокопьева сообщило мне, что генерал-майор Дементьев Николай Иванович вступил в командование 99-й сд 17 января 1941 года. Умер он 11 августа 1954 года. А лжецы и клеветники почему-то ужасно долговечны и злоупотребляют этим...

28 июня вышло в «Завтра» окончание моей статьи «Черное и красное». В десятом часу утра телефонный звонок. Не называясь, не здороваясь — Куняев:

— Прочитал твою статью. Поздравляю. Вот видишь, как я, а ты оскорбил меня в «Патриоте».

— Оскорбить можно лишь возведением лжи, неправды, — ведь так? — ответил я. — Чем же ты так оскорблен? Я писал,

что главред печатает в 15 номерах свои воспоминания. Где тут неправда? Может, только в пяти? Нет, все верно, больше того, оказывается, имел право написать, что в 20. Дальше: «перемежая свои воспоминания главами из сочинения родного сына». Где тут неправда? Может, это не твой сын, а Евтушенки? Дальше: «а также воспоминаниями родной матушки». Где тут неправда? Может, твоя родная матушка не Александра Никитична Железнякова, а Мариэтта Сергеевна Шагинян или Розалия Самойловна Землячка? Тогда прими извинения... Дальше: «Еще не окончилась публикация, как уже хор поет аллилуйю: «Хочется низко поклониться». Что тут неправда? Может, хор пел не «Хочется поклониться», а «Хочется материться»? Нет, все точно. Дальше: «И тут же А.Бобров возглашает в «Советской России»: «Духовный подвиг!» Что тут неправда? Может, не поэт Бобров, а Починок? Нет, все верно. Больше того, Бобров не один раз возгласил «Подвиг!». Да еще в той же «Советской России» Гусев заливался: «Книга-событие... С безоглядной смелостью, с подкупающей искренностью... Его острое, как пика, перо... Автор убеждает читателя: предательство и лицемерие, политиканство и двоедушие несовместимы с талантом, как гений и злодейство...» Что за Гусев? Может, тот, чья настоящая фамилия Дробкин? Нет, это Геннадий Михайлович, первый заместитель по журналу да заодно и редактор книги. Сам отредактировал, сам и расхвалил. Тут и Бондаренко: «Книга-событие... Книга-явление... Книга-объединение...» Что за Бондаренко? А Владимир Григорьевич, член редколлегии «Нашего современника», безотказный человек... Вот это все и есть, по слову Константина Леонтьева, «смесительная простота». Вы же его читаете, а ведь еще и понимать надо...

Конечно, я сказал немало язвительных слов, но они же все правдивы и потому не могут считаться оскорблением. Надо уметь держать удар, Станислав Юрьевич. Ну вот «здоровым мужиком» назвал по ошибке. Прими извинения.

— Нет, ты меня оскорбил. Никто не смел так сказать обо мне...

— Лучше посчитай, скольких оскорбил ты своими уничижительными ярлыками, разухабистыми оценками, высокомерием... А опять же публикация писем! Тут твой грех тяжелей всего перед Татьяной Глушковой...

— Она изменница!

Но чем так уж особенно-то доняла Глушкова мемуариста? Он жалуется сквозь слезы: «Я стал для нее «адвокатом измены», «партрасстригой», «лжекоммунистом», «державопевцем», «известным стихотворцем»... Да ведь здесь все — святая правда. Сам себя мемуарист называет даже авантюристом, но тогда что обидного, оскорбительного в глушковском «державопевце»? И разве не правда, что Куняев известный стихотворец? Конечно, известный, даже излишне. Столько книг навывускал, что от некоторых даже отрешивается: «Глушкова объявляет, что за 22 года работы, с 1960 по 1982 год, я издал 29 книг. Сообщаю: в это число она включила 12 книг национальных поэтов, в которых я участвовал порой всего лишь несколькими переводами». Глушкова не выдумывала, она взяла данные из известного справочника «Писатели Москвы» (1987 г.). Эти данные писатели представляли в редакцию справочника сами. И 8 книг (а не 12!) обозначены там как переводы Куняева. Так зачем же представил эти книги как свою работу, если там «всего лишь», — хотелось выглядеть еще грандиозней?.. Но что же в итоге? $29 - 8 = 21$. Тоже неплохо. Каждый год — книга. Как у Евтушенки. А в упомянутом «Биографическом словаре» указано: «В 1980-е годы у С. Куняева вышло в свет более 10 книг» (с. 392). Более! Значит, и тут каждый год — книга, да иной раз и не одна. Так ли проворен Евтушенко? Тут же говорится, что книги Куняева издавались не только в родной Калуге и в Москве, но еще и в Туле, Иркутске, Тбилиси, Душанбе, Фрунзе, опять в Душанбе... Вся держава хотела читать поэта-авантюриста!

Да, да, все — святая правда! Если человек печатает сочинение повешенного изменника родины, то кто же он, как не «адвокат измены»? Если после тридцати лет пребывания в партии он ликует в 1991 году: «На КПСС надели намордник. Победа!», то кто же он, как не «партрасстрига и лжекоммунист», очень мягко выражаясь? Тем более что тут же сказано: «Сегодня Ельцин, а если завтра Лигачев?» Тут перед нами уже не просто партрасстрига и лжекоммунист, прикрывавшийся партбилетом, а прихвостень ельцинского режима, дрожащий за его судьбу, как до сих пор дрожат Явлинский, Немцов, Новодворская при виде победы или просто успеха коммунистов в Туле, в Молдавии, в Нижнем Новгороде, в Иркутске... Есть основания думать, что вместе с ними синхронно дрожит и наш великий борец за русскую идею...

В литературном и житейском плане Татьяна тоже стала критиковать недавнего приятеля, и тут не во всем была права, не всегда справедлива, но суть не в этом, а в решительном политическом противостоянии. Куняев же все сводил к ее скверному характеру, личным счетам, зависти и тому подобным кожемякизмам.

— Ты все меряешь на свой персональный аршин и объявляешь изменниками тех, кто разошелся лично с тобой. У тебя и Шкляревский, и Соколов изменники... Нет, не Татьяна, а ты изменник. Она до конца дней осталась советским человеком, а ты стал антисоветчиком.

— Я?!.. Антис?!.. Я?!.. Я никогда не был антисоветчиком!..

Тут — вершина лицемерия Куняева. Ведь он все время изображает себя провидцем, прозорливцем, который все видел в будущем и все понимал. С этого и книга начинается величественным заявлением: «Я имею честь принадлежать к той породе русских людей, о которых Аллен Даллес, изложивший в конце Второй мировой войны программу уничтожения России, писал: «И лишь немногие будут догадываться или понимать, что происходит...» И еще: «Я предчувствовал великую катастрофу, которая произошла. И видит Бог, я боролся с ее приближением всеми силами души!»

И еще: «Я чувствовал приближение грозных времен»... И снова: «Мною все чаще овладевали предчувствия грядущей катастрофы... Я с ужасом чувствовал, что устои нашего советского государства шатаются...» и т.д.

Но вот усилиями всех даллесов, горбачевых и ельциных катастрофа Советского государства под видом перестройки началась. И что же делает наш провидец? У него даже есть раздел, так и озаглавленный «Мое сопротивление «перестройке». Какое сопротивление? В чем оно? Когда?.. Подлинная суть Куняева раньше была незаметна, но когда он пришел в журнал, получил власть и стал принимать конкретные решения, сразу все обнаружилось. Какие были самые первые шаги в журнале? Прежде всего, запустил на целый год роман Солженицына, антисоветчика № 1. Это сопротивление? Тут же ввел в редколлегию академика Шафаревича, антисоветчика № 2. Это противостояние? Одновременно, конечно, под благовидным предлогом, зарезал мою уже одобренную С. Викуловым, В. Распутиным и В. Кожиновым, статью об ак. Сахарове. А кто такой Сахаров?

Совесть ельцинской интеллигенции. Может, и это борьба против перестройки? Потом стал печатать сочинения генерала Краснова, дважды с интервалом лет в двадцать пять воевавшего вместе с немцами против Советской России, за что и был своевременно повешен. Затем один из идеологов журнала проф. Гулыга, член редколлегии, умильно и радостно провозгласил бандитскую перестройку, длившуюся уже пять лет, долгожданным «промыслом Божьим». А вскоре со страниц передовой статьи журнала раздался зычный призыв помянутого академика ликвидировать «Антифашистский комитет» и вместо него создать в помощь предателю родины Ельцину комитет «Антикоммунистический»... А разве можно забыть собственный ликующий вопль Куняева: «Пусть теперь Евтушенко едет один защищать Кубу — последний бастион социализма!»... Ельцин и Козырев подло предали Кубу, бросили ее на произвол судьбы под носом у Америки, и он рад, он с ними заодно... Даже с ходу и язык их перенял, стал публиковать в печати письма: «Господин Дорошенко!..» Сыскались господа... Я уж не говорю о том, как резво принялся писать стихи о святых мощах, о которых, поди, впервые услышал... Словом, со всей прытью, на какую способен, провидец Куняев кинулся на помощь разрушителям советского государства...

— Не случайно, — сказал я, — твой журнал не громили, не тащили в суд, не закрывали... И в перечне тех газет, закрытия которых 5 октября 1993 года требовали от властей 42 сбесившихся служителя муз, «Нашего современника» тоже не было. Зачем его закрывать, когда там такие авторы, как повешенный генерал Краснов и нобелевский антисоветчик Солженицын? Зачем, когда с его страниц раздаются такие полезные для власти и для всех демократических прохвостов призывы, как создать «Антикоммунистический комитет»? Зачем, если там можно прочесть о Ленине такой, например, бунинский афоризм: «косяглазый, картавый, лысый сифилитик...» Между прочим, научно доказано, что Ленин умер вовсе не от сифилиса. Почитай-ка не так давно вышедшую книгу академика Ю.М. Лопухина «Болезнь и смерть Ленина». И уж молчал бы Иван Алексеевич, на глазах жены лет десять живший с лесбиянкой.

Но дело не в этом, а в том, что основатель Советского государства, ближайшие его сподвижники постоянно поносились на страницах журнала и куняевских воспоминаний. Сифилити-

ка ему мало. Он еще пишет о «ленинском черепе» одного ненавистного ему писателя. Или: «Мы (?), как бы мстя истории за то, что она не оправдала наших надежд, будем требовать вынесения из мавзолея Ленина, потерявшего ореол святости...» Кто это «мы» — семья Куняевых, редколлегия «НС»? Стихи о Ленине он ставит в тяжкий грех своим литературным противникам, лицемерно умалчивая при этом, что стихи о нем есть у множества наших поэтов — от Пастернака и Есенина до Твардовского и Смелякова. Впрочем, нет, о Смелякове не умолчал, но вот как подал: «В состоянии «амортизации сердца и души» (!) он написал множество стихов о Ленине, о комсомоле, о советской власти, о дружбе народов, чреватых многословием и политической риторикой». Какой эстет вдруг выискался... Но ясно же, что дело для него не в многословии и риторике, ни единого примера чего не привел, а в самих темах.

А в другом месте, назвав имена некоторых руководителей строительства Беломорканала, за которыми они с Солженицыным числят сотни тысяч жертв, Куняев восклицает: «Вот они, настоящие сталинисты! Что бы он делал без Ягоды, Бермана, Френкеля, Фирина, Раппопорта, Шкловского, Безыменского, Инбер, Авербаха, Багрицкого!» Все евреи... Такой видится Куняеву опора Сталина. Не Молотов и Киров, не Жуков и Василевский, не Королев и Курчатов, не Шолохов и Твардовский, а именно эти. И так он пишет о человеке, избавившем страну от Троцкого, Зиновьева, Каменева, поднявшего множество русских людей к вершинам власти, науки, искусства. Словом, и тут, и опять все та же еврейская, вернее, жидоедская призма, о которой еще будет речь.

И дальше: «Нацисты изобрели свои лагеря смерти после Глеба Бокия, Нафталия Френкеля (т.е. после нашей страны. — В.Б.), возможно, опираясь на их разработки». Разве под этим не подписался бы Яковлев? С радостью!.. Да вот недавно в связи с десятой годовщиной ГКЧП он то же самое по духу и сказал в «Российской газете»: «С 1933 года до начала Второй мировой войны Гитлер уничтожил 10 тысяч своих политических противников. Сталин — около 20 миллионов... Если это не фашизм, то видимо, еще более страшное преступление». Кому не ясно, что оба автора, Куняев и Яковлев, считающие себя в разных, даже противоположных лагерях, делают одно общее дело: обеляют фашизм. И не как-нибудь, а за счет своей родины, путем чудовищной клеветы на нее.

А что касается именно лагерей, то вот что пишет знаток этого вопроса В. Зеленков из Минска: «Впервые концлагеря создали на Кубе американцы во время их войны с Испанией в 1898 году. Потом их друзья англичане в ходе англо-бурской войны 1899—1902 годов. Третьими немцы — в Первую мировую войну» (Спецвыпуск «Правды», сентябрь 2001). Ну конечно. Куняев с Яковлевым этому не поверят...

Казалось, после того, как мы узнали, что этот патриот лет пятнадцать из газеты в журнал, из журнала в книгу, из одной книги в другую таскает, как любимую драгоценность, клевету на нашу армию, которая будто бы запросто расстреливала сотни пленных немцев, — казалось бы, удивляться уже нечему. И все-таки...

— «Наш современник» тоже преследовали. Разбили вывеску журнала у входа, — отчаянно защищался Куняев.

— Да это Солженицын и разбил ночью за то, что малыми инъекциями давал в журнале его «Колесико». Если не сам, то подослал Бондаренку... Так вот, Глушкова по идейным патриотическим соображениям порвала с тобой и стала выступать в «Русском соборе», в «Молодой гвардии» с резкой критикой твоих авторов и собратьев по журналу — Солженицына, Шафаревича, Кожина и тебя самого. Ты отвечал ей в газетах, но это ее не остановило. Тогда ты пригрозил, что опубликуешь ее старые письма. В надежде урезонить тебя и предотвратить публикацию она обратилась в Союз писателей. Но это не помогло.

— Изменница! — не находил других слов Куняев...

Да, ее обращение в Союз не помогло. И в августе 1995 года в «Завтра» № 34 Куняев напечатал статью, в которой привел выдержки из пятнадцати писем Глушковой аж за семнадцать лет дружбы. Разумеется, это были строки, так сказать, наиболее «порочащие» адресанта, но при том публикатор еще и корчил мину благородного негодования: «Неужели слова, мысли и чувства этих писем были продиктованы всего лишь расчетливой корыстью, возможностью использовать мое служебное положение в своих интересах?» Эта мина выглядела очень выразительно вслед за пушкинским эпиграфом статьи: «Что ты, баба, белены объелась?» Куняев ведь очень любит Пушкина...

Можно было допустить, что публикация предпринята в раздражении, в горячах, в затмении разума. Не мог же человек не понимать, что за такие вещи не подадут руки, отказывают от

дома, а когда-то вызывали на дуэль. Нет, никакого затмения. Статья тут же появилась в журнале, а теперь и в книге. Так что это обдуманная, спокойно рассчитанная трехкратная акция. А ведь Куняев, как и все мы, к тому же прекрасно знал, что Татьяна давно и безнадежно больна...

В литературной среде хорошо известна острая переписка по еврейскому вопросу, имевшая место в 1989 году между литературоведом Натаном Эйдельманом и писателем Виктором Астафьевым. Куняев пишет: «Эйдельман, действуя, как профессиональный провокатор, пустил частную переписку по белу свету и вскоре опубликовал ее за рубежом». Смотрите-ка, оказывается, понимает: да, как провокатор. Но не приходит в голову сердцеведу, что он действует гораздо постыдней...

Во-первых, Эйдельман придал гласности лишь одно письмо одного человека, а Куняев — много писем многих людей. Во-вторых, Эйдельман и Астафьев не были друзьями-единомышленниками и даже знакомыми, а Куняев опубликовал в числе иных и письма недавних очень близких друзей. В-третьих, Эйдельман и Астафьев — мужики, а Куняев напечатал письма и женщин. В-четвертых, Астафьев имел полную возможность дать ответ на публикацию, принять меры вплоть до привлечения провокатора к суду, а что ныне могут ответить Куняеву безмолвные могилы?.. В-пятых, Эйдельман пустил переписку по рукам, но это выглядит жалко по сравнению с трехкратной многотысячной куняевской публикацией. Разве можно сопоставить число читателей там и здесь. В-шестых, Эйдельман будто бы напечатал переписку за рубежом. Где? Когда? Кто ее видел? Но если и напечатал, разве это может сравниться по эффективности с публикацией дома?.. Так вот, если Эйдельман профессиональный провокатор, то как же рядом с ним назвать Куняева?..

И ведь вот что особенно-то грустно тут. Не может того быть, что товарищи из редколлегии и редакции, назову хотя бы особенно близких: Викулов, Распутин, Бондаренко, Ганичев, Гусев, Крупин, Сегень, Семанов, Стрелькова да и все остальные, — не может быть, чтобы никто из них не понимал совершенно ясно: печатать чужие письма — подонство, письма женщины — подонство вдвойне, письма обреченной больной... Тут я просто не нахожу слов. На их глазах начальник бьет женщину, и никто из них не посмел заступиться! В том числе и те, конечно, кто без конца о православии лепечут. Вот какую атмосферу создал Куняев в редакции...

Показанная выше способность мемуариста видеть соломинку в чужом глазу и не замечать бревно в своем характерна для него всегда. Так, в упомянутой статье он ударил не только по Татьяне Глушковой, а заодно и по Анатолию Иванову, главному редактору «Молодой гвардии», дерзнувшему напечатать ее статьи, и притом вот как: «Ведь именно в эпоху застоя А. Иванов стал Героем Соцтруда, кавалером орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, лауреатом всех (?) Государственных премий, бессменным секретарем Союза писателей и т.д.». Вот пригвоздил, а?.. Но — поразительно! А сам-то когда получал раз за разом то ордена, то премии — во время войны? За создание новых самолетов или танков? Сам-то когда влезал на высокие должности — в первую послевоенную пятилетку восстановления? Да нет же, все он получил в ту же самую «эпоху застоя». Только ордена — помельче, должности — пониже да премии — пожиже. В этом вся и разница... Хоть бы после смерти Анатолия Иванова в мае позапрошлого года не вставлял в воспоминания очередной образец своего лицемерия. Куда там! «Не пропадать же добру...»

Но вот, что еще ужасно обидело Куняева: «Я стал у Глушковой «человеком средним», «достаточно ординарным»... Тут Татьяна Михайловна была не права. Я лично в литературном мире не встречал людей более экстраординарных, чем Куняев. И едва ли встречу. Судите сами, читатель... Помните вот это место в начале моей статьи? «А что ты написал о Сельвинском! Ты же угодничал перед ним, а теперь поносишь!» И тут Куняев взорвался: «Ты не литературный критик, а литературный хам!!!»

Потолок не обрушился, — сказал я тогда, — никто из присутствующих сотрудников журнала не кинулся к начальничку со смирительной рубахой...

Оказывается, я ошибся: потолок-то обрушился, только не сразу... 22 августа взял я в руки «Завтра» и обомлел: «В ночь с 16 на 17 августа, здание, в котором расположена редакция журнала «Наш современник» было разрушено в результате падения стены соседнего шестиэтажного дома». Неужели правда?! Бегу с газетой к жене: «Таня, посмотри, какой кошмар!» Она взглянула и рассмеялась: «Да это же хохма. И поместили в их постоянной юмористической рубрике «Агентство «Дня». И сверху надпись шуточная: «На Куняева упала Стена плача». Конечно,

хохма, только не шибко умная. Так и уверила она меня, что это — тяжелый черный юмор. А то ведь я собрался бежать на почту и дать телеграммку соболезнования...

Но прошло три недели, встречаю одного члена редколлегии «Современника», и он, к моему изумлению, все подтверждает: действительно, на здание редакции рухнула стена, и больше всего пострадали кабинет главного и его заместителя — тот самый кабинет, в котором Куняев закатил свою истерику. Я уверен, что именно это и спровоцировало стену: главред на роковом тринадцатом году правления сам сокрушил редакцию своим воплем. А стена просто выжидала: может, что-то посветлеет в нем? Может, раскается? Она ждала два с половиной месяца и не дождалась ничего, кроме новых приступов беснования. И терпение ее иссякло, и, несмотря на Успенский пост, обрушилась она на обителище Куняева... Так вот, разве можно считать ординарным человека, способного своим воплем сокрушить стену и собственную редакцию.

Спустя несколько дней после «Открытого письма» получаю по почте большой конверт. Что такое? Куняев! Я, конечно, опять ожидал, что это если уж не извинение за дамскую истерику и за психическое «Письмо», то какое-то хотя бы частичное, хотя бы придуманное объяснение. Ну, например, перед встречей с тобой в редакции мы с Гусевым раздавили бутылочку Dorper, так что я плохо соображал. Или, скажем, у меня недавно вырезали мозжечок, и я утратил координацию движений... Ничего подобного! В пакете — куча бумаг:

1. Письмо Стасика на бланке главного редактора (на этот раз закрытое).

2. Газета «Ветеран» со статьей о презентации его воспоминаний в Краснознаменном зале Дома Советской Армии.

3. Копия его же 12-летней давности письма ко мне.

Все очень содержательно. Первое письмо начинается обращением «Володя!», а кончается пожеланием «Всего доброго». И представьте себе, никакой эпилепсии. Словно и не он еще вчера устно и письменно вопил благим матом в страшных корчах всякие непотребства. Из «Ветерана» можно было узнать, что на презентации автор книги в обычном для себя духе объявил: «Я показал тайны русской судьбы с ее героическими взлетами и трагическими падениями». Это не очень внятно. Неужели так-таки и показал всю тайну? А потом, ведь книга глав-

ным образом о самом себе. Что же именно автор считает своим «героическим взлетом»? На войне не был. БАМ не строил. «Тихий Дон» не написал. Так, может, взлет в кресло главного редактора? А что для него «трагическое падение» — отставка из секретарей Союза писателей? Пьяная потасовка с Аксеновым? Увлечение грузинским прохвостом, который не вернул 200 долларов?.. Тут же приведено замечательное антиалкогольное изречение автора: «Культура — это Бог в душе, а не пиво в банке». Конечно. И не самогон в бутылке. И не водка в стопке. И даже не «оджалеши» в бокале... А еще на презентации прозвучал проникновенный голос Геннадия Гусева: «Да, абсолютно правомерно назвать книгу великим произведением о любви поэта к русскому народу, к России и ее замечательной поэзии». Прекрасно! И как, я думаю, отрадно служить под началом творца великих произведений! Мне лично не доводилось... Заключается отчет о презентации в таком же возвышенном духе: «Книга Куняева — событие в нашей литературе и истории. Она для каждого человека русской души и ума, для всей России». Для всей... Очень великолепно! «Правда» в сокращенном виде перепечатала сей отчет под оригинальным заглавием «Станислав Куняев — о времени и о себе».

Наконец, я взял в руки две страницы густого машинописного письма 12-летней давности. Оно начинается так:

«Очень жаль, что мне приходится тратить время на бесплодные споры. Ты думаешь о Горьком так, а я иначе». Как иначе? Да, оказывается, это не великий и самый знаменитый писатель XX века, а «русофоб» и «сионист». Грехов за ним — ни словом сказать, ни пером описать. Допустим, статью о Есенине он написал неплохую, но еще обязан был опровергнуть все до единой гадости о поэте Бухарина, Безыменского, Заславского и других «распоясавшихся русофобов». А он не опроверг! Почему? Потому именно, что был оголтелым русофобом. Ну а само Куняев, опять спросим, кого защитил? А если и защитил, то не больше ли оказалось оплеванных?..

«Не случайно же, — читал я, как еще 12 лет тому назад Куняев в одной артели с Львом Колодным и Федором Бурлацким поносил Горького, — он был вдохновителем, редактором и шефом страшной книги о Беломорканале, не случайно через два года после этого он в сущности (!) определил судьбу Павла Васильева, назвав его фашистом и антисемитом». По прошест-

вии стольких лет Куняев мог бы сейчас признаться, что, дескать, тогда я ошибся: ни антисемитом, ни фашистом Горький не называл Васильева, а писал о его хулиганстве, чем тот на самом деле и отличался, мог бы признать, что совсем не он «определил судьбу» молодого поэта, т.е. обрек его на гибель. Но куда там!

Барон фон Гринвальюс,
Великий пиит,
Все в той же позиции
На камне сидит.

Статья Горького о Васильеве появилась 14 июня 1934 года, но вот что еще в апреле 1933 года, то есть за год с лишним, говорил в редакции «Нового мира» на вечере Васильева очень тогда известный и высокопоставленный Иван Михайлович Гронский, бывший одновременно главным редактором «Нового мира», «Красной нови» и ответственным секретарем правительственных «Известий»: «Это не крестьянская, а кулацкая поэзия... Возьмите творчество Клюева, Клычкова и Павла Васильева за последние годы. Что из себя представляет это творчество? Каким социальным силам оно служило? Оно служило силам контрреволюции... Это резко, это грубо, но это правда... Васильев развился в сторону не революции, а контрреволюции...» В таком же смысле высказывались и другие участники вечера. Остается лишь добавить, что и сам Васильев обрушился на своих друзей, присутствовавших здесь же: «Разве Клюев не остался до сих пор ярым врагом революции?.. Теперь выступать против революции и не выступать активно с революцией — это значит активно работать с кулаками и фашистами».

Вот оно, петушиное-то словцо. И разве у Горького оно слетело с уст?.. Васильев продолжал: «Сейчас Сергей (Клычков) выглядит бледным, потому что боится, что его не поймут, его побьют. Но, к сожалению, должен сказать, что я желаю такого избиения камнями... Клычков должен сказать, что он на самом деле служил, по существу, делу контрреволюции, потому что для художника молчать и не выступать с революцией — значит выступать против революции». Хорош Васильев: молчишь — значит, враг революции. И ведь это же о друзьях, это подобно тому, как Куняев — о Соколове, Передреове или Глушковой... Впрочем, тут еще позорней: о покойниках же...

Позже Клычков и Клюев были арестованы. Последний писал своему другу художнику Анатолию Кравченко: «Вот тебе еще пример из книги жизни: ты жадно смотрел на Васильева, на его поганое дорогое пальто и костюмы — обольщался им, но эта пустая гремящая бочка лопнула при первом ударе». И позднее, уже из ссылки — жене Клычкова: «Как живет П. Васильев? Крепко ли ему спится?» Наконец, после того как второй раз арестовали и Васильева: «Жалко сердечно Павла, хотя и виноват он передо мной черной виной»... Первый раз его арестовали вскоре после того, как 24 мая 1935 года в «Правде» появилось письмо группы писателей, предлагавших «принять решительные меры против хулигана». Горький был уже смертельно болен. По ходатайству Гронского, которому Васильев был свояк (женаты на родных сестрах), весной 1936 года по решению Политбюро поэта освободили. Но 6 февраля 1937 года арестовали вторично. Горького уже не было в живых... Все эти сведения я взял из содержательной, но далеко не безупречной работы Сергея Куняева («Наш современник», № 7, 2000 г.). Мемуарист мог бы знать это и как редактор журнала, и как отец молодого литературоведа. Увы, бульдозеры неколебимы...

Но хочу спросить еще вот о чем: почему книга о Беломорканале названа «страшной»? Что там такого страшного, что ни один ельцинский прихвостень не преминул воспользоваться ею как дубиной против Советской власти? И первый — конечно, Солженицын... Советские заключенные, трудясь, как трудятся заключенные во всем мире, в короткий срок построили очень важный и нужный для страны водный канал длиной в 227 километров при 19 шлюзах, который соединил Белое море с Волгой, продлив старинную Мариинскую водную систему. Благодаря ему водный путь из Ленинграда в Мурманск сократился в четыре с лишним раза. В 1983 году в связи с пятидесятилетием канал был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Что же в этом плохого или даже страшного? «Как?! — визжат обличители. — Там же погибли тысячи и тысячи!» Куняеву, оказывается, известна почти точная цифра: «Там полегло костями более 70 тысяч». Да откуда же известно-то? А это несколько приглаженное солженицынское вранье.

Ему же ничего не стоит метнуть хоть в ту, хоть в другую сторону не только тысячи, но и миллионы. Вот в своем «Архипелаге» пишет, что к концу 1941 года под властью немцев было

уже «60 миллионов населения из 150», т.е. потеряли, мол, за такой короткий срок уже едва ли не половину населения. Но ведь обе цифры — вранье. Наше население составляло тогда около 195 миллионов.

В другой раз пишет о 1928 годе, о поре индустриализации: «Задумано было огромной мешалкой перемешать все 180 миллионов». А в действительности население было около 150 миллионов. Как видим, в одном случае ему надо было сгустить краски путем уменьшения цифры, и он запросто уменьшает ее на 45 миллионов; в другом — для этой же цели надо было цифру увеличить, и он без колебания увеличил ее на 30 миллионов. Так что плюс-минус 30—45 миллионов для этого математика-правдолюбца никакая не проблема. А уж ошарашить читателя уверением, что при строительстве Беломорканала погибло 100—200—300 тысяч, ему легче, чем плюнуть...

Так же он все наврал и о строительстве канала, и о посещении его Горьким, и о книге. Как весь вонючий «Архипелаг», это написано по слухам, по антисоветским рассказам, по уголовным байкам. А уж за Солженицыным, конечно, Радзинский: «Кровь и трупы на строительстве Беломорско-Балтийского канала, воспетого писателями Сталина...» Тут же и тот самый Ардов. Он возмущается, что Михаил Зощенко в своем очерке о поездке на канал писал о его строителях-уголовниках. «Ну что же 58-я статья? — негодует батюшка Ардов. — Ведь мы знаем, кто составлял подавляющее большинство заключенных «каналоармейцев». А о них что написано?» То есть этот знаток в рясе хочет сказать, что подавляющее большинство составляли политические заключенные осужденные по 58-й статье. Это надо думать, процентов 90—95. Однако же вот что читаем в новейшем исследовании И.В. Пыхалова «Сталин и его время» (Ленинград, 2001). Приведя соответствующую таблицу официальных цифр, он делает вывод: «Таким образом, среди заключенных, содержащихся в лагерях ГУЛАГа, большинство составляли уголовники, а «политических», как правило, было менее 1/3... Еще меньше было «политических» в исправительно-трудовых колониях» (с. 24). Внял, батюшка?

Теперь о смертности в лагерях и тюрьмах. Это уж специально для Солженицына с Радзинским и Куняева: в пору строительства канала она, по официальным данным, была такова: в 1931 году — 3,03%. в 1932-м — 4,40, в 1933-м, в год открытия

канала, по причине голода — 15,94%. Миновал голод, и в следующем 1934 году резкое снижение до прежнего уровня — 4,26%. За 1945 — 1952 годы, когда сидел творец «Архипелага», смертность в лагерях снизилась с 6,66% (еще шла война) до 0,80%. Того ниже была смертность в тюрьмах и колониях, редко превышая 2—3%. Вывод автора: «Таким образом, как свидетельствуют факты, вопреки уверениям «обличителей», смертность заключенных при Сталине держалась на весьма низком уровне» (с. 25). Едва ли этот уровень так уж превышал общий уровень по стране. И специальный довесок для Главного Обличителя: «Даже в самые тяжелые 1942 и 1943 годы смертность заключенных составляла около 20% в год в лагерях и около 10% в тюрьмах. В год! А не в месяц, как утверждает, к примеру, А. Солженицын» (с. 26). Как видим, врал Главный Обличитель, преувеличивая в 12 раз. Это ему просто...

Впрочем, И. Пыхалов, видимо, не заметил или не обратил внимания на следующие строки Солженицына о смертности на Беломорканале: «Говорят, что в первую зиму строительства, с 1931 на 1932 г., вымерло сто тысяч строителей-заключенных. Отчего ж не поверить?» Вот его главный творческий принцип: «Говорят. Отчего не поверить?» И дальше: «Скорей эта цифра даже преуменьшенная: в сходных условиях в лагерях военных лет смертность один процент в день была заурядна, известна всем. Так что на Беломорканале сто тысяч могло вымереть за три месяца с небольшим». Так было в парижском издании *Ymca-press* (1974). А в московском издании «Советского писателя» (1989) автор приписал: «Без натяжки можно предположить, что и триста тысяч вымерло». Это рассчитано на полных идиотов да на стеснительного Куняева, который уменьшил эту цифру до 70 тысяч. Он горестно восклицает ныне о 1956 годе: «Как мы в то время верили любому демократическому краснобайству!» Так ведь и сейчас веришь столь же оголтело, и не пытаешься даже проверить краснобайство элементарным практическим соображением. Ну хоть бы, если уж отбросить всякие соображения гуманности, подумал бы о том, как схоронить, куда деть триста тысяч трупов, кто заниматься этим мог? Вон в Доме Советов оказалось тысячи две-три убитых, так ведь в распоряжении Ельцина были отряды милиции, ОМОНа, мощнейшая техника. А там?.. И потом человек не лопата. Та сломалась в некий миг, и можно выбросить, взять новую, если есть. А люди

умирают чаще всего не сразу, а медленно, болеют, постепенно доходят до полной неработоспособности. Так подумал бы и об этом: как с ними-то быть? Кто за больных выполнял норму выработки на ударной стройке?

А кроме того, надо бы знать, что статистика таких явлений, как смертность, периодизируется не днями, а годами. Как указано выше, смертность в лагерях в те самые военные годы, о которых упомянул Солженицын, составляла около 20 процентов в год. А если, как он уверяет, она была один процент в день, то значит, в год — 365 процентов, т.е. врет уже не в 12 раз, а почти в двадцать, и у него получается, что в год лагерь вымирал три с половиной раза с лишним. Лихо, правда?

И вот что проделывает дальше прохиндей Нобелевской премии. Во французском издании он называет восемь фамилий руководителей строительства канала и пишет, что «за каждым следует записать тысяч по тридцать жизней» (т. 2, с. 99). $30 \text{ тыс.} \times 8 = 240 \text{ тысяч}$. Маловато. Не хватает еще 60 тысяч душ. Обнаружив это, в московском издании прохвост уже накинул: «за каждым следует записать тысяч по сорок (!) жизней» (т. 2, с. 93). $40 \text{ тыс.} \times 8 = 320 \text{ тысяч}$. Вот это в самый раз, даже, как говорится, с доходом в 20 тысяч. Чай теперь его душенька довольна...

Куняев, радуясь сравнительно приличному по нынешним временам тиражу «Нашего современника», внушает мне: «Подумай, почему». Я уже подумал. А вот ты подумай, почему Солженицын врет в таких масштабах, почему заодно с ним врут Радзинский, Ардов, а ты, защитник великой русской идеи, оказавшись в этой компашке, книгу о строительстве канала называешь «страшной», коллективизацию — «кровавой», русофобию — «коммунистической», злобу — «чекистской» и т.п.

Михаил Зощенко, по определению Радзинского, — один из «писателей Сталина», в этой книге, столь страшной для Куняева, писал: «В дни, когда я был на Беломорском канале, в одном из лагерей был устроен слет ударников этого строительства. Это был самый удивительный митинг из всех, которые я когда-либо видел.

На эстраду выходили бывшие бандиты, воры, фармазоны и авантюристы и докладывали собранию о произведенных работах... Это были речи о перестройке всей своей жизни и о желании жить и работать по-новому... Я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и желание жить иначе, чем прежде...»

И кому же я должен верить — одряхлевшему профессиональному лжецу, бесстыдно жонглирующему цифрами мнимо погибших, трепачу в рясе, называющему Зощенко «пособником палачей и тюремщиков», своре их малоумных, злобных прихвостней, просто обиженных Богом, или Зощенко — полному Георгиевскому кавалеру, штабс-капитану в Первую мировую войну, добровольцу Красной Армии в Гражданскую, писателю, который после известного постановления ЦК партии 1946 года, подвергнувшего его резкой несправедливой критике, был исключен из Союза писателей, но в этот же день написал письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольно пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений — с кем мне идти — с народом или с помещиками. Я всегда шел с народом. И этого у меня никто не отнимет..

Прошу мне поверить — я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью: несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком... Это ошибка. Уверяю Вас».

Позже, после смерти Сталина и восстановления Зощенко в Союзе писателей, он высказался более определенно: «Основное обвинение в докладе Жданова в том, что я не советский писатель. Не могу согласиться!.. Я никогда не был непатриотом своей страны. Не могу согласиться с этим. Не могу!..» А когда нашлись охотники вторично проработать писателя, он встал и сказал: «Что вы хотите от меня? Чтобы я признался, что я трус? Вы этого требуете? Вы!.. Не надо мне вашего снисхождения... Я больше, чем устал. Я приму любую иную судьбу, чем та, которую я имею». Вот, Станислав Куняев, что такое гражданский поступок, а не байки о драке с Аксеновым...

Прошло еще недолгое время. Опять пакет! Опять от Куняева! Он начал почтовую войну. Раньше вот так же донимал меня пакетами Валентин Оскоцкий. Как напечатывают в своих «Литературных вестях» (тираж 3000) гадость обо мне в стихах или прозе, так непременно шлют парочку экземпляров. Но тут я опять в лучших надеждах. И, увы, опять ошибся. В пакете ока-

залась газета «Российский писатель» № 10 (14) с упомянутой в «Открытом письме» статьей Михаила Чванова «Три подвига Станислава Куняева». Сразу вопрос: почему не двенадцать, как у Геракла? Газетка с милой дарственной надписью мемуариста: «На память Владимиру Бушину, чтобы прочитал и успокоился...» Здесь, мол, истина в последней инстанции, заткнись.

Как помним, В. Бондаренко ожидал, что я буду с негодованием писать о премии Е. Носову. Нет, не буду, ибо в ней ничего принципиально нового, просто Солженицын вколотил еще один клин в содружество русских писателей, и я лишь высказался о его речи. А С. Куняев — они с Бондаренко во многом очень схожи — ожидал, что за хвалебную статью о нем я буду «проклинать Мишу Чванова, хорошего писателя, русского патриота». Нет, разумеется, никаких проклятий. Но кое-что сказать, пожалуй, небесполезно.

М. Чванов живет в Уфе. Свой двухтомник Куняев прислал ему тоже с дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Чванову — главную книгу моей судьбы и русской жизни». Последние слова озадачивают: это — главная книга русской жизни? Позвольте, а книги Пушкина и Толстого, Достоевского и Шолохова?.. Судя по всему, автор сказал именно то, что хотел сказать. Помните? «Я всегда прав!»

Михаил Андреевич Чванов о себе говорит так: в прошлом — «неискушенный провинциал», ныне — «истинный патриот». Да, так и говорит: истинный. А сами мы можем догадаться, что он человек еще и весьма впечатлительный, эмоциональный, как и его кумир. В статье, которую так украшают два портрета мемуариста, то и дело читаешь: «я буквально оторопел»... «мне до слез обидно»... «я был потрясен»... «резанули по сердцу строки»... «у меня перехватило горло»... «эта глава была для меня потрясением»... «и еще горло перехватило»... и т.д. Этими качествами души, видимо, и объясняются некоторые важные особенности его статьи. Например, в ней есть досадные фактические ошибки. Эмоциональному человеку наводить справки некогда!

Вот, скажем, он перечисляет поэтов: «Бродский, Маршак, Светлов, Сельвинский, Юнна Мориц, Наум Лейкин...» Весьма сумбурная последовательность, тем более что поэт Наум Лейкин никому не известен. Так звали ответственного секретаря «Литературы и жизни», или автор, возможно, имел в виду поэта

Наума Коржавина, если не покойного Наума Гребнева. В одном он здесь не ошибся — все евреи.

В другом месте автор уверяет, что Виктор Астафьев «единственный из русских писателей, подписавший в октябре 1993 года гнусное письмо в поддержку палачей русского народа». Это не так. Из 42 авторов письма человек 12—13, больше четверти, были русские: Герои Соцтруда М. Ананьев, М. Дудин, Д. Лихачев, а также С. Каледин, Ю. Карякин, А. Приставкин, Р. Казакова, еще кто-то. Такие всегда находятся. Не надо приукрашивать соплеменников. Кроме того, это было не просто письмо в поддержку палачей, это был призыв к новым правам, даже требование их. Так «Известия» и подали его: «Писатели требуют от правительства решительных действий».

Интересно проследить судьбу этих служителей муз. Человек пятнадцать из них, к сожалению, ушли в лучший мир. Даниила Гранина НТВ тоже похоронило, показало кого-то в гробу, усыпанном цветами, и объявило, что это именно Гранин, член КПСС с 1942 года, но, к счастью, он жив. Виктора Астафьева от перенапряжения страстных антисоветских речей, увы, разбил паралич. Григория Поженяна, как сообщали по телевидению, недавно избил и ограбил шофер такси, с которым поэт не пожелал расплатиться. Юрию Карякину, кажется, тоже лежащему в постели, президент недавно выделил какую-то правительственную премию. А вот старушка Белла Ахмадулина недавно заявила в «Литературной России» № 32: «Я абсолютно нищий человек». Абсолютно!.. Это довольно загадочно. Ведь у нее муж есть, весьма преуспевающий народный художник Борис Мессерер, академик, лауреат. Как рядом с таким человеком под одной крышей родная жена могла оказаться или хотя бы чувствовать себя абсолютно нищей? Но как бы то ни было, а со слезами вспоминается старинный романс «Нищая»:

Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет тому жила?
Она была мечтой поэта,
И слава ей венки плела.
Когда она на сцене пела,
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела...
Подайте ж милостыню ей!..

Старушка рассказала, что живет, «благодаря ПЕН-клубу, в центре Москвы в цивильном (?) доме по соседству с Искандером, Приставкиным, Битовым и весьма зажиточными бизнесменами». И, судя по всему, никто из них ни разу не подал милостыни нищей... Позор!.. Может, объявим благотворительную подписку среди читателей «Патриота»?..

А Римма Казакова, член КПСС с 1977 года, стала первым секретарем Союза писателей Москвы, среди членов которого, как она уверяет, «многие с именами мирового значения». Это кто же? Она называет: два тех самых подписанта — Борис Васильев и Татьяна Бек, а также Фазиль Искандер, Андрей Битов, Андрей Вознесенский, Владимир Войнович, Владимир Корнилов. Конечно, среди них есть и талантливые, и известные писатели. Но интересно, кто из читателей слышал хотя бы о таких фигурах мирового значения, как Бек или Корнилов?.. Но не в этом дело, пусть себе забавляются, у нас демократия. Ведь в сущности это даже занятно.

Занятно и то, что Римма Федоровна принялась доказывать, что она не еврейка. Я лично никогда об этом не думал, хотя знал, что один из ее мужей был еврей Радов-Вельш. Но довод, который она привела, честно скажу, заставил меня усомниться. Вот: «Дед мой по отцу был Лазарь Никандрович. Вы где-нибудь видели еврея Никандра?»

Матушка, мы видели кое-что и поинтересней! Например, когда-то начальником Политуправления Красной Армии был Сергей Иванович Гусев, каковым он стал в одночасье из Якова Давидовича Драбкина. Но Казакова не слушает, и вот ее новый резон: «А что в таком случае делать одной значительной литературной личности с отчеством Исаевич?» Опять пальцем в небо, драгоценная, ибо Исай довольно популярное когда-то у русских имя. А отчество помянутой значительной личности не Исаевич, а Исаакиевич. В этом можете убедиться, раскрыв упоминавшийся биографический словарь «Русские писатели XX века» на 656-й странице. А что делать этой личности? Лучше всего убраться бы ему в штат Вермонт и, как уже говорилось, открыть там в своем роскошном поместье дом отдыха для фронтовиков.

Национальная проблема ужасно волнует Казакову-Драбкину. Она дает решительный отпор всем, не согласным с ней:

«Чего стоят рассуждения поэта Юрия Баранова об «антирусском правительстве». Даже драгоценнейший Шандыбин радовался, что у нас наконец-то президент русский, и жена у него русская, и, добавлю, собака у президента тоже русская! За Шандыбина говорить трудно, он из тех патриотов, что даже Евгения Киселева защищал только потому, что тот русский. Но читаем дальше: «По крайней мере, во власти большинство представителей этнического большинства России». Правильно, мадам Дабкина, но 51 процент это уже большинство, а русские составляют в стране 85 процентов. Что же касается правительства или, точнее говоря, власти, то если принять во внимание хотя бы только то, что до них население страны неуклонно росло, а при них народ вымирает по 750 тысяч и больше в год, можно было бы поначалу допустить, что это честные люди, но просто малограмотны и бездарны, но поскольку вымирание длится уже десять лет, страна гибнет, они же не уходят, а, наоборот, все держатся зубами и когтями за свои кресла и продолжают реформы, показавшие всему миру свою гибельность для страны, — если все это, говорю, учесть, то такую власть нельзя назвать иначе, как именно антинародной, оккупационной, враждебной народу. Даже по Уставу ООН против такой власти народ имеет право на восстание. А вам, как видно, хватает для радости столичных фейерверков, презентаций да разного рода эксгумаций. Что ж, наслаждайтесь...

Вот вы еще и философствуете о том, что такое демократ: «Он-то и есть подлинный патриот, потому что (!) не способен оскорблять людей другой национальности». Это, во-первых, да? Но при чем здесь патриотизм? Это элементарная вежливость, воспитанность, и только. А вообще-то таким людям другой национальности, как, допустим, еврей Ягода, немец Геббельс, англичанин Чемберлен, француз Даладье, американец Даллес, — всем им убежденный русский националист имеет право сказать: «Подонки!» Во-вторых, «демократ разбирается в истории». И опять: это образованность, а не патриотизм. Но вот вам супердемократы Чубайс, Сванидзе, Сорокина, Киселев. Новодворская да и сам Ельцин — ведь круглые невежды. Нужны доказательства? В-третьих, «демократ граждански и творчески профессионально судит о жизни».

О, судить они могут о чем угодно! Возьмите Немцова или Явлинского. Даже сверхтерпеливый наш президент недавно посоветовал одному из них перестать мельтешить на политической сцене страны со своими «творческими суждениями». Так вот эти-то люди, которых вы, сами не зная почему, именуете патриотами, и довели страну до того положения, о котором сказано выше.

Но вот что самое-то примечательное в статье Драбкиной. Будучи членом той самой вымирающей шайки ельцинских прихвостней, которая 5 октября 1993 года требовала от правительства расправы над неудобными писателями, она сегодня жалуется, что с ней «полемика ведется далеко не элегантно», «лексика оставляет желать лучшего», а кто-то сказал даже, что в свои 70 лет мадам «вышла в тираж». Ах, ах! Она затосковала об элегантности. Обратитесь за ней, мадам, к генералу Евневичу, такому же, как вы, элегантному демократу, который расстреливал Дом Советов.

Однако вернемся к статье М. Чванова. Отмеченные ошибки — не главное в ней. Дело гораздо серьезней, когда от Наума Неизвестного автор переходит ко всем известному Льву Толстому и с решительностью своего столичного друга возглашает, что великий писатель «абсолютно справедливо был отлучен от церкви», поскольку «нанес великий вред России, как террористы-революционеры (например, эсеры, да?). На книгах Л. Толстого взросло и воспиталось несколько поколений как мягкотелых бездеятельных русских интеллигентов и циников-атеистов, отчего само понятие «интеллигенция» стало чуть ли не ругательством». Закономерным выводом из таких суровых суждений был бы призыв сжечь книги Толстого, но истинный патриот почему-то пока воздержался от этого. Непонятно и то, почему не названы книги Толстого и их герои, воспитавшие несколько поколений хлюпиков и циников. «Севастопольские рассказы»? «Казаки»? Оленин? Ерошка? «Война и мир»? Князь Андрей? Княжна Марья? Наташа Ростова? Ее брат Николай? Анна Каренина? Катюша Маслова?..

Кого из них автор уподобляет пуле или бомбе террориста, убивающей наповал? Что первым бросать в костер?.. Неизвестно. Но вот завождем прозы «Нашего современника» Александр Сегень, правая рука Куняева, тут конкретен. В газете «Десятина» он решительно заявил: «Человек, написавший

«Хаджи-Мурата», — враг русского народа»¹. Коли враг всего народа, а не только отпетых идиотов с русскими и нерусскими фамилиями, то, конечно, книги его надо уничтожить...

Но прежде чем чиркнуть спичку, хочу заметить вам, литературные пироманы, что среди верующих и даже пишущих стихи о святых мощах циников не меньше, чем среди атеистов. Или у вас в Уфе не так?

Переходя от литературы к жизни, автор обнаруживает язвительно-ироническое отношение к советскому времени, к «почти уже сказочной социалистической действительности», видя в советских людях «специально обманутых, замордованных желтой прессой» существ. И невдомек истинному патриоту, что ныне советское время с его великими благами для народа, с мощью державы действительно вспоминается как сказочное. Невдомек даже то, что советская пресса сеяла добро, достоинство, гордость за свою страну, а мордуют-то людей именно сейчас на его глазах, но он, талантливый писатель, этого не видит или видит, но талантливо молчит.

М. Чванов уверяет, что советское время — это «эпоха мифотворчества». Мифов, говорит, было больше, чем в Древней Греции. Коли речь завел об эпохе, то и мифы называй эпохальные. Еще перед войной мы стали первой промышленной страной Европы — это миф? Наши летчики и летчицы восхищали мир своими фантастическими перелетами — это миф? Наш народ и его армия разгромили силы всей Европы, брошенные на нас Гитлером, — это миф? Вскоре после войны мы стали сверхдержавой мира — это миф? Первыми в мире мы отправили в космос человека — это миф? Первыми в мире забросили свой герб на Луну — это миф? Бесплатное образование, медицина, копеечная квартплата и транспорт — это миф?..

Оказывается, истинный русский патриот Чванов имеет в виду факты совсем не такого масштаба. А что же? Да вот, гово-

---

¹ Поправка. В предыдущем тексте допущена неточность. Сказано, что заведомо прозы журнала «Наш современник», секретарь правления Союза писателей России Александр Сегень, лауреат премии «Большой приз» и др., в недавнем интервью газете «Десятина» назвал Льва Толстого «врагом России». На самом деле лауреат Сегень сказал так: «Перечитайте «Хаджи-Мурата». Эту повесть написал предатель Родины» («Десятина» № 2 (53), 2001, с. 7). Автор благодарит читателей, указавших на эту неточность.

рит, был миф о Корнее Чуковском как о добром сказочнике и великом гуманисте. А он написал однажды Сталину письмо, предлагая создать для «социально опасных» детей трудколонии с военным режимом, но его продолжали считать великим гуманистом...

В этих истинных патриотах меня больше всего поражает их полная оторванность от реальности, от живой действительности. Во-первых, при чем здесь советская эпоха, если какие-то критики писали о Чуковском как о великом гуманисте? Да и кто писал? Ведь ни одного не назовет. А я назову, кто боролся против Чуковского. Например, Троцкий, а с другой стороны — Ленин. Во-вторых, о письме к Сталину стало известно только теперь. Как же оно могло повлиять на «миф»? Ну вот, теперь считайте, что миф рухнул. Пошли дальше.

Второй миф — о плагиате «Тихого Дона». Позвольте, тов. Чванов, но опять же, какое отношение к подлой проделке негодяев имеет советская эпоха? Советская власть в лице «Правды», наша литературная общественность в лице известных писателей еще в 1929 году, а потом уже и в наши дни, например, Константин Симонов, разоблачила этот «миф». Вновь же возродил его Солженицын, которого вы считаете великим писателем, вот с ним и разбирайтесь.

Третий миф советской эпохи — «миф о шовинизме и антисемитизме Станислава Куняева». А вот это не миф. Если человек верит, что Максим Горький «руссофоб» и «сионист», то, сколько ни рассказывай он о своих друзьях среди евреев, как это делает Куняев, сколько ни пиши стихов о Межирове, совершенно ясно: мыслитель свихнулся на жидоедстве. Да, у Горького были благожелательные высказывания о евреях, есть рассказ «Каин и Артем», есть еврейка Рашель в «Васе». Ну и что? Вон С. Семанов насчитал в «Тихом Доне» 16 евреев. Можно добавить, что отношения Горького с такими известными и могущественными евреями, как Троцкий и Зиновьев, были враждебные, еврей Парвус его обобрал. Мало того, Зиновьев, будучи всевластным главой Северо-Западной коммуны, учинил обыск в квартире писателя на Кронверкском, что и послужило последним поводом к эмиграции. А вот у Лермонтова, допустим, есть две «Еврейские мелодии» — и что, тоже сионист?

Имея в виду, конечно же, патриотизм казенный, Горький писал: «Совершенно чуждый национализма, патриотизма и прочих болезней духовного зрения, все-таки я вижу русский

народ исключительно, фантастически талантливый, своеобразным... Я уверен, что по затейливости, по неожиданности изворотов, так сказать, по фигурности мысли и чувства русский народ — самый благодарный материал для художника». Это что, признание русофоба вроде Новодворской? И еще: «Даже дураки в России глупы оригинально». Это и сейчас подтверждают, в частности, иные публикации: да, у нас и литературные дураки глупы оригинально. Возьмите критика О. или поэта С.

Дорогого стоят и такие строки Горького о Ленине: «Глядя на меня азиатскими глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с Толстым?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный...

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней стыдливый отзвук глубоко скрытой, радостной любви к своему народу. На Капри он, глядя, как рыбаки осторожно распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он не без досады сказал:

— Гм-м, а не забываете вы Россию, живя на этой шишке?»

Русофобы о таких вещах не пишут, ибо просто не замечают их.

А вот еще что сказал сионист Горький о своем народе: «Я думаю, что когда этот удивительный народ отмучается от всего, что изнутри тяготит и путает его, когда он начнет работать с полным сознанием культурного и, так сказать, религиозного, весь мир связующего значения труда — он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот и уставший, и обезумевший от преступлений мир».

В 2000 году в издательстве «Вагриус» вышла редким по нынешним временам тиражом в 10 тысяч экземпляров «Книга о русских людях» Горького. Это воспоминания. И Куняев первому тому своих воспоминаний дал подзаголовок «Русский человек». Явная перекличка. Вот и сопоставить бы персонажей этих книг не только по их значительности, но и по тому, как они написаны. Допустим, Блок и Слуцкий, Есенин и Самойлов, Чехов и Вассерман, сам Горький и Куняев... Проделав эту работу,

автор «воспоминаний и размышлений» значительно расширил бы и углубил свое представление о многом, в частности и о литературном таланте. А вот эти слова, вынесенные на обложку, надо бы переписать и как плакат повесить в редакторском кабинете «Нашего современника»: «Предпринимаются попытки «сбросить Горького с парохода современности». Однако не будем забывать, что в начале века то же самое пытались проделать с Пушкиным и Достоевским». Не надо забывать и то, что Горький с его двухклассным образованием да Шолохов с четырехклассным — самые яркие в XX веке свидетельства глубинной талантливости русского народа.

Я вспоминал злобную статью Бунина о Горьком. А вот Горький не сказал о Бунине ни одного худого слова. Наоборот, например, защищал его «сильный суровый талант» от нападков Леонида Андреева. И когда в 1933 году Бунин получил Нобелевскую премию, видимо, сыгравшую в его жизни плохую роль, это не вызвало у Горького никаких недобрых чувств. А вот Марина Цветаева, жившая тогда в Париже, заранее досадуя, что ей придется по этому случаю «сидеть на эстраде», заметила: «Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунин: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи».

Куняев слишком часто смотрит на вещи сквозь еврейскую призму и наряду с правильными суждениями порой извергает такую чушь, что уши вянут. Вот, допустим, вспоминает, как Павел Антокольский выступал у них в МГУ на собрании литобъединения: «Хорошие времена наступают, многие неизвестные имена писателей вам предстоит для себя открыть — Бабеля, Мандельштама, Ясенского, Марину Цветаеву... А из молодых читайте Межирова и Гудзенко!» Трудно поверить, чтобы вот так на подбор Антокольский рекламировал сплошь еврейские имена, кроме Цветаевой. А потом, сообщает мемуарист, появился альманах «Литературная Москва» и там — стихи Цветаевой с предисловием Эренбурга. И он приходит к выводу: «Я предполагаю, что Антокольский и Эренбург вспомнили в 1956 году Цветаеву в первую очередь еще и потому, что знали одно ее до сих пор мало известное стихотворение 1916 года «Евреям».

Ну разве это не сдвиг по фазе? Или просто гэпэушный склад ума? Разве это не того же сорта предположение, что и об ответе Лермонтова на книгу Кюстина? Во-первых, откуда ему

известно, что Антокольский и Эренбург знали и помнили об этом сорокалетней давности стихотворении? Во-вторых, Цветаева — столь яркая поэтесса, что ее, как и Лермонтова, могут любить и евреи безо всяких стихов о евреях. В-третьих, сам же Куняев обвиняет Цветаеву в том, что она «могла быть и антисемиткой». Если так, то не естественнее ли допустить, что именно это было известно евреям Антокольскому и Эренбургу, именно эту обиду они помнили, а не то, что предполагает Куняев... Глядя на вещи через ту же призму, Куняев объявил, что ему «только сейчас открылось», что в выступлении Константина Паустовского на обсуждении романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» в 1956 году «одна фраза стала ключевой, обеспечившей Паустовскому неожиданную (!) славу и популярность». Подумать только, всего одна-единственная фраза, и на тебе — слава и популярность! Да что же это за волшебная фраза? А вот: «Циники и мракобесы, не стесняясь и не боясь ничего, открыто вели погромные антисемитские речи». Сказал, выступил против антисемитизма — и слава в кармане!

Да знает ли Куняев, что тогда замечательному писателю было уже 65 лет, за плечами у него — множество таких прекрасных книг, что Михаил Пришвин однажды записал в дневнике: «Не будь я Пришвиным, я хотел бы писать в наше время, как Паустовский». Уже давно он был и популярным и прославленным писателем. А слышал ли Куняев о писателе Григории Свирском, авторе романа «Университет»? Он только тем и занимался, что днем и ночью произносил речи против антисемитизма. Да еще какие свирепые! Но где же его слава? Почему не нагрянула популярность? Не обнаружив их, он от огорчения укатил в Израиль. Но там — с кем бороться? Только с арабами. Неизвестно, борется ли он с ними...

Через ту же мутную призму смотрит Куняев и на псевдонимы. В свое время в связи со статьей Михаила Бубенного, затронувшего этот вопрос в «Комсомольской правде», острая полемика состоялась между Константином Симоновым, дважды выступившим в «Литгазете», где он тогда был главным редактором, и Михаилом Шолоховым, ответившим ему в той же «Комсомолке». Подоплека была, конечно, национальная: псевдонимами явно злоупотребляли писатели еврейского происхождения. И однако же при всей блистательности шолоховской небольшой статьи «С опущенным забралом» великий писатель

был не прав, нельзя же запретить псевдонимы, существующие во все века во всем мире: Мольер, Вольтер, Стендаль, Жорж Санд, Новалис, Руставели, Навои, Пабло Неруда... Их брали многие и русские замечательные писатели, артисты: от Пушкина («Повести Белкина») и Гоголя до Чехова и Горького, включая таких, как Ахматова, Андрей Белый, Федор Сологуб, Демьян Бедный, Фадеев, и от Василия Ивановича Качалова (Шверубовича) до ныне здравствующего народного артиста СССР Владимира Михайловича Зельдина (В.М. Попова).

Куняев почему-то умолчал о знаменитой полемике. Видимо, и тут хотел представить себя первопроходцем. А начал тему с того, что вот Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, Леонид Мартынов, Борис Ручьев «хлебнули свою долю лагерной и ссыльной баланды и были запуганы на всю оставшуюся жизнь». Да, хлебнули, но запуганы не были и до конца жизни плодотворно работали, писали прекрасные стихи, первый из них получил орден Трудового Красного Знамени, остальные стали еще и лауреатами Государственных премий. А продолжение такое: «Ну как было на этом трагическом, ущербном для русской поэзии фоне не разыгрывать из себя классиков Кирсанову, Багрицкому, Шкловскому, Сельвинскому, Безыменскому с их ручными псевдонимами?» Во-первых, странно, что русская поэзия представлена патриотом лишь фоном для писателей-евреев, да к тому же и «ущербным». Во-вторых, Шкловский, Сельвинский, Безыменский — это вовсе не псевдонимы, а вот Ручьев — это псевдоним Б.А. Кривошекова. Знать надо родную литературу. В-третьих, пора наибольшего успеха всех названных писателей-евреев, когда они могли бы разыгрывать из себя классиков, приходится еще на то время, когда перечисленные русские писатели не хлебали баланды, а Багрицкий и вовсе умер за несколько лет до этого. Наконец, в таком псевдониме, как «Кирсанов», я, например, ничего «звучного» не нахожу. Вот имя Станислав — это действительно звучно, и надо было беречь щедрый подарок родителей, а не превращать его в кукольного Стасика. Так о чем же речь? Кто на чьем фоне фигурировал?

Но Куняев продолжает свое и, как ныне заведено у них, притягивает религиозный авторитет: «Поразительно глубоко и точно сказал о сущности псевдонимов религиозный философ Сергей Булгаков: «Псевдоним есть воровство, как присвоение не своего имени, гримаса, ложь, обман...»» Через его призму

Куняеву не видно, ему и в голову не приходит, что ведь псевдонимы брали и русские писатели. Он видит только евреев: «Все «псевдонимы» ходили с гордо задранными подбородками... Посмотрите, к примеру, на Бенедикта Сарнова или Евгения Рейна...» И опять — пальцем в небо: и Сарнов и Рейн — не псевдонимы, а фамилии, полученные от родителей. Но вот что самое-то комическое: ведь Стасик, как Куняев и сам себя называет до семидесяти лет, и других приучил, — это и есть проклятая Булгаковым «гримаса».

Уверяя, что Цветаева «могла быть сегодня страстной юдофилкой, а завтра антисемиткой», мемуарист, как мне сдается, сам такой. Вот факты. Он приехал из Калуги учиться в Москву. Принят в МГУ, но общежитие почему-то не дали. Столица велика — ищи жилье, где хочешь. Но он поселяется у старого еврея Максима Семеновича. Кто его неволил? Никто. Надо полагать, все дело во взаимной симпатии. Затем решил найти себе литературного наставника, покровителя. В Москве около двух тысяч таких покровителей любой нации. Но Куняев, вначале примерившись к Василию Федорову и Льву Ошанину, в конце концов, выбирает еврея Слуцкого. Почему? Видимо, по взаимному влечению. Надо устраиваться на работу. В Москве были редакции по составу сплошь русские, например «Молодая гвардия» или «Октябрь», где только один Идашкин разнообразил картину. Нет, Куняев поступает в «Знамя». И там видит: «Отделом критики заведует «полужидок» Самуил Дмитриев, его помощник Лев Аннинский, тоже полукровок. В отделе публицистики сидят Александр Кривицкий, Миша Рошин (Гибельман) и Нина Каданер. Секретарь редакции — Фаня Левина». Что ж, это угнетало юную душу русского патриота? Отнюдь! Закончив приведенное перечисление сотрудников, он радостно восклицает: «Это все наши!» Совершенно как Янкель в «Тарасе Бульбе». Он только что вернулся из города, осажденного запорожцами, и Тарас его спрашивает: «Видел там наших?» — «Как же! — радостно восклицает Янкель. — Наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло...»

Хочет издать в Калуге первую книгу. Естественно, в издательстве есть свои редакторы, но дебютант настаивает на привлечении редактора со стороны, из Москвы. Кого? Того же еврея Слуцкого. Книга вышла. Кому он дарит эту первую драгоценную книгу прежде всего? Еврею Илье Сельвинскому, с кото-

рым даже незнаком, причем — через посредство Григория Левина, тоже, разумеется, еврея. Почему дарит? Надо полагать, по причине большого уважения, если не расчета. Книжечка не так уж впечатляюща, но молодому таланту не терпится прорваться с ней в Союз писателей, стать профессионалом.

Вступление в Союз важная веха в жизни литератора. Как обстоятельно рассказывает об этом в своих воспоминаниях Виктор Петелин! Прежде всего, называет всех, у кого взял рекомендации. Первым был известный прозаик Кузьма Горбунов. Он сказал: «Я-то дам, но моя рекомендация может повредить. Возьмите еще и кого-нибудь менее окрашенных в русские патриотические тона. Я для нынешней комиссии, как красный цвет для быка». Еще бы! Ведь ее председателем был тогда Анатолий Наумович Рыбаков.

Вторую рекомендацию дал критик Борис Иванович Соловьев. И опять: «Моя рекомендация только помешает вступить в Союз...» Петелин вспоминает: «Итак, две рекомендации есть. Для укрепления своих позиций попросил еще у двух моих друзей, слывших в то время либералами, — у Валерия Осипова и Олега Михайлова, которые тоже не замедлили...» (с. 176). Вот как обдуманно и взвешенно...

А Куняев о своем вступлении сообщает мельком и как-то очень невнятно: «Перебирая свой архив, я нашел недавно четвертушку бумаги, на которой было несколько строк: «На днях бюро секции поэтов приняло в СП Станислава Куняева. Он человек одаренный, а в его книге «Землепроходцы» есть немало хороших современных стихотворений...» Еще несколько малозначащих фраз и подпись — Я. Смеляков. Что за «бумажка»? Видимо, это непонятным образом оказавшееся у Куняева письмо председателя бюро секции поэтов Я. Смелякова («хама», как помним) в приемную комиссию, ибо именно ей принадлежало решающее слово при приеме, а бюро секции, в сущности, лишь еще раз рекомендовало, оно было промежуточной инстанцией. Почему не указана дата «бумажки»? Судя по всему, она относится к той же рыбаковской поре.

Но интереснее другое: а кто рекомендатели? почему о них ни слова? Может быть, они окрашены не в столь яркие «русские патриотические тона», как Кузьма Горбунов и Борис Соловьев, и русский патриот стесняется?.. Судите сами, прежде чем ринуться на штурм Союза писателей, он первую рекомендацию

добыл у старого еврея Сельвинского, вторую — у еврея средних лет Слуцкого, и третью — у молодого полуеврея Винокурова. Расчет был более точный, чем у недотепы Петелина, и в 29 лет Стасик влетает в Союз как снаряд, в отличие, например, от меня, имевшего уже 15-летний стаж литературной работы, которого принимали пять лет и приняли на пятом десятке.

На этом еврейская одиссея Куняева не кончается. Работая в журнале заведомо поэзии, кого он печатает? Сельвинского! Едет к нему на дачу, беседует, а, выйдя на улицу, садится на скамеечку и, как Эккерман за Гёте, как Маковицкий за Толстым, тщательно записывает беседу... Потом мчится аж во Псков к вдове Мандельштама, чтобы раздобыть стихи еще одного еврея, хоть и покойного. Одновременно заводит близкое знакомство, дружескую переписку с Давидом Самойловым, Александром Межировым... И после этого поворачивается язык сказать: «Кумирами Т. Глушковой в 1976 году были Сарнов, Урбан, Аннинский, Роднянская», т.е., мол, все евреи. Да оглянулся бы на себя-то. Нет, он на это неспособен...

В эту пору (1960—1965) печатаются воспоминания Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь». Сейчас Куняев пишет об этой книге: «Она определила в 60—70-е годы читательское понимание 20—30-х годов. И мне бесконечно жаль, что мы понимали эту эпоху «по Эренбургу», поскольку ни Шолохов, ни Леонов, ни Алексей Толстой не оставили мемуаров!» Вот ему бесконечно жаль, а сам строит заголовок своей Книги Жизни точно по эренбурговской трехсоставной схеме — «Поэзия. Судьба. Россия».

Увы, Куняев действительно понимал и понимает советскую действительность «по Эренбургу», и это неудивительно, если учесть, что свою жизнь он совершенно добровольно превратил в некое подобие еврейского гетто! Есть у него даже признание в том, что прежде чем «по-настоящему» прочитать Пушкина и Некрасова, он читал Багрицкого и Светлова. Непостижимо! Я о них в детстве и не слышал... А что значит прочитать Пушкина «по-настоящему»? Первое, в детстве и юности, прочтение его и есть самое настоящее. Что дает для понимания, допустим, стихотворения «Я помню чудное мгновенье» знакомство с обстоятельствами отношений Пушкина и Анны Керн? Абсолютно ничего.

О причудливости духовной жизни мемуариста «по Эренбургу» свидетельствует, например, его дневниковая запись 1991

года: «Дорогие мои коллеги из «Огонька», «Литературной газеты», «Московских новостей»!..» Уже одно это обращение очень выразительно. Ведь там тогда сидели певцы и пособники ельцинского режима Коротич, Бурлацкий, Карпинский... У меня никогда не повернулся бы язык назвать их «дорогими моими коллегами» даже в шутку, и, в отличие от Куняева, я ни у кого из них не печатался.

Но дальше: «Я-то, наивный человек, читая ваши размышления о том, что бедному еврейскому мальчику было в сталинские или брежневские времена получить высшее образование столь же трудно, как верблюду пролезть в игольное ушко, а потом столь же трудно устроиться на работу, одно время верил в то, что они были забиты и подвержены такой же дискриминации, как индейцы в XIX веке в США...»

Что значит «одно время» верил? Поскольку названы брежневские времена, то, выходит, верил этим басням и в 80-е годы, т.е. до пятидесяти с лишним лет. Уму непостижимо! Работал в редакции, где, по его же словам, были «все наши» и все с высшим образованием, — и вот своим глазам он не верил, а над их рассказами едва ли не рыдал... Представляю себе, как ошарашат Куняева некоторые цифры, что приводит Солженицын в своей последней книге (уж тут-то ему можно верить, это не безнаказанное вранье о русских). Так, в 1915 военном году (это при черте оседлости-то!) в Варшавский университет, эвакуированный в Ростов-на-Дону, было принято евреев на физико-математический факультет 54%, на медицинский — 56, на юридический — 81% (с. 505).

О Евтушенке, которому Лев Озеров будто бы помог издать первую книгу, Куняев пишет: «Ему бы благодарить услужливого старика-еврея, ан нет — до сих пор недоволен». Всего лишь недоволен! А сам как отблагодарил евреев, которые едва ли не всю жизнь помогали ему, поддерживали во всем — от крова над головой до приема в Союз писателей, до многолетнего покровительства?

Все они, кроме Межирова, умерли. И что же теперь говорит о них питомец? Теперь его многолетнее юдофильство (как у Цветаевой?) показало обратную сторону: он поносит своих благодетелей, забыв даже Максима Семеновича, который теперь у него Мордух Стихович, — отталкивающей внешности

красноносый хвастливый старикан, к тому же еще и принимавший у себя проституток. Но с чего это взял мемуарист, неизвестно. Разве в начале 60-х годов проституция в Москве была таким заурядным делом, как сейчас? Не путает ли автор эпохи? Почему не допустить более приличный вариант: да, была у него женщина, которая к нему приходила, и у них, как у многих, были известного рода отношения. При чем здесь проституция? Вот уж действительно каждый понимает жизнь в меру своей испорченности.

Когда Куняев заведовал отделом поэзии в «Знамени», и Сельвинский предложил журналу пять своих вещей подряд, главный редактор Кожевников говорил ему, что все нравится, но ничего не было напечатано. И когда, возможно, не знавший об этом молодой заведомо обратился к маститому поэту за стихами, то в письме тот высказал свою обиду. На его месте обиделся бы любой, но стихи он все-таки дал, и они были напечатаны. А теперь состарившийся заведомо пишет о том письме, начинавшемся, между прочим словами «Милый товарищ Куняев!»: «Каждая буква этого жалкого и глуповатого письма кричала о том, что не ценят великого поэта... В нем Сельвинский выглядит демагогом, глупым человеком, который уже не понимает, в какую эпоху он живет». И тут же: «еврейское высокомерие», «сапог». Русское высокомерие, особенно лауреатско-номенклатурное, не лучше... А мне заявил, что «Сельвинский предлагал графоманские вещи!» Вранье, притом сознательное, ибо из того письма (Куняев его, разумеется опубликовал, не соображая, что оно невольно разоблачает его) известно что это были патриотические драмы о русской истории: «От Полтавы до Гангута» и другие. И все они потом были напечатаны, поставлены на сцене, неоднократно переизданы. А если имеются в виду лишь стихи, то зачем же графоманские печатал? И при чем тут высокомерие, если известный автор выражает обиду на то, что отвергнуты, повторяю, пять его вещей подряд?.. Но вот что особенно интересно: что стоит за словами, будто старый поэт не понимал новую эпоху? Уж не то ли, что в журнал надо приходиться с выпивкой и хорошей закуской для главреда, как ныне заходят порой в «Наш современник», о чем поведал сам Куняев... А что касается «сапога», зачем же великий русский патриот брал рекомендации у высокомерного еврейского сапога? Чай, поступал не в сапожную мастерскую...

Так обстоит дело у Куняева с еврейским вопросом. А как с шовинизмом? М. Чванов пишет: «Я не сторонник тех, кто пытается примирить правых и левых и серо-буро-малиновых тоже, оправдывая себя сомнительным, как раз, может, шовинистическим лозунгом: все же мы русские люди, надо прощать друг друга». Что ж, по-моему, правильно. Но вот ведь что опасно пишет Куняев-то, высказав кое-какие критические соображения о Владими́ре Солоухине: «Не подумал бы только читатель, что я чуть ли не политический противник Солоухина. Мы оба — русские люди, и перед этим обстоятельством меркли все наши частные разногласия». И опять лицемерие! А разве Симонов не русский? Разве Глушкова — армянка? Разве Владимир Соколов — перс? Почему же не померкла вражда к ним даже после их смерти?.. Мы с Солоухиным однокашники по Литературному институту, приятели, но он стал антисоветчиком, и с тех пор мы оказались политическими противниками.

Покончив с мифами советской эпохи, М. Чванов оценил книгу: «Перед нами несомненное явление в русской литературе и общественной мысли». И самого автора: «Станислав Куняев литературно-общественное явление нашего времени». И тут же явление времени объясняется, например, так: «Куняев не поднялся до высоты Пушкина или Есенина (В скобках замечу, что ведь при всем при том и Есенин не поднялся до высоты Пушкина. — В.Б.), но даже сам факт, что он в свое время бесстрашно решился сказать в своих стихах о том, о чем большинство боялось говорить даже под одеялом, равен подвигу». Это подвиг № 1. Прекрасно. Но что же именно столь пододеяльное поэт бесстрашно сказал в стихах? Чванов не объясняет, примеров не приводит. Жаль. Но, к счастью, досадный пробел восполняет сам поэт. Как образцы, надо полагать, своей уж самой жуткой «крамольности и недопустимости» он приводит строки, которые, мол, если вырвать из контекста или крикнуть хотя бы ночью из-под одеяла-то — кранты! Вот они: «Мчатся кони НКВД...». Хорошо. Но что ж тут крамольного? Были войска НКВД, во время войны сформировано 15 дивизий НКВД, возможно, имелись там и кавалерийские части. И можно подумать, что дальше речь в стихах как раз о том, что такая часть мчится в атаку на врага.

Я один, как призрак коммунизма,
по пустынной площади брожу...

Тоже прекрасно. Только что тут недопустимого? Наоборот! Стихи написаны в 1964 году, Куняев не так давно вступил в партию, здесь описывает свое пребывание в Стокгольме, в городе, в котором бывал основатель партии Ленин. Вполне естественно, что в такой зарубежной ситуации молодой коммунист остро ощутил себя представителем коммунистической родины, вестником, «призраком коммунизма».

Наконец:

Церковь около обкома
приютилась незаконно...

Тут я и комментировать не хочу.

Вот и вся куняевская печатная «крамола», им самим объявленная в воспоминаниях. И не правильнее ли сказать, что в приведенных примерах он не крамольничал, а прилежно «обслуживал идеологию», от чего на словах решительно отрешивается?

М. Чванов продолжает: «А постоянно быть в ожидании быть срубленным, как его предшественники, — разве это не подвиг?» Подвиг № 2... Однако... О каких предшественниках тут речь? О Клюеве, Клычкове, Васильеве? Да, они были «срублены». Но дело-то уж очень давнее, 30-е годы. А Куняев начал литературную деятельность в 60-е. Кто из писательской братии в ту пору и позже был «срублен»? Ну, кое-кто, конечно, пострадал, отведдал лагерной баланды, был выслан или уехал сам: Андрей Синявский, Леонид Бородин, Владимир Максимов, Александр Зиновьев... Но у Куняева-то все было не так, как у них. Например, в 1965 году, когда, скажем, Синявский был арестован, Куняев отмечал пятую годовщину пребывания в КПСС и выход десятой по счету своей книжки; в 1967 году, когда, допустим, Бородин получил шесть лет лагерей строгого режима, Куняев отмечал выход пятнадцатой книжки и составлял коллективный юбилейный сборник, посвященный 50-летию Октябрьской революции и Советской власти; в 1974 году, когда Бородин радовался обретенной свободе, а исключенный из Союза писателей Максимов сушил сухари, собираясь на Запад, Куняев стал секретарем Союза писателей; в 1979 году, когда, лишенный всех званий и наград, Зиновьев вынужден был уехать в ФРГ и искал там способ выжить, а меня Баруздин и Оскоцкий вышиб-

ли из «Дружбы народов», Куняев отмечал в «Национале» выход своего «Избранного» и получение ордена «Знак Почета»; в 1983 году, когда Бородин вновь получил 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, а я уже пять лет не мог напечатать ни одной новой строки, Куняев обмывал в ЦДЛ выход двадцатой книги и орден Дружбы народов; в 1987 году, когда Бородин досрочно был освобожден, а меня вышибали, но не вышибли из партии, Куняев ликовавал по поводу выхода двухтомника «Избранного» и Государственной премии имени Горького; в 1989 году, когда прошел только год, как я начал снова печататься, коммунист Куняев стал главным редактором «Нашего современника» и надолго прекратил мое печатание там... Так обстоит с подвигами Куняева № 1 и 2. Подвиг № 3 — сами воспоминания.

Служебные пакеты от Куняева пошли косяком. Вот работа почте! А от его подъезда до моего — двадцать метров. И ведь каждый пакет — рублей десять казенных денег, но — широка душа русского патриота!.. В пакетах — письма читателей и его собственные «сопроводиловки». Зачем это? Я уже и так прочитал с полсотни читательских писем и кучу рецензий самого непровержимого свойства. В первой «сопроводилке» пишет: «Я больше не хочу печатать отзывы читателей (насытился, выходит, от пуза), но они все идут и идут. Если надо, пришлю еще». Мне совсем не надо, я тоже сыт по горло, и, затаившись, в ужасе молчу. А он все шлет... Видимо, рассчитывал массой бумаги заткнуть мне рот...

Одна дама, видимо, работающая в администрации области, извещает Куняева: «Экземпляр, предназначенный для нашего губернатора, передан ему лично. Он также благодарит Вас... Совершенно необходимо, чтоб Ваша книга была во всех библиотеках города, в вузовских и в центральных биб-ках всех 39 районов области... Ведь это учебник для любого честного человека, руководство к действию... Это надо в срочном порядке читать по всей России!.. Я подам губернатору докладную записку о необходимости приобретения книги... Вы — реальный лидер патриотических сил России, причем лидер, нигде не проигрывающий». Последнее замечание особенно глубокомысленно: именно нигде не проигрывающий, везде побеждающий, в том числе в драке с Аксеновым.

Другой из Москвы: «Станислав Юрьевич! Вы умный человек. Подумайте, как совершить еще один подвиг (видимо, в дополнение к трем, о которых писал М. Чванов. — *В.Б.*) во имя спасения родины».

Неожиданные строки встретились в письме одного сталинградца, тоже получившего книгу в подарок: «Большой прозы и тем более поэзии в «Нашем современнике» не было. Все ваши гении, великие, выдающиеся и замечательные похожи на кобылу деда Щукаря, купленную по сходной цене на базаре у цыгана. Вспомните, что стало с ее надутостью...»

Очень живописное письмо прислал из Архангельска старый знакомый мемуариста Федулов: «Ай да Куняев!.. Вот это автор! Всем по мордасам надавал, никого не пожалел: ни демократов, ни коммунистов, ни евреев... Вот это книга!.. Ай да Куняев! Ай да молодец!.. Вроде давно знакомы, а такого не ожидал...» Кто же он такой, этот старый куняевский дружок Федулов? О себе пишет: «Образование — ноль. В каждом слове у меня три ошибки. В голове — каша. Ни одной ясной мысли». И наконец, совсем просто о себе: «Я — мудила». Однако же смотрите, какая решительность суждений: «Чем отличается коммунизм от фашизма? Да ничем!..» А какая политическая осатанелость: «Коммунистов с фашистами — ненавижу». А Куняева обожает! Таков воспитанный им читатель...

И вот именно к этому письму мемуарист приклеил свою «сопроводилковку»: «Бушин! Сколько бы ты ни злобствовал, в жизни ты не получишь таких писем, как я». Ну, правильно, не получал и не получу. И опять он мне навязывает зависть...

Тут мы подошли к очень важному и интересному вопросу, поднятому в воспоминаниях С. Куняева. Он говорит о себе: «Известный поэт и энергичный независимый человек, «вольный охотник» и авантюрист», — кое-что схвачено метко. Дальше: «За все сорок лет творческой жизни я к власти не подлаживался, идеологию не обслуживал». Прекрасно. Но если такое величественное отношение к идеологии, то зачем же еще в юные годы в партию вступил и, говорят, даже аккуратно платил взносы, которые шли все-таки на обслуживание идеологии? Или вот, например, как упоминалось, был составителем сборника, посвященного 50-летию Октябрьской революции. Это не обслуживание идеологии? Нет, говорит, это чистая поэзия. Замечательно. А вот я обслуживал идеологию, точнее сказать, так

или иначе выражал и отстаивал советскую идеологию, которая есть и моя личная идеология. Что теперь со мной делать? Пока неизвестно...

Однако пойдем дальше: «Я всегда был свободен и независим как поэт. В отличие от многих я, сделавший ставку на независимость, старался никогда ничего ни у кого не просить. Понадобилась квартира — купил, появилась нужда в даче — приобрел... Я никогда не занимался переводами ради денег...» Замечательно. А я, грешник, всегда только ради них: не было бы нужды, занимался бы только своими литературными делами, а не переводами. «Мне, — продолжает мемуарист, — цензоры и редактора почти не мешали...» Ах, как красиво!.. И ведь подумать только, цензоры и редакторы мешали Радищеву и Новикову, Пушкину и Лермонтову, Толстому и Горькому, Маяковскому и Шолохову, Есенину и Булгакову... Да еще как мешали то, иным — вплоть до Петропавловки, Омского острога, Вилуйской каторги. Да и совсем недавно, — Виктор Петелин рассказывает, например, как из «Привычного дела» Василия Белова редакция выбросила два листа. А вот авантюристу Стасику — хоть бы что! Так тут не я один, а вся русская литература может ему позавидовать. Но это почему же не мешали? А потому, говорит, что в своих сочинениях я всегда владел «всею полнотою картины жизни», и ее, дескать, невозможно было уколупнуть. Интересно! А Пушкин и Лермонтов, а Толстой и Шолохов, а Шукшин и Белов, выходит, владели только кусочками картины, и их можно было колупать вволю. Интересно! А не есть ли такое объяснение — ловкий ход авантюриста? Не в том ли правда, что писал он всегда так, что это никого не задевало, и все шло как по маслу? Примеры этого приводились.

Читатель, видимо, уже понял, что куняевская демоническая «ставка на независимость» мне лично совсем не по плечу. Он, вишь ты, всю жизнь никого ни о чем не просил, никуда с просьбами не обращался, а я — много раз в разные инстанции с самыми разными просьбами. Так, умолял Союз писателей дать мне квартиру — не дали; постоянно обращался в Литфонд за путевками в Дома творчества — всегда получал; просил Иностранную комиссию СП о зарубежных командировках — два раза дали; просил В. Ганичева издать мою книгу в «Романгазете» — обещал, но прошло уже двенадцать лет; на протяжении 35 доперестроечных лет предлагал статьи и рецензии

«Правде», «Новому миру», «Вопросам литературы», «Знамени», «Москве», «Нашему современнику», «Северу», «Байкалу», «Неману», «Литературной Грузии» — напечатали две рецензии; за последние 10—15 лет просил издательства «Современник», «Воениздат», «Советская Россия» издать книги моих критических работ — не издали... И был период с 1979 года по 1987-й, когда редактора так мне «мешали», что за эти восемь лет — вся творческая жизнь Добролюбова! — я не смог напечатать ни одной новой строки.

И не только в этом уступаю Куняеву. А еще и в том, например, что если бы я был главным редактором и написал мемуары, то, конечно, не смог бы поместить там вот такие восторги: «Вещь Ваша — гимн»... «Документ огромной силы!»... «О Вашей книге можно говорить только в превосходной степени»... «Как само Откровение»... «Солнца стало больше»... «Переживаю просто бурю чувств»... «Без Вашей книги теперь не обойдется ни один историк литературы»... «Такое испытывал только, когда читал «Бесов» Достоевского»... «Ваш подвиг сродни подвигу американского адмирала Коллэхена»... «Гениально!.. Люблю тебя. Игорь Шкляревский»... «Статья написана блестяще... Я Вас люблю. Татьяна Глушкова» и т.п. Едва ли я вынес бы похвалы еще и такого рода: «Это подлинная художественная панорама литературной и общественной жизни России второй половины XX века... Пожалуй, после «Былого и дум» Герцена книги такого рода в нашей литературе не было». И это кто же превозносит сочинение Куняева до высот презируемого им Герцена, участвуя в небывалой рекламной кампании? Человек, который по своей должности обязан заботиться и о чести русских писателей, и о достоинстве русской литературы, — сам председатель Союза писателей России Валерий Ганичев.

Не смог бы я еще и сам живописать свои триумфы столь выразительно: «Закончив чтение, под бурные восторги слушателей я выпил и хотел было сесть, но увидел, что митрополит Алексей поднял бокал с шампанским и пригласил меня жестом подойти к нему... Поздравил меня со стихами, сказал какие-то одобрительные слова и даже пригубил, чокнувшись со мной, глоток шампанского... А у входа в монастырскую гостиницу стоял оживленный шум. Я увидел молодых иподьяконов, которые одобрительными знаками приглашали меня. Я вышел, и они чуть не на руках затащили меня в свою компанию.

— Станислав Юрьевич, читайте стихи!

После каждого стихотворения подвыпившие молодцы в двадцать луженых глоток пели мне «многая лета», да так, что крыша у дома чуть ли не приподнималась, а в главной горнице вздрагивали иконы...» Я думаю, что иконы вздрагивали от стыда и от страха за русскую литературу...

В воспоминаниях упомянуты известные слова Пушкина из письма Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Позволю себе воспользоваться как схемой этим признанием, наполнив ее другими словами: «Я далеко не восторгаюсь всем, что было в моей жизни, но клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы переменить свою трудную биографию на секретарско-номенклатурную и орденоносно-лауреатскую, — пусть моя жизнь останется такой, какой мне Бог ее дал».

В 1987 году Станислав Куняев, как уже говорилось, побывал в Австралии. Что это была за поездка, кто ее организовал, в каком качестве он ездил — не объясняет. Тайна. Трудно предположить, что австралийцы сами персонально пригласили поэта, поскольку обожали его не меньше, чем жители Калуги и Тулы, Иркутска и Душанбе, где издавались куняевские книги. Впрочем, рассказывает, что после одного литературного вечера в Мельбурне «был окружен толпой поклонников и поклонниц». Не просто людьми, которым интересно было посмотреть на советских русских и послушать их, а именно скоропостижными поклонниками и поклонницами. Кто еще из писателей был в поездке и, допустим, выступал на этом вечере, неизвестно. Ни о ком не упоминает, кроме своей жены и безымянных «солистов Большого театра», — что за солисты, какое он имел к ним отношение? Впрочем, это-то должно нас удивлять меньше всего, если вспомним, что автор двенадцать лет возглавляет журнал, а в двух томах мемуаров почти не упоминает никого из товарищей по работе, — всюду он, он и только он! Всюду его личные успехи и персональные победы. Так что, вполне возможно, что, кроме солистов Большого, были и другие писатели, но они просто недостойны его внимания.

Как бы то ни было, а Куняев с супругой побывали в Мельбурне, Сиднее, Аделаиде и встречались со многими русскими

людьми, по разным причинам оказавшимися в Австралии. Многие из них были настроены очень пророссийски и даже просоветски. Так, некто Иван Иванович Гуменюк, отсидевший десять лет в лагерях, рассказывал, что после освобождения приехал сюда к сестре, а она «оказалась такой антисоветчицей, что плюнул и подался на черные работы в рудники... Потом вернулся в город. Отношения с эмиграцией не сложились: и антисоветчики есть, и русофобы». А об одном литераторе-эмигранте сказал так: «Да он же антисоветчик! Вы слышали, как он заявил: «Ленинград? Такого города нет, есть Петроград!» Как отрадно!.. А ведь ныне даже в наших газетах, считающих себе коммунистическими, уже забыли и Ленинград и Сталинград. Недавно аж сам тов. Зюганов пылко приветствовал намерение коммунистов Сталинграда добиваться возвращения городу этого имени, а сам тут же, в этой же речи именуется городом Волгоградом. Они не сопротивляются даже там, где это им ничем не грозит и ничего не стоит... Но бедный Иван Иванович Гуменюк! Знал бы он, перед кем исповедуется, перед кем душу изливает... А другой собеседник бросил Куняеву такой афоризм: «Американцы так же, как и советские, крушить все любят». И что же советский поэт? Ничего, проморгал. А ведь мог бы ответить: «Да, русские любят крушить. Например, сокрушили фашизм»... В то же время была встреча и с таким эмигрантом, который «уже тогда писал стихи, проклинаящие Ельцина». Подумать только: черт знает где, на краю света безвестный человек уже раскусил предателя, а московский писатель, как помним, изображающий себя провидцем, увидел в приходе этого предателя к власти свою победу!..

Однако глава о путешествии в Австралию заканчивается очень правильным умозаключением: «Кровь русская будет течь до тех пор, пока «русские бояре» пытаются заставить народ поклониться теням Андрея Курбского, Андрея Власова и Андрея Сахарова». Очень великолепно! Однако, кто же эти «бояре»? А вот: Курбского превозносил в «Юности» тот самый «истинный, но малопопулярный поэт Олег Чухонцев, пишущий замечательные стихи», брат автографы у коего Куняев предлагал любителям поэзии: Власова нахваливал Солженицын, которого «Наш современник» сперва превознес до небес устами своих членов редколлегии и авторов, а потом целый год печатал; Андрея Сахарова защитил от критики на страницах журнала сам главный редактор в содружестве с ак. Шафаревичем... Умри, Денис, о «боярах» лучше не напишешь!

Летом 1990 года Куняев совершил поездку в США. О ней он рассказывает гораздо обстоятельней, даже с предысторией, что делает еще более загадочной поездку в Австралию.

Рассказ начинается так: «Приглашение это было необычным потому, что до сих пор в Америку и другие страны Европы Иностранная комиссия Союза писателей посылала, как правило, узкую группу одних и тех же писателей, выражавших интересы еврейско-либерального крыла русской литературы». Верно, верно, однако не совсем. Хотя бы потому, во-первых, что буквально за несколько месяцев до этого ездила в Канаду делегация Союза писателей в таком составе: Егор Исаев (глава делегации), Василий Белов, Ольга Фокина, Виктор Петелин и переводчик Александр Ващенко. Кто из них выражал интересы еврейско-либерального крыла — уж не Вася ли Белов? Во-вторых, на этот-то раз не Комиссия посылала, а приглашали сами американцы.

Дальше следует список русских писателей, которые «и мечтать не могли посмотреть мир. Они были настоящими невыездыми». Да, были такие. Но, с одной стороны, были и другие. Владимир Солоухин, например, при всех его фигах в кармане Советской власти, не раз был во Франции, Италии, США. Поездили и другие. Я лично ездил от Инокомиссии дважды. В ГДР — персонально, в ФРГ — в составе делегации. Да ведь и сам Куняев едва ли помнит все страны, где побывал. А с другой стороны, хотелось бы знать, обращались ли в Инокомиссию, допустим, названные в списке невыездыми Николай Тряпкин или Федор Сухов? Если бы автор представил их заявления с отрицательными резолюциями, как представил заявления евреев с положительными, тогда вопрос был бы предельно ясен. А так есть веские основания полагать, что люди десятилетиями сиднем сидели на завалинке, а теперь радетель справедливости, объехавший весь мир, гневно вопиет: «Невыездыми!» Да не по своей ли вине? А евреи энергичны, настойчивы, упрямы, как Станислав Куняев, — они и ездили, не ушами хлопали. Этому у них учиться надо, а не хныкать о «еврейском засилье». Розанов еще когда говорил: «Не в силе их натиска дело, а в том, что нет сопротивления им».

Мемуарист негодует: «Пушкину, чтобы написать «Маленькие трагедии», не нужно было писать заявление Николаю Первому, чтобы его за казенный счет послали в Испанию, Англию

и Францию, а вот они не могли, видите ли, создавать свою не-тленку, не побывав на берегах Гудзона, на Елисейских Полях, в Монте-Карло». Неверно все это!.. Да, с «Маленькими трагедиями» дело обошлось без «творческой командировки». А вот поэма «Цыганы» родилась именно из царской «командировочки» за казенный счет в Молдавию. Стихотворение «К морю» («Прощай, свободная стихия...») — из «командировочки» в Одессу. Поэма «Бахчисарайский фонтан», стихотворения «Калмычке», «Кавказ подо мною...», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш» написаны на Кавказе. И создание «Истории Пугачева» не обошлось без поездки в Оренбург и по другим «пугачевским местам». К слову сказать, на издание «Истории» тиражом в три тысячи экземпляров по указанию царя казна выделила Пушкину 20 тысяч рублей. Да, может быть, Пушкин и не писал «заявление Николаю», может, тот догадался сам, но как бы то ни было, казенный счет налицо. А уж надо ли говорить, как создавались «Путешествие в Арзрум» и «Путешествие из Москвы в Петербург»? Да ведь, наконец, многие и стихи, и главы воспоминаний самого Куняева есть результат не чего иного, а именно его заграничных вояжей, как платных, так и за казенный счет. Опять не видит он бревна в своем глазу, но других не щадит...

Автор назвал невыездным и Владимира Крупина. Да как же так? Достоверно известно хотя бы о том, что осенью 1990 года, когда Куняев после США поехал на родину Вольтера, Крупин побывал на родине Данте. Он участвовал там во встрече советских писателей с писателями-диссидентами, укатившими на Запад. Мемуарист пишет теперь, что «цель этой встречи была подлой: расколоть ряды патриотической интеллигенции, получить от нее одобрение на развал «империи», скомпрометировать известных всему народу писателей Астафьева, Залыгина, Солоухина, Крупина в глазах русских патриотов».

И что же, удалась подлая цель? Еще бы, коли вся эта четверка сломя головы помчалась на встречу. Как же! Их Европа приглашает. Вот и нагрянула Дунька в Европу. А Куняев этих мелких старых тщеславцев изображает обманутыми детишками, которым вместо конфетки всучили в красивой обертке бяку: «К сожалению, ни один из них не разгадал подлый замысел, и все они попались в коварную ловушку, когда вместе с такими русофобами, как Иосиф Бродский, Анатолий Стреляный, Эрнст Неизвестный, Григорий Бакланов, Владимир Буковский, под-

писали позорное «Римское обращение»... Я не знаю, кто тут русофоб, но твердо можно сказать: никакой ловушки, никакого коварства не было, а просто поманили пальчиком — и те примчались: «Подписать? Это можно...» Как Солженицын, когда его опер вербовал в сексоты. Но у него есть хоть та отговорка, что дело было в лагере. А у этих?

Куняев вдруг опомнился: «Я должен быть справедлив и потому свидетельствую, что точнее всех нас смысл зловещего римского фарса разгадала Татьяна Михайловна Глушкова». Да что тут было разгадывать, когда перед глазами стояла отчетливо ясная подлость: писатели заживо хоронили свою родину. Заслуга Глушковой здесь не в том, что разгадала, а в том, что все молчали, а она поднялась на трибуну VII съезда писателей России и сказала: «Меня покорило «Римское обращение», которое подписали четыре известных русских писателя — Астафьев, Залыгин, Крупин, Солоухин... Это обращение демонстрирует такое отношение к нашей стране, которое до сих пор было свойственно только ее врагам, только клеветникам и злопыхателям России...» «Заканчивается существование одной из величайших империй в истории человечества», — пишут наши российские «римляне».

Нетвердо помнят они эту «историю человечества». Ибо как можно назвать нашу страну империей. Империя предполагает господство одной из наций, объединенных в империю. Чье же имперское господство они подразумевают? Конечно же, русское! Так и только так понимается это на Западе и среди наших сепаратистов... И да будет стыдно тем, кто клеветает на русский народ!»

Было ли им стыдно? Едва ли. Во всяком случае Залыгин и Солоухин умерли вскоре не от стыда, и Астафьева паралич разбил не от этого... А из всех четырех мемуарист обрушился сейчас как раз только на Астафьева, «приближенного к власти корыстного старика», хотя ему-то и можно было оказать снисхождение: все-таки он единственный из них на войне был, ранен...

Таково было как бы предисловие к рассказу о поездке в США. А дальше так: «Американцы, видимо, решив всерьез поглядеть, что из себя представляет «патриотическая элита», пригласили группу известных писателей, публицистов и редакторов на целый месяц в Америку». Что за американцы? Да, конечно же, прежде всего ЦРУ через подставные организации и лица.

Об этой поездке Куняев рассказывает довольно подробно. Начинает с ее формирования. Кто этим занимался? «Помимо Союза писателей, принимали участие работники посольства США. С одним из них, Фишером, я постоянно встречался у Вадима Кожинова. Фишер все время консультировался с моим другом, кого пригласить».

О роли Союза писателей дальше ни слова, и есть все основания полагать, что практически формированием делегации занимался именно Кожинов. И кого же наш патриот насоветовал американцам? Всего восемь человек. Ну, переводчицу Татьяну Ретивову как представительницу «патриотической элиты» можно не считать, а семь элитариев таковы: во-первых, критик Олег Михайлов, прозаики Виктор Лихоносков, Святослав Рыбас и Павел Горелов. Всех четверых Куняев называет монархистами. О Михайлове присовокупляет: «При наших встречах он с удовольствием артистически юродствовал:

— Я, братец, только что из дома творчества. Помыл спинку Мише Алексееву, на очереди Юрий Бондарев, за ним Ваня Стаднюк.

Так он говорил о своих статьях и даже монографиях о творчестве этих писателей». Следовало бы уточнить, что это были скучные статьи и угоднические монографии о литературном начальстве. Чего стоит хотя бы его книга о Бондареве!..

Есть приписка и о Горелове, только что принятом в Союз писателей: «талантливый молодой человек, в недавнем прошлом боксер, которого за выправку и статью я звал юнкером». Конечно, иметь боксера при поездке в страну гангстеров весьма желательно, но еще-то что за ним? Сейчас юнкера-боксера вы можете часто лицезреть по телевидению в деликатных беседах с антисоветчиком Лужковым. Кто еще? Разумеется, сам Станислав Куняев, а также прозаик Леонид Бородин и критик Светлана Селиванова, сотрудница «Литгазеты». Двое первых — истовые антисоветчики. Бородин даже два срока отсидел в лагере. Однажды, как рассказывает мемуарист, на беседе за «круглым столом» в редакции журнала «Москва», который Бородин в 1992 году возглавил, «каждый по-своему стал размышлять о том, что борьба с советской цивилизацией неизбежно должна была повлечь за собой разрушение России.

— Так неужели я зря два срока отсидел? — вспыхнул вдруг Леонид Иванович.

Кажется, и тогда никто и Куняев теперь не сказали ему: «Не только зря, Леонид Иванович, но и мало».

Итак, из семи человек шесть антисоветчиков, ибо монархисты, конечно же, как говорится, таковы по определению. А насколько все они известны и элитарны, судите сами. Вот такую делегацию сформировал патриот Кожинов, чтобы она представила в США советскую литературу. Как известно, в любой делегации бывает глава. Судя по всему, тут главой назначили именно Куняева хотя бы как единственного среди всех главного редактора толстого журнала, лауреата Горьковской премии, не говоря уж о партбилете с аккуратно уплаченными взносами. Однако он, умалчивая о своей роли, выставляет на первый план Михайлова как главную фигуру. Дает такие, например, образцы его витийства на встречах с эмигрантами: «Господа! Мы создаем общество «Россия» по связям с подлинно русскими людьми зарубежья. Мы предполагаем осенью созвать Всемирный Собор, куда хотим пригласить всех русских людей, включая великого князя Владимира Кирилловича. С нами Бог, господа!» Странно, что не добавил: «С нами Христос, дамы!» Видимо, это магнитофонная запись. Или вот еще: «Он заливался, как соловей, на наших встречах и пресс-конференциях, то сообщая, что советская власть вот-вот рухнет, то, к восторгу высшего слоя американских русских, заявлял: «Главным дьяволом был не еврей, а Ленин»».

И автор подчеркивает, что в насквозь еврейской газете «Новое русское слово» (кстати сказать, упоминавшиеся позорные воспоминания Бунина о Горьком и Маяковском появились именно там) репортаж на шести страницах о их вечере в каком-то очередном Центре был озаглавлен «именно этой михайловской сакраментальной фразой о Ленине». Что значит «сакраментальной»? *Sacramentalis* — священный. Обратите внимание и на попытку представить нам каркающую ворону поющим соловьем.

Автор вроде бы кое-что кумекал: «Американцам надо было узнать наши убеждения, поглядеть, способны ли мы на всяческого рода компромиссы и уступки, изучить весь (!) спектр наших патриотических убеждений — от монархических до коммунистических (?). Словом, как я понимаю, уже тогда (!) в Америке складывался план грядущего разрушения Советского Союза, который начал осуществляться в августе 1991 года, и

американскому истеблишменту вкупе со спецслужбами надо было уяснить, кто в какой степени будет им противостоять, есть ли за нами общественные и политические силы и надо ли с нами считаться!»!

Да, кое-что соображал. Но, во-первых, о каком же «всем спектре» патриотических убеждений вплоть до коммунистических можно говорить, если Кожин не включил в делегацию ни единого коммуниста, а только одного партбилетчика? Во-вторых, план разрушения нашей страны не тогда «начал складываться», а сложился уже давно. Сам же мемуарист начинает книгу с известного плана Даллеса, относящегося к 1946 году. И осуществляться он начал не с 1991 года, а с прихода к власти в 1985 году Горбачева. Наконец, американцам надо было уяснить не только то, кто будет им противостоять, но, в соответствии с планом Даллеса, кто будет и содействовать. И они получили от этой делегации вдохновляющие данные.

Да и как могло быть иначе, если о морально-политическом багаже, с которым бригада Куняева явилась в США, он сам пишет: «Мы были готовы к тому, чтобы воспринимать Октябрьскую революцию во многом как антирусскую... Наши взгляды на антирусскую сущность государства и власти в ленинскую эпоху почти совпадали, что позволяло нам искренне и откровенно вести вольные беседы и радоваться друг другу...» Он и до сих пор не устает радовать американских русских: недавно заявил в «Советской России», что Октябрьская революция была еврейской, на что его собеседник В. Кожемяко не возразил. Все тот же сдвиг по фазе...

А тогда гости начали радовать хозяев сразу и старались не упустить ни одной возможности. Так, американская пресса встретила гостей градом лжи и оскорблений. И что же глава предпринял в ответ? А он не нашел ничего лучше, как на первой же пресс-конференции «связвил», говорит, — уподобил эту грязную прессу нашему ТАССу. В чей же адрес «связвил»? Да еще по этому же адресу бросил вздорную выдумку, будто «ТАССовские материалы обязаны были печатать все газеты от центральных до районных». Вот, мол, какой был зверский режим. А чего стоит, видимо, тоже высказанная там публично уверенность, что «голливудские мифы о «дружбе черных и белых» похлеще наших «Кубанских казаков». Похлеще!.. Такая же, дескать, это показуха, вранье, бездарная разлюли-малина.

У демократов-антисоветчиков существует определенный «джентльменский набор» антисоветских штампов — советской поры имена, книги, фильмы, факты, даже отдельные цитаты, слова, над которыми они глумятся особенно сладострастно. О некоторых речь уже шла: наше неучастие в Женевской конвенции как причина истребления фашистами советских пленных; десятки, сотни тысяч жертв строительства Беломорканала; «разрушим до основания»... Но немало и других. Например, Ленин и Сталин, Чапаев и Павлик Морозов, «Песня о буревестнике» и «Как закалялась сталь», советская школа, «кровавая коллективизация», фронтовой клич «За Родину! За Сталина!» и, конечно же, от 95 (И. Хакамада) до 110 миллионов (А. Солженицын) ни в чем не повинных жертв коммунистического террора и т.д.

Есть у демократов «набор» и противоположного смысла: Пастернак, Мандельштам, Бродский, эпитафия «Мы живем, под собою не чуя страны», «Архипелаг ГУЛАГ» и т.д. Тут у них полагаются одни восторги. Так, Немцов и Явлинский периодически попеременно взывают по телевидению ко всему народу: «Читайте Солженицына!!!»

Так вот, Куняев многое из этого штампованного набора усвоил самым органичным образом: издевательство над Лениным и Сталиным, «до основания», ненависть к Горькому, «Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гете», глумление над Павликом Морозовым, «кровавая коллективизация», горы жертв Беломорканала и т.д. 16 сентября даже Солженицын признал по телевидению, что советская школа была выше американской. А наш герой? «Школьные учебники уродовали мой вкус...» Да при чем тут школа? От любой школы каждый получает столько, сколько сумеет взять. Я знаю людей, окончивших, допустим, Литературный институт или филологический факультет МГУ, но так и не усвоивших даже простейшие правила литературного письма, не понимающих, например, даже того, что на письмах следует ставить дату, а воспроизводя живую речь, нелепо писать с прописной буквы — Вы, Вам, Вами... Если у Куняева вкус изуродован, виновата не школа, а, скорее всего, то, что он в десять лет одолел все четыре тома «Войны и мира» вперемешку с двухтомником Багрицкого (ГИХЛ, 1938)...

И не только усвоил он демократические антисоветские штампы. Порой даже вырывается вперед, отстаивает первенство в антисоветчине и личное, и своих любимых поэтов. Так,

в связи с широко известной, но вполне бездарной эпиграммой Мандельштама на Сталина «Мы живем под собою не чуя страны» он пишет: «Мандельштам прочитал стихи о кремлевском горце в узкой дружеской компании, пришедшей в ужас от дерзости поэта. А даже раньше русские поэты Сергей Клычков, Николай Клюев, Петр Орешин, Василий Наседкин на всех углах поливали последними словами вождя народов. Клюев в разных домах читал совершенно антисоветский цикл «Разруха» и «Погорельщину». Павел Васильев написал убийственную оскорбительную эпиграмму на Джугашвили и, не таясь, читал ее где угодно. Так что русские поэты в начале тридцатых годов вели себя куда более вызывающе и дерзко, нежели Осип Эмилевич».

И нет предела гордости этим русского патриота Куняева, гневно отрицающего, что он антисоветчик. Но нельзя не спросить: люди оголтело, нагло «на всех углах» и «во всех домах» да еще коллективно занимались антисоветской агитацией «последними словами», — что же удивляться, что они загремели.

Вот и брезгливо-высокомерную насмешку демократов над фильмом Ивана Пырьева «Кубанские казаки» Куняев подхватил. Воспитанный на диссидентщине он не способен понять, что это прекрасный, насквозь русский фильм советской эпохе о радости жизни, о верности, о красоте родной земли, о любви к ней. Он красивый, лиричный, веселый. А какие там артисты — Лукьянов! Лучко! Ладынина! Какие прекрасные песни Дунаевского они поют на слова гениального Исаковского! И там именно народ впервые увидел ансамбль «Березка». С трудом достав билеты, мы попали на этот фильм первый раз с другом юности Володей Белошицким (царство ему небесное!) в кино-театре «Ударник». Этот фильм был так нужен в 1950 году, и скольким из нас поднял он дух в то трудное время. И подходить к нему надо не с теми мерками, с какими подходим, например, к «Станционному зрителю» Пушкина или «Бедным людям» Достоевского, а как подходим к искрометным «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Гоголя... И в нынешнюю-то пору, когда все экраны страны залиты американским кинодерьмом, возвышенный поэт презрительно поносит в своем журнале и в своей книге истинный шедевр отечественного кино! Да ведь одного этого факта достаточно, чтобы понять и его вкус, и его патриотизм, и его человеческую значимость.

Но кого же именно радовала кожиновская бригада в поездке по городам Америки? Прежде всего, конечно, ЦРУ: «Мы, ничтоже сумняшеся, уже заявляли, что с Прибалтикой, видимо, придется расстаться, что Закавказье — тяжелая гиря на ногах России...» И это еще в 1990 году! Все по плану Даллеса... Шибко радовали они и русских антисоветчиков Америки: «Мы порой желали понравиться им, забывая многое и умалчивая о многом, о чем не должны были молчать. Но так хотелось почувствовать себя одним народом с ними! Так не хотелось омрачать их радость и огорчать наших гостеприимных собеседников!» И тем самым провоцировали такие ответные речи вовсе не соотечественников, а лишь соплеменников: «Мы жили в разных мирах, мы знали, как страдал, как был уничтожен, угнетен наш русский народ, но не могли помочь ему... Русский народ просыпается...»

И картина этого просыпания: «Нами и нашими хозяевами произносились потоки восторженных, искренних и сентиментальных слов, признаний во взаимной любви, клятв о том, что мы будем вместе возрождать грядущую Россию (под водительством Ельцина, как мы знаем. — *В.Б.*)... Все эти речи сдабривались рукопожатиями, объятиями, улыбками, стопками смирновской водки, грудями пельменей... И все это повторялось в Русских центрах, в частных особняках, в номерах наших гостиниц, куда нас провожали жаждущие продолжить эйфорию общения... Эта эйфория была сродни той, которую испытывала русская либеральная интеллигенция во время «бархатной» Февральской революции, приветствуя свободу и демократию». Однако опять напомню: это 1990 год, никакой «революции» еще не было. Кожинская компашка бежала по Америке «вперед паровоза прогресса» и во главе с Куняевым, который, как рассказывает, бегал многие километры еще и «по зеленым лужайкам Белого дома»...

И вся эта водочно-пельменная антисоветская эйфория продолжалась до конца поездки, несмотря на то, что они получали от разумных русских эмигрантов немало записок и писем, полных негодования их провокаторским поведением. Например: «Дорогие писатели! Не приуменьшайте благородства русских людей на Родине. Мы слышали, что вы за сепаратизм, т.е. за отделение Украины и Беларуси. Этого не может быть, развейте этот навет!» Но как мы видели, это был вовсе не навет. Или:

«Почему русские поддерживают Ельцина, который за расчленение страны? Почему русские кричат «Свободу Литве!». Неужели русские заинтересованы в распаде Великой России?..» Или: «Меня убивает настроение русских в Вашей стране — обожают США. Не за что! Убийства, аморальность, читать нечего, смотреть — тоже, цензура страшная...»

В чем же дело? Ведь приехали образованные люди, писатели, иным из них было под шестьдесят, а некоторым и того больше. Куняев оправдывается так: «Мы тогда еще не прочитали книги Солоневича «Великая фальшивка Февраля»». Вот она — самая характерная черта этих картонных патриотов: все представления о жизни, о живой реальности у них из книг. Тут одна книга. А вот и другая: «Мы несли этот умозрительный бред, — вдруг теперь прорвалось у путешественника, — почерпнутый в основном из брошюры Солженицына «Как нам обустроить Россию»». Так же и Кожин впадал в лютое диссидентство после бесед с Бахтиным и вопреки всему, что было перед его глазами.

Но вот что дальше после плача о книге Солоневича: «Мы еще не задумались о том, что многие из тех, с кем мы обнимаемся и обмениваемся тостами, бывшие солдаты и офицеры владимирской армии, мы еще не подозревали, что рано или поздно они потребуют от нас проклясть Победу в Великой Отечественной, отречься от крови, пролитой нашими отцами, и склонить голову перед лживым мифом о том, что Советский Союз победил Германию только потому, что Сталин забросал телами солдат жерла немецких орудий...» В шестьдесят лет они не задумывались, не подозревали! Господи, да есть ли предел короткоумию и безответственности этих пельменных патриотов и лампадных неофитов...

А что касается перечисленных требований власовцев к ним, то ведь в этом и нужды-то не было: патриоты спешили упредить эти требования. Вот Михайлов в доме какого-то русского богача сам безо всяких требований и даже просьб «с талантом (!) и вдохновением (!) стал своим красивым (!) баритонным исполнять советские песни о Сталине». Он пел, фиглярствуя и глумясь над ними. Какие песни? «В бой за Родину, в бой за Сталина», «Артиллеристы, Сталин дал приказ», «От края до края». И что же? Куняев тут все понимает: «Это было не просто веселым хулиганством. Бывшие власовцы и старики из первой

эмиграции встретили его артистическое кощунство с восторгом и бурными аплодисментами... Они почувствовали в этот момент свою историческую правоту в противостоянии «Совдепии коммунистов», Сталину... Да, да, ему. Имя, которое несколько десятков лет повергало их души в мистический ужас, ныне на их глазах высмеивалось не кем-нибудь, а представителями той державы, с которой они вели борьбу не на жизнь, а на смерть. «Наше дело правое», — можно было прочитать на их старческих вдохновенных лицах». Задумайтесь: как на наших молодых лицах в июне сорок первого...

Михайлов был, конечно же, представителем не державы, а этой компашки, сформированной Кожинным и Фишером, этого ублюдочного патриотизма. Все они были вместе, и как раз тут-то и мог пригодиться боксер, но никто из них не только не подошел и не заткнул вороне горло, но и не перебил, не помешал довести концерт до конца. Пожалуй, вместе с власовцами и аплодировали. Ведь сказано же не «представитель державы», а «представители». Да совершенно ясно, что глава делегации и сам не мог наглядеться на ворону и послушаться ее. Ведь какие слова у него срываются с языка: талант... вдохновение... красивый баритон... артистичность... Словно не сбрендивший пошляк фиглярствовал в угоду предателям родины, а Дмитрий Хворостовский пел арию князя Игоря...

В главе есть подзаголовок: «Олег Михайлов как зеркало советской горбачевщины». То есть автор вроде бы осуждает «зеркало». Но одновременно так изощряется, чтобы сие «зеркало» приукрасить: «Олег Николаевич не был фанатичным крамольником, скорее, главным свойством его талантливой природы было то, что выражено в народной пословице: «Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца». Вот он и заливался, как соловей... Пожилой бонвиван, седовласый, хмельной и, наверное, потому трогательный и артистичный...» В прошлом году, прочитав какую-то мою статью, этот уже не пожилой, а старый бонвиван позвонил мне и, пьяно всхлипывая, лепетал, что готов идти на баррикады защищать Советскую власть. Кинулся по первому снегу за грибами. Или лучше сказать, потеряв голову, захныкал о волосах...

После возвращения в Москву путешественник получил большое письмо от старой американской украинки Надежды Ковтуненко. Она писала: «Была на собрании в Нью-Йорке, где

все вы выступали. Многие были разочарованы. Оказывается, вы не прочь, чтобы Советская страна была расчленена. Удивляюсь, как могут об этом даже думать российские патриоты. Сколько крови пролили наши предки, собирая отечество, оставляя его от врагов. А теперь вы сами хотите развала... До Горбачева русское советское общество было морально здоровым. Не было проституции, наркомании. Ученики в школах были замечательные. А молодежь! Я же помню те времена. Горбачев помог Западу развратить общество...

В некоторых ваших выступлениях идеализировалась монархия. Живя в России до войны, я симпатизировала монархии. Но в Штатах много прочитала о ней и пришла к выводу, что революции не быть не могло. Почему были побеждены белые в Гражданскую войну? Потому что народ не хотел монархии. А вы ее сейчас захотели... Кто-то из вашей делегации сказал: «Историю народа не писали после 1917 года». Неправда! Я училась на историческом факультете и свидетельствую — в общих чертах история преподавалась правильно... Я хочу, чтобы была Великая Россия».

Мемуарист обильно цитирует переписку со многими читателями. Этому посвящена целая глава да еще письма разбросаны по всей книге. Сколько места отвел, например, переписке с каким-то Вассерманом! Но что он ответил на письмо русской патриотки Ковтуненко и ответил ли вообще, неизвестно. А что стал делать после всех американских впечатлений, после таких вот писем, как это? Продолжал печатать Солженицына, клеветать на Ленина, поносить Горького и Маяковского...

А в августе 1991 года в Москве проходил Всемирный русский конгресс, видимо, тот самый, который в США обещал Михайлов. В эти дни как раз и произошел ельцинский переворот. Запахло жареным. И вот, что-то сообразив, Куняев и его дружок Владимир Бондаренко кинулись искать помощи. У кого? У делегатов этого конгресса, расположившихся в гостинице «Россия». Почему? Да как же! Ведь это были «старики из первой эмиграции и их дети, власовцы и энтээсовцы, о судьбах которых не раз писал Бондаренко, а главное, многие из них были читателями, поклонниками и даже авторами «Нашего современника» и газеты «День». И вот два друга решили спасти родину с помощью власовцев и всей этой публики, своих читателей и почитателей. Дальше градус идиотизма подсакивает еще выше: «Мы пола-

гали, что, симпатизируя нашим изданиям, любя творчество Распутина, Белова, Солоухина, Шафаревича, Бородина, эти люди помогут нам связаться с газетами, журналами и радиостанциями Запада, чтобы рассказать о первых русофобских шагах нового режима...» Господи, какая беспросветная оторванность от реальности, какая убогая книжность! Они искали помощи не только у власовцев, но еще и у западной прессы, в целом у Запада, во многом руками которого этот «новый режим» и был установлен. Они намерены были спасти родину с помощью читательской конференции. Сейчас Куняев восклицает о себе и своем друге: «Наивные люди!» Нет, любезный, наивность в шестьдесят лет столь же маловероятна, как девственность. Особенно — среди тертых литературных калачей.

Как и следовало ожидать, от своих читателей и почитателей, а именно от лидера антисоветского НТС Романа Редлиха два патриотических Аякса или, лучше сказать, мини-Минин и микро-Пожарский получили ясный ответ: «Поздно вы, патриоты, спохватились! Надо было раньше возглавить восстание против коммунистов!» Он точно понял, что к нему приперлись антисоветчики.

Казалось бы, на этом можно было успокоиться. Но нет! Ведь они горели страстью спасти родину, и мини-микро помчались дальше, стали искать... Кого бы вы думали? Еще одного участника конгресса — Александра Киселева, духовника власовской армии. «Слушая наши негодующие и сбивчивые речи, — рассказывает мини-Минин, — отец Александр молчал, тербил бороду, опускал глаза. На прощанье сказал: «Оставьте надежду на Запад... Да храни вас Господь!» — и осенил нас крестным знаменем». Так и живут эти патриотические микро-организмы, осененные дланью власовца. И если бы после этого Киселева они помчались за помощью к другому Киселеву, к известному всем Евгению, то никто бы не удивился. Таков их патриотизм....

Уже после того, как все это было написано, я с удивлением узнал, что в делегации был еще один человек, о котором мемуарист не упомянул ни словом, — покойный писатель Эрнст Сафонов, тогда — главный редактор «Литературной России». Мало того, он-то, как мне сказали, и возглавлял делегацию, и во время всей поездки Эрнст Иванович глубоко возмущался поведением иных коллег, горячо протестовал против их провокатор-

ских антисоветских заявлений. Потому-то Куняев и нарисовал картину, в которой не нашлось места для Сафонова, который к тому же один из всех уже и умер. Что может возразить могила?

Очень странно, что во всем обширном рассказе о поездке в США автор ни словом не упомянул предшественников — русских писателей, побывавших в этой стране раньше. А ведь их немало, и все фигуры-то крупные. В 1893 году — Владимир Короленко, в 1906-м — Максим Горький, в 1922-м — Сергей Есенин, в 1926-м — Владимир Маяковский, в 1935-м — Илья Ильф и Евгений Петров... Уже один этот перечень — неплохая иллюстрация в «железному занавесу», по поводу которого опять же вместе с Немцовым и Новодворской так негодует наш Куняев. Но сейчас важно обратить внимание на другое: все русские писатели, побывавшие в Америке, написали об этом очерки, повести, стихи, пьесы, и при этом, как до революции, так и после, в главном все они были очень единодушны — в осуждении американского деячества, бездуховности, культа доллара, жестокости. Короленко писал об этом в повести «Без языка». А в одном из писем оттуда признавался: «Только здесь чувствуешь всем сердцем и сознаешь умом, что наш народ, темный и несвободный, все-таки лучший по натуре из всех народов! Это не фраза славянофила. Нам недостает свободы, и мы ее достойны». Горький написал широко известный памфлет «Город Желтого Дьявола», Есенин — очерк «Железный Миргород», где уверял: «Лучше всего, что я видел в мире, все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней... При всей культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу». В. Маяковский — цикл стихов «Мое открытие Америки», суть которого такова:

Я б Америку закрыл, слегка почистил,
А потом опять открыл — вторично.

В одном из писем, которыми Куняев заваливал меня в эти дни, он продолжал, как и раньше, в припадке антисоветской падучей поносить Илью Эренбурга и Константина Симонова. Так вот, эти писатели, объявленные в воспоминаниях преступниками, в 1946 году тоже предприняли поездку в США и Канаду. Тоже много выступали на вечерах, проводили пресс-конференции, отвечали на вопросы. Только не было водочно-пельменной

эйфории, слюнявых целований и пьяных клятв в вечной дружбе. Было нечто совсем другое.

После одного выступления писателей окружили участники встречи и стали просить автографы. Один был особенно настойчив. Эренбург дал ему автограф. «Напишите что-нибудь еще!» — потребовал он. Эренбург написал. «Мало! Напишите еще, — настаивал тот, — я во время войны внес в фонд помощи России двадцать пять долларов. Так что имею право». — «Ах, двадцать пять? — переспросил Эренбург, доставая бумажник. — Вот вам пятьдесят, только чтобы я больше не слышал о вашей помощи!»... Кто из куняевской компашки был способен на подобный жест?..

Симонов на митинге в Сан-Франциско сказал: «За три недели в Америке мне уже несколько раз приходилось выступать на митингах; но мне всегда хочется говорить о трех вещах: во-первых, о необходимости дружбы между нашими народами, во-вторых, о необходимости дружбы между нашими народами, в-третьих, о необходимости дружбы между нашими народами». Но это не помешало оратору сказать и о журналистах, «не понимающих, что такое ответственность за свои слова. В России есть поговорка: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь... А сколько этих непойманных грубых, несправедливых, жестоких слов о России по милости журналистов летают теперь по миру!..

Что пишут о России иные журналисты, побывавшие там месяц или три? Пишут, что большинство русских семей в Москве живут в одной комнате. Правда ли это? Да, правда. Пишут, что люди в России плохо одеты. Правда ли это? Да, правда. Пишут, что в иных деревнях землю пахут на коровах, и целые семьи живут в землянках. Правда ли это? Да, правда... Да, это так, это горькая правда! И на то, что журналисты пишут об этом, мы не можем ни обижаться, ни сердиться... Но ответьте мне, почему в этих книгах и статьях я слишком часто читаю непонятное для нормального человека злорадство? Чему вы радуетесь, господа? Тому, что семьи теснятся в одной комнате, потому что половина России сожжена немцами? Вы этому радуетесь? Почему вы радуетесь, что дети ходят в рваных пальто? Потому что мы не были так богаты, чтобы делать сразу и новые пальто и новые пушки?

Почему вы радуетесь, что у женщин заплаканные глаза и в деревне редко увидишь мужчин, потому что эти мужчины пали на окровавленных улицах всех городов от Сталинграда до Берлина? Почему вы радуетесь, спрашиваю я вас?! Если б американский народ постигли такие бедствия, какие постигли наш народ, мы бы не радовались, мы бы плакали вместе с вами... Мои дорогие друзья! У каждого народа есть сердце. И каждый народ болезненно чувствует, когда его задевают за сердце. Так не позволяйте это делать никому, несмотря на вашу свободу печати, потому что сердце легко ранить, но трудно вылечить»...

Как видим, все это было очень далеко от пельменно-смирновской эйфории. А вернувшись в Москву, Симонов написал знаменитое стихотворение «Митинг в Канаде»:

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда
В знак объявления нам войны.
Я вышел и увидел их,
Их в трех рядах, их в двух шагах,
Их — злобных, сытых, молодых,
В плащах, со жвачками в зубах...
И я не вижу лиц друзей,
Хотя они, наверно, есть,
Хотя они, наверно, здесь.
Но их ряды там, где темней...
Но пусть хоть их глаза горят,
Чтоб я их видел, как маяк!
За третьим рядом полный мрак.
В лицо мне курит первый ряд.
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь.
Ее начало — как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь:
— Россия! Сталин! Сталинград!

Три первые ряда молчат.
Но где-то сзади легкий шум,
И прежде чем пришло на ум,
Через молчащие ряды,
Вдруг как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «ура!»...
Уж за полночь, и далеко,
А митинг все еще идет,
И зал встает, и зал поет,
И в зале дышится легко.
А первых три ряда молчат,
Молчат, чтоб не было беды,
Молчат, набравши в рот воды,
Молчат — четвертый час подряд!..

А был тогда Симонов в два раза моложе путешественника из «Нашего современника». Вот какие писатели жили на русской земле в советское время, вот кого нынешние номенклатурные лауреаты называют преступниками. А с теми, что сидели в первых трех рядах, эти патриоты нашли бы общий язык...

«Патриот», июль — ноябрь 2001

ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ ПЕРЕМЕН

(Г. Зюганов)

19 декабря 2001 года в Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер Александра Проханова в связи с выходом его нового романа «Господин Гексоген». Я был приглашен принять в нем участие и с благодарностью согласился, а потом даже обдумал и свое выступление. Но незадолго до назначенного дня я решил, что не пойду на вечер. Дело в том, что перечень приглашенных, публиковавшийся в «Завтра», все увеличивался за счет совершенно незнакомых мне имен.

А сказать хотел вот о чем. Среди приглашенных был Г.А. Зюганов. Он пришел, произнес прекрасную речь и даже сфотографировался со всеми приглашенными, кто явился. И я, извинившись, что буду говорить не по теме (но когда дождешься еще такого случая!), обратился бы к нему, а не к Александру...

Геннадий Андреевич, вы упустили возможность вовремя достойно уйти! Не хватило мудрости. И довели дело до того, что даже «Советская Россия» печатает письмо неизвестного читателя В. Завьялова из Липецка, который пишет: «Как бы хорошо лидер КПРФ ни объяснял современную ситуацию в стране, он для молодежи прошедший день». Я думаю, что не только для молодежи, и день тут не прошедший, а уже давно прошедший.

Вы много поработали, добившись воссоздания компартии. И большое спасибо за это. Все видят вашу боль за положение народа и страны. И за это спасибо. Но вы — политик старой формации и за все эти долгие годы почти не изменились, не вняли урокам жизни, хотя сами и призывали к этому, даже одна из книг ваших названа «Уроки жизни».

Прежде всего, вы, подобно прежним нашим партийным лидерам, склонны выдавать желаемое, совершенно оторванное от жизни, за действительное. Как радужно изображаете, например, положение с оппозиционной прессой: «У нас 360 газет!» и т.д. Господи, какие это газеты... Ведь все они вместе — полтиража «Московского комсомольца». А каков уровень большинства из них! Мне частенько присылают эти газетки. «Боевые

листки» на фронте были лучше... А вот совсем из другой области. 9 мая 1994 года в выступлении на Лубянской площади вы уверенно заявили: «Через год пятидесятилетие Победы мы будем праздновать в свободной России!» Прошло семь лет. Где она, свободная?.. А ведь такое сотрясение атмосферы отталкивает людей от КПРФ и от вас лично.

Вы плохо разбираетесь в людях, не любите или не умеете с ними работать. И потому, с одной стороны, опять-таки выдавая желаемое за действительное, нередко поддерживаете фигуры, мягко выражаясь, совершенно этого не заслуживающие. Беспартийный карьерист Ковалев, которого по списку КПРФ вы протасили в Думу, а он наплевал на вас, схватил портфель министра юстиции, сунул туда мочалку и пошел с милашками в баню, — на вашей совести. Руцкой, на котором пробы ставить негде, но вы, отстранив коммуниста Михайлова, сделали его губернатором, — на вашей совести. Самовлюбленный говорун Подберезкин, очаровавший вас своей провинциальной ученостью, — на вашей совести. Этот список можно продолжить. А с другой стороны, вы постарались вытеснить на обочину много политиков — честных, смелых, деятельных: Алксниса, Анпилова, Бабурина, Умалатову... А где Юрий Иванов, боевой, решительный, напористый мужик? Как он однажды в телепередаче отделал Гайдара! И как точно предсказал, что ему уже не быть в Думе! Но почему теперь и самого Иванова там нет? Да, это люди не простые, но это же наши и с ними надо повозиться, но вы предпочли просто отсечь их. А они умеют делать то, на что вы с Купцовым никогда не решитесь.

А скольким талантливым авторам при вашем глухом молчании был закрыт доступ в популярные газеты оппозиции! Кое-кто из них задел и вас лично, но вспомните, какие обидные вещи Горький писал о большевиках и лично о Ленине в своих «Несвоевременных мыслях». Однако Ленин, настоящий вождь и большой человек, смог переступить через обиду и самолюбие, нашел общий язык с Горьким, а вы переступить через самолюбие неспособны, ибо при внешней будто бы простоте и открытости крайне честолюбивы.

Вы ни за кого не вступились и не вступитесь, никогда не пойдете на обострение отношений с главным редактором той или иной газеты, который — это в нынешнее-то время! — разбрасывается авторами, вы ничего от него не потребуете, вам

достаточно того, что он из номера в номер печатает ваши статьи и портреты (иной раз в одном номере до трех сразу). Да о чем говорить, если однажды вы гордо заявили: «Я со школьных лет ни с кем не испортил отношения». И это — признание лидера партии, которая уверяет, что возьмет власть в стране! Нашли чем хвастаться в такое время... Я уж не говорю о том, что это неправда: вы испортили отношения со множеством людей, которых не поддержали, не защитили, отринули. И тут выдаете желаемое за действительное!

И при этом вы позволяете себе смотреть свысока на вытесненных вами на обочину, иронизируете по поводу их «потенциала», который, мол, не сравним с вашим докторским. Но вот вам конкретные примеры их правоты и ваших провалов. В свое время вы решили выбросить знаменитый девиз «Коммунистического манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И кроме своего окружения, вызвали этим восторг разве что одной Натальи Морозовой, которая в своей газете «Верность» писала, что это, дескать, по-ленински мудро, что политический лозунг надо выдвигать и снимать в соответствии с обстановкой, и сам Ленин в течение одного года три раза то выдвигал, то снимал лозунг «Вся власть Советам!». Ленин-то был прав, но Н. Морозова, знающая наизусть все 55 томов собрания его сочинений, не понимает, что «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» это не политический лозунг, а девиз бытия, постулат жизни, принцип борьбы, подобный тому, как у Пушкина — «Да здравствует солнце, да скроется тьма!», или у Горького — «Человек — это звучит гордо!», или у Маяковского — «Светить — и никаких гвоздей!». Этот девиз призывает к единению всех обездоленных и униженных, а не только пролетариев. Такие девизы не стареют. Вы хоть бы задумались, почему не только Ленин, но и Сталин спустя сто лет после «Манифеста» не отказался от этого девиза. И не имеющий докторского звания Анпилов, нутром чувствуя нетленность этих слов, не снял их с первой полосы своей «Молнии» и не отказался от них в своей политической практике. Недавно, Геннадий Андреевич, вы вернули этот девиз в заголовок «Правды» и в партийный обиход. Очень хорошо. Ошибки надо исправлять. Но было бы еще лучше, если бы вы при этом признали свою ошибку и правоту Анпилова и других товарищей. Увы, признавать свои ошибки, как это делали Ленин и Сталин, вы не приучены.

А тут еще с видом первопроходца выдвинули идею создания оппозиционного телевидения. Прекрасно! Но ведь эту идею давно выдвинул и начал практически осуществлять тот же Виктор Анпилов. Собрал 600 тысяч рублей. И это только с помощью «Молнии», имеющей тираж 10—15 тысяч. А если бы его поддержали 300-тысячная «Советская Россия» и 100-тысячная «Правда»? Но этого не произошло, и виновны тут, прежде всего, вы лично. Так хоть сейчас признали бы: зачинатель тут — Анпилов, он был прав, а я, к сожалению, оказался близорук. Нет же! А ведь давно уже отменен даже постулат о непогрешимости папы.

В 1995 году С. Умалатова сумела организовать изготовление замечательных медалей в честь пятидесятилетия нашей Победы над германским фашизмом. Что могло быть благороднее и достойнее для патриотов и что — огорчительней, досадней для гнусной ельцинской власти с ее лицемерной и фальшивой побрякушкой! Так надо было изо всех сил, всеми возможными средствами поддержать и это благородное патриотическое дело. Но вы палец о палец не ударили! Потому что это придумано и сделано не вами, потому что вы ревниво относитесь ко всякому конкретному живому делу других, на что не способны сами. А ведь такие именно конкретные дела запоминаются людям, поднимают дух. Оппозицию же, которой вы руководите, компартию народ не видит, потому что практически они сведены к парламентской фракции, фракция — к вашей личности, а личность — к бесконечному словоговорению.

А вспомните, как старательно вы твердили: «Россия исчерпала лимит на революции!» На кого вы работали? Эта охранительная идея в устах лидера компартии, как ничто другое, была выгодна ельцинскому режиму. А потом, как безо всяких объяснений объявлена, так без объяснений была и убрана из всех деклараций. Кто измерит вред, который эта идейка нанесла освободительному движению? Ведь твердили-то вы ее в пору самого активного и широкого народного движения против ельцинизма, когда на улицы Москвы выходило до 200 тысяч. Я уж не говорю о вашем телевизионном призыве к народу 3 октября 1993 года «сохранять спокойствие». Кто вас надоумил? До сих пор неизвестно...

Вы много пишете статей, книг, выступаете, даете пресс-конференции, делаете многочисленные заявления... Все это не-

обходимо, но должно дополняться, подкрепляться конкретными делами, живыми поступками, реальными акциями. А у вас нет к этому ни желания, ни вкуса, ни умения. Зато хоть отбавляй оторванного от жизни прожектерства. Чего стоит хотя бы провозглашенный вами почин: «Построим новый крейсер «Курск» на народные средства!» Геннадий Андреевич, вы что, с неба свалились? Какие у народа средства? Где вы их видели? Слава богу, очень скоро этот почин «спустили на тормозах», но опять же — безо всякого признания его несуразности.

Между тем жизнь ежедневно дает множество поводов для таких выступлений и дел, которые поддержали бы не только коммунисты, но и все разумные люди и даже антикоммунисты, тем более что иные из этих дел и затрат никаких не требуют. Вот несколько таких примеров пусть и частного, но наглядного характера.

Все наши города, начиная с Москвы и Ленинграда, заляпаны рекламой на иностранных языках. Да ведь против этого надо было с самого начала устраивать демонстрации, вести кампанию в газетах. А вы? Я однажды выступил по этому вопросу в «Правде». Никто не поддержал... Недавно был большой юбилей Пушкина. Так надо было в данной конкретной ситуации не о величии поэта разводить рацеи, а провести демонстрацию под лозунгом очищения площади его имени от гнусной иностранщины. На такую демонстрацию вышла бы вся Москва, и это подняло бы авторитет компартии, но ни вам, ни вашим советникам, ни вашим «аналитическим центрам» это и в голову не пришло.

Или вот время от времени просыпаются ветераны, пенсионеры и начинают требовать возврата подлинного имени Сталинграду. Был такой всплеск совсем недавно, и вы его поддержали в своей статье, но тут же, в этой же статье сами называете великий город Волгоградом. А о Ленинграде никто даже не упоминается. Вы на словах прославляете Ленина, называете себя ленинцем, а на деле предали его имя. Но ведь можно не уповать на будущее, а уже сейчас делать кое-что реальное. Разве нельзя в порядке партийной дисциплины, если они сами не понимают, потребовать от главных редакторов хотя бы только «Правды» и «Советской России» изгнать со страниц своих газет и Санкт-Петербург и Волгоград. Это же не требует никаких денег и абсолютно ничем никому не грозит, но вы спите даже тут. И, ко-

нечно, ваш сон способствует забвению в народе подлинных гордых имен городов-героев. Неужели не видите, как смешно и жалко, когда, например, в «Советской России» появляется статья ленинградского корреспондента С. Иванова, громящая Собчака, а под статьей «Санкт-Петербург», то есть автор и газета, предав имя Ленина, следуют по пути, указанному Собчаком. Вы же знаете, как он протащил этот «Санкт»: вопрос был сформулирован до того ловко, что многие думали, будто голосуют за Ленинград, а оказалось — наоборот. Ведь этот «Санкт» мог родиться только в тощем провинциальном мозгу Собчака. Загляните в книги самых петербургских писателей — Пушкина, Гоголя, Ахматовой, — нет у них никакого Санкта. И знаменитый роман Андрея Белого — просто «Петербург». Анна Ахматова, когда при ней заводили разговор о переименовании Ленинграда, была решительно против, и довод у нее был неотразимый: свои самые героические и самые страшные дни город прожил с этим именем, оно и должно остаться навсегда. Этот «Санкт» употреблялся раз в сто лет в рескриптах царей да в сугубо официальных бумагах. У меня обильная переписка, и когда я шлю письмо или книгу в Ленинград или Сталинград, то так на конверте и пишу, и все прекрасно доходит. Однажды я рассказал об этом в «Правде». Собеседники были изумлены: как! Они и мысли не допускают, что это возможно. А в Париже, например, после смерти де Голля власти попытались переименовать площадь Этуаль (Звезда), ту самую, о которой писал Маяковский: «Здесь даже площадь и та Этуаль, а звезды так сплошь этуали». О, какой шорох устроили парижане при всем уважении к покойному. Сошлись на компромиссе: Этуаль-де Голль.

А что сделали с нашими конвертами! И в советское время, и до революции, и лет триста тому назад русские люди пользовались конвертами известного образца и адреса надписывали очень разумно и логично — так, как письмо реально шло: область-город-улица-дом-адресат, а потом — адрес отправителя, который, впрочем, можно было и не писать. Но вот явился министр связи холуй Булгак и, дабы угодить хакамадско-немцовскому племени и его покровителям, ввел совершенно непривычные для нас продолговатые, как на Западе, конверты, которые и надписывать теперь надо по дурацкому и нелепому западному образцу, то есть шиворот-навыворот: сначала — от кого и откуда, потом — кому и куда, причем и там и тут — сперва имя,

потом улица, город и т.д. Во всяком письме, в любом почтовом отправлении самое главное — адрес назначения, а кто и откуда послал — дело второстепенное, а то и вовсе ненужное, так у нас и было, но теперь это второстепенное дело выставили на первое место. Неужели не понимаете, Геннадий Андреевич, что тем самым украли у нас кусочек нашего национального быта, образа жизни, менталитета? Помните, как писал даже малолетний Ванька Жуков? «На деревню дедушке Константину Макаровичу». А теперь нам говорят; не смей писать, как Ванька! Пишите, как Джон и Давид: «Константину Макаровичу, дедушке, на деревню...» Я поступаю так: там, где всегда мы писали, пишу только адрес получения. Разве должна была молчать по поводу этого насилия над нашим повседневным образом жизни коммунистическая и оппозиционная печать? Но она и не заметила этого насилия.

Патриотизм должен пропитывать все поры человека с ног до головы, его сердцебиение и дыхание, а у них он сидит только на кончике языка. Попробовали бы учинить такое насилие в той же Франции или Англии, там граждане всех партий и беспартийные разнесли бы по камушку министерство связи.

Глухота КПРФ к реальному, конкретному, живому патриотизму и к наступлению на патриотические позиции вполне объяснима, ведь в ее президиуме, высшем руководящем органе, нет ни одного человека моложе шестидесяти лет, ни одного рабочего или крестьянина, ни одной женщины, а сплошь — доктор, профессора да академики лет под семьдесят. О чем такие люди могут думать после полудня? Как бы побыстрее добраться до дивана и телевизора... Особый вопрос — ваше заискивание перед церковниками. Тут вы доходите до таких утверждений: «Даже мы, коммунисты, не подвергались таким бешеным атакам, каким сейчас подвергается Православие». Что вы конкретно имеете в виду? И мертвых и живых коммунистов, в частности, и вас лично бешено атакуют по любому поводу едва ли не в каждой телепередаче, едва ли не в каждой статье и книге демократов. А кто атаковал, допустим, патриарха? Ну, правда, перед Новым годом Евгений Киселев заявил, что патриарх принял участие в торговой рекламе компании кухонной посуды ЦЕПТЕР, а потом газеты указали источник: рекламный «Вестник» этой компании № 2 за 2001 год, на страницах которого первосвященник будто бы заявил: «Компания ЦЕПТЕР являет

нам пример философии красоты и здоровья». Но это же единственный случай. А что еще?.. Впрочем, я обстоятельно писал о комзаискивании перед церковью в ответе на большую статью «КПРФ и религия» члена ЦК В. Зоркальцева в «Правде». Никто не против сотрудничества с церковью по определенным вопросам, оно даже необходимо, но заискивать-то, лакействовать, теряя свое лицо, — зачем?

Уже не за горами новые президентские выборы, Геннадий Андреевич, неужели вы с Явлинским и Жириновским будете баллотироваться третий раз? В истории бывали случаи, когда кандидат добивался успеха при второй попытке (например, Никсон), но после двух провалов уже крайне редко кто выдвигался в третий раз, понимая, что на нем стоит печать неудачи. Вы, и Явлинский — во многом политические антиподы, отстаиваете совершенно противоположные идеи, но существует же закон восприятия, и по нему за эти долгие годы вы оба почти в одинаковой степени утомили избирателя, утратили его интерес, он хочет новизны. Вы скажете: «А вот Сталин тридцать лет...» Да, тридцать с лишним, но гениальный Сталин понимал указанный закон восприятия и редко появлялся перед народом, не мельтешил, да и телевидения тогда не было. А главное, он ставил перед народом задачи, и они решались, при нем страна постоянно двигалась вперед, были повседневные отрадные перемены, а у вас пятнадцать лет умного говорения и пустого топтания на месте. Тем более что очень уж странно было ваше поведение при неудачах: вы первым делом спешили поздравить соперника с победой, а потом заводили бесконечные нудные разговоры о фальсификации выборов, причем не было случая, чтобы кто-нибудь был за это наказан. Уж что-нибудь одно: или не спешите поздравлять, или молчите о фальсификации. Как, moreover, и в других вопросах. Например, вы называете власть «антинародным режимом», а себя в то же время — «самым законопослушным человеком в стране». Да как же это возможно? Как лидер оппозиционной партии может покорно «слушаться» такого режима?

Исходя из сказанного, не целесообразней ли будет вам сосредоточиться на работе в Думе, где вы уже обрели немалый опыт, а лидером партии, как и кандидатом от оппозиции в президенты, выдвинуть других? Насчет лидера партии ничего сказать не могу, а вот кандидатом в президенты я бы выдвинул Гла-

зьева. Почему? Прежде всего, он — человек честный и решительный, единственный, кто в августе 1993 года вышел из правительства Черномырдина из-за несогласия с его живодерской политикой. Кроме того, Глазьев умен, образован, интеллигентен. Он не будет во время выборной кампании плясать, помахивая над головой батистовым платочком, и не станет похваляться, что в его деревне петух поет на три области, и не напялит тельняшку, не сядет в истребитель, не будет похваляться своим горнолыжным мастерством, но он привлечет сердца. К тому же ему всего сорок лет, как Молотову, когда тот стал главой правительства, и у него приятная внешность, что тоже не последнее дело. Наконец, у него хорошо развито чувство юмора, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что свои письма Чубайсу после разрыва с ним он озаглавливал так: «Кандидату экономических наук А.Б. Чубайсу от доктора экономических наук С.Ю. Глазьева». А как здорово и моментально в одной из последних телепередач он ответил на стенания Хакамады о том, что, мол, у нее расстреляли отца: «Ваш настоящий отец жив. Это Чубайс!» А без чувства юмора возглавлять Россию трудно.

Конечно, можно обсудить и другие кандидатуры, например Жореса Алферова, если он согласится. О нем можно сказать все то, что я сказал о Глазьеве, кроме возраста: Жорес Иванович на тридцать лет старше. Но зато как здорово: президент — известный в мире ученый, коммунист, нобелевский лауреат: Тогда бы Глазьева — главой правительства. Надеюсь, и сам Геннадий Андреевич принял бы активное участие в агитации за эти кандидатуры.

Словом, думать надо. Время не ждет!

«Патриот», № 2—3, январь, 2002

ОБ УРОКАХ

(КПРФ)

Признаюсь, порадовался, когда тов. Зюганов недавно заверил нас, что КПРФ извлекла уроки из ошибок своих предшественников. Очень хорошо и даже прекрасно! Уроки надо извлекать не только из ошибок, а из всего опыта, в том числе положительного, и не только из опыта предшественников, но и современников, и не только из опыта единомышленников, но и противников. Увы, не все понимают это. Вот два вроде бы микроскопических примера.

В том же номере «Правды» напечатана корреспонденция из одного из областных центров о спортивном соревновании в области. Автор иронизирует по поводу освещения на телевидении его заключительной части: «В тягостном раздумье с микрофонами в руках застыли ведущие программы. Как представить зрителям тех, кто вручает призы от КПРФ? В итоге секретаря обкома КПРФ назвали «ветераном спортивного движения», а секретаря обкома комсомола — «представителем молодежи города». Автор негодует: «Вот так выглядит демократия по-смоленски».

Кто автор корреспонденции? Оказывается, сам секретарь обкома КПРФ. Судя по содержанию корреспонденции, и он, и секретарь обкома комсомола никак не воспротивились своему переименованию ведущими программы, безропотно и молча проглотили его, не поперхнулись. А теперь секретарь обкома в обиде: почему президент нас не защитил?! А сами-то вы, тов. секретарь, мужик или кто? Что вам самому-то мешало при вручении приза, сказать, что да, я ветеран спортивного движения, но приз — от имени обкома, и я вручаю его как секретарь обкома. Что мешало подобным образом поступить и лихому комсомольцу? Какие же вы, к чертовой бабушке, борцы, если не решаетесь на вполне деликатное сопротивление, не смаете настоять на своем даже в такой простейшей, чисто словесной ситуации! Как коммунист, уж тем более как секретарь обкома, вы обязаны были знать, что вас непременно ждет какой-нибудь

подвох, и быть готовым к этому. Где вы были эти пятнадцать лет, чем занимались? Извлекали уроки из ошибок предшественников? Разве можно представить себе, чтобы, скажем, секретарь Ленинградского обкома Киров промолчал, если его в похожем случае представили бы как «ветерана спортивного движения». А Николай Островский проглотил бы, если его назвали бы представителем молодых инвалидов? И ведь вы, тов. секретарь, вероятно, полагаете, что, напечатав заметку, достойно исполнили свой партийный долг. Как же-с, отреагировал...

Второй поразительный пример беспомощного негодования несколько раньше дала нам «Советская Россия». Материал, кстати, тоже спортивный и вроде бы тоже пустяковый. Автор столь же гневно негодует по поводу того, что Грызлов и его «Единая Россия» каким-то образом ухитрилась использовать прекрасную победу наших футболистов над ирландской командой (4:1!) в своих партийно-пропагандистских целях. Молодец Грызлов! Нашел, придумал, изыскал способ. А руководители и активисты КПРФ у телевизоров млели. Им никому и в голову не пришло, что спортивный матч можно использовать в своих пропагандистских целях. А ведь можно, да еще как! Например, можно было на каждую трибуну послать хотя бы человек по пять коммунистов, комсомольцев или просто боевых ребят с красными флагами. И они при каждом успехе нашей команды вскакивали бы и размахивали советскими флагами. Ведь так просто, и никаких затрат, и все законно... А как бы этому порадовались миллионы советских людей. Вспомните, какой восторг демонстрантов в День Победы вызвал красный флаг, водруженный одним смельчаком над станцией метро «Дзержинская». Но весьма примечательно и то, что никто из многотысячной демонстрации не кинулся защитить смельчака от милиции...

Да, все это просто и доступно. Но ничего подобного и в мыслях нет у наших лидеров. Там только программы, речи, коммюнике, заявления, опровержения, поздравления и т.п. Все это, конечно, необходимо, даже если труды уже давно никто не читает и не слушает. Но их надо дополнять живыми конкретными, наглядными вопросами, которые волнуют весь народ, все слои общества и всем понятны. Например, надо было в свое время провести демонстрацию протеста против собачаковского переименования Ленинграда. Да не одну: и сразу, как только стало известно об этом намерении, и накануне голосования в

городе, и в день голосования. А что коммунисты? Наши газеты напечатали множество убедительных, горячих, острых статей против переименования, но как только Собчаку удалось повернуть это дельце, коммунисты тотчас и заткнулись, и лапки кверху. Ну почему коммунисты XXI века такие стеснительные!

А ведь это капитуляция. И, к слову сказать, капитуляция очень многолика. Вот одна из сотрудниц «Правды» выражает великое изумление тем, что в Англии в результате какого-то опроса выяснилось отрицательное отношение очень многих англичан к королевской семье. Журналистка в шоке: как можно? как это объяснить? какой позор! Что случилось с заслуженной большевичкой? Да просто насмотрелась и наслушалась она нашего телевидения, а оно вот уже много лет на брюхе ползает перед разного рода и уровня титулованными особами: королями, князьями, графьями как отечественного, так и заграничного производства. И это подавило большевичку...

Другой автор «Правды», показав, какой шельмец Караулов, заключает: «На Западе ему никто руки не подал бы». В результате такой же телеобработки этот автор пришел к убеждению, что Запад — земной рай и обитают там одни лишь беспорочные души небывалого благородства и нравственной чистоты.

Но больше всего меня удивил 5 сентября этого года автор «Правды», противопоставив военные взгляды Ворошилова и Тухачевского (здесь мы не будем в них углубляться), подвел читателя к такому выводу, что, мол, взгляды «потомственного дворянина», разумеется, опровергли взгляды «слесаря с домашним образованием». Какое высокомерное чистоплюйство! И это в пролетарской «Правде»... Автору и редакторам газеты следовало бы знать, что все выдающиеся военачальники Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, начиная с Верховного Главнокомандующего и его заместителя, были отнюдь не потомственными дворянами, а детьми крестьян, рабочих и других тружеников — сапожников (Сталин), скорняков (Жуков), приходских священников (Василевский), паровозных машинистов (Рокоссовский), сельских учителей и т.п. Словом, они были, как говорится, из «кухаркиных детей» А им противостояли на поле боя почти сплошь «фоны», т.е. именно те самые, «потомственные», столь любезные правдинскому автору. Чем завершилось противоборство «кухаркиных детей» и «фонов», надеемся, автору все же известно...

Вот еще животрепещущий факт: Черномырдин вздумал, а потом и отдал французам царские долги — 400 млн. долларов. Если в вопросе о Ленинграде, пожалуй, уже могло возникнуть разногласие, то уж тут-то все как один вышли бы на демонстрацию по призыву коммунистов, ибо все знают, что один доллар это 30 рублей, а 400 млн. это 12 миллиардов рублей. И с какой стати нам отдавать такую пропасть денег этим французам, за которых мы проливали кровь и в Первую мировую войну, и во Вторую, а они в промежутке между этими войнами вместе с англичанами, американцами и японцами учинили кровавую интервенцию против молодой Советской России. По данным Советского правительства 1922 года, материально интервенция нанесла нашей стране ущерб в 50 млрд. золотых рублей. На демонстрацию можно было бы выйти с лозунгом «Миллиардер Черномырдин! Верни родине наворованное, а сам шпарь во Францию!» Или: «Витюша? Буш назвал тебя кровососом России. Что ж молчишь?»

А взять подлый факт изгнания из наших паспортов национальной принадлежности! Уж тут на демонстрации вышли бы люди во всех городах, селах и деревнях, — вышел бы весь народ. Кроме, конечно, 0,69 известных процентов. Но мы и тут прошляпили! А ведь какая была редкостная возможность воочию показать, что президент выполняет волю не 145-миллионного народа, а именно этих 0,69 сотых долей его одного процента.

Прошляпили и тот, теперь уже давний момент, когда Москву, Ленинград и другие города торговое племя стало уродовать гнусной рекламой и вывесками на иностранных языках. Ведь это тоже общенациональное бедствие, против которого можно и нужно было поднять весь народ. Во что они превратили даже самые дорогие нам улицы и площади!

Давным-давно я писал об этом в «Правде». Никто не подхватил, не поддержал. Но представьте себе, что московский памятник Пушкину вдруг ожил... Что увидели бы глаза нашего великого национального поэта! «Samsung»... «Pepsi»... «Macdonalds»... Он побежал бы по улицам города в поисках неоскверненного уголка и долго метался, но всюду было одно и то же. На Чистых прудах Пушкин увидел бы памятник своего тезки Грибоедова. Тот сошел бы тоже с пьедестала и, обняв великого друга, сказал словами своего героя:

Бегу. Не оглянусь. Иду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Карету мне! Карету!

Пушкин остановил бы его:

— Нет, Александр Сергеевич, это не дело. Уголка во всей России не осталось. Пошли лучше набьем морду кому следует.

— Кому же именно?

— Как кому? Тем, кто ежедневно бьет себя в грудь: «Мы — русские патриоты!» — и ничего не сделал для сохранения русского духа русской столицы. Прежде всего — городничему. Потом — верховному правителю...

— Нет, Александр Сергеевич, — ответил Грибоедов. — Вы — поэт, вас за это, в крайнем случае, опять сошлют в Михайловское к Арине Родионовне. А я — дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол в Персии. Мне заниматься мордобоем не полагается. Я лучше вызову их на дуэль.

— Прекрасно! Но только после того, как я сделаю свое дело.

— Вашу руку, гений!

И они пошли. Сперва на Тверскую, в знакомый дом № 13, построенный М.Ф. Казаковым в 1782 году, еще до их рождения...

«Патриот», № 43, октябрь 2003

ЛЮДИ ВЧЕРАШНИХ СТРАСТЕЙ

(КПРФ)

Моя статья «Время требует перемен» («Патриот», № 2—3 за 2002 год) вызвала отклики читателей и прессы, а позже в Думе и в КПРФ произошли печальные события, имеющие прямое отношение к статье. Это требует возвращения к теме. Главным у меня было предложение, высказанное после ряда доводов в форме вопроса: не целесообразно ли товарищу Зюганову сосредоточиться на работе в Думе в качестве главы коммунистической фракции, а лидером партии, как и кандидатом от оппозиции в президенты выдвинуть других? Действительно, ведь человек занимает четыре главных поста в лагере оппозиции. Могут сказать: «А Сталин во время войны занимал пять постов: Верховный Главнокомандующий, председатель Ставки, глава правительства, нарком обороны и Генеральный секретарь ЦК. И дело шло неплохо». Правильно. Но то Сталин с его великими талантами, безграничным авторитетом и мощным отлаженным аппаратом, к кому же — война. А тут? Какой аппарат у Зюганова, не говоря о всем прочем? И надо же думать о воспитании руководящих кадров, а не заедать чужой век. Не исключая других вариантов, я назвал для обсуждения предположительные кандидатуры: Сергей Глазьев, Жорес Алферов...

Одним из первых в ответ на статью пришло письмо беспартийного «простого рабочего» Н.Я. Пелячика, моего давнего читателя из Георгиевска Ставропольского края. Кое-что в статье он одобряет, а что-то отвергает. По его словам, если бы я выступил со своими соображениями устно на собрании, то было бы «большое полезное дело всему левопатриотическому движению, а напечатав все это в газете, нужно еще разобраться, чего от статьи больше — вреда или пользы?». Словом, старый-престарый страх: не надо выносить сор из избы...

И это не первое письмо «простого рабочего», проникнутое таким чувством. Еще в декабре 1998 года он писал мне, что иные мои публикации «выжимают слезы», а потом вот что: «Но Ваша статья «Не жидитесь, патриоты» в «Правде» № 133 не-

приятно удивила. Не увидев Вашей фамилии, я б и не поверил, что это Ваша статья». Вот ведь как! В чем же дело? «Теперь, когда так нужно сплочение рядов патриотической оппозиции, Вы почему-то решили поиронизировать в ее адрес». Даже поиронизировать, пошутить и посмеяться нельзя, ибо это, видите ли, «отнюдь не способствует сплочению рядов». Вот, говорит, например, «Жанну Касьяненко не надо бы так... Тем более не нужно бы Вам трогать Геннадия Андреевича». Почему? А потому, что «ему и так хватает».

Я тогда ответил т. Пелячику: «Что касается Вашего недовольства тем, что я покритиковал некоторые фигуры из оппозиции, то прямо должен сказать, что вот такая философия и довела страну до края пропасти. Ведь у оппозиции есть и ошибки, и хватает там пустозвонов. Одни свихнулись, например, на поповщине. Тот же Зюганов уверял, заискивая перед церковниками, что вот, мол, когда немцы нагрянули под Москву, Сталин собрал «всех священников» и спрашивает их: «Что будем делать?» Больше у него забот не было, как с попами лясы точить в те роковые дни, когда решалась судьба родины. А Касьяненко так прониклась небесной благодатью, что уверяла на страницах «Советской России»: наши церкви — это, мол, такое средоточие святости, что во время войны от их мудро устроенных округло-покатых куполов немецкие бомбы так и отскакивали, как от стенки горох, не причиняя церквям ни малейшего вреда. И читая такую чушь, надо молчать только потому, что это чушь своих? Над такой блажью и посмеяться запрещается?»

А что страшного, добавлю теперь, случилось с той же Касьяненко после моей усмешки — перестала писать? переметнулась с лагерь реакции? По-моему, наоборот, критика пошла ей на пользу: во всяком случае, религиозных экстатических нелепостей я у нее больше не встречал. А тов. Пелячик ответил только теперь, через четыре года и, увы, его взгляд на сор в избе не изменился...

Недавно в редакции ленинградской газеты «Русь Православная» встретились за «круглым столом» видные представители православной общественности. Обсуждали вопросы: нужен ли ныне Поместный собор, и если нужен, то как его собрать. В ходе обсуждения главный редактор газеты К. Душенов, сторонник собора, высказал примечательную мысль, имеющую прямое отношение к только что упомянутому принципу: «Гово-

рят, что Поместный собор нельзя собрать из-за того, что на нем возможна резкая полемика и даже открытые конфликты. Позволительно спросить: а что, если соборяне спорят между собой, и даже очень резко, это ставит под сомнение законность и благодатность такого собора? Ничуть! Вспомните Вселенские соборы — там порой доходило до рукоприкладства, и тем не менее, Церковь безоговорочно признает все их решения как боговдохновенные!

Поэтому мне представляется глубоко порочным аргумент, что нельзя, мол, созывать Поместный собор, потому что на нем будет «свалка». То, что на соборе происходит столкновение мнений, ни в коей мере не является признаком, что он какой-то «неправильный». Более того, здоровая братская дискуссия, когда она не выходит за пределы приличия, есть явное свидетельство своевременности собора, его духовной свободы, здравого течения церковной жизни». И возражений среди участников «круглого стола» эта мысль не вызвала.

Как видим, иным коммунистам и патриотам впору, задрав штаны, бежать за иными религиозными деятелями. В самом деле, а что, если коммунисты спорят между собой, и даже очень резко, это ставит под сомнения благодатность марксизма-ленинизма? Тем более что до рукоприкладства у нас все-таки не доходит, если не считать живущего на таблетках Ст. Куняева...

Суть письма т. Пелячика такова: «Для борьбы с нечистью нужны соответствующие законы, массовое протестное движение, победа патриотических сил на выборах. Но откуда всему этому взяться, если народ все еще спит, а призванные поднимать его только и делают, что дерутся между собой...» Вы только подумайте, какой замечательно беспроегрышный принцип: для того чтобы начать борьбу, прежде нужна победа. Иначе говоря, создайте ему все условия, начиная с законов против грабителей-олигархов, дайте ему победу на выборах, и тогда он бесстрашно вступит в борьбу за справедливость. А как создать условия-то? Как победить на выборах? Неизвестно... В моей же статье, обращенной именно к тем, кто призван поднимать народ, речь идет не о туманном будущем, а о том, что именно сегодня не надо и бесполезно делать, а что можно и необходимо даже при нынешних законах. Например, не надо выдавать желаемое за сущее: восхищаться состоянием оппозиционной прессы; шуметь на митинге, что через год Россия будет свободной; бросать со страниц самой многотиражной газеты оппози-

ции в самый напряженный и перспективный час борьбы сперва капитулянтский лозунг «Россия исчерпала лимит на революции!», а потом — заискивать перед кем бы то ни было, в том числе — перед церковью и т.д.

В то же время надо лучше знать людей, работать с ними, чтобы то и дело не садиться в лужу с такими подопечными, как Руцкой, Ковалев, Подберезкин; надо привлекать и отстаивать, защищать людей честных, смелых, решительных, если даже это трудные, занозистые персоны; надо, чтобы каждый день было бы хоть небольшое, но конкретное движение вперед и т.д.

Вскоре по-своему примечательное письмо прилетело из подмосковного поселка Юбилейный от И.И. Аксенова. Начинается сразу с фырканья и визга: «Прочитал... Самая заурядная заплечных (то есть палаческих! — *В.Б.*) дел пасквильная работа. Изощренная ложь и клевета. Спецзаказ, коих нынче пруд пруди. Не предполагал, что Вы такой оборотень». Если не предполагал, значит, знает мою публицистику и, может быть, за многие годы. Но стоило лишь разочек задеть его кумира, и тотчас — спецзаказ! ложь! клевета! пасквильянт! оборотень! палач!.. У авторов этого рода есть две неперенные особенности. Во-первых, они шлют свои разоблачительные письма сразу по нескольким адресам, среди коих раньше обязательно был КГБ. Аксенов послал по пяти адресам. Во-вторых, если разоблачитель старый член партии, то обязательно укажет на свой грандиозный партстаж. Есть тут и это: «коммунист с 1949 года». Тов. Аксенов, да кому какое дело, с какого года вы в партии? Ведь стаж сам по себе ни ума, ни совести не прибавляет. Вы дайте доводы, мысли, а стаж важен при получении пенсии. Какое дело до вашего стажа тем более таким, как я: мы вступали в партию на фронте и тем самым брали на себя дополнительную ответственность и опасность. А вы вступали в спокойное, безопасное послевоенное время — чем тут гордиться?

И вот коммунист с 53-летним стажем, обругав коммуниста с фронтовым стажем, кидается на защиту руководителя КПРФ: «Зюганов единственный из оппозиционных лидеров, кто стоит поперек дороги нынешнему режиму, мешает разделять и властвовать, разрушать нашу жизнь».

От такой защиты неизвестно, куда деваться! Ведь если единственный, то это-то и прискорбно. Об этом я и писал: «Оп-

позицию, которой вы руководите, компартию народ не видит, потому что практически они сведены к парламентской фракции, фракция — к вашей личности, а личность — к бесконечному словоговорению». Спасибо за поддержку, т. Аксенов. И подумайте спокойно, сколь успешно т. Зюганов мешает разрушать нашу жизнь, например, жизнь тружеников Ульяновской области, где недавно дело уже дошло до их убийства: в борьбе против глумления путинского любимца Чубайса над народом погиб 43-летний инвалид Валерий Сиднов... Хотя бы депутатский запрос был по этому поводу от коммунистов? Ограничились очередным «Заявлением» в «Правде». Кто на эти бесчисленные «Заявления» обращает внимание?

Я писал, что Г. Зюганов плохо разбирается в людях, порой поддерживая и выдвигая недостойных. Тов. Аксенов дает отпор: «Никто не гарантирован от ошибок. Задача — своевременно их упреждать и устранять. Что и делается с тем же Ковалевым, Руцким, Подберезкиным...» Где же тут своевременность, уважаемый, где упреждение, если Ковалев успел пролезть не только в депутаты, но и в министры банно-сексуальных дел, и разоблачила его не КПРФ, а прокуратура; если Руцкой, при энергичной поддержке партии забравшись в губернаторское кресло, просидел в нем четыре года и был сброшен самим народом?

Я писал, что союзниками КПРФ могут быть Анпилов и многие другие «трудные» люди. А Аксенов пишет, что еще в 1993 году объявил Анпилова, Терехова, Гунько «пособниками сионизма». Да почему же только пособниками, а не сионистами или хотя бы евреями? Ведь это ныне так просто. Вот читаю одну толстенную книгу, вышедшую четыремя изданиями: оказывается, евреями были и Хрущев (Перлмуттер!), и Брежнев (Гонопольский!), и Сулов (Зюсс!), и Громыко (Кац! Да еще и нынешнего Лужкова называют Кацем, — не сынок ли?), и маршал Устинов (Ульбрихт!), и почти все советское руководство за семьдесят лет. Так что вы, т. Аксенов, сильно поотстали. Догоняйте!

Я писал: «Митинговое сотрясение атмосферы отталкивает людей от КПРФ и от Вас лично». Аксенов дает отпор: «Никто из нас, патриотов, не оттолкнулся от КПРФ и Геннадия Андреевича». Прекрасно! Только я считаю патриотами как «оттолкнувшихся» — и Алксниса, и Анпилова, и Бабурина, и Тулеева, и Умалатову, и Юрия Иванова, так не отказываю в патриотизме

и «оттолкнутым» — и Губенко, и Горячевой, и Селезневу. А вы, как видно, считаете патриотами лишь тех, у кого партстаж не менее 50 лет и кто смотрит в рот т. Зюганову.

Я писал о необдуманности, беспочвенности, несвоевременности таких призывов, как «Построим новый крейсер «Курск» на народные средства!». Аксенов дает отпор: «Зюганов видит дальше вас. Помните разговор Ленина с Г. Уэллсом. Приезжайте, говорил Ленин, лет через пятнадцать, увидите, на что мы способны». Ты ему про Фому, а он тебе про Ерему: я говорю о беспочвенности этого призыва сейчас, сегодня, а он — о том, что может быть через 15 лет, когда его партстаж достигнет критической отметки 68...

Я писал, что надо, не дожидаясь никакого законодательного акта, ввести в обиход и отстаивать священные имена Ленинграда и Сталинграда хотя бы на страницах нашей прессы, иначе люди просто отвыкнут от них, забудут. Это же не требует никаких средств и абсолютно ничем никому не грозит — не сослали же В. Чикина на Колыму за сохранение названия «Советской России». Аксенов дает отпор: не смея упрекнуть наши газеты, он опять уповает на туманное будущее, когда «народ помнеет». Да ведь Зюганов-то и редакторы газет должны умнеть раньше, быстрее. Коммунистические лидеры предали здесь имя и Ленина, и Сталина, но — в дни их рождения аккуратно приходят с букетиками к Мавзолею... Это ли не комплимерие! Кроме того, здесь таится опасность большого идеологического проигрыша. Коммунистическая пресса, время от времени ни шатко ни валко поднимая вопрос об этих городах, может скоро дожидаться того, что президент издаст Указ о возвращении городу его великого имени как символа нашей победы. И тогда никто не станет слушать их лепета о том, что у них перехватили инициативу. Уж слишком их инициатива худосочна. Есть люди, которые не стесняются нагло орать о переименовании Калининграда в Кенигсберг, а эти... Ну, до того законопослушны, что от их праведности мухи дохнут. А что касается Ленинграда, то «Правда», в свое время напечатавшая так много пылких протестов против затеи Собчака, но как только тому удалось обманым путем добиться своего, тотчас подхватившая «Санкт-Петербург», — «Правда» теперь уже печатает таких ученых, как профессор Герман Кириленко, который уверяет, что Собчак провернул свою авантюру от имени «нынешнего поколения» и

что «это исторически объективно и справедливо». Наплевать на решение Всесоюзного съезда Советов — исторически объективно. Перечеркнуть и выбросить имя, с которым город прошел величайшую войну, принял неслыханные муки и совершил невиданный подвиг — справедливо. Вот таких профессоров и патриотов мы наплодили. Но разве этот Кирилленко осмелился бы послать такую статью в газету, которая не предала бы имени Ленина и не допустила бы на свои страницы плод собчаковского цинизма и ловкости.

К слову сказать, глубоко ошибаются те товарищи, которые в качестве уж будто бы особенно веского довода в вопросе о возвращении Ленинграду и Сталинграду их имен уверяют, что немцы во время войны из ненависти ко всему советскому называли эти и другие города так, как было до революции. Ничего подобного. Полистайте хотя бы «Военный дневник» генерала Ф. Гальдера: «дивизия недавно прибыла из-под Ленинграда»... «Как сложится обстановка в районе Ленинграда, пока еще не ясно»... «Вчера были отражены упорные атаки противника из района Ленинграда»... «силы противника отходят на Сталино» (Донецк)... «3-я танковая группа и 9-я армия начинают перегруппировку для наступления на Калинин» (Тверь) (т. 3, с. 12, 30, 32, 21, 24) и т.д. Более того, Гитлер придавал особое значение тому, что окончательная победа над Советским Союзом будет одержана, по его расчетам, взятием города, который носит имя вождя советского народа, — Сталинграда. Пунктуальным немцам была совершенно ни к чему путаница старых и новых названий.

Так что, это действительно веский довод, но только с другого конца: даже фашисты чтили то, на что посягнули Хрущев и разбуженные им демократы. Я напомнил, что в свое время выступил в «Правде» против засилья в наших городах рекламы на иностранных языках. Аксенов дает отпор и поучает: «Не о том писали, не о главном на данном этапе борьбы». Ему нет дела до засилья иностранщины — это не главное! Он меня учит, что главное... Да ведь не могут же все и всегда писать только о главном, кому-то иногда надо писать и о частностях, сопутствующих главному, тем более, что это частности не пустячные. Но для таких, как Аксенов, главное на любом этапе борьбы — оборонять от критики лидера.

Я писал, что главный редактор «Советской России» на глазах КПРФ и Г. Зюганова разбрасывается кадрами отличных

журналистов. В свое время были выжиты из газеты Надежда Гарифуллина, покойный Эдуард Володин, Сергей Турченко, закрыт доступ на ее страницы Эдуарду Лимонову, Константину Ковалеву и другим. Неутомимый Аксенов и тут дает отпор: «Бушин, видимо, такой жертвой считает себя». Ну, слова «жертва» у меня нет, но — что ж скрывать! — и перед моими статьями В. Чикин опустил шлагбаум сразу после того, как на Пленуме ЦК я высказал ряд критических замечаний об антисоветских публикациях в «Советской России». «Действительно, — продолжает обличитель, — «Советская Россия» перестала его печатать». Проснулся! Уже лет десять как перестала. «А теперь, говорят (!), и «Правда» от него отказалась. И «Завтра» <говорят?> уже не балует вниманием. Не хочу быть пророком, но <говорят?> откажется от него и «Патриот»...

Это почему же, т. Аксенов, будучи старым сплетником, вы не хотите быть еще и молодым пророком? Да вы истинный пророк, подлинный провидец, это ваше призвание, профессия, ваше настоящее и будущее...

Здесь я позволю себе ради логической связи нарушить хронологию событий и обратиться к недавним публикациям Георгия Элевтерова. Наталья Морозова, издающая газету «Верность Ленину», называет его и себя «самостоятельными людьми», т. е., надо полагать, самостоятельно мыслящими. Действительно, оба мыслят чрезвычайно самостоятельно, необычно, а порой и сногшибательно, причем — о вещах из самых разных сфер бытия: исторической, литературной, политической и т.д.

Г. Элевтеров в недавних публикациях в «Советской России» («Сталин и Гитлер», «Сила горькой правды») наряду с дельными мыслями, верными суждениями, справедливыми оценками высказывает немало и весьма загадочного. Допустим, уверяет (если начать с литературной сферы), что великий сатирик Салтыков-Щедрин исповедовал принцип «Хоть что-нибудь». Это как понимать? В каком смысле? А у Черчилля (если перейти к истории) был принцип такой: «Кто не хочет, когда может, когда захочет уже не сможет». Во-первых, какой же это «принцип»? Такое определение тут едва ли подходит. Во-вторых, при чем здесь Черчилль? Приведенный «принцип» очень напоминает известное французское изречение, назидательный афоризм, который известен давным-давно: «Si jeunesse savait, si

viellesse pouvait — если бы молодость знала, если бы старость могла». Иногда части этой поговорки переставляют местами: если бы старость могла, если бы молодость знала. Это есть, например, у Чернышевского, а у Писарёва в работе «Прогресс в мире животных и растений» читаем: «Муравьям и пчелам это извинительно... Люди могли бы решить вопрос иначе, но мало ли что они могли бы сделать. Si viellesse pouvait...» А ведь оба они жили пораньше Черчилля. Покопавшись, этот афоризм можно найти у Герцена, и у Льва Толстого. А Вяземский еще до знакомства с Черчиллем, сочинил стихи:

Кабы молодость знала,
Кабы старость да могла, —
Жизнь так часто не хромала,
Жизнь бы иначе пошла...

И вообще, как уверяют знатоки, этот афоризм бытует в литературных источниках с XVI века.

Так при чем же здесь все-таки Черчилль? О, это имя здесь даже очень при чем: оно — обязательная деталь джентльменского набора, которым щеголяют интеллектуалы такого пошиба, как Радзинский и Лукин, Познер и Киселев. Это имя как бы условный знак, который они подают друг другу в подтверждение своей общности. Сюда примыкают и такие, например, факты. В только что вышедшей огромной книге «Вторая мировая война» (860 страниц!) доктора исторических наук, профессора А.И. Уткина выступлению по радио В.М. Молотова в полдень 22 июня 1941 года о нападении фашистской Германии и начале Великой Отечественной войны уделено 5 (пять) строк, а из многократно приводившегося и хорошо известного выступления по радио Черчилля вечером того же дня приведена пространная выдержка в 20 с лишним строк да еще рассказано, как он работал над текстом и какие потом были отклики. А потом профессор на потеху публике пишет, что Сталин в эти драматические часы и еще несколько дней «в плохом настроении и нервный» укрывался ото всех на даче. Ну, а когда Сталин через десять дней очухался и 3 июля произнес по радио великую речь, то ей профессор отвел 10 (десять) строк, причем главным образом в пересказе. А под видом прямой цитаты дал фразу: «Военные трибуналы будут судить всех, кто совершил просчеты (!) в на-

шей обороне, кто впал в панику и допустил предательство». В речи Сталина таких слов нет. А какова реакция в стране и за границей на выступления Молотова и Сталина? Неизвестно. Она профессора не интересуется...

И ведь все это в новейшей книге не рядового профессора конвейерного производства, а «ведущего специалиста в области международных отношений», возглавляющего Центр международных исследований арбатовского института США и Канады Российской академии наук... И вдруг тот же знак («Черчилль!») раздался со страниц «Советской России» из уст патриота Элевтерова. Странно...

П. Столыпина (если обратиться к истории, политике и литературе вместе) Г. Элевтеров назвал «неподходящим для России Дон Кихотом». Что, слишком хорош был? Привет от Ильи Глазунова!.. Ничего себе благородный идалго. Как раз незадолго до этого в «Советской России» же была напечатана статья известного историка Н. Троицкого, профессора Саратовского университета, земляка идалго. Она появилась в связи с недавним сооружением в Саратове усилиями известного своей жизнерадостностью губернатора Аяцкого памятника идалго. Профессор, в частности, писал: «Петр Столыпин действительно знаменит. Он обладатель абсолютного рекорда по количеству повешенных россиян. Только за три из шести лет его премьерства (1907—1909) и только по приговорам судов были повешены 7,5 тыс. россиян, а на каторгу за четыре года (1908—1911) угнаны более 43 тысяч. Сколько людей было тогда расстреляно без суда — не сосчитать! Общее же число репрессированных превысило за время столыпинщины 1,5 млн. человек». («Сов. Россия», 23 мая 2002). Не исключаю, что Аяцков отгрохал монументик на радостях по случаю своей покупки за бесценок 250 гектаров прекрасной земли. Право, очень странно в той же газете читать, что Столыпин был не кто иной, как Дон Кихот Ламанчский, Рыцарь печального образа, с уроном для себя сражавшийся с ветряными мельницами. Вон же Аяцков, почитатель Столыпина и друг Любови Слизки, безо всяких сражений 250 гектаров отхватил!

Странно видеть и то, например, что, перейдя уже к советской истории, к годам революции, автор то и дело говорит о «красном терроре», а о белом — ни слова, будто его и не было. Как на страницах «Московского комсомольца».

О Гитлере сказано, что он «узурпировал власть с помощью насилия и подлога». Насилия над кем? Какого подлога? Увы, он пришел к власти чисто конституционным, весьма демократическим путем — посредством всеобщих выборов. Может быть, даже демократичней и честней, чем Аяцков — в губернаторы. Неужели для ученого автора это новость?

Бросается в глаза несколько избыточное пристрастие автора к иностранным дарам культуры, в частности, к так называемым варваризмам, т.е. словам иностранного происхождения или просто заимствованным. И пользуется он ими, видимо, к радости Н. Морозовой, весьма самостоятельно. Например: «Ленин погибающую Россию конвертировал (!) в СССР». Как доллары в евро... «Наша пресса интегрируется (!) в ложь»... «мусор и ложь проинтегрировались в фактор неблагодарности»... Ну, почему не сказать бы все это не столь самостоятельно, но несколько более по-русски? Ведь для газеты писал, для широкого читателя...

А вот это уж очень по-русски, но тоже лучше бы так не надо: «Лишить коммунистов их комитетов! С точки зрения политических интриганов нет проблем и нет вопросов. «Трахнуть Думу»!.. Молодые люди «трахнули Думу» и провели закон о продаже земли иностранцам».

Ну, во-первых, хоть меня и это не радует, но все-таки принятый закон разрешает не продавать иностранцам землю, а лишь сдавать в аренду на 49 лет. Во-вторых, кто эти молодые люди? Райков и Пехтин, что ли? Да они уже давно «трахать» разучились... А дальше о них нечто уже совершенно загадочное: «Молодых людей заболтали на то (?), что иностранцы приедут с инвентарем и сделают нам сельское хозяйство по самое «благодарю» (!), как было уже не раз». Это на каком языке? О чем? Какие иностранцы уже не раз «делали» нам сельское хозяйство? Это какая-то аллегория, что ли?

Или вот читаем про «всяких познеров, марков захаровых и прочих мумий протитуированных общечеловеческих ценностей». У меня нет ни малейшей симпатии к названным лицам, но, разрази меня Бог, не могу понять, почему они «мумии», т.е. высушенные забальзамированные трупы, коли я то и дело вижу, как они жизнерадостно резвятся и лгут на телеэкране. Вот М. Захаров, например, в недавней передаче, обращаясь к ее молодым участникам, сказал: «Знаете ли вы, что представляла собой в

советское время танцплощадка? Это деревянный помост, окруженный колючей проволокой и милиционерами с собаками». И ведь так уверенно говорил, словно сам был одной из этих собак, позже став демократом. А 25 мая этого года, в передаче «Свобода слова» изрек: «Коммунистическая идея принесла огромный урон: нас должно бы теперь быть около 400 миллионов». Вас?.. Ведь такую чушь о стране, население которой за семьдесят лет при коммунистах выросло в два раза — от 150 миллионов до 300 — не смогла бы выдумать даже мумия Геббельса в содружестве с мумией Гимmlера. А кроме того, мусье Захаров, если бы не Советская власть, если бы не Красная Армия, вас теперь вообще не должно быть в России. Живи и помни...

Помимо странной тяги к варваризмам и к языковому варварству Георгий Элевтеров питает большое пристрастие к разного рода аналогиям и параллелям, и вот, будучи большим знатоком античной истории, уверяет: «Партия Ленина, подобно (!) республике Перикла и Римской республике, решала задачу процветания страны и счастья всего народа». Пардон, какое тут подобие? Партия Ленина действительно стремилась к счастью народа, правда, не всего поголовно и без разбора, а трудящегося большинства: «Кто не работает, то не ест». Так неужели еще в Афинах при Перикле в пятом веке до нашей эры и в Риме после изгнания последнего царя Тарквиния Гордого в 510 году до нашей эры решалась задача счастья именно «всего народа». Всего как есть! А рабство, существовавшее и у греков при прекрасном Перикле, и у римлян в благоуханную республиканскую пору? Неужто и рабам стремились создать счастливую жизнь? Чего ж они то и дело восставали — то в Сицилии, то под руководством Аристоники, то Спартака? Непонятно...

Но влюбленного в античность автора не смущает наше недоумение, и он проводит новую историческую параллель: «Сталинское государство было чем-то вроде империи Цезаря». Так ведь в империи-то, как известно, царил тот же рабовладельческий строй, что при республике, он был их основой. Как же можно рабовладельца и коммуниста, их державы ставить рядом и делать «чем-то вроде» родных сестер? А вот еще одна сомнительная аналогия. Зачем, говорит, расстреляли Бухарина? «Ответ очень прост: затем же, зачем Бухарину и тем, кто трагически закончил жизнь вместе с ним, была нужна в свое время

жизнь ребенка — царевича Алексея и жизнь его столь же невинных сестер — в целях безопасности революционного государства». Но ведь хорошо известно, что царевич и его сестры, даже сам царь никакой опасности для революции уже не представляли, ибо самодержавный строй свергли в феврале тогдашние демократы, и у всех этих Корниловых, Деникиных, Колчаков, прямых ставленников масонского Временного правительства, позже и в уме не было восстанавливать монархию, ее отдельные сторонники даже преследовались в их армиях. Отвращение к Романовым было всероссийским. Потому никто даже не предпринял попытку освободить их, как это было, допустим, с Н.Г. Чернышевским. А вот Георг Пятый в 1917 году отказался принять Романовых в Лондоне, предоставить им политическое убежище, как немного позже, в 1918-м, двор Нидерландов предоставил свергнутому немецкому кайзеру Вильгельму Второму, который в глубокой старости и умер там в 1941 году. Отказ короля Георга — обычная английская подлость: ведь династии-то английская и русская были в прямом родстве и по мужской и по женской линии. Царица вообще провела юность при английском дворе и была любимицей королевы Виктории, умершей в 1901 году. И однако же оправдать расстрел царской семьи, как пытается Г. Элевтеров, невозможно. Это был акт дикого варварства и жестокой незаконной мести. Над царем и царицей должен был состояться суд, а их дети вообще ни при чем.

Далее мы слышим со страниц «Советской России» страстный призыв: «Давно пора оставить схоластику марксизма XIX века!..» Да, марксизм возник в XIX веке, и, конечно, все на свете имеет свойство стареть частично или полностью, даже статьи Элевтерова, но зачем же на страницах любимой газеты т. Зюганова в статье, посвященной защите КПРФ и ее лидера, неутомимого, по его словам, защитника марксизма-ленинизма, не только изображать Ленина и Сталина духовными братьями римских рабовладельцев, но еще и шуметь о схоластике Маркса? Ведь это Геннадия Андреевичу обидно. А Г. Элевтеров, казалось бы, так высоко его ценит, что называет КПРФ «партией Зюганова».

Впрочем, и это может быть обидно. В самом деле, можно сказать «партия Явлинского», «партия Жириновского», «партия Селезнева», ибо именно они совсем недавно создали их, но

тут-то столетняя история: РСДРП — РКП — ВКП(б) — КПСС... И правомерно говорили «партия Ленина — Сталина». И за что же КПРФ ставить на одну доску с «партией Жириновского»? Мягко выражаясь, это схоластика. Автор восхищенно пишет: «Партия Зюганова — закаленная и зрелая партия, сумевшая привлечь на свою сторону интеллектуальную и нравственную элиту общества... Неуклонно нарастает в народе доверие к КПРФ... Неспроста эти огромные (!) растущие рейтинги КПРФ...» Я всей душой хочу этому верить и разделить восторг тов. Элевтерова, но мне досадно, почему он, так уверенно говоря о «растущих» и «огромных» рейтингах КПРФ, ни разу не привел конкретные цифры и не показал, как они, драгоценные, постоянно растут.

Ведь это заставляет усомниться в росте. Тем более, во-первых, что по данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», после истории с Н. Губенко, С. Горячевой и Г. Селезевым 13% опрошенных заявили, что их отношение к КПРФ ухудшилось. Тем более, во-вторых, что Г. Элевтеров явно склонен к некоторым преувеличениям и пережлестам в том, что касается наших успехов и достижений. Например, ему мало того, что он уподобил «сталинское государство империи Цезаря», еще уверяет, что «Сталин подготовился к войне так, как никто себе даже не мог представить». Зачем такие чрезмерные слова? Готовились, конечно, старательно и широко, но были и промахи, упущения, ошибки. Неужели надо напоминать ученому человеку, что немцы доперли до Москвы, до Эльбруса, до Волги, что Сталин сам сразу же после войны признавал допущенные ошибки, результатом которых было «отчаянное положение» в 1941 и 1942 годах. Но автор добавляет еще и такое: «Не только Европа, но и Китай получил свободу из рук Сталина...» Конечно, разгром советскими войсками в августе 1945 года Квантунской армии японцев в Маньчжурии имел большое значение для освобождения Китая, но ведь до этого десятки лет вели освободительную борьбу Китайская компартия во главе с Мао Цзэдуном и Народно-освободительная армия под командованием Чжу Дэ, и в 1949 году они добились победы.

Однако порой случается, что от чрезмерных похвал автор «Советской России» довольно легко переходит к столь же незаслуженным обвинениям. Пишет: «Десятилетиями наша литература и пресса о войне интегрируется в ложь (!) с постоянным напоминанием о каких-то фантастических потерях и неожидан-

ных поражениях. На кого работала наша пропаганда? Кому нужна эта геббельсовская ложь?» Позвольте, но ведь и это, деликатно выражаясь, можно назвать схоластикой. Поражения в самом деле были тяжелые, потери — действительно огромные, особенно в первый год войны... И литература, в том числе научно-историческая, не искажая стержневого хода войны, сути событий, говорила об этом, но долгое время — сквозь зубы. А уж «интегрировалась в ложь» наша пресса о войне при демократах — в сочинениях Волконогова, Астафьева, Радзинского, Солоухина, Резуна, в телефильмах Е. Киселева, С. Сорокиной, в трепе В. Познера, Н. Сванидзе и т.п. Именно об этом времени, а не о «десятилетиях» и надо бы говорить... Кстати, не следовало писать, как и В. Жухраю в «Патриоте», что помянутый Резун был приговорен к смертной казни. Никто его не приговаривал. Это он сам старательно распространял такой слух для придания значительности своей ничтожной персоне...

Но вот странно: объявляя «геббельсовской ложью» даже правдивые признания потерь и поражений, автор в то же время уверенно пишет о нашем «поражении в Афганской войне». Вот уж это хуже, чем схоластика. Какое поражение? Что, наша армия была разбита или взята в плен? Ничего подобного! Понесся там потери в пять раз меньшие, чем американцы во Вьетнаме, советские войска по решению правительства, по приказу командования в полном порядке, с развернутыми знаменами оставили театр военных действий и вернулись на родину. На каком языке это называется поражением?

Достойны внимания и такие размышлизмы т. Элевтерова: «Эмбрионом революции XXI века должна стать КПРФ». Но — «нужна еще одна партия честных людей». То есть еще один эмбрион. Так что ожидается двойня. Может быть, второго эмбриона зачал недавно Селезнев? Его «Россия» не то? Неизвестно... Но что такое «партия честных людей»? Это не «люди хрустальной прозрачности», из коих Фазиль Искандер мечтает составить правительство? Чем «партия честных» отличается, допустим, от «партии пенсионеров» или от «партии любителей пива»? Ведь среди членов этих конгломератов, согласитесь, может быть немало дряхлых и пьющих, но честных. Первые по возрасту уже не могут заниматься грабежом. А вторые живут под девизом предельной честности, когда-то украшавшим пивные ларьки: «После отстоя пены требуйте долива!» Правда, обе

эти партии, так громко в свое время объявленные, кажется, уже исчезли. Не случится ли то же самое с «партией честных людей»? Бог весть!..

И вот, наконец, оставив позади Древнюю Грецию и Перикла, Древний Рим и Цезаря, Сталина и Гитлера, мыслитель Элевтеров добрался до меня и моей критики т. Зюганова: «Претензии к лидеру партии, конечно, возможны. Нельзя ставить его вне критики. Этого не допускает политическая честность, который мы так дорожим. Этого не допускает и серьезное отношение к самому Зюганову. Но некрасивые базарные выпады, которые только роняют наших товарищей по борьбе с диктатурой буржуазии, — это не критика. Это политическое бескультурье, холопство наизнанку, впадать в которое из-за каприза, из-за недостатка внимания к своей персоне таким замечательным людям, как В. Бушин, должно быть стыдно». Как видите, В. Бушин, уверяет автор, замечателен во многих отношениях — и своим политическим бескультурьем, и холопством, и капризами, и базарными выпадами против хороших людей из-за недостатка внимания этих людей к его, Бушина, персоне.

Очень интересно! Но уважаемый сочинитель почему-то в доказательство не привел ни единого примера моего «бескультурья» или «холопства», «базарных выпадов» или «капризов». Что за стеснительность! И приходится гадать. Может быть, фактом бескультурья был мой упрек т. Зюганову в том, что он «склонен выдавать желаемое, совершенно оторванное от жизни, за действительное»? Но я приводил конкретные и довольно многочисленные примеры такой склонности. Так, я писал, что не следовало 9 мая 1994 года возглашать с трибуны на Лубянской площади: «Через год пятидесятилетие Победы мы будем праздновать в свободной России!» На это Г. Элевтеров, знаток истории от Фукидида до наших дней, мог бы сказать, что, вот, мол, и товарищ Сталин в своем приказе 1 мая 1942 года возгласил: «Всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!» Но приказ не был выполнен, Верховный Главнокомандующий ошибся... На это я ответил бы, что да, Сталин ошибся, но не один и не на пустом месте. Как пишет в недавно вышедшей книге «Второй фронт» бывший заведующий Международ-

ным отделом ЦК Валентин Фалин, после разгрома немцев под Москвой даже Черчилль не исключал, что война закончится в 1942 году. А Гарри Гопкинс, личный представитель президента США, в начале 1942 года считал: «Вполне возможно, что русские разгромят немцев в следующем году». Как известно, Сталин уже 28 июля 1941 года поставил перед Черчиллем вопрос об открытии Второго фронта в Западной Европе. И представители высшего командования Англии и США в конце 1941 года считали необходимым это открытие в 1942 году. Но были и противники во главе с Черчиллем. А если бы Второй фронт появился, то первомайский приказ Сталина мог быть выполнен. Ничего подобного приведенным фактам и рассуждениям Г. Элевтеров не привел, вероятно, потому, что не оказалось под рукой ни Черчилля, ни Гопкинса, которые разделяли бы митинговый оптимизм т. Зюганова. И плодотворного обмена мнением у нас, к сожалению, не состоялось.

Тогда, может быть, доказательством моего «холопства наизнанку» явилось напоминание о том, что в Президиуме ЦК КПРФ из семнадцати человек нет ни одного рабочего, ни одного крестьянина, ни одной женщины, а все доктора, профессора, академики да еще сплошь — депутаты Думы (15 из 17-ти), и больше половины — предпенсионного возраста москвичи? Тут, правда, я допустил ошибку: самому Геннадию Андреевичу шестьдесят еще только стукнет скоро. К тому же шестерым членам Президиума лишь немного перевалило за пятьдесят. Прекрасный возраст! За эту грубую ошибку приношу извинения. Память подвела. Однако средний возраст, колеблясь от 51 года до 68, составляет сейчас 57 лет. Это много. Особенно если вспомнить, что Ленин и умер-то в неполные 54, а его уже давно в узком партийном кругу звали стариком. Конечно, в руководстве партии должны быть люди и 30—35 лет. Хотя бы три-четыре человека из семнадцати. Вот и схватился бы т. Элевтеров за мою ошибку, чтобы дать отпор на манер Аксенова. Нет, он, ученый человек, как видно, не любит копаться в данных, что-то выискивать, ему приятнее фабриковать сногшибательные исторические аналогии... Да и т. Аксенов не способен на отпор, даже когда оппонент сам открылся.

А не оказался ли «базарным выпадом» мой упрек в заискивании КПРФ перед церковью? Но ведь даже представители православной общественности не заискивают, а порицают иные

шаги некоторых деятелей церкви и самого патриарха. Так, на упоминавшемся недавнем «кругом столе» один участник заочно обратился к нему со страниц «Советской России»: «Ваше святейшество! Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как, будучи в Америке, вы выступили перед иудейскими раввинами с речью, в которой, называя их «братьями», просили помочь нам в борьбе с «великорусским шовинизмом» и утверждали, что «полнота христианства обнимает собой иудейство».

Мне подобные высказывания представляются совершенно антихристианскими и русофобскими, совершенно несовместимыми с высоким статусом и саном первосвятителя Русской православной церкви».

А раба Божья Александра Жирова напомнила недавно в «Экономической газете» (№ 24—25, 2002 г.): «В день 50-летия начала Нюрнбергского процесса на так называемом «совместном молении» в Германии глава Русской православной церкви сказал: «Не можем умолчать о том, что тоталитарный режим, установившийся после падения нацизма в Восточной Германии и принесший страдания многим немцам, пришел на эту землю именно из нашей страны, а многие мои соотечественники поддержали его своими направленными делами. За это ныне прошу у вас прощения от имени многомиллионной и многонациональной паствы».

Да, заявление поразительное не только для русского патриарха, но и для любого русского человека. Во-первых, он что же, не знает, откуда и какой режим пришел на ту часть нашей земли, которую фашисты временно захватили? Что не в боях, а в душегубках, на виселицах, в лагерях немцы истребили почти 20 миллионов его безоружных соотечественников? Во-вторых, «падение нацизма» произошло не само собой, — он был разгромлен действительно «направленными делами» с оружием в руках, а также кровью и жизнями мужей, сынов, братьев тех самых двадцати миллионов. В-третьих, о каких таких «страданиях многих немцев» тут речь? И что эти загадочные «страдания», если они и случались, по сравнению с тем, что пережил наш народ в годы войны и оккупации. Наконец, кто дал право оратору говорить от имени многомиллионной и многонациональной России? Тем более, такие оскорбительные и унижительные для народа речи.

Раба Божья Александра писала: «У 26 миллионов погибших в Великую Отечественную войну остались дети, внуки и

уже правнуки. Они и составляют народ сегодняшней России. Неужели это они уполномочили патриарха извиниться перед немцами? Нет, это не заблуждение. Это надругательство над памятью защитников Отечества и всех погибших».

И вот церкви, которую возглавляет такой человек, наши «сенаторы» решили вернуть 30 млн. гектаров земли. Вы думаете, что т. Зюганов скажет хоть словечко против?..

Но вернемся к инвективе товарища Элевтерова. Может быть, «базарный выпад» с моей стороны это упрек за то, что КПРФ сняла марксистский девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Но ведь он по прошествии нескольких лет восстановлен и теперь вновь красуется на первой полосе «Правды», о чем у нас будет речь дальше. Что там еще? Ах, «каприз»? В чем же Г. Элевтеров усмотрел еще и этот мой грех? Не в том ли, что я говорю о безразличии и бездеятельности КПРФ в таких вопросах, как немыслимое даже в царское время засилье в наших городах иностранных вывесок, объявлений, реклам, как западная форма конвертов и западная манера написания адресов. Ишь, мол, раскапризничался из-за таких мелочей. Тут Крым потеряли, а он о вывесках, тут НАТО напирает, а он о конвертах, тут американцы уже в Грузии сидят, а он о том, как писать адреса... Вот и скажите прямо, тов. Элевтеров, хотя бы о том, что вам, как И. Аксенову, начхать на то, что Москва потеряла русский облик, что даже памятник Пушкину со всех сторон обложили Coca-Cola, Samsung, Panasonic и т.п. Признайтесь, что как безропотно вы вместе с т. Зюгановым приняли новые конверты, так готовы смиренно принять приказ начальства, допустим, отпустить пейсы или обязательно ходить на службу в немецких шлафроках и ночных колпаках. Увы, т. Элевтеров молчит и на этот раз...

Наконец, какие факты подтверждают, что я обрушил на т. Зюганова «базарные выпады» именно из-за недостатка внимания к моей персоне? Не хочется мне опускаться до персонального уровня, но коли тебе тычат им в нос, коли вы с Аксеновым спекулируете этим, что ж остается делать, придется ответить. Этим главным образом и объясняется мой пространственный экскурс в творчество Г. Элевтерова.

В заключительном слове на XIV съезде партии в декабре 1925 года И.В. Сталин говорил: «На личные нападки и на вся-

кого рода выходки чисто личного характера я не намерен отвечать, так как полагаю, что у съезда имеется достаточно материалов для того, чтобы проверить мотивы и подоплеку этих нападок...» Очень благородно. Но как быть с личными нападками и выходками, если у нашего «съезда», т.е. у читателей, недостаточно или вовсе нет материалов, чтобы проверить их мотивы и подоплеку? В другой раз, в октябре 1927 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК Сталин начал выступление так: «Прежде всего (!) о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи...» Видимо, на сей раз у съезда не имелось материалов, чтобы проверить мотивы и подоплеку. И оратор счел нужным объяснить все сам: «Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так легко. И вот они направляют удар прежде всего против Сталина». Далее он развивал свою мотивировку. Так что, как многоопытный и глубокий политик Сталин в разных ситуациях действовал по-разному. Прекрасный урок для нас!

Я познакомился с Г. Зюгановым вскоре после ельцинского переворота в августе 1991 года. Было это в редакции «Советской России», где я тогда сотрудничал, в кабинете покойного Эдуарда Володина. И до этого и после я, неизменно стоя на советской патриотической позиции, многократно, в том числе во время обоих президентских выборов, выступал в его защиту и поддержку. Если на будущих выборах кандидатом оппозиции против В. Путина опять окажется Г. Зюганов, я опять стану поддерживать его. И это несмотря на то, что со мной лично, если уж вынуждают сказать об этом, он не раз поступал не товарищески. Первый раз — еще давно. Видя, каким вниманием читателей пользуются мои публикации в «Советской России», в «Нашем современнике», в «Правде», они с В. Чикиным решили издать книгу моих статей. Что ж, это было бы в интересах общего дела. И деньги нашлись на стороне, и все шло прекрасно. Зюганов взял издание под личный контроль и обещал мне проверять ход его каждую неделю. Но вдруг неизвестно почему они передумали и безо всяких претензий ко мне, без объяснений или хотя бы слов сожаления прекратили все хлопоты. Как

это называется — каприз? бескультурье? холопство наизнанку? Другой раз опять же безо всяких объяснений или претензий Чикин, как уже упоминал, просто перекрыл мне доступ на страницы «Советской России». И что Зюганов? Ни словечка, ни полшороха. И опять вопросы: холопство наизнанку? бескультурье? каприз? шлея под хвост?

А я, словно ничего этого не замечая и никому не сетуя, продолжал агитировать за т. Зюганова. Но иногда приходила, конечно, мысль: если они так со мной, со старым коммунистом, фронтовиком, известным литератором, активно работающим в патриотической печати, то что могут ждать от них другие, у которых за плечами груз полегче? Эта мысль — главная причина моего обращения к «личному моменту», ибо за ней встает нечто совсем уже не личное, а партийное.

Но, кроме того, иногда возникало желание, даже необходимость в чем-то возразить Зюганову, что-то подсказать, посоветовать ему, поправить. Вначале я делал это при встречах и по телефону, но очень скоро понял, что даже невинные замечания не нравятся ему. А Чикин от них просто лезет на стену. Таковы наши лидеры... Помню одну телевизионную беседу Г. Зюганова с Г. Явлинским. Тот в своей обычной агрессивной манере обрушил на него 24 вопроса, а он в ответ проворковал только один. Горько было смотреть: словно лидер КПРФ сидит на скамье подсудимых и ему чинят допрос. В своей очередной статье в «Правде» я упомянул об этом. На странице газеты мой товарищеский упрек не появился. Это было довольно давно, а сравнительно недавно в трех номерах «Правды» появилась статья В. Зоркальцева «КПРФ и церковь». На нее нельзя было не возразить. Я написал статью и предложил ее опять «Правде». Увы... Хотя в данном случае речь шла не о лидере, а лишь о члене Президиума ЦК. Так было и с остальными попытками сказать в оппозиционной прессе хоть что-то товарищески критическое о Зюганове и других литераторах. Такое неусыпное и чрезмерно усердное обережение авторитета не могло не породить столь уродливые факты, как, например, известная статья Александра Головенко, тогда сотрудника «Правды», с резкой и кое в чем необоснованной критикой Зюганова на страницах вонючего «Московского комсомольца». А я за столько лет впервые и не в «МК», а в «Патриоте» высказал ряд критических мыслей и предложений, и вот сразу — «Вам мало того, что

демократы травят Зюганова, — вы вносите и свою лепту». На это сразу можно бы ответить так: «А Зюганову и Чикину мало, что демократы травят Сталина и клеветуют на советскую историю, — на страницах газет они вносят и свою лепту хотя бы в виде известных читателям «Патриота» выпадов в недавних статьях Качановского и Раша». Но вместо препирательства полезнее напомнить: лучше в «Патриоте», чем в «МК», лучше Бушин, чем Явлинский, ибо нами движет желание помочь, а не посадить в лужу.

Конечно, досадно было после миллионнотиражной «Советской России» вдруг оказаться в «Аль-Кодсе» с тиражом 25 тысяч, но, честно говоря, персональные выпады и капризы начальства я переживал не шибко. Мне дороже было отношение читателей, а они дружно поддерживали меня. Товарищам Аксенову и Элевтерову полезно узнать, как читатели отнеслись к запрету В. Чикиным моих статей и исчезновению их со страниц «Советской России». Здесь тоже обнаруживается нечто далеко не личное.

Редакцию и меня тогда засыпали недоуменные, протестующие и тревожные письма со всех концов страны. Электромонтер Гурченко из Владивостока писал в редакцию: «Почему в последнее время не видать статей Владимира Бушина? В чем дело?» Г.С. Суров тоже из Владивостока недоумевал и тревожился: «Не случилось ли что с В.Б.? Почему нет его статей?» В.А. Минаков из Воронежа допытывался: «С удовольствием читаю статьи Н. Гарифуллиной, Вл. Исакова, А. Фролова... Но почему нет искрометных, гневных памфлетов В.Б.?»... Редакция на запросы читателей не отвечала, и тогда некоторые из них обращались уже конкретно к известным им сотрудникам газеты. И.П. Кузнецов из Краснодара взывал: «Уважаемая Надежда Гарифуллина!.. Почему нет материалов В.Б. и где он трудится? Я сделал уже две книги с наклейками его статей, третий том делаю. Хочу, чтобы в моей домашней библиотеке сохранились эти материалы для внуков и правнуков». Гурченко из Владивостока слал второе письмо: «Куда делся В.Б.? Читать его одно удовольствие. Перед такими, как Бушин, С. Кара-Мурза, Н. Гарифуллина, Вл. Исаков, А. Тулеев, преклоняюсь». Ю.И. Гальцев из Башкирии писал мне: «С нетерпением ждал возобновления выхода «СР» после запрета. Но, увы, в первых трех номерах Вас нет. В чем дело? Где Вы?.. Надеюсь, с Вами все в порядке,

коршуны Полстаканина Вас не сломили, перо не заржавело... Все Ваши статьи подшиваю в отдельную папку. Будет очень интересная книга». Л.Л. Сорока из Воркуты прислал такое письмо, что его впору поместить на надгробном памятнике как эпитафию: «Уважаемая редакция! Я верю только вашим публикациям, особенно когда были статьи В.Б. С Нового 1994 года его статей нет. Что случилось? Что с ним? Почему молчит флагман журналистского пера? Да, да! Именно флагман — нет никого не только в СССР, но и за рубежом журналиста как В.Б.! Благодаря его статьям я в октябре 1993 года стал вашим подписчиком, хотя газета была закрыта... Пожалуйста, сообщите, что случилось с лучшим из лучших журналистов современности». Ну, человека от огорчения и досады явно занесло: едва ли он знает, какие журналисты за рубежом... Полковник П.В. Карагодин из Сергиева-Посада: «Уважаемый тов. В. Чикин! Где Владимир Бушин? Каждый раз, получая «СР», я, прежде всего, ищу В.Б. Но вот после фашистского ареста газеты мой любимый крупнейший журналист, писатель, публицист не появляется на страницах газеты. В чем дело? Неужто...? Нет, не могу это слово написать!.. Думается, многие читатели задают себе этот вопрос...» Г.С. Суров от имени всей своей семьи писал второй раз: «Почему нет В.Б.?.. С его уходом рейтинг «СР» резко упал... Прошу Вас, Валентин Васильевич! В интересах газеты, в интересах простых людей, о которых Вы говорите, вернуть в газету Владимира Бушина... Газету я и мои друзья пока выпишем».

Вот такие и подобные им письма. И я получал их пачками много лет. Например, В.В. Чекунов из деревни Починок Ярославской области писал 26 июля уже 2000 года: «Очень жалею, что Вы перестали сотрудничать с «СР», чей тираж в три раза больше, чем у «Завтра», но которой не хватает талантливых авторов»...

Большинство этих писем лежали у меня в архиве почти десять лет, и конечно, я и не предполагал публиковать их. Но когда имеешь дело с пророками и сплетниками, подобными Аксенову, которые рассылают по многим и высоким официальным адресам письма, где именуют тебя заказным палачом и предвкушают твое изгнание отовсюду, как лжеца и клеветника, когда другой мыслитель 300-тысячным тиражом обвиняет тебя в «холопстве наизнанку», замешанном на личных капризах и обидах из-за невнимания к своей персоне, то ничего иного не

остается, как ткнуть их носом в конкретные живые факты — другого языка они не понимают, — свидетельствующие, по крайней мере, о том, что недостатка внимания гораздо более высоко достоинства, чем функционерное, я не испытывал. А в данном случае такая публикация имеет еще и тот смысл, что проливает дополнительный свет на некоторые особенности нашего партийного руководства. Знали В. Чикин и Г. Зюганов об отношении читателей к моей работе и о таких письмах в редакцию? Разумеется. Ведь я получил только малую часть таких писем, большинство их — в редакции. Но ни тот, ни другой не вняли голосу простых людей, о любви к которым так много говорят. Так что, т. Элевтеров, если ваши статьи вдруг исчезнут со страниц «Советской России» и со всех концов страны в редакцию пойдут вагонами письма с воплями «Товарищ Чикин! Верните Элевтерова, если он жив!», — не надейтесь, что КПРФ или т. Зюганов лично помогут вам.

Вслед за письмами пошли газетные отклики на мою статью. Первыми тут были С. Васильцов и С. Обухов из Центра исследований политической культуры. Товарищи почему-то уверяли, что моя статья появилась после известного Пленума ЦК. Возможно, у них в руках она появилась после, а вышла в свет до Пленума. Сверьте даты. Номер «Патриота» с моей статьей подписан в печать 15 января. Не такие уж мы пентюхи, чтобы не понимать: дорого яичко к Христову дню. Далее наши прогнозисты не так прямолинейно, как тов. Пелячик, но все же корили меня, что вот, мол, статья ваша была растиражирована демократическими СМИ. Не знаю, не видел. Что ж не указали, где именно? Но ничего удивительно тут нет. А вы что думали, на что надеялись? И впредь будут тиражировать. Таков мир, в котором мы живем. Смиритесь. И учитывайте его особенности. Затем аналитики уверяли, что большинство их респондентов отвергают мою позицию. Но ведь это большинство не читало же статью как из-за тиража газеты, так и по причине краткости прошедшего времени. Словом, видеть аналитиков в такой роли было грустно... Примечательна статья Виктора Чурилова из Юрги Кемеровской области в «Советской России» же 28 марта. Она озаглавлена пафосно: «И если я во что-то верую, так это в партию свою». Оказывается, так он сам написал в сочинении, которое цитирует в статье наряду с переиначенными стихами Маяковского. Вот две последних строфы:

И я на врага поганого,
Как говорили в старину,
Иду под знаменем Зюганова,
Чтобы спасти свою страну.

Иду дорогой самой верною
И ни на шаг не отступлю,
И если я во что-то верую,
Так это в партию свою.

Сразу приходится сказать, что стишки неважнецкие. Во-первых, ну, что же это за рифма: «Зюганова — поганого». За такую антипартийную рифму можно выговор схлопотать с занесением в личное дело. Ведь между рифмующимися словами не только звуковая переключка. Это надо чувствовать. Во-вторых, никакого персонального «знамени Зюганова» вроде президентского штандарта, введенного Ельциным, не существует. Нам достаточно знамени Ленина — Сталина, т.е. Советского красного знамени. В-третьих, тов. Чурилов, не надо тешить себя: «ни на шаг не отступлю». Отступать можно, но — с умом. Но мы уже так далеко и беспорядочно отступили, что вполне подходят честные и сильные строки Константина Симонова, написанные летом 1942 года:

Опять мы отходим, товарищ.
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...

Наконец, ведь это же очень печально, даже трагически, если человек не верит ни отцу с матерью, ни жене, ни детям, ни друзьям, — никому на свете, а только одной-разъединственной партии. Это же просто ненормальность. Перед нами образ не человека, а партийного чучела. Но главное, не следует, пользуясь ими как дубиной, отвечать барабанными стишками на конкретные мысли, на живые соображения, на ясные доводы.

Однако В. Чурилов со многими моими критическими суждениями согласен: «Заявлять <Г.Зюганову> о том, что лимит на революции в России исчерпан, конечно же, было преждевре-

менно... Непростительно мало внимания руководители партийных организаций уделяют развитию средств массовой информации... И, конечно же, нужны постоянные, громкие, как пушечный выстрел, патриотические акции то ли против живодерских коммунальных реформ, то ли за возвращение Сталинграду его имени, то ли против засилья иноземного, начиная с рекламы и кончая телевидением». Что ж, спасибо за частичную поддержку. И при чем здесь стихи?

«Но в главном вопросе — лидерстве Зюганова — не могу согласиться с Бушиным категорически!» — восклицает В. Чурилов. Почему не может согласиться? «Потому что верю в Зюганова...» Блажен, кто верует, легко ему на свете... И я верил. На восстановительно-объединительном съезде КПРФ в 1992 году, когда встал вопрос о лидере партии, Геннадий Андреевич обратился ко мне за товарищеским советом: соглашаться ли ему на столь ответственный пост. Я решительно сказал: «Непременно! Я вижу во главе партии только вас». Возможно, мой совет сыграл какую-то роль. Но в последующие десять лет моя вера все убывала и убывала...

В. Чурилов корит меня: «Обвинять Зюганова, лидера неправящей партии... в пустом топтании на месте, в том, что он, как Сталин, не ставит перед народом практические задачи по развитию экономики страны, просто смешно». Это не смешно, тов. Чурилов, а очень грустно, ибо, во-первых, надо бы понимать, что топтание на месте возможно везде и всюду, в любом деле, в любое время, в любой партии; во-вторых, в моей статье и слов-то таких нет — «задачи по развитию экономики страны». Это ваши слова. Вот и смейтесь над ними, если охота. В моей же статье слова о тех практических действиях, реальных шагах, конкретных мерах, самых разных, которые в нынешней обстановке возможны и необходимы. Перечитайте мою статью, да и здесь об этом уже говорилось немало. Руководители партии в разное время ставили и решали разные задачи. И никто не требует от Зюганова, чтобы он сейчас возгласил: «Даешь пятилетку в четыре года!» Или: «Догоним и перегоним Америку по производству тамбовского окорока на душу населения!» Но экономическая программа у КПРФ есть, и это очень хорошо. Однако знает ли ее народ? Вот вопрос...

Кончат т. Чурилов тем же, чем т.т. Пелячик, Васильцов, Обухов: «Не дело, когда артиллерия бьет по своим». Да, не дело. Но, во-первых, что же прикажете предпринять, дорогие товари-

щи, если иного языка, кроме артиллерийского, они не понимают, и длится это много лет, а время уходит. Во-вторых, если вас не убедил упомянутый выше религиозный деятель, выступающий за критику в церковной жизни, то послушайте В.И. Ленина: «От рабочих нельзя, вредно, губительно, смешно скрывать разногласия (как делает «Правда»)... Если вы промолчите, вы отстали! А газета, которая отстала, погибла...»

Вот не надо бы писать об антипартийном самодурстве В. Чикина, но приходится, ибо время идет, а он ничему не учится и только крепнет в своем самодурстве хозяйчика газеты. Допустим, спокон веку в нашей партийной печати существовал неписанный закон, благородное демократическое правило: любому человеку, и не только члену партии, всегда предоставляли возможность для ответа именно там, где против него было критическое выступление. И я на основе равноправия хотел бы ответить вам, т.т. Элевтеров, Чурилов, Васильцов, Обухов, там, где выступили вы, — в «Советской России» тиражом в 300 тыс. А отвечаю в газете тиражом в шесть с лишним раз меньше. Такова коммунистическая свобода слова по-чикински. Почему? Да только потому, что редактор «Советской России» — самодур и управы на него нет. В прошлом году два известных литератора со страниц этой газеты обрушились на меня с беспардонной бранью. Я позвонил Чикину и сказал, что хочу им ответить в «Советской России». «Ищите для этого другое место!» — буркнул владыка и бросил трубку. Ну, такая злость, словно я у него молодую жену, похожую на мисс Вселенную, увел...

Так же кидался он и на своего заместителя Ю.Н. Николаева, и на писателя Азата Абдуллина, и на других, кто пробовал его образумить в отношении меня. И это он вытворяет по отношению не только к старому коммунисту, фронтовику, но еще и лауреату своей газеты, об отношении к которому читателей он прекрасно знает. А ведь т. Зюганов воркует: «Надо создать облик партии, привлекательный для молодежи». А от этого облика и стариков уже воротит... И тут я понимаю опасение Светланы Горячевой, которая сказала: «Если они такие сейчас, то какими будут, если придут к власти?»... К слову сказать, и Зюганов, и Чикин могли предвидеть и ту мою статью и нынешнюю, могли попытаться что-то скорректировать, найти общий язык. Но они об этом и не думают. Они не понимают, как изменилось время. Раньше неугодному автору заткнуть рот было не сложно. А как это сделать теперь?

Пожалуй, надо сказать и об отклике в газете «Верность Ленину» № 2 (65). Там главный (и, кажется, единственный) редактор, упоминавшаяся Н. Морозова, обнародовала статью «Товарищ Бушин, политический лозунг это вам не хризантема в петлице!» Ну, если это нам, то вот что вам...

Н. Морозова — автор динамичный, пассионарный, неколебимый, однако — и загадочный... Не так давно она напечатала в «Правде» прекрасную статью о прохиндее Яковлеве «Девушка для всех». Я тогда же в очередной статье порадовался за автора. Но несколько раньше в этой же газете была ее статья «Обыкновенный шулер». Там с яростью леди Макбет Мценского уезда она защищала т. Зюганова и поносила коммуниста Г. Горяченкова за то, что на страницах «Гласности» он «обзывает Зюганова» и даже, представьте себе, пытается «ущучить Геннадия Андреевича».

Если так, то можно было ожидать, что уж сама-то Н. Морозова хотя бы на сей раз не только не захочет никого «ущучить» или «укурокодилить», но и даст образец подлинно куртуазного стиля. Увы... Ее статья, во-первых, изобилует истошными, пожалуй, именно крокодилскими воплями прямо в лицо оппоненту: «Ну и ну!»... «Лихо!»... «Лепота!»... «Непостижимо!»... «Ужас!»... «Кошмар!»... Затем дает противнику и его статье прозвища и эпитеты такого уж явно крокодилского пошиба: «полная глупость»... «грязная стряпня»... «навозная куча»... «ретивый цитатчик»... «шулер», «цитатчик-омоновец»... «он освоил вражеский метод»... «шулер»... «он, по-видимому, в прошлой своей профессии все решал с помощью дубинки, окрика, а то и доноса»... «шулер»... «антикоммунист»... «Да не Чубайс ли заказал ему статью?»... «шулер»... «провокаатор»... «Кто же он — пособник капиталистов, белогвардейцев или просто дурак?»... «шулер»... «Другого Чубайс, видимо, не нашел?»...

Выплеснув все это, леди, тем не менее, непостижимым образом отказывает Григорию Павловичу в самом существовании на белом свете, уверяя, что нет никакого Горяченкова, это, мол, скорей всего псевдоним какого-то белогвардейца или целого антизюгановского отряда омовцев... Казалось бы, уж куда еще дальше? Но аборигенка Мценского уезда на этом не утихомирилась. Под заголовком «Верх позора и безобразия!» она «правдинскую» статью в сокращенном виде еще напечатала и в своей бесподобной «Верности».

Товарищ Бушин!.. Профессор Трушков!..
Белогвардеец Горяченков!.. Научитесь!

Ну, Морозова — Морозовой, леди Макбет. Какой спрос с пассионарной леди постпассионарного возраста! Она заявляет: «Я вступаю в бой с теми, кто клеветает на Ленина!» И убеждена, что тут ей позволено все. Кого же она сразила в бесстрашном бою? Вот, говорит, «второй год сужусь с Е. Киселевым по поводу его паскудного телефильма «Самый человечный человек». И сразила? Да нет... Я говорил ей: дело это безнадежное. Фильм действительно паскудный, но иск (он был ею опубликован) составлен неумело: вот, мол, Киселев искажает ленинский текст, приводит неправильные даты и т.п. Искажение цитат — некрасивое, но неподсудное дело. Не так давно ленинградец т. Штейн выиграл суд против тамошней газеты, которая оклеветала мать Ленина. (Писала об этом наша коммунистическая пресса? Поощрила как-нибудь т. Штейна? Ей и в голову это не пришло!) Поинтересуйтесь, как он этого добился, а не занимайтесь самодеятельностью на мценском уровне. Так вот, говорю, что взять с пассионарии, но «Правда»-то, Центральный орган КПРФ, что допускает на свои страницы ради защиты лидера партии не от клеветы же Новодворской или Жириновского, а от критики коммуниста в коммунистической газете!

Впрочем, приведенные выше образцы словесного буйства на грани психической срыва не помешали Н. Морозовой вскоре опубликовать статью, прямо так мило и озаглавленную: «Профессор Трушков! Научитесь полемизировать честно. Ругань — не аргумент». Будто она отродясь и не слышала поговорку «Чья бы корова мычала...». Действительно, даже и за этим ее благородным призывом последовало: «Кто такой Трушков? Эдакий марксистский туз, не способный опровергнуть ни одного моего аргумента»... «беспомощный догматик»... «барахтается, как первокурсник»... «культивирует стиль базарных торговки»... «хамская выходка»... «словоблудие»... «наши догматики не умеют спорить с мыслящими людьми»... Как уже упоминалось, мыслящими людьми леди ранее уже объявила себя, любимую, и драгоценного т. Элевтерова.

Я позвонил ей и сказал: «Дорогая Наталья Павловна, могу дать телефон Горяченкова, чтобы вы убедились: есть в Москве такой белогвардеец». Решительно отказалась...

Но в чем же именно мыслящая пассионария обнаружила у моего доброго знакомого шулерство, провокаторство, белогвардейщину и т.д.? А вот, например. Как слишком расплывчатые, неконкретные, туманные он критикует лозунги Г. Зюганова «Детям России — нашу заботу!», «Свет и тепло — в каждый дом!». Наталья Павловна в недоумении и негодовании: «Уж здесь-то чего неясного, туманного? Напротив, все ясно». Конечно, всем ясно, что забота, свет и тепло это очень хорошо. Но скажите, о чьей заботе тут речь — коммунистов? А что они во всероссийском масштабе могут в нынешнее время? Лично Г. Зюганов делал подарки некоторым школам и детским садам, спасибо ему, так это и есть «наша забота»? Но, во-первых, хотя КПРФ как массовая организация (500 тысяч членов!) все-таки могла бы под руководством своих лидеров кое-что сделать, например, организовать сбор одежды для детей (и взрослых) Чечни и пострадавших от наводнения районов юга и Сибири, однако гораздо более правильно и четко звучал бы лозунг не о «нашей» заботе, а о заботе государства, чтобы оно для начала хоть устроило бы тот же сбор вещей. А свет и тепло в прямом или переносном смысле тоже должны принести в каждый дом коммунисты? Уж на это, увы, их не хватит. Тем паче, изрядная часть партии — старики... Надо требовать от правительства и президента отстранения Чубайса и суда над ним. Это и будет не маниловским пожеланием в общем и целом, а конкретным и быстрым решением проблемы для всей страны. Словом, надо двигать другой лозунг: не «Свет и тепло — в каждый дом!», а «Чубайса — в одиночную камеру Бутырок без света и тепла пожизненно!».

А вот как леди изобличает «вражеский метод» и «шулерство» Горяченкова. Он писал: «Сегодня, как и 80 с лишним лет назад, «горит» вся страна. Кого требуется спасти в первую очередь? Ленин в аналогичной ситуации не сомневался: «Надо спасти рабочего, хотя он не может работать. Если мы спасем его на эти несколько лет, мы спасем страну, общество, социализм». А о ком же беспокоится Г.А. Зюганов? О среднем классе».

«Ну и ну! — засучивает рукава леди. — Аналогичная ситуация? 80 лет назад большевики были у власти, а Ленин был главой государства. Он мог не только выбирать приоритеты, но и воплощать их в жизнь. Сейчас коммунисты не у власти. И что может Зюганов?» Ну, во-первых, «глава государства» это мо-

нарх, как Николай Второй, или президент, как Путин. Ленин же, будучи всего лишь главой правительства, был не главой, а головой и партии и государства. Во-вторых, «выбирать приоритеты» Ленин вместе с правительством и Политбюро, конечно, мог, но воплощать их в жизнь, увы, далеко не всегда удавалось, — слишком сложной и трудной была обстановка в стране и мире. В-третьих, вы, читатель, ничего не заметили? Как же! На наших глазах совершена подмена понятий: Горяченков-то ведет речь об обстановке в стране, когда она в мае 1919 года, в пору этого ленинского выступления, действительно «горела», он говорит об аналогии с нынешними днями, когда «Россия гибнет», именно по этой линии. А Морозова сделала вид, будто бы он речь ведет о положении большевиков и Ленина, которые в отличие от КПРФ и Зюганова были тогда у власти. И делает большие глаза: «Какая же тут аналогия!» Вот это-то и есть литературное шулерство в натуральную величину.

И дальше: «Что может Зюганов? Лишь объяснять народу, что сделал бы он, если бы победил на выборах». Ошибаетесь, леди, он и вся партия кое-что все-таки могут, о чем и говорилось в моей предыдущей статье, говорится в этой и во множестве статей других авторов. Почитайте хотя бы статью умнейшего Степана Бацанова в «Правде» за 2-3 июля. Он в частности пишет: «Мы недостаточно используем имеющиеся возможности по обеспечению деятельности партии и политического противостояния». И далее напоминает, что ведь все здания партийных и комсомольских комитетов, их издательства, гостиницы, здравницы построены на членские взносы. А сейчас с них получает доход черт знает кто. Так почему бы для начала законным образом через суд не восстановить имущественные права хотя бы комсомола, который ведь не был запрещен Ельциным? Почему не востребовать плату за все годы эксплуатации комсомольского имущества? Почему партия не поможет родственникам убитых по приказу Ельцина при расстреле Дома Советов в 1993 году подать на него в суд и потребовать компенсации, как это сделали в Чили родственники расстрелянных Пиночетом? А буде московский суд откажется принять иск, то почему членам ЦК КПРФ не помочь пострадавшим подать в суд Европейский, что в Страсбурге? «Если привлекли к судебной ответственности лиц, разрушивших памятник Николаю Кровавому, то почему не подать в суд на тех, кто разрушил памятники Дзер-

жинскому и Свердлову? — продолжает С. Бацанов, — Пора от обороны переходить в атаку». Вот как много у человека интересных идей... Кстати говоря, разрушителей названных памятников и искать не придется, это известный пустопляс Гавриил Попов и беглый взяточник Станкевич. С них и начать... Если даже успех этих и подобных им акций, выдвинутых С. Бацановым, будет невелик или вовсе не добьемся никакого успеха, то ведь все это даст гораздо более сильный пропагандистский материал для разоблачения режима, чем два года возни Морозовой с Киселевым.

В конце статьи С. Бацанов прямо указывает, с кого нам надо брать пример: «Неожиданные, оригинальные ходы всегда притягивают... Социалистическая Куба потому так долго и успешно противостоит США, что ее руководители не только принципиальны, но и оригинальны. Когда кубинцы разгромили американский десант, Кастро разрешил всем пленным удрать во свояси в обмен — эквивалентный, как он сказал — на скотину: солдата — на барана, сержанта — на козла, офицера — на свинью. Америка пригнала транспорты, и на берегу производили обмен под хохот всей Кубы, наблюдавшей процедуру по телевидению». Нынешнее ЦК КПРФ под руководством Г. Зюганова никогда не решится ни на что хотя бы отдаленно подобное тому, о чем тут говорилось.

А леди, мозолистой рукой стискивая горло, продолжает душировать бунтовщика: «Главное вранье — в полном искажении позиции Ленина! Ведь Горяченков изображает его упертым догматиком, свихнувшимся на классовом подходе. Точь-в-точь как это делают демократы...» Что, как Киселев, Горяченков приписал Ленину слова, которых тот не произносил? Ничего подобного, это его слова. «Да, Ленин призывал спасти рабочих, так как они голодали. Но разве только их? Вот он говорит о необходимости беречь буржуазных специалистов... В другой раз (!) Ленин призывал спасти ученых, например, академика Павлова... А уж если говорить о том, кого Ленин предлагал спасти в первую очередь, то это были... крестьяне: «Начать надо с крестьянина... Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно... Тот про-

летарий, который хотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов». И вот — последнее беспощадное усилие мозолистых рук: «Кто же Горяченков? Пособник капиталистов, белогвардейцев или олигархов?» А потом

Леди долго руки мыла,
Леди долго руки терла.
Эта леди не забыла
Хруст задушенного горла...

Да, все, что приведено выше, Ленин говорил или писал. Но странное дело, почему, как обычно у благоговейщей перед цитатами Морозовой, тут нет ссылок на тома и страницы, почему не указано хотя бы время? А очень просто. Все это говорилось и писалось в разные годы, в разной обстановке, по разным поводам, перед разными аудиториями. Она же сама пишет «в другой раз» и, однако же, пытается создать впечатление, будто Ленин в своем всеобъемлющем гуманизме одновременно, одноmomentно выражал высокую и равную озабоченность о спасении и рабочих, и крестьян, и буржуазных спецов. А на самом деле в жизни действительно порой возникают такие ситуации, что приходится делать жестокий выбор, «решать в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу», в том числе иногда и ту, кого или что спасти прежде всего. Если горит дом или землетрясение, или наводнение, то ясно, что прежде надо спасти детей и стариков, но это не значит, что женщины и мужчины зрелых лет будут брошены на произвол судьбы. В Египетском походе Наполеона при его войсках находились ученые-египтологи. И вот однажды в сражении с мамлюками возникла такая опасная обстановка, что он приказал: «Ослы и ученых — в середину!», т.е. в самое защищенное место. В том положении это было самое ценное: ослы — как средство транспорта, без них армия просто погибла бы в пустыне, а ученые — видимо, это были не такие ученые, как соломенный академик Яковлев. Так вот, в мае 1919 года Ленин считал, что для спасения страны, общества, социализма надо прежде всего спасти не крестьян (они как-то могли прокормиться на земле), не «буржуазных спецов», у которых, надо полагать, имелись деньжата, а именно рабочих, не имеющих ни земли, ни запасов продовольствия, ни

денег. Но это еще не все. Леди опять манипулирует понятиями. Ведь когда Ленин говорил о рабочих, он ставил вопрос именно об их спасении, физическом выживании. А Морозова на одну доску с этим, даже выше, как действия по спасению крестьян «в первую очередь», ставит «меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства». Вопрос о жизни или смерти подменила вопросом улучшения хозяйства.

Повторю еще раз: после революции Ленин был не только теоретик марксизма, но прежде всего — политик, практический деятель, глава правительства, он не заботился о своем бессмертии и не думал, что каждое его слово будут возводить в перл создания. Порой он говорил нечто такое, что не соответствовало ни теории марксизма, ни элементарной логике, но нужно было в данный момент для успеха революции или мирного строительства. Поэтому нередко он — неподходящий автор для изготовления бесспорных афоризмов. Так, в декабре 1920 года в докладе о деятельности Совета народных комиссаров Ленин провозгласил: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Но это же не так. Это не соответствует ни теории коммунизма, ни реальности, которую мы видели своими глазами: допустим, в 1985 году в стране была Советская власть, и всю страну практически уже электрифицировали, и жизнь была прекрасна, но до того общества, которое жило бы по принципу «от каждого по способностям, каждому — по потребностям», было еще далековато. Почему же Ленин так сказал в своем докладе? Да потому, что тогда разрабатывался план ГОЭЛРО, и глава правительства считал нужным пропагандировать идею электрификации. А более сильного, возвышенного, действенного довода, чем представить ее, электрификацию, важнейшей составной частью коммунизма, идеей которого жила тогда страна, найти было невозможно.

Наконец, не следует забывать и о том, что Ленин порой работал спешно и вполне мог, как все смертные, допустить неточное слово, опрометчивое выражение. Так, в 1921 году в статье «О кооперации» одну важную мысль он начал словами: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Именно за эту фразу ухватились Горбачев и его пестун Яковлев, начиная погром социализма. Ну как же, сам Ленин сказал! И только, дескать, смерть помешала ему осуществить эту «коренную перемену». А как морочили людям головы

злосчастной фразой всякого рода Гавриилы Поповы... И даже «Правда» в августе 2000 года печатает статью Юрия Велика, который утверждал: «в 1921 году Ленин заявил о коренном изменении своего взгляда на социализм». А доктор технических наук Евгений Кулага 15—18 сентября того же года печатает в «Правде» статью «Изменять ли нам ленинский взгляд на социализм?»

Доктор писал: «Хорошо, если бы специалисты тщательно объяснили эти фразы В.И. Ленина, не добавляя отсебятины». Да никакие специалисты тут не нужны. Просто нужно прочесть мысль Ленина целиком: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести переносится для нас на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» (ПСС, т. 45, с. 376).

Как видим, никакой «коренной перемены» да еще «всей» точки зрения на социализм, что мы к тому же поневоле «вынуждены признать», здесь нет, — Ленин просто неудачно, с каким-то драматическим оттенком сформулировал первую фразу. А речь идет о двух естественных фазах борьбы за социализм: первая — взятие власти, вторая, и вполне закономерная, логичная, — мирное строительство, и вот надо переходить от первой ко второй. А негодяи, задумавшие похоронить социализм, выхватили только эту первую фразу, но целиком мысль Ленина никогда не приводили. Словом, Ленин-то был живым, не без недостатков человеком, реальным политиком, жившим в конкретной исторической обстановке. И вчера он говорил о спасении рабочих, сегодня — о подъеме сельского хозяйства, завтра — о заботливом отношении к буржуазным специалистам. А когда надо, он говорил и так: «Большевики выступают как представители всего народа, интересов удовлетворения насущнейших нужд рабочих и крестьян вопреки той колеблющейся, нерешительной, поистине изменнической политике эсеров и меньшевиков, которая довела страну до позора...». Все это опять заставляет размышлять: так кто же все-таки шулер? кто

орудует ленинской цитатой, как омовец дубинкой? кто пособник белогвардейцев, капиталистов, олигархов или просто олух царя небесного?

Будучи уверена, что она совершенно задушила свою жертву и руки вымыла после этого, леди еще и глумится над несчастным: «От передергивания отдельных цитат наш шулер решил перейти к искажению смысла целой ленинской статьи «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Горяченков полагает, что Ленин взялся за написание этой статьи с целью вразумить Временное правительство, объяснить ему, непутевому, как нужно спасать Россию от катастрофы». Доказательством этого леди почему-то считает слова «нашего шулера», где Временное правительство и не упоминается даже: «Ленин написал эту статью в первой половине сентября 1917 года, следовательно, хочу это подчеркнуть, он излагал свое видение спасения от катастрофы дореволюционной буржуазной России». Да, именно так, Ленин писал о спасении той России, какая тогда существовала, — буржуазной. Другой, представьте себе, леди, просто не было. Неужели вы не понимаете, что в сентябре 1917 года, т.е. до революции, была только дореволюционная Россия?

Тут леди пускает в ход свое самое сильное после мозолистых рук оружие — сарказм: «В качестве инструкции для правительства Ленин придумал пять мер. Как говорится, простенько и со вкусом (?)... Написал пять рекомендаций для Керенского... На самом деле, статья Ленина адресована не Керенскому, а народу». Очень хорошо, статья в 50 книжных страниц — голодающему, истерзанному трехлетней войной народу, который, отложив все заботы о куске хлеба, обязательно прочтет ее. Но почему бы при этом Ленину не иметь в виду и сытого Керенского с его сытым Временным правительством? Представляю себе, как при этих словах Наталья Павловна подпрыгнула в своем марксистском редакторском кресле. Еще бы! Ведь она считает: «Конечно, Временное правительство теоретически имело возможность воспользоваться этими мерами и предотвратить катастрофу. Но практически оно не могло это сделать, ибо «боялось посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов». Все правильно. Только это надо адресовать не Горяченкову, а Зюганову. Разве он не понимает, что правительство Касьянова, как и президент Путин, теоретически имеют возможность воспользоваться мерами, которые предлагает КПРФ, но практичес-

ки они не могут это сделать, ибо боятся посягнуть на всесилие олигархов? Прекрасно понимает! И однако же совсем недавно Зюганов с большой группой единомышленников, в которую входили известные ученые и политики (академик Львов, Ю. Маслюков, С. Глазьев и др.), два часа беседовали с непутевым Путиным в надежде внушить ему здравые мысли. И это было правильно, ибо, если уж вы избрались в парламент, надо использовать все парламентские возможности, какие дает обстановка. Ведь справедливо сказано: надежда умирает последней. Видимо, так думал и Лев Толстой, когда писал письма то Александру Третьему, то Николаю Второму, то Столыпину...

Увы, Наталья Павловна не понимает некоторых очень простых вещей! В этом я убедился еще раньше, когда в одной ее статье прочитал, что во время Великой Отечественной войны на фронте было 300 генералов еврейской национальности. Меня это заинтересовало. Я был на фронте и не видел ни одного. Хотя, конечно, это не резон, ибо, как сказал о той поре поэт:

Генерал один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на тридцать верст вокруг...

Я знал, что до войны у нас было 994 генерала, в конце войны — 5597 генералов и адмиралов. Но если генералов еврейской национальности оказалось 300, то, поскольку, допустим, армян и грузин у нас в стране было примерно раза в два больше, чем евреев, а татар и казахов раза в три, белорусов раз в пять, значит, должно быть 600 генералов-армян, 600 генералов-грузин, 900 генералов-татар, 900 генералов-казахов и 1500 генералов-белорусов. Я уж не говорю о генералах-украинцах: их по-морозовскому исчислению должно быть тысячи. Так что же на долю русских-то остается?.. Или, может быть, все дело в том, что евреи больше всех остальных, сильнее всех в мире любят военную службу и особенно воинственны? Я этого как-то не заметил, хотя помню евреев-однополчан: лейтенант Эткинд, сержант Беркович, повар Роберман. Но ни одного генерала...

Вскоре по нашему телевидению выступил явившийся с визитом военный министр Израиля генерал Ариель Шарон, нынешний премьер, и с какой-то стати заявил, что в Отечественную войну было на фронте 400 генералов-евреев. Я позвонил Морозовой и сказал:

— Дорогая Наталья Павловна, вы пишете, что на фронте было 300 генералов-евреев, а Шарон сказал на днях, что их было 400. Кому же верить?

— Значит, 350! — тотчас ответила пассионария.

Я подивился моментальности, легкости и изяществу, с которыми она попробовала поставить меня между собой, большевиком-ленинцем, и израильским министром. Но вообще-то говоря, Шарона я понимал: он — еврей, и почему бы еврею не запустить красивый миф о своих соплеменниках. Но Морозова-то вроде русская, хоть и терпеть не может Сталина. Чего она старается на том же поприще?.. Я сказал:

— Очень хорошо: 350. Но если так много, то, во-первых, непонятно, почему ни один еврей-генерал не стал маршалом, как, допустим, армянин Баграмян. Во-вторых, не могли бы вы назвать три-четыре имени?

Наталья Павловна долго молчала, потом радостно выпалила:

— Лев Доватор!

— Допустим. А еще?

Больше никого назвать не могла.

А я назвал: Герой Советского Союза генерал-полковник Крейзер Григорий Яковлевич, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Драгунский Давид Абрамович, генерал-полковник Мехлис Лев Захарович...

— А что касается Героя Советского Союза генерал-майора Доватора Льва Михайловича, легендарного кавалериста, погибшего в 41-м под Москвой, то он был белорусом, о чем родственники, из-за неоднократных попыток объявить его евреем, вынуждены были однажды специально выступить в «Вечерней Москве».

Потом, вспоминая этот разговор, я подумал, что дело тут не в странной неосведомленности моей собеседницы, а в некоторых особенностях ее ума... Позже я написал обо всем этом небольшую статью и предложил Н. Морозовой в порядке исправления ошибки напечатать ее в своей газете. Пассионария отказалась... А ведь как срамит догматиков, «которые не умеют спорить с мыслящими людьми», как пылко поносит «марксистских тузов, которые не могут опровергнуть ни одного моего аргумента!»...

РЕЛИГИОЗНОЕ РАБОЛЕПИЕ

(В. Зоркальцев)

Перед недавним VII съездом КПРФ в четырех номерах «Правды» была напечатана статья члена Президиума ЦК партии Виктора Зоркальцева «КПРФ и религия». Надо полагать, ей придавалось принципиальное значение. Об этом свидетельствуют и сан автора, и размер статьи, и место ее публикации, и характер формулировок. Что ж, время...

Автор назидательно внушает: «Нам в России пора по-настоящему осознать, что мы живем в принципиально ином обществе». И мы сразу ошарашены. Во-первых, кто же это до сих пор не осознал, что произошло, если жизнь каждый день бьет по головам? Да как! Во-вторых, «в ином обществе», чем какое? Почему автор стесняется сказать «в ином, чем социалистическое, в котором мы жили совсем недавно»? Хотя и это было бы лишь полуправдой, ибо на самом деле мы живем в обществе не просто ином, а прямо противоположном социалистическому, — в таком, где трудящиеся бесправны, народ ограблен кучкой кровососов, подобных Чубайсу, где идет интенсивное обнищание и вымирание населения. Автор констатирует: «страна лежит в развалинах, ее на глазах всего мира добивают, народ бедствует». Но вместо того, чтобы внятно сказать, по чьей вине это происходит, он опять напускает тумана: «Это типичное переходное общество». Откуда — куда переходное? Сказать это член Президиума ЦК не смеет. Так скажу я, рядовой коммунист: общество переходит, вернее, власть и помянутые кровососы насильно перетащили общество из социализма в бандитскую хазу, а теперь те же кровососы тащат его в разбойничью пещеру, чтобы там прикончить.

И вот в пору таких-то губительных для народа и государства событий член Президиума умиляется и не может нарадоваться тому, что «после устранения бессмысленных административных запретов и идеологических табу начался религиозный ренессанс». В этом он и видит инакость общества, его новизну, этим и умиляется. Вот, мол, раньше, в эпоху запретов и табу,

люди ночами стояли за билетами в Большой, во МХАТ, в Малый, тянулись длинные очереди в Третьяковку, в Музей изящных искусств, в Ленинку, а теперь, в пору ренессанса, обнищавшим и голодным согражданам не до этого, зато «видишь десятки тысяч людей, простаивающих по 6—8 и более часов у храма Христа Спасителя, чтобы поклониться мощам святого Пантелеймона, умершего без малого 1,7 тысячи лет назад». Так и написано: «1,7 тысячи лет». При виде этих «десятков тысяч» пламенное сердце коммунистического идеолога млеет... И одновременно, опять-таки не решаясь говорить прямо, открыто, он молча отвешивает здесь поклоны Ельцину и его режиму, ибо, конечно же, имеется в виду, что это они устранили запреты и табу, благодаря им начался сей ренессанс с хвостами очередей к мощам.

Но о каких, собственно, запретах речь? Бывали, конечно, дуrolомы, подобные Хрущеву, зело огорчавшие верующих. Так от них страдало все — и сельское хозяйство, и оборона, и литература, и изобразительное искусство, и верующие, и неверующие. Хрущев крушил как Христа и его приверженцев, так — да еще с большим рвением! — и Сталина с его последователями. Но вот уже много лет никаких запретов не было. Ведь действительно, «партия в целом боролась не с религией, а с вредными предрассудками и антигосударственной деятельностью некоторых религиозных организаций». Автор далее тут же и напоминает о многих веских решениях партии и правительства 20—30—40-х годов, подписанных Сталиным, Орджоникидзе, Кировым и направленных на обережение интересов церкви и верующих. А с 1943 года руководители партии и государства принимали священнослужителей в Кремле, отмечали их государственными наградами, они приглашались на правительственные приемы и так далее. И после этого, как о чем-то небывалом, член Президиума вдруг заявляет, что сейчас «государство тонко учитывает это (помянутый ренессанс. — В.Б.) и активно вовлекает духовные авторитеты в решение светских проблем. Многие из них удостоены государственных наград».

Очень хорошо. Но хотелось бы знать, почему ни слова о том, сколь «тонко учитывает» государство бедствие народа, созерцающего церковный ренессанс. Что, коммунисту об этом запрещено говорить? Кем — Президиумом ЦК? Священным Синодом? Не дает ответа, но зато опять млеет от восторга по

поводу того, что на церемонии передачи президентской власти, состоявшейся, по его мнению, будто бы «в канун Нового года», присутствовал сам «глава Русской православной церкви. И это было знаковым явлением (!) для общества». Прекрасно! Но хочется напомнить трубадуру ренессанса, что во время войны и вскоре после нее патриарх-орденоносец Сергей и другие священнослужители участвовали в решении таких «светских проблем», как, например, сбор средств в Фонд обороны, а как члены государственных комиссий — в расследование немецко-фашистских злодеяний на нашей земле. А патриарх-орденоносец Пимен еще в 1963 году стал членом Всемирного совета мира и Всесоюзного комитета защиты мира. Из времен сравнительно недавних можно вспомнить хотя бы известное письмо тогда еще митрополита Алексия генсеку Горбачеву с благодарностью за его «титанический труд на благо Родины», — оно было написано после высокого совещания в Кремле, в котором будущий патриарх принимал участие...

О каких же недавних запретах и табу толкует высокопоставленный идеолог? Встречал ли он их за всю свою жизнь?.. Другое дело, что Ельцин создал для церкви как для своего прямого союзника, так сказать, режим наибольшего благоприятствования: приблизил к трону, обласкал, освободил от обременительных налогов, предоставил телевидение и т.п. Однако мы полагаем, что участие в работе упомянутых выше фондов, комиссий и советов было поважней для истории и нужней для народа, чем лобызание патриарха с президентом или «знаковое присутствие» на разухабистом игрище, устроенном в Кремле на золоте, бархате и атласе под елейные речи и колокольный звон с пушечной пальбой и фейерверком.

В чем же т. Зоркальцев и его Президиум видят тот самый ренессанс? Прежде всего, конечно, в том, что «процесс создания религиозных общин нарастает. Конфессии России бурно развиваются, в них вовлечены миллионы граждан...» Сколько же именно миллионов? А вот: «По данным социологических исследований, не менее 60 процентов жителей России признают себя верующими». Не менее! А может, и более. Это выходит, все взрослое население поголовно, включая Президиум ЦК КПРФ, то есть миллионов 100—110. Ого!

Пожалуй, такого процента нет даже в столь религиозных странах, как Испания, Италия или Израиль. А кто же проводил

социологическое исследование? Как зовут этих энтузиастов? И где они трудились? Когда? Какой метод использовался? Опять нет ответов!.. Видимо, то была тайная подпольная акция, и она стала общим секретом Президиума КПРФ и Священного Синода, Зюганова и патриарха.

60 процентов были названы в первой части статьи, но вот мы открываем вторую часть и читаем: «По данным переписи населения 1939 года две трети жителей СССР считали себя верующими». Тут уж получается не 60, а 66 процентов. Но и этого члену Президиума в его рвении мало, в четвертой части статьи он уверяет, что «подавляющая масса граждан СССР» были верующими. Подавляющая!.. Это уж, поди, процентов 90. И он ликует! Несмотря на то что вроде бы ясно понимает болезненные причины «бурного роста» и ренессанса: «Страдания, выпавшие на долю наших граждан в годы войны, увеличили число верующих». И сознает, что верующие ныне принадлежат «в основном к обездоленным слоям общества». Коли так, то чего ж тут, спрашивается, ликовать? Да это не ренессанс, а декаданс!.. Но дело не только в этом. Вы уверены, т. Зоркальцев, что при переписи 1939 года задавали вопрос о вероисповедании? Мои ровесники помнят эту перепись, но сколько я ни напрягал память, сколько ни расспрашивал, все говорят: «Чушь! Не было такого вопроса». В самом деле, с какой стати? — ведь церковь отделена от государства... Словом, есть основание полагать, что все эти 60, и 66, и 90 процентов добыты «способом открытого бурения» там, где источник подобных данных неиссякаем, — в залежах коксующихся домыслов. Эти ваши миллионы и миллионы, т. Зоркальцев, еще более эфемерны, чем 20 миллионов членов КПСС до 1991 года, когда они при первом шорохе ментально разбежались, оставив 2,5 процента. Так что, как горбачевское Политбюро жило в выдуманном им эфемерном мире, так и нынешние идеологи КПРФ обретаются там же... Но спрашивается: зачем член Президиума ЦК жонглирует несуразно раздутыми цифрами? Ответ на этот вопрос имеет кардинальное значение: чтобы понравиться церковникам. И в этом вся суть статьи. Она сплошь состоит из комплиментов в их адрес, из угодничества перед ними, из прямого раболепия путем искажения действительных исторических фактов.

Впрочем, нельзя исключать того, что цифра «не менее 60 процентов» действительно была где-то получена в результате

какого-то хитрого опроса. Дело в том, что вот уже немало лет, как в обществе создана атмосфера если не террора, то злобного остракизма против неверующих, глумления над ними. И активнейшим помощником ельцинского режима в этом богопротивном деле оказалась КПРФ и ее лидеры. В. Зоркальцев пишет: «Ошибка КПСС, руководства страны того (?) времени состояла в том, что культивировалось искусственное разделение людей по вере, что религия признавалась наследием феодализма». Во-первых, а что, разве религия это наследие Октябрьской революции или первой пятилетки? И о каком времени тут речь? И о каком «разделении по вере» (судя по контексту, имеется в виду разделение верующих и неверующих. — В.Б.) говорит автор, если сам же, опровергая себя, утверждает, что «в партии в 1922 году партперепись выявила 10% верующих»? В партии! А в середине 20-х годов, например, в компартии Бухарской республики более 60% были верующие, «причем мусульманские священнослужители во многих случаях возглавляли партячейки». Куда уж дальше! Имея в виду более поздние времена, Зоркальцев, не называя, правда, конкретных имен, рисует такую картину: «Немало верующих являлось депутатами Советов, занимало командные посты в армии, вело научную и преподавательскую работу, ярко проявляло себя в сфере экономики и культуры». Все это не оставляет камня на камне от собственного угодливого мифа «разделения по вере».

Так было. А что теперь? Теперь-то и насаждается настоящее разделение, притом — самыми варварскими способами. Вот хотя бы всем известный Никита Михалков, лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, любезный друг президента, с которым недавно на загородной даче он даже отпраздновал интимно Никитины именины. Этот Михалков уже много лет буквально терроризирует неверующих — и по телевидению на всю страну, и в таких злобных, ельцинско-раболепных газетах, как «Не дай Бог!». Так, 29 июня 1996 года, изо всех сил помогая Ельцину вторично стать президентом, он писал в помянутой грязной газетенке: «Большевизм ничего не может принести ни миру, ни народу. Большевизм построен на учении, которое рождено не в России. И уже это (!) говорит о том, что оно никак не может быть связано с истинно корневой системой страны...» В угодническом экстазе он не соображает даже, что его слова о чужеродности и корневой связи могут быть с еще большим ос-

нованием отнесены к христианству вообще и в частности к православию, которые ведь тоже родились не в Новгороде или Рязани, не в Мытищах или Елабуге, а гораздо дальше от России, чем марксизм, — аж за синими морями, за высокими горами. И дальше: «Только с Ельциным сегодня может связать свое будущее, свой расцвет (то бишь ренессанс. — *В.Б.*) православие...» И, наконец: «Русский человек без веры — не человек. Достоевский сказал еще жестче: животное. А я не хочу быть животным, я не хочу жить в мире животных». Раньше, видите ли, жил и шибко преуспел среди животных, а теперь почему-то не хочет. И такие речи Михалков не раз повторял как раньше, так и после по телевидению. А Достоевский, на которого оголтелый лауреат комсомола постоянно ссылается, конечно же, ничего подобного не говорил. Церковь должна бы сама решительно осудить такие широковещательные заявления всем известного невежды, но святые отцы молчат. Что, так по душе? Ведь как говорится, молчанье — знак согласия. А разве можно вообразить, чтобы коммунисты промолчали в ответ на такое, допустим, заявление одного из своих собратьев: «Русский человек без веры в марксизм-ленинизм — не человек, а животное». Вон стоило только генералу Макашову молвить что-то дискуссионное о евреях, которых в сто раз меньше, чем неверующих, как Зюганов тотчас кинулся к Кобзону с извинениями от имени всей партии. Но за все годы человеконенавистнического беснования Михалкова КПРФ, как и церковь, ни разу не посмела дать отпор наглцу, не решилась защитить от его гнусных оскорблений миллионы и миллионы неверующих.

Больше того, теперь и член Президиума ЦК заявляет в таком же оскорбительном духе: «Человек без веры — как птица без крыльев! У него нет ни будущего, ни прошлого, да и настоящее его плачевно». Коммунистический идеолог выступает в роли подпевалы певца ельцинизма. А ведь не только Михалков не желает быть животным, не только Зоркальцев не хочет слыть птицей без крыльев да еще не иметь ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, — этого не хочет никто, поэтому при желании можно получить невиданные проценты верующих. Заверив нас в том, что перед войной 66 процентов населения СССР были верующими, автор торжествующе восклицает: «Какой же крепко верующей была Россия, если даже в той (?) ситуации люди не боялись официально записать, что они верующие!» О какой

ситуации тут речь? Ведь мы только что слышали от автора, что верующие люди были всюду, занимали и ответственные должности в партии, и командные посты в армии, руководили народным хозяйством и успешно работали в науке, в искусстве, в литературе. А кроме того, да разве можно сравнить, допустим, убогий довоенный журнальчик «Безбожник», который, кстати, когда началась война, был закрыт, с таким оружием массового идеологического поражения, как телевидение, как упоминавшаяся 10 000 000-тиражная на шести полосах в цвете газета «Не дай Бог!» с постоянным пребыванием там Михалкова, Броневского, Джигарханяна и даже Брижит Бардо, с пеной на губах цитирующих несуществующие тексты Достоевского? Вот в обстановке такого террора действительно надо иметь мужество, чтобы открыто заявить о своем атеизме... Судя по всему, Президиум ЦК КПРФ не дает себе отчета, до какого мракобесия дошло дело, в котором он принимает столь деятельное участие...

Поэтому можно посоветовать т. Зоркальцеву проделать такой эксперимент. Перепишите-ка, уважаемый, на машинке пушкинскую (не говорю уж «Гавриилиаду»), «Сказку о попе и о работнике его Балде» да подите в любую московскую редакцию. Во многих из них ныне сидят люди, отродясь Пушкина не читавшие. Поэтому можно будет смело сказать: «Вот взбодрил я на досуге сказочку, напечатайте». И что тут произойдет? Не только вас, т. Зоркальцев, не только т. Зюганова, но и самого Пушкина с такой сказочкой сегодня спустят с лестницы, да еще и физиономию набьют...

Тов. Зоркальцев пишет: «Настало время серьезного пересмотра политики КПРФ в отношении религии... В Программе КПРФ указано, что в национально-освободительной борьбе за спасение России союзниками КПРФ могут быть и «религиозные объединения всех традиционных конфессий». Конечно, могут. Какие разговоры! И дальше: между церковью и КПРФ «необходимо единение для спасения России... Поддержка православия, других конфессий — наша важная задача».

Итак, союзники и заединщики во имя великой цели. Что ж, замечательно! Никто не против. И еще Маркс да Энгельс клеймили общество, которое «священный трепет религиозного экстаза утопило в ледяной воде эгоистического расчета...» Но важно, как строятся отношения между союзниками. Прежде всего, они должны быть равноправными. Так? Богатую пищу для раз-

мышлений на эту тему дают, например, наши отношения с союзниками во Второй мировой войне. Тут есть две стороны — слово и дело. Нельзя сказать, что союзники скупались на похвальные слова и комплименты в наш адрес. Так, Черчилль сказал однажды о нашем Верховном Главнокомандующем: «Великий воин Сталин...» Верховный ответил несколько более сдержанно, но тоже возвышенно: «Черчилль? Старый боевой конь...» Но если судить не по словам, а по делам, то нельзя не видеть эгоизма наших западных союзников, их постоянного стремления грести жар нашими руками.

Не поступает ли сейчас церковь по отношению к КПРФ в некотором смысле так же, как во время войны западные демократии — по отношению к нашей стране? Судите сами. Статья т. Зоркальцева дает об этом ясное представление. Во-первых, странно, что, объявив свою партию со ссылкой на ее Программу союзником церкви, автор почему-то скрывает от народа, когда, где, чьими устами церковь в свою очередь объявила себя союзником компартии. Однако, несмотря на очевидное отсутствие изначальной взаимности автор неистощим в комплиментах и похвалах односторонне объявленным союзникам: «В современной России религиозные деятели — общепризнанные авторитеты. К их голосу прислушиваются миллионы граждан... Духовные пастыри отстаивают насущные интересы мирян, резонируют настроения большинства населения, отстаивая его жизненно важные повседневные чаяния». Очень отрадно. Но хорошо бы привести конкретные примеры. Вот, допустим, миряне Владивостока и чуть ли не всего Приморского края сейчас мерзнут и голодают, поскольку нет ни топлива, ни зарплаты, а духовные пастыри, дескать, уже тут как тут, уже резонируют. Интересно узнать бы, какой именно пастырь резонирует точнее и громче всех. Ведь миряне эти, разуверившись во власти, уже обращались со своими чаяниями тепла и пищи, лекарств и денег к самому патриарху. Но что-то не слышали мы, чтобы он прорезонировал, допустим, посредством посылки туда денег из патриаршего фонда...

Между тем, именно по этому адресу автор оглашает особенно проникновенные похвалы: «Весомо и набатно, когда этого требуют интересы России, звучит голос патриарха Алексия»... Да, весомо и набатно, но в интересах ли России прозвучал его голос в США, где он призывал американских раввинов

к совместной борьбе против русского антисемитизма. Весомо и набатно, но в интересах ли России прозвучал его голос в Германии, где он от имени русского народа, который его об этом не просил, принес немцам извинение неизвестно за что. Не за освобождение ли от фашизма? Не за сотни ли тысяч жизней наших солдат, погребенных в немецкой земле?.. Весомо и набатно, но в чьих интересах прозвучал его голос, когда в день рождения могильщика России он, преподнося ему в подарок золотую статуэтку Владимира Святого, возгласил на всю страну: «Вы, Борис Николаевич, Владимир Святой наших дней!» Наконец, весомо и набатно прозвучал его голос и в октябре 1993 года: «Кто первый откроет огонь, тот будет предан анафеме!» Давно известно, что первый открыл огонь Ельцин и по его приказу были расстреляны сотни мирян. И что же Святейший Резонатор с его анафемой?

И вот что, между прочим, приходит на ум, когда размышляешь об отношениях коммунистов и церкви. Ленин не объявлял компартию союзником церкви, однако патриарх Тихон, сперва отвергнув советскую власть, потом призвал мирян к сотрудничеству с ней и высказал свое восхищение Лениным. Сталин тоже не объявлял компартию союзником церкви, но патриарх Сергей, а потом и патриарх Алексей Первый глубоко чтили вождя советского народа, о чем Зоркальцев почему-то умалчивает... Так было. А что теперь?

Лидеры КПРФ и ее идеологи, объявив РПЦ союзником, нахваляются и саму религию, и церковь, и призывают помогать ей, и превозносят ее иерархов, но что слышат в ответ? Кто из святых отцов молвил хотя бы одно доброе словечко о компартии в прошлом и теперь? Кто назвал Зюганова хотя бы резонатором народных чаяний или рубильником социального прогресса? Нет таких голосов... В. Зоркальцев называет конкретные имена коммунистов, помогавших церкви и верующим в прошлом и в настоящем: Сталин, Калинин, Орджоникидзе, Киров... Василий Стародубцев, Татьяна Астраханкина, Александр Шульга... А где созвучные этим имена союзников?..

Автор цитирует Программу КПРФ: «добиваться уважения к православию». Замечательно, хотя и не совсем понятно, ибо добиваться уважения к себе всякий должен, прежде всего, сам, в частности, соблюдением своих собственных решений. Но интереснее другое: а кто из нынешних священнослужителей до-

бивается уважения к коммунизму и к коммунистам? Опять повторим: союзники же!.. Больше того, а какова была позиция церкви на президентских выборах 1996 года? Эта позиция вынудила тогда трех верующих русских патриотов — В. Мяло, В. Осипова и Н. Павлова выступить в «Нашем современнике» №7 с письмом «Не сейте распри». Они писали, что Архиерейский собор вынес решение «о непригодности для церкви какого-либо государственного строя, какой-либо политической доктрины, каких-либо общественных сил и их деятелей, в том числе находящихся у власти». Решение ясное и твердое. Но не прошло и двух лет, с тревогой писали автор, «как первое лицо нашей церкви публично заявляет о предпочтительности существующего политического режима, существующей «стабильности» и — по сути — действующего президента. Это было сказано в Сыктывкаре, а затем в Перми. К священникам на местах обращен прямой призыв вести работу с верующими в преддверии выборов. Духовенству поручено подсказывать мирянам, что они «должны идти на выборы и поддержать власть». Миллионы верующих как бы обязаны теперь голосовать за Ельцина. Попутно было объявлено, что, если оппоненты режима придут к власти, «они могут вновь разрушить храм Христа Спасителя...».

А вот свежайший пример. 3 декабря в Ивановской области, как и в десяти других регионах страны, состоялись выборы глав администраций. Основными конкурентами были секретарь обкома КПРФ В.И. Тихонов и нынешний глава А.П. Головков. В предвыборной кампании самым активным образом участвовала областная епархия и ее глава архиепископ Амвросий. За кого же он агитировал — за союзника-коммуниста? Нет, за его конкурента. Архиепископ выпустил специальное обращение к верующим, в котором взывал: «Головков — достойный кандидат в губернаторы, и свой голос гражданина я, конечно же, отдаю за него... Призываю и вас, мои дорогие, не уклоняться от гражданского долга, прийти на выборы и проголосовать, сделав правильный выбор... Прошу членов церковного актива, священнослужителей и православных мирян быть активными на выборах и потрудиться среди своих родных и близких, убедить их сделать свой правильный выбор...» Вот какой размах! Но, увы, архиепископская агитка не помогла. Тихонов получил 48 процентов голосов, опередив любимца отца Амвросия аж на 15 процентов.

Неужели т. Зоркальцеву неизвестны факты такого поведения церковников на выборах?.. Так разъяснил бы, что же это за союзники, если они прямо борются против кандидатов КПРФ, начиная с ее лидера, запугивая при этом избирателей совершенно в духе какого-нибудь Явлинского или Немцова, запугивающих народ гражданской войной в случае победы коммунистов. Может, и они союзники КПРФ? Вместо ответа автор безмерно восхищается тем, что «сейчас религия сама врывается в политику», то есть он радуется, что церковь грубейшим образом нарушает свои собственные установления и решения Архиерейского собора. Ну, а если коммунисты так же наплевали бы на решения Пленума своего ЦК?..

Мы уже отчасти видели, как т. Зоркальцев добивается уважения к религии и РПЦ, но полезно кое-что и добавить, ибо тут его рвение и его арсенал поистине неисчерпаемы. Он объявляет, например: «Религия сейчас во всем мире меняет свой облик, приспособляясь к реалиям современности». Как церковные деятели хотя бы в лице патриарха приспособляются к таким, скажем, реалиям современности, как Ельцин, мы только что видели сами. Но как православие меняет свой облик, что появилось в нем нового, автору следовало бы рассказать, ибо это не очень-то ясно. Дальше: «Когда идеологический аппарат КПСС окончательно рухнул, лишь церковь громогласно отстаивала принципы народной жизни». Горбачевский идеологический аппарат во главе с Яковлевым никому не жалко, но где и когда т. Зоркальцев видел и слышал эту церковную громогласность? Какие принципы народной жизни она отстаивала? Ну назвал бы хоть один случай, хоть единый принцип! Может, «всякая власть от Бога»?

И снова: «Церковь и аккумулятор и хранительница исторического и культурного наследия нашей страны». Да, так было когда-то, о чем свидетельствует, в частности, упомянутый в статье образ летописца Пимена из пушкинского «Бориса Годунова». Но что сейчас? Что аккумулирует и сохраняет церковь ныне? Где ее голос в защиту школ, библиотек, музеев, давних строений нерелигиозного характера? Правда, автор с радостью сообщает, что издана 12-томная энциклопедия РПЦ. Очень хорошо. Но млеющему от восторга члену Президиума тут почему-то не приходит в голову пожалеть о том, что коммунисты не имеют до сих пор хотя бы 2-томную энциклопедию ВКП(б) —

КПСС — КПРФ. А еще, оказывается, началось издание крупноформатной 25-томной Православной энциклопедии. Тоже прекрасно! Но какова ее цена? На кого она рассчитана? Нам-то по бедности хотя бы 5-томную Коммунистическую энциклопедию издать. Разве не досадно, что у коммунистов нет средств даже для скромных изданий, а их любимый союзник, которого они превозносят до небес, вон что закатывает! Уж не попросить ли помочь, как помогали нам все же во время войны союзники самолетами, автомашинами, тушенкой? Или пусть бы церковь опять же из благородных союзнических чувств выступила с требованием возратить коммунистам их имущество. Почему бы не поставить этот вопрос перед патриархом, а он — перед президентом?

Ведь сама-то церковь вон как благоденствует: у нее «крепкая материальная база... тысячи храмов, монастырей, мечетей, синагог, духовных академий, семинарий, медресе, издательств, газет, журналов...» Один храм Христа Спасителя, этот, по выражения нашего марксиста-ленинца, «венец религиозного ренессанса», по данным прессы, обошелся в 60 миллионов долларов. Так кто же кому из союзников должен помогать? Богатый — бедному или бедный — богатому? Правда, автор уверяет, что восстановление и строительство церквей осуществляется исключительно за счет пожертвования мирян, но я, признаться, ни одного из этих мирян не знаю, а предположить, что раскошались Березовский да Гусинский, у меня души не хватает.

В неусыпной заботе об авторитете союзника т. Зоркальцев доходит до утверждения, что «былого противостояния религии и науки сейчас нет!». Слава тебе, Господи! Но куда ж оно девалось? Ведь столько веков люто враждовали! Дело доходило, помнится, до сожжения ученых живьем на кострах. Еще на моей памяти они непримиримо противостояли, допустим, в вопросе происхождения человека. Так кто же к кому приспособился? Наука ли к религии, прокляв Дарвина и согласившись, что человека можно создать из ребра и даже из простого фу-фу, или религия к науке, объявив Дарвина равноапостольным святым чудотворцем и осудив печально знаменитые аутодафе, «обезьяньи процессы» в Америке и тому подобные святые штучки? И тут нет ответа!.. Вот сейчас, в декабре этого года, палеонтолог Пикфорд раскопал в Кении останки человекообезьяны, жившей 6 миллионов лет тому назад. Интересно, что

скажут об этом как священнослужители, так и марксистская наука в лице т. Зоркальцева.

В поисках дополнительных доводов в пользу союзника член Президиума ЦК обращается и в прошлое — к его событиям и выдающимся деятелям. Например: «Старшее поколение помнит, как многих потрясло обращение И.В. Сталина в июле 1941 года к народу. Его пастырские слова «братья и сестры» нашли глубокий отклик в сердцах верующих и озадачили догматиков». От лица старшего поколения могу сказать вам, т. Зоркальцев: вы глубоко ошибаетесь. Никого эти слова не озадачили. Они вовсе не воспринимались тогда как церковные, каковыми они вовсе и не являются. Это обычные русские слова, к которым лишь часто прибегают в церковных проповедях и писаниях, о чем молодое поколение тогда уже и не знало, но никакой монополии на них у церкви нет. Слова эти в гениальной речи Сталина не стояли одиноко. В тот страшный час он говорил как отец нации:

«Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

И все это вместе, в неразрывном единстве было пронзительным зачином великой речи, нашедшей глубокий отклик в сердце всего народа, а отнюдь не только верующих. И лишь такие бесстыжие оборотни, как Солженицын или Никита Богословский, могли потом глумиться над ней. Но и нахваливать ее за церковный будто бы колорит тоже нет никаких оснований: первым в этой речи было слово «товарищи».

Между прочим, в своем непомерном усердии восхваления церкви и ее деятелей коммунист Зоркальцев добрался и до слова «товарищ». Вы, говорит, думаете, что это «укоренившееся у нас слово» ввели в «гражданский оборот» Маркс и Энгельс или Ленин и Сталин, что его первыми воспели Пушкин и Гоголь? Ничего подобного! Это сделал в 1539 году основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола. Ну, знаете, товарищи из Президиума, это дорогого стоит. Даже и не знаешь, что сказать при виде такого рвения: прочь с дороги, Лойола идет!.. Товарищ Зюганов, вы доктор наук, объясните своему кадру, что за тыщу лет до всех иезуитов, включая хромоногую Лойолу, слово «това-

рищ» имело все права гражданства во всех славянских языках. И не у Лойолы взял это слово для своего «Хождения за три моря» тверской купец Афанасий Никитин, современник Лойолы, не у него...

Особого внимания заслуживает такая похвала Зоркальцева: «В годы Отечественной войны, как известно (!), чудотворными иконами обносились позиции советских воинов». Это, мол, и победу принесло... «Как известно!»... Это откуда ж известно-то? На каком фронте, в какой армии, какой генерал хоть разочек приказал прибегнуть к этому победоносному оружию? Не путаете ли вы, товарищ коммунист, Великую Отечественную с русско-японской войной, когда бесталаный, но набожный царь, к позору церкви оглашенный ныне святым, действительно слал вагонами на фронт иконы при нехватке снарядов? Чем это кончилось, всем хорошо известно...

Вот и сейчас грянула великая трагедия подлодки «Курск», погибли 118 сынов родины, и тотчас какой-то костромской богوماз проворно намалевывал икону новоиспеченного квазисвятого Николая, и тут как тут нагрянул с ней в Видяево. Стыдно было смотреть по телевидению, как, переминаясь с ноги на ногу, стояли вокруг здоровенной иконы боевые каплейты и каперанги со смущенными лицами, и никто не посмел сказать богوماзу слов, которые он заслуживал... Неужели святые отцы не понимают, что это профанация религии, унижение церкви — проворно лезть везде и всюду, быть каждой бочке затычкой. Чем это лучше усердия тех коммунистических долдонов, которые лезли всюду с «Кратким курсом истории ВКП(б)», а потом с «Моральным кодексом строителя коммунизма», как с такой же затычкой? Абсолютно ничем!.. Вот и подсказали бы вы, певец ренессанса, тут святым отцам, если они сами не понимают своего положения, — это и была бы живая забота о достоинстве церкви.

Нельзя с огорчением не заметить, что т. Зоркальцев с его раболепно-хвалебными акафистами не одинок среди коммунистов, у него есть единомышленники. Да еще какие! Один из них еще три года тому назад о той же знаменитой речи вождя говорил в том же церковном духе: «Сталин обратился к народу, как исстари водилось на Руси: «Братья и сестры!» И ему поверили, за ним пошли». То есть два «пастырских слова» сотворили чудо. Ну, а за кем же раньше-то, после смерти Ленина,

шли — за Троцким, что ли, а потом за Бухариным или Каменевым? Это партийная тайна...

Надо ли удивляться тому, что у коммунистического авангарда есть последователи! Таков, например, беспартийный подвижник веры Юрий Юрьев. В статье «Победа минувшая и грядущая», напечатанной в газете тоже патриотической, он рисует такую картину нашей победы в Отечественной войне. Оказывается, решающую роль в этом сыграл некий «митрополит гор Ливанских» (он же патриарх Антиохийский) по имени Илия. Из глубины этих гор он слал Сталину письма и телеграммы, что и как делать. Сразу же после первой телеграммы, уверяет Юрьев, «Сталин вызвал митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) и митрополита Сергия (Старгородского) и обещал исполнить все, что передал Илия, ибо не видел никакой возможности спасти положение: враг подходил к Москве».

Нельзя только не заметить, что, во-первых, фамилия митрополита Сергия была не Старгородский, а Страгородский, что подвижнику православия надлежало бы знать, тем более что ведь Сергий стал патриархом. Во-вторых, в ту пору, когда немцы рвались к Москве, т.е. в ноябре — декабре 1941 года, Алексий, тоже будущий патриарх, еще не был митрополитом Ленинградским, он стал им в 1943 году. В-третьих, именно тогда, в 43-м, а не в 41-м, состоялась встреча Сталина с иерархами церкви. Как видим, наш подвижник, как и учитель его, не слишком осведомлен в предмете своих умствований, но, тем не менее, уверенно пишет, что Илия, должно быть, с пометкой «срочно» шлет телеграмму: для спасения Москвы надо совершить «вокруг позиций» крестный ход с Тихвинской иконой Божьей Матери. Сталин переспрашивать не стал, почему именно с Тихвинской, а не с Казанской, согласился. Но, говорит подвижник, стояла ужасная оттепель, слякоть, поэтому ограничились тем, что обнесли икону вокруг Москвы на самолете По-2. Замечательно! Но вообще-то говоря, самолет — тогда назывался У-2, только в 1944, году после смерти Героя Социалистического Труда Н.Н. Поликарпова, он стал По-2 в честь своего создателя. Как видим, познания Ю. Юрьева в военной сфере не тверже, чем в сфере церковной. Но тут важнее другое: неужели история не сохранила имена если уж не тех, кого испугала слякоть, то хотя бы имя бесстрашного летчика? Ведь в те дни облететь на утлом У-2 прифронтовую Москву было ох как не просто!

«Сразу после воздушного крестного хода, — повествует Юрьев, — ударили морозы такой невиданной силы, что не только встала бронетехника врага, клинило даже затворы. Главная сила немцев была «заморожена». Исход битвы за Москву был решен...» Великолепно! Потрясающе! Чудо великое! И все благодаря иконке!.. «Именно об этом чуде, — ликует Юрьев, — вспоминали немецкие историки, говоря, что войну выиграл генерал Мороз»... А теперь скажите, т. Зоркальцев, кто этот Юрьев — ваш малограмотный блаженный ученик или сознательный пособник битых фашистских генералов и немецких историков, изобразивших дело так, будто мороз, который действительно был той зимой, ударил только по их войскам, а нам было нипочем. Для вашего совместно с Юрьевым сведения сообщаю: в ходе наступления на Москву вермахт потерял более 500 тысяч солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч автомашин и много другой техники. И почти все это еще до морозов. Так что хотя действительно был момент, когда силы защитников Москвы оказались невелики, но и у немцев иссякли силы для нового удара — их истребила Красная Армия. Как видите, ваш ученик занимается не чем иным, как принижением подвига нашей армии и величия нашей победы. Таковы ныне пошли патриоты...

Разумеется, такие же постыдные байки рассказывает этот Юрьев и о нашей Сталинградской победе, об обороне Ленинграда, о штурме Кенигсберга. Все решали те же иконы, только разные. Вот Кенигсберг. Там, говорит, «наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были все еще сильны, потери были огромные, и чаша весов колебалась, мы могли потерпеть там страшное поражение...». Он, как видно, и не знает, когда дело было. В апреле 45-го! Какое могло быть поражение, когда наши войска уже устремились на Берлин.. Я участник штурма Кенигсберга. Получил за это благодарность Верховного Главнокомандующего и две медали — «За взятие Кенигсберга» и «За отвагу». Так вот, никакая чаша там не колебалась — мы с самого начала взяли немцев за горло. И потери там были минимальные, ибо четыре дня перед штурмом окруженную крепость неустанно громила наша артиллерия и авиация, причем не только своя, но и привлеченная с соседних фронтов. А когда 9 апреля на город обрушили всю свою мощь сразу полторы тысячи самолетов, да последовал еще один массированный удар артилле-

рии, то немцам ничего не оставалось, как пойти на безоговорочную капитуляцию.

Но Юрьев продолжает малевать свою картину, будто бы предоставив слово какому-то безымянному офицеру: «Приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священник». Он не знает даже, кто там был командующим. Сообщаю: маршал А.М. Василевский. А уж как звали офицера-рассказчика и священника пусть сам скажет. Дальше: «Командующий приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники (Ведь только что был всего один. Сколько же их стало, откуда взялись? Военная тайна! — В.Б.) отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост?.. От (!) немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба прекратилась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали штурм. Немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен!..»

Представьте себе, в обширных воспоминаниях Василевского «Дело всей жизни» — почти 550 страниц! — об этом великом чуде ни слова! Мало того, ведь свидетелями чуда были тысячи и тысячи людей с нашей и с немецкой стороны, — и все молчали и молчат почти шестьдесят лет. И вот только теперь выискался вдруг один-единственный очевидец, да и тот боится назвать себя. Какая досада!.. И тут надо напомнить, что статья Юрьева озаглавлена «Победа минувшая и грядущая», то есть автор настаивает, чтобы мы и впредь в трудном положении действовали так же, как тот неведомый священник в Кенигсберге: с иконой — на пулеметы... Вот, т. Зоркальцев, что вы возвращаете и поддерживаете. Так будьте последовательны: примите постриг и возглавьте партячейку КПРФ в Госдуме. Тот обрадуется ваш воспитанник Юрьев!..

«Молния», № 1—2, 2001

МИТРОПОЛИТ ИОАНН И КОММУНИСТЫ

Ныне, в пору всепроникающего благоухания демократии, во многих газетах и журналах самой разной направленности и умственного уровня, таланта и приличия, от анемичной правительственной «Российской газеты» до яростно антиправительственной «Завтра» и «Правды», украшенной двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской революции, до махрово антикоммунистического «Нашего современника», — всюду постоянно печатаются статьи, стихи, поэмы и даже рекламные объявления религиозного характера.

В чем дело? Ведь ни одно из этих изданий за долгие десятилетия их существования в религиозности замечено не было. Совсем наоборот! Сколько печаталось фанатически антирелигиозных статей, допустим, в той же «Правде». Так неужели достаточно было Ельцину и Старовойтовой, Лужкову и Новодворской появиться на экранах телевизоров со свечками в руках и с выражением святости на будках, как тотчас вслед за ними ринулась целая орда во главе с марксистами-ленинцами.

Иные из религиозных публикаций просто ошарашивают своей неожиданностью. В самом деле, кто бы мог помыслить, например, что «Правда», бодро звякнув своими славными орденами, вдарится однажды рекламировать бесплатную брошюру «Христианство: опиум или истина?» И мы читаем на ее страницах, от коих уже веет ладаном: «Христианство — это личная встреча с живым Христом, Спасителем нашим. Он пришел в этот мир, погрязший во грехе, чтобы мы имели жизнь с избытком. Он пришел, чтобы свидетельствовать об истине» (2.06.95). Кто бы мог вообразить, что Николай Доризо, член КПСС с 1947 года, автор возвышенной поэмы «В России Ленин родился» и греховной песенки «А я люблю женатого», на 73-м году жизни, отринув свое порочное прошлое, сочинит исповедальную поэму «Ночные разговоры с Богом», а та самая трижды орденосная «Правда» на 83-м году своей марксистской жизни обнародует эту экстраординарную поэму 7 июля с.г., в Международный день кооперации, сопроводив сей «Разговор» глубокомысленным портретом одного из собеседников. Кому

могло присниться в самом фантастическом сне, что богомерзкий «Московский комсомолец» заведет постоянную рубрику «Верую», а его сотрудники будут названивать в комитет «За нравственное возрождение Отечества» и божиться, что все они, от старого холостяка Гусева (русского) до молодого женолюба Минкина (еврея) — первосортные служители Христа... Вот мир, читатель, в который мы ныне попали!

Однако есть на этой ниве факты другого рода — вполне естественные и закономерные. Так, нет ничего удивительного в том, что авторами религиозных публикаций часто выступают священнослужители и активисты церковной жизни. Статьи многих из них содержат интересные мысли, верные суждения, справедливые оценки, а главное — патриотичны, и это, конечно, радует. Как не приветствовать, скажем, статью дьякона Михаила Номнонова «Тайна Беззакония», где, в частности, дана достойная оценка упомянутой рубрики в богопротивном «МК»: «Если бы даже ее содержание было безупречным, то чего бы стоила проповедь христианства на одних страницах с развратнейшими статьями и объявлениями, где половые извращения ищут себе подобных» («СР», 11.07.93).

Но, к сожалению, встречаются среди этих публикаций и такие, где нет ни доброты, ни правды, ни ума, а лишь злобность, мстительность, клевета. Так, некая церковная активистка А. Полднева, не сумев ничего придумать сама, повторяет замшелые белогвардейские байки о том, что Вильгельм Второй «осыпал золотом большевиков и привел их к власти». Только и забот ему было накануне собственного свержения, что он, терпя жестокие беды на фронтах, не знал, куда ему золото девать, кроме как большевикам сунуть. Мадам активистка проливает горькие слезы: «Ленин в 20-х годах ограбил дворян и промышленников, Сталин в 30-х годах до нитки обобрал крестьян», но молчит о том, как же ограбленная страна вдруг стала сверхдержавой, да такой богатой, что вот уже десять лет ее разворовывают доморощенные и заезжие бандюги и все не могут разворовать... Другая активистка Н. Нарочницкая, набравшись ума в Америке, тоже твердит о России, «дотла сожженной в 1917 году большевиками», тоже льет слезы: «малоэффективная и фальшивая система власти и организации общества»... Скушно это, дамы и господа, аж скулы ломит.

Митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн (Снычев) стал в последние года три одним из самых активных авторов нашей периодики. Его статьи-проповеди за подписью «смирный Иоанн» печатаются во многих и разных изданиях от занудной правительственной «Российской газеты» до оппозиционной «Советской России». Конечно, нельзя не одобрить те его выступления или их фрагменты, где автор гневно обличает нынешний антинародный режим и его создателей. Я такие его проповеди горячо приветствую.

Однако патриотизм, излюбленный предмет размышлений св. отца, порой предстает в его проповедях в довольно странном обличье и удивительных очертаниях. Так, он постоянно твердит лишь о десяти веках русской государственности и даже нашей истории, нашего существования как народа вообще: «В течение десяти веков русский человек был бессменным стражем российской государственности»... «Многие напасти и беды сумела одолеть наша страна за десять веков своей истории»... «Путь, пройденный Россией за десять столетий своего существования»... «Русский народ в течение десяти веков своей истории...» и т. д.

Как же так? Давно известно и общепризнано, что наша государственность идет с 862 года, то есть одиннадцать с лишним веков. Это закреплено памятником «Тысячелетие России», что был установлен в Новгороде в 1862 году. Не был же Александр Второй фальсификатором истории вроде Александра Яковлева.

Невиданное дело! В других царствах-государствах патриоты всеми правдами и неправдами стараются хотя бы чуть-чуть удлинить историю своего народа, а тут патриот укорачивает родную историю почти на полтора века. А другие патриоты, например, члены КПРФ, не смеют возразить даже в виде суперделкатного вопроса: «Владыко, так ли?» Мало того, они подхватывают Иоанново речение и несут его даже в своей «Предвыборной платформе», где говорят о намерении направить на службу Родине «все лучшее, что накоплено тысячелетней историей России».

Ведь при таком раскладе за пределами родной истории остается множество славных и достопамятных имен и свершений. Например, князь Олег-Правитель, более известный у нас по Пушкину как Вещий Олег. Он перенес престол из Новгорода в Киев, в 907 году прибил свой «щит на воротах Цареграда» и за-

ключил с Византией выгодный для Руси договор. Вычеркивается также великий князь киевский Игорь, дважды в 941 и 944 годах, ходивший походом на Византию и тоже добившийся нужного договора. Выбрасывается и великий воин Святослав, сын Игоря, опять же воевавший Византию и другие племена, а в 965 году разгромивший Хазарский каганат. Я уж не говорю о святой княгине Ольге...

А между тем ларчик открывается просто. Вся суть в том, что «отправной точкой в жизни державы» митрополит считает не первых русских князей, не зачатки и укрепление государственности, а крещение Руси, имевшее место действительно десять веков тому назад. Он не желает признавать, что наш народ и наша государственность довольно долго существовали и вне христианства, что «державными стражами» сперва были почитатели Перуна, а уж потом — Христа. С великой убежденностью возглашает: «Кто на протяжении тысячи лет ковал державный дух русского патриотизма? Православная церковь!.. Кто вдохновлял на дела защиты Отечества как на личный религиозный долг? Православная церковь!.. Кто научал русского человека быть верным? Православная церковь!..»

Выходит, до крещения в 988 году русским людям неведомы были ни верность, ни любовь к родной земле, и почему они защищали ее от хазар да печенегов, зачем гибли за нее, как Святослав, совершенно непонятно. Словом, не было у русских никакой истории до 988 года. Как тут не вспомнить тех суперкоммунистов, которые отрицали нашу историю до октября 1917 года. Иные из них, по словам И. Сталина, после революции даже требовали уничтожить царские железные дороги и проложить новые, коммунистические. Сталин называл их комтроглодитами. Слава Богу, были коммунисты и другого заката. А Горбачев, между прочим, до последних дней своего правления твердил: «Все мы родом из Октября».

Митрополит упрямо продолжает противопоставлять церковь всему: «Церковь осталась последним оплотом духовности, последним бастионом нравственности, последним выразителем русского самосознания». Все остальное — ничто!

Не углубляясь в далекое прошлое, хочется спросить: где же была «духовная энергия» церкви, когда в центре Москвы, в окружении златоглавых храмов Ельцин расстреливал сотни мирян? Или это, по разумению святого отца, не зло? Наконец, по-

чему не проявила себя все та же прекрасная «энергия», когда Горбачев развалил Варшавский Договор, а НАТО продолжало укрепляться и всем нормальным людям было ясно, что это — великая угроза для России вместе с православной верой?

А между прочим, у проклинаемых «сергианцев» вовсе не было такой категоричности в вопросе о роли церкви. Патриарх Тихон, например, говорил о ней не как о главном центре, последнем бастионе, единственной надежде, а как о помощнице народа.

«Патриотизм, — пишет митрополит, — это священный долг благочестивого христианина». Прекрасно! Но неужели только благочестивого? А если оный христианин, допустим, слаб по женской части, то есть грешен, тогда, что ж, он не может быть патриотом или даже не допускается в их ряды? И неужели только христианин? Да, уверяет проповедник. И еще, оказывается, имеет в виду при этом не всякого и христианина-то, а лишь православноверующего. «Многие ли из нас, — вопрошает он, уверенный в отрицательном ответе, — могут припомнить хоть один (!) случай, когда иноверцы — будь то католик или иудей — в трудный для России час делом доказали ей свою верность (имеется в виду — доказали свою верность ей. — *В.Б.*), до конца разделив ее неласковую судьбу. Зато противоположных примеров (то есть шкурничества и предательства с их стороны. — *В.Б.*) — сколько угодно!» И это говорит, живя в многонациональной и многоконфессиональной стране, человек, который одновременно вроде бы призывает «к достижению столь желанного всеми межнационального согласия и гражданского мира».

Я не знаю, сколько лет о. Иоанну, может статься, уже и за семьдесят. Не исключаю, что и на войне был. Во всяком случае, о «ратном служении» пишет с большим пафосом. Так если был на войне, неужели не может припомнить «хоть один случай», когда католик или иудей принял судьбу еще более неласковую, чем судьба Родины, — отдал за нее жизнь?

Если, однако, не был на войне и вспомнить ему нечего, то я назову не один, а для начала три случая. В сорок первом году со мною вместе окончили 437-ю школу Сталинского района Москвы мои старшие погодки Костя Рейнветтер, Фридрих Бук и Леня Гиндин — два католика и иудей. Все трое добровольно ушли на фронт, и все трое погибли.

Впрочем, мои одноклассники были иноверцами, как принято говорить, по рождению, но едва ли считали себя кто католиком, кто иудеем. Скорее всего, они не задумывались над проблемой веры. Но и это не меняет отношения к ним Иоанна, ибо, по его убеждению, «полноценным» патриотом может быть только верующий: «Любовь к Отечеству лишь тогда плодотворна и по-настоящему тверда, когда она опирается на прочный духовный фундамент, на многовековые народные святыни, на традиционные религиозные ценности». Это с одной стороны, а вот что с другой: «Все «патриоты», клянущиеся в любви к России и одновременно отвергающие Православие, любят какую-то другую страну, которую они сами себе выдумали». Так автор с присущей ему решительностью отлучает от патриотизма миллионы иноверцев и неверующих. Я не встречал и за всю жизнь даже не слышал о таких суперкоммунистах, которые отказывали бы в патриотизме людям, не имеющим партбилета.

Не только на заре нашей истории в IX—X веках, но и через тысячу лет, в XIX—XX веках, и в предоктябрьскую пору на Руси далеко не все было так прискорбно, как порой говорили об этом иные авторы в советское время. Мы дали миру несравненные образцы духовного мужества на поприще ратном, гражданском и интеллектуальном. Создали своеобразнейшую культуру мирового уровня. Нашей литературой зачитывался весь белый свет, а имена Толстого, Достоевского, Горького соперничали в популярности с именами Данте, Шекспира, Мольера. Музыка русских гениев завоевывала концертные залы всех континентов. Наша живопись всегда жила жизнью народа. Русская наука и техника, наша философская мысль изумляли прорывами в будущее. Темпы промышленного развития в конце прошлого — начале нынешнего века, пожалуй, не знали себе равных... Здесь и в других подобного рода обстоятельствах, фактах, именах, а не в препарированных стихотворных цитатках, не в ссылках на высокие темпы рождаемости открывается подлинное величие Родины.

Разумеется, есть свои достоинства, есть исторические заслуги перед народом у Русской православной церкви. Но для ее восхваления митрополит Иоанн порой прибегает к доводам того же уровня, как ссылка на темпы рождаемости. Пишет, например: «Разве католические прелаты поднимали новгородцев

на брань с псами-рыцарями?.. Разве протестантские пасторы вдохновляли Дмитрия Донского на поле Куликовом?.. Разве мусульманские муллы удержали Отчизну от распада в годину Смуты?.. Разве иудейские раввины поднимали в атаку роты под Мукденом и Порт-Артуром?.. Разве кришнаиты и буддисты возносили молитвы о Земле Русской?..» Нет, разумеется, пишет автор, все это делали русские православные священники.

Право, очень странная логика и удивительная похвала. Это все равно, если бы я в патриотическом запале стал заливаться в таком духе: «Разве мексиканцы разбили немцев под Москвой?.. Разве норвежцы выстояли в Сталинграде?.. Разве бразильцы выиграли Курскую битву?.. Разве датчане взяли Берлин?.. Нет, все это сделали советские воины!» Несуразно и смешно!

Но о. Иоанн, уверенный, что под Порт-Артуром солдат поднимали в атаку не командиры, а священники, продолжает с новым приливом сил: «Во всех (!) войнах рядом с русским солдатом шел русский священник». Это уже подгонка ее под догму, во имя чистоты коей с одного конца отсекаются походы и войны князей Олега, Игоря, Святослава, где, разумеется, не могло быть православных священников, с другого — сражения самой страшной войны в истории Родины. Она тоже обошлась без священников, но завершилась, слава богу, полным разгромом, изгнанием врага и его безоговорочной капитуляцией в Берлине. Подобным успехом, увы, не были отмечены наши сражения под Мукденом, Порт-Артуром, а раньше — под Севастополем, где, судя по словам Иоанна, священник стоял рядом с воином. Увы... И лучше бы не трогать эту тему.

Глядя в прошлое, о. Иоанн ликует: «Дореволюционная Россия имела самые высокие в мире темпы роста населения. Иметь 8—12 детей считалось у русских делом естественным и нормальным» («СР», 30.04.93). Ну, во-первых, и сейчас есть многодетные семьи. Могу привести конкретный пример: У писателя Дмитрия Балашова как раз 12 детей. Но, разумеется, этот подвиг был предпринят в расчете на советский уровень и образ жизни. А ныне писатель доведен до такого бедственного положения, что заявил: «У меня шестеро сыновей и четверо из них уже в том возрасте, когда мужчина может взять в руки оружие. И я, старик, возьмусь за автомат. Когда начнется, я пойду драться сам и пойдут мои мальчики. Нас окажется не так уж мало. И тогда никакие спецназы и омоны пусть не становятся на на-

шем пути. Сметем». Вот такой неожиданный поворот получают ныне темы благоденствия и демографии.

Во-вторых, до революции, и в советское время иметь 8—12 детей вовсе не было заурядным делом. Недаром же в 1944 году учредили звание «Мать-героиня», которое Ельцин — хоть бы тут-то церковь подала голос протеста! — упразднил, поскольку почетное это звание было связано с некоторыми льготами и ассигнованиями. А ведь деньги так нужны этой орде для роскошной жизни!

О. Иоанн говорит: вспомните семьи, в которых выросли ваши родители, — какие они были большие. Вспоминаю: моя мать, родившаяся в 1896 году, выросла в семье, где было пятеро детей, а в семье отца, ее ровесника, — трое, причем первый от предыдущего брака матери.

В-третьих, высокая рождаемость отнюдь не является показателем благоденствия народа. Совсем наоборот! В Китае, в Индии рождаемость, пожалуй, превосходила российскую, но эти страны, как и наша Родина, были тогда беднейшими в мире.

«Кто сегодня может позволить себе иметь десять детей, дать им образование и вывести в люди?» — вопрошает о. Иоанн, стараясь внушить нам, что до революции это тоже было «естественно и нормально». Сегодня, то есть при захламлении Кремля ельциноидами, как убеждает пример Д. Балашова, можно иметь десять детей лишь в надежде на них как на вооруженную силу. В советское же время матери-героини не были великой диковиной, и детей своих они выводили в люди. Что же касается дореволюционной поры, то, поскольку о. Иоанн не требует других свидетельств, кроме семейно-родственных, то могу поведать и на сей раз: родители моей матери были неграмотны, а пятеро их детей получили до революции лишь начальное образование в объеме четырех классов. У отца неграмотной была мать, старший ее сын сгинул в тюрьме (столяр, он запустил табуреткой в портрет царя), и лишь один из трех, мой отец, получил уже в советское время высшее образование.

Но св. отец еще более нетверд в фактах и событиях советской эпохи и дней нынешних. Пишет, например, что 70 лет назад, то есть в 1925 году, «в результате революции и Гражданской войны Россия оказалась на грани полного развала» и тогда, мол, патриарх Тихон провозгласил: «Церковь, искони помогавшая русскому народу, не может оставаться равнодушной при

виде его гибели и разложения» («РГ», 22.02.95). Да, церковь не раз помогала народу, но в 25-м году, в год своей смерти, Тихон ничего подобного сказать не мог. Хотя бы по той причине, что в ту пору угрозы разложения, развала, гибели страны уже не было: под руководством большевиков народ преодолел эту угрозу, государство крепло, экономика под парусами нэпа шла вперед, страсти, бушевавшие в годы Гражданской войны, утихали.

По поводу согласия патриарха Тихона с Советской властью о. Иоанн заявляет, что «любому здравомыслящему исследователю сегодня ясно: Тихон вынужден (!) был проводить линию на примирение с новой властью, как вынужден был продолжать ее и преемник — патриарший местоблюститель митрополит Сергей, впоследствии патриарх» («СР», 09.09.93). Никаких доказательств вынужденности автор не приводит. Но что же это в таком случае за высокопреосвященнейшие предстоятели церкви и архипастыри великого народа, если они совсем не в дряхлом возрасте — шестидесяти не было! — без тюрьмы и ссылки, без мучительства легко пошли на примирение с властью, которая, по убеждению Иоанна, была сатанински враждебна им. Ведь сам же он напомнил им о подвиге их далекого предшественника патриарха Гермогена в годину шляхетской интервенции: «Седой, немощный, умирающий от голода в шляхетском застенке старик своим властным архипастырским призывом поднял с колен погибавшую от склок и междоусобиц страну». Поднял, а сам умер, заточенный в Чудовом монастыре, и было герою-патриарху уже за восемьдесят...

Нет, дело совсем не в вынужденности и не в малодушии патриархов Тихона и Сергея, — сама жизнь, ход времени убеждали их в правоте новой власти, как убеждали они тогда очень многих и очень разных людей. Прославленный генерал Брусилов, знаменитый физиолог Нобелевский лауреат Павлов, великие композиторы Рахманинов и Прокофьев, выдающиеся скульпторы Коненков и Эрзья, цвет предреволюционной литературы — Горький, Бунин, Алексей Толстой, Куприн и другие — почти все они встретили Октябрь враждебно, многие эмигрировали, но ход вещей, движение истории, кого очень быстро, кого в те же самые годы, что Тихона и Сергея, кого еще позже — примирили с Советской властью, и они пошли на разные формы сотрудничества с ней. Уж на что непримиримым ее врагом был Бунин, а в 1943 году он признавался в письме: «Вот

до чего дошло! Сталин летит в Персию, а я в тревоге: не дай Бог, с ним что-то случится в пути». И любому здравомыслящему исследователю ясно: Тихона и Сергия, их поведение надо рассматривать в ряду названных имен.

Когда в марте 1953 года бунинская тревога оправдалась самым прискорбным образом, патриарх Алексей Первый, преемник Сергия, обратился к правительству с сердечным словом сочувствия:

«От лица Русской Православной Церкви и своего выражаю самое глубокое и искренне соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья.

Кончина И.В. Сталина является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов его. Кончину И.В. Сталина с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших. С особым чувством непрестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную славу».

Из всего этого следует, что о. Иоанн даже теперь, после расстрела Советской власти бандой подлых предателей, сражается не против отдела пропаганды ЦК КПСС, как, вероятно, думает, а против трех патриархов сразу — Тихона, Сергия, Алексия. А это были умные, образованные люди, честные граждане своей страны.

«Официальное отношение власти к народу и стране, — пишет митрополит о советском времени, — было яснее ясного выражено лозунгом Троцкого: «Будь проклят патриотизм!» И вот, мол, в полном соответствии с этим лозунгом «все (!) большевистские вожди наперегонки хаяли русский народ» («СР». 10.02.94). Очень интересно! Но, во-первых, в доказательство, что «все», приведено высказывание лишь Бухарина, а остальные представлены цитатами не о русском народе, а о шовинизме.

Но, во-первых, для нас шовинизм и родной народ не одно и то же. Во-вторых, где, на каком съезде партии или пленуме ЦК, в каком официальном документе помянутый «лозунг» был провозглашен, утвержден или хотя бы написан? Не было таких съездов и документов. В-третьих, зачем же автор умалчивает, что еще в 1927 году Троцкий был исключен из партии, снят со

всех постов и вскоре выдворен из страны со всеми своими лозунгами.

Но главное, вот что мы читаем дальше: «Сразу после революции сложились две фракции, две различные партии, непримиримые по своему отношению к стране. Одна часть ненавидела Россию, ее народ.

Вторая все же (!) радела об интересах народа и страны. Борьба между этими партиями не прекращалась ни на миг». Так неужели и те большевики, которые радели о народе, тоже под диктовку Троцкого хаяли его? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять: на самом деле далеко не «все большевики» хаяли русский народ, а сам автор хаёт всех большевиков.

А главным хулителем русского народа изображен Сталин, который где-то, когда-то сказал: «Решительная борьба с пережитками русского шовинизма является первой задачей нашей партии». И был совершенно прав, если сказал. Любой шовинизм, то есть ненависть к другим народам и оголтелое превознесение своего, отвратителен и опасен, особенно — шовинизм великой нации в многонациональной стране.

Еще более странная картина нашей жизни рисуется дальше. Иоанн уверяет, что вплоть до самой войны русские история и литература были «объектами глумления и тяжких оскорблений». Кто глумился? Где оскорбляли? Неизвестно... И вот, мол, только в разгар войны, когда встал со всей остротой вопрос о физическом выживании русского народа и существовании государства, в национальной политике советского руководства произошёл настоящий переворот. «Наша история и культура превратились в объект почитания... Ученые вдруг (!) заговорили о том, что насмешки над варварством русского народа антинаучны... Вдруг (!) оказалось, что на подобные обвинения у России есть достойный ответ...» Все это решительно не соответствует действительности. Никакого «вдруг» не было. Наша история и культура уже давно перестали подвергаться глумлению.

Более того, еще в 1930 году ЦК партии резко осудил стихотворные фельетоны Демьяна Бедного «Слезай с печи!» и «Без пощады» за «охаивание России и русского», за попытку представить «сидение на печи национальной чертой русских». Сам Сталин в ответе на жалобу Д. Бедного возмущенно писал о его «клевете на СССР, на его прошлое и настоящее». А когда за не-

сколько лет до войны Бедный в пьесе «Богатыри» попытался снова предпринять что-то подобное, то получил такую отповедь от большевистской «Правды», что надолго замолчал. С другой стороны, в 20—30-е годы появилось множество произведений искусства патриотического и ярко-национального характера: романы «Тихий Дон» Шолохова, «Петр Первый» А. Толстого, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, поэма Симонова «Ледовое побоище», фильм «Петр Первый» и т.д. Разве после всего этого, в частности, после фильмов «Александр Невский», «Суворов», «Кутузов» могли оказаться неожиданностью, допустим, ордена, названные именами этих полководцев и «вдруг» учрежденные во время войны.

А ведь надо учесть еще и то, что для характеристики 30-х годов очень подходят слова К. Леонтьева, что недавно напомнила нам неутомимая умница Татьяна Глушкова: «Национального не искали тогда сознательно, но оно само являлось путем исторического творчества». Национально-русское и советское сливались тогда воедино. Действительно, выйдя в те годы, допустим, по многим показателям экономической и культурной жизни на первое место в Европе и на второе место в мире, разве мы, как и все на свете, не понимали, что это достигнуто, прежде всего, благодаря усилиям русского народа. Читая «Тихий Дон» или слушая новую симфонию Шостаковича, разве кто-то не сознавал, что это творения русских гениев. Аплодируя невероятному перелету Чкалова через полюс в Америку, разве весь мир не твердил заворуженно: «О, эти русские!» Словом, повторяя «Вдруг... вдруг... вдруг», о. Иоанн говорит о вещах, о коих имеет весьма смутное представление.

Еще один выразительный пример этого дает опять же тема прошлого России. Митрополит уверяет: «Власть на Руси всегда (!) осознавалась не как предмет тщеславных вожделений, награда самым наглым, хитрым и беспринципным бойцам политического ринга, не как бездушная кормушка для чиновников и бюрократов, но как религиозное служение заповедям справедливости и добра, как «Божье тягло»» («СР» 14.11.92). Кем «осознавалась» — неизвестно. Да уж, видно, всеми, кто у власти, коли сказано всегда. А коли «осознавалась», то значит ли это, что и воплощалась? Судя по тексту, неукоснительно!

Словом, не государство это было, а рай земной, которым управляли в полном соответствии с «Поучением» Владимира Мономаха одни лишь белокрылые ангелы и серафимы.

Что ж, мы этому хотели бы поверить. Но, Боже милосердный, если в России, в отличие от всех царств-государств мира, у власти никогда не находились наглецы и хитрецы, а народное богатство никогда не было кормушкой для чиновников и они являли собой беспорочные образчики добродетели, то чем же объяснить такое обилие у нас бунтов и мятежей, восстаний и революций? Бунты и мятежи медные, хлебные, картофельные, соляные, холерные... Восстания Булавина, Болотникова, Разина, Пугачева, декабристов, «Потемкина»... Революции 1905 года, Февральская, Октябрьская... Есть ли на свете другой народ, который так часто и решительно выступал против своего «Божьего тягла»? Молчит о. Иоанн...

Продолжая настойчивое исследование темы «КПСС и проблемы русского патриотизма», автор находит кое-что неутешительное для себя. Например, как всегда, весьма уверенно объявляет, что секретарь ЦК и член Политбюро А. Жданов «был главой фракции внутрипартийных русофилов» и делает удивительное открытие: «В 1946 году Жданов выступил с резким осуждением «безродных космополитов», что означало признание глубинных национальных корней русского самосознания» («СР», 10.02.94). Главой космополитов и главным противником Жданова объявлен не Шкловский или Антокольский, не Юзовский или Борщаговский, как можно было ожидать, помня публикации той поры, а... Кто бы вы думали?.. Берия! Лаврентий Павлович! Одному Богу известно почему.

Дальше «Центральный Комитет в том же 1946 году принял ряд постановлений, канонизировав, таким образом, процесс «разоблачения и полного преодоления всяких проявлений космополитизма и низкопоклонства перед реакционной культурой буржуазного Запада».

Конечно, от человека церкви нельзя требовать, чтобы он точно знал, чем занимались те или иные члены Политбюро или когда именно была «какая-то там кампания против космополитизма», но все же мы вынуждены выразить удивление и кое-что уточнить.

Во-первых, Жданов никогда не был главой какой бы то ни было фракции. Во-вторых, в 1946 году ни Жданов, ни кто-либо другой о «безродных космополитах» ничего не говорили. Лет за сто до этого говорил о них Виссарион Белинский, в КПСС не состоявший. В-третьих, «резкое осуждение космополитизма»

произошло не в 1946-м, а в 1949 году, и к Жданову это не имело никакого отношения: в это время его уже не было в живых.

Что же касается 1946 года, то Жданов тогда действительно выступил с резким осуждением, но не космополитов, а журналов «Звезда» и «Ленинград», да двух прекрасных русских писателей — Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. И было тогда постановление ЦК, отмененное позже. Вот такие пироги...

В свое время между Лениным и Сталиным возникло важное расхождение по вопросу об административно-государственном устройстве страны. Ленин был за союз равноправных республик, Сталин — за автономизацию, за Российскую Советскую Социалистическую Республику. Победила точка зрения Ленина: был создан СССР.

Не могу не процитировать здесь один архивный документ той поры, который уж очень живо перекликается с днем нынешним, — письмо К.Е. Ворошилова, командовавшего тогда войсками Северо-Кавказского военного округа, И.В. Сталину от 21 января 1923 года:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15 февраля в ауле Урус-Мортан, что в 24 верстах от Грозного, на съезде представителей аулов при торжественной обстановке провозглашена автономия Чечни. Выезжали в Чечню Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатление: чеченцы, как все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение служители аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе божием. Наши велеречивые и многомудрые коммунисты, работающие в Чечне, по-моему, ничему не научились и не могли ничему научить. Расслоение «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и прочие прекрасно звучащие вещи служили им удобной ширмой для прикрытия собственного убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов».

Так молодой Клим Ворошилов из далекого 23-го года тычет носом старика Ельцина, а с ним и Черномырдина да Шахрая в стоящие перед ними на очереди вопросы и учит, как надо их решать, поскольку «велеречивые и многомудрые» коммунисты, став антикоммунистами, растеряли и без того небольшие сбере-

жения своих черепных коробок. Он говорит им: «Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влиятий через бедноту» и пр. чепуху... В Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере. Всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака... До тех пор, пока мы не создадим в Чечне кадры преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами» (Военные архивы России. 1993. Выпуск первый, с. 406-407).

Такие кадры, такие работники, о которых мечтал Ворошилов, совсем недавно в Чечне были, и под их руководством республика превратилась в цветущий край России, но президентские советники по национальным вопросам вроде Старовойтовой, министры национальных дел вроде Шахрая, советники по безопасности вроде Батурина не поехали в Чечню, когда там назрел конфликт, как поехали Ворошилов, Микоян и Буденный, а для «прикрытия своего убожества и непонимания проблем» наговорили в московских кабинетах с мягкими креслами столько вздора, и по причине собственного убожества их так внимательно слушали отцы отечества, что, в конце концов, знающие, преданные кадры оказались дискредитированы, все запуталось, смешалось, и вот в результате — реки русской и чеченской крови.

В наши дни о ликвидации республик и возвращении к губерниям сказал несколько лет назад В. Жириновский. И вот теперь, вслед уже не за Иосифом Виссарионовичем, а за Владимиром Вольфовичем поспешает о. Иоанн: «Страна, как это было раньше, должна делиться на административно-территориальные районы (назовите их губерниями или краями — безразлично), а национальная самобытность российских народов при этом должна бережно сохраняться в рамках культурно-национальной автономии» («РГ», 22.02.95). Итак, Жириновский и митрополит заодно. Но ведь между их позицией и сталинской — пропасть! Сталин в сущности предлагал лишь сохранить то, что было веками, к чему люди привыкли, с чем сжились, а лидер ЛДПР и его высокопреосвященство предлагают ликвидировать то, что живет уже более семидесяти лет, и вернуться назад. Эта идея, как и другие идеи обоих авторов, поражают своей оторванностью от реальной жизни. Да, в губернском устройстве страны есть свои преимущества. Но как можно надеяться, что граждане Татарстана или Башкирии легко и просто согласятся снова стать жителями Казанской и Уфимской губер-

ний! Это после стольких-то лет республиканского статуса... Если сталинский план в конкретной исторической обстановке того времени мог быть осуществлен мирно, то нет никакой уверенности в том, что для внедрения подобного прожекта ныне можно обойтись без тех методов, которые, увы, так хорошо известны теперь по Чечне.

Как бы то ни было, а позицию свою автор выразил ясно и твердо: он за губернское устройство, за унитарное государство. Мы не согласны с такой позицией, но готовы уважать определенность, с которой она выражена. Однако, вот что гневно воскликнул о. Иоанн в этой же газетной проповеди в другом месте: «130-миллионный русский народ не имеет в Российской Федерации своей государственности, а 300 тысяч ингушей — имеют!» («РГ», 22.02.95)

Ну, во-первых, желательно бы знать, если пишешь об этом, что ингушей даже во всем СССР было меньше 200 тысяч, а в Ингушской Республике, являющейся ныне формой их государственности, и вовсе лишь около 135 тысяч, а не 300. Нас же, русских — уж это-то нельзя не знать русскому архипастырю — в Российской Федерации не 130, а 120 миллионов. Выходит, в одном случае ничего не стоило прибавить тысяч 170, а в другом аж 10 миллионов.

Но суть не в цифрах, а в том, что о. Иоанн негодует: почему русский народ не уравнивали с ингушами, почему не дают ему такую же форму государственности, т.е. из адептов губернского, унитарного устройства страны его уже увлекло в ряды непримиримых противников такого устройства, ратующих за республики. Митрополит оказался с теми русскими суперпатриотами, в том числе, многими коммунистами, которые еще не так давно стенали на всех трибунах СССР: «Гляньте, в полуторамиллионной Эстонии есть своя Академия наук, а у русских ее нет. Дискриминация!.. В трехмиллионной Армении свой ЦК партии, а у нас его нет. Русофобия!.. В четырехмиллионной Молдавии свой ЦК комсомола, а у нас им и не пахнет. Геноцид!..»

Эти суперпатриоты не задумывались над тем, как создать чисто русскую государственность, если русские живут во всех уголках страны вперемешку с другими народами. Попытаться загнать всех нас в границы времен Ивана Третьего и объявить Русскую республику по примеру, допустим, Еврейской? Знать, мало им тех миллионов русских, что стали для России иностранцами в Киеве, матери городов русских, в Севастополе, горо-

де великой русской славы, или в политой кровью русских Прибалтике.

Эти суперпатриоты не способны понять, что русский народ, говоря словами Сталина, был «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны», что поэтому нам, как народу, составляющему основу, становой хребет многонационального государства, совершенно нет нужды в дотошном, формальном «равенстве» с ингушами и эстонцами, армянами и молдаванами, что, наконец, СССР был прямым наследником и правопреемником царской России, т.е. по существу многонациональным Русским государством. Большевики, Ленин и Сталин, создавая СССР, прекрасно понимали все это. Но потом явился ставропольский реформатор Горбачев и вот теперь о. Иоанн, точнее, та его половина, которая решительно отрицает другую — унитарную.

В своих страстных газетных проповедях святой отец порой сам себе решительно противоречит, причем по вопросам отнюдь не пустячным, да иной раз на той же самой странице. И нередко это приводит к опровержению самого себя.

Так, в одной проповеди он убежденно заявил, что ему «наиболее необходимой представляется разработка и официальное провозглашение государственной идеологии российского патриотизма». Что ж, прекрасно. Только, честно говоря, сомнительно, чтобы официальный документ сразу наплодил миллионы его приверженцев, в данном случае — патриотов. Были же у нас подобные документы, например, «Кодекс строителя коммунизма». Провозгласили его официально. И что?

Однако и в другой проповеди о. Иоанн повторил с той же уверенностью: важнейшая, мол, задача сегодня — «оформить русскую идеологию», доходчиво сформулировать ее, потом, как ни странно, «осознать самим (!) и донести до людей»... Замечательно! Допустим, мы все это сделали: сформулировали, оформили и даже осознали. Но вот что, ушам своим не веря, услышали мы в третьей проповеди: «Всем, кто любит Россию, пора прекратить (!!!) поиски «современной русской идеологии», искусственное конструирование идеологических систем «для русского народа». Вот так да! Читатель в полном недоумении.

Митрополит уже перешел к новой животрепещущей проблеме: «Безответственное экспериментирование поставило нашу родину на грань государственной, экономической, политической и духовной катастрофы» («СР», 26.03.93). Через месяц:

«Россия на краю гибели — этот факт уже не требует доказательств... Невероятным напряжением сил она еще удерживается над бездной, еще дышит...» («СР», 22.04.93). Еще через два месяца: «Россия — во мгле... Ее ждут ужасы гражданской войны и окончательного государственного распада» («СР», 15.06.93).

Однако у отца Иоанна мы тут же видим нечто неожиданное. Дело в том, что свои страшные пророчества о государственной катастрофе, экономической бездне и духовном распаде проповедник регулярно перемежает столь же уверенными пророчествами совсем иного рода — полными надежды, оптимизма, восторга.

Например: «Россия очнулась и встала на путь здорового национального развития» («СР», 30.04.93). Или: «Уверенно можно сказать: процесс русского возрождения сегодня идет бурно» («СР», 26.03.94). Правда, проценты роста, в отличие от Чубайса, не называет. Было даже и такое, уж вовсе грандиозное пророчество: «Мы сегодня стоим на пороге чуда — чуда воскресения Святой Руси» («СР», 30.04.93). Но этого мало! Святой отец готов предать анафеме всех нытиков и маловеров, каким сам только что представал перед нами: «Громогласные стоны «Россия гибнет!», «Пропала Русь!» и им подобные есть свидетельство или духовной слепоты, слабости, неверия и уныния, или злонамеренного желания посеять в сердцах русских людей панику» («СР», 14.11.92). Так правая рука о. Иоанна спорит с левой, и то одна, то другая одерживает решительную победу.

Вместе с митрополитом мы критикуем нынешнее положение дел, но делаем это по-разному. Как и многие мои коллеги, единомышленники, я всех губителей Отечества и их прихлебателей — от Горбачева до какого-нибудь адвоката, именующего себя Макаровым, — называю по именам и должностям. Митрополит же никого из всей своры конкретно не называет, он, так сказать, бичует свору в общем и целом в таком духе: «Сегодня Русь вновь подвергается бурному натиску сатанинской злобы»... «То, что происходит ныне на земле русской — не «ошибка верхов» и не случайность. Это яростный порыв бесовщины уничтожить святую Русь... Это дьявольские дела. Попытка сатаны и приспешников его упразднить дело Христово» («СР», 31.12.92) и т.п.

Что же мешает назвать хоть одного приспешника сатаны — может, высокий сан?! Ничего подобного, дело, оказывается, совсем в другом: «Не зная обстоятельств и людей, — говорит святой

отец, — не могу обвинить никого лично» («СР», 22.04.93). Хотел бы всей душой, да не может по причине незнания!

Между прочим, то же самое говорит А. Солженицын. Правда, во время прошлогоднего похода из Владивостока в Москву он промурлыкал было всем известное о «безмозглых реформах Гайдара» и о «прихватизации Чубайса», но его тотчас отрешили от телевидения. Тогда на экранах немедленно возникла сподвижница-супруга и принялась увещевать вроде бы нас с вами, а на самом деле известно кого: «Ну, что вы! Александра Исаевича не так поняли. Во всем виноваты журналисты...» И опять выпустили пророка на экран. А уж когда по прибытии в столицу тележурналисты А. Любимов и Е. Киселев спросили его об отношении к отцам отечества, он, помня преподанный урок, ответил именно в духе о. Иоанна: я, дескать, только что с поезда, еще не умывался и никого из них знать не знаю, даже по телевидению не лицезрел. Подумать только! А ведь по дороге из Владивостока то и дело хвастался, что все годы отсутствия внимательно следил за событиями в стране и был осведомлен обо всем, вплоть до публикаций о нем В. Бушина в «Аль-Кодсе».

Однако же, по слову святых отцов, «молчанием предается Бог», а в писании сказано о христопродавцах: «По делам их узнаете их»! А уж дела-то нынешних властителей прекрасно известны как смиренному Иоанну, так и буйному Солженицыну — как и у всех, эти дела у них перед глазами. И не требуется великого государственного ума, чтобы понять, кто именно отвечает за те или иные конкретные «дела»: за разгром экономики, за расстрел парламента, за бойню в Чечне, за сотни тысяч беженцев, за нищету народа, за его вымирание. Кому же не ясно, что, допустим, министр культуры Е. Сидоров за все перечисленное несет общую ответственность как член правительства, но еще и конкретно — за избиение нашей культуры, за разгул порнографии, за нравственную деградацию страны. И понятно это всем.

Оба критика режима постоянно уклоняются от конкретных имен не только в своей критике. Совершенно безадресны также их советы, рекомендации, настояния. Так, в апреле 1993 года о. Иоанн страстно взывал: «Надо немедленно (!) заявить, что ситуация, когда миллионы русских оказались «за границей» в результате безответственных политических игр, порочна, неестественна и долго терпима быть не может» («СР», 30.04. 93). Совершенно верно! Но, во-первых, кто именно должен «немед-

ленно заявить», кому и с какой трибуны? К тому времени прошло почти уже полтора года, как миллионы русских оказались иностранцами в своей стране, и множество организаций, партий, известных общественных деятелей, в том числе коммунисты и все их партии, многократно и гневно говорили об этом. Молчала только церковь. Вот и предложил бы святой отец конкретно патриарху или Синоду, если уж не самостоятельно выступить, то хотя бы поддержать заявления других... Дескать, Ваше Святейшество, Вам как предстоятелю Русской православной церкви невозможно долго молчать, на Вас смотрит весь народ русский и т.д. В таком заявлении невозможно не назвать имена участников «безответственных политических игр», то есть прежде всего Ельцина, но ни патриарх, ни Синод на это не способны, ибо они убеждены, что всякая власть от Бога.

И Солженицын во время своего похода на Москву изображал дело так, словно все молчат о миллионах русских «иностранцев», и вот он первый и единственный, кто пламенно протестует против этого, правда, опять же, не затрагивая конкретных властителей: Ельцина и его подручных.

Еще о. Иоанн требовал: «Решительно надо сказать, что отделение Белоруссии и Украины — чудовищная нелепость, затея провокационная, гибельная и безумная». Опять верно! Но снова учитель сильно запоздал, и опять-таки неизвестно, кого именно он имеет в виду, к кому обращается.

Но умолчание имен виновников трагедии страны — это лишь одна сторона позиции. Вторая же состоит в том, что о. Иоанн объявляет виновным весь народ, все общество, всех нас без разбора, он без устали твердит: «*Мы сами* (выделено о. Иоанном. — В.Б.), а не кто-либо другой, в первую очередь виновны в гибели нашей Родины»...

Да, да — сами, и в первую очередь! Не Горбачев, Ельцин и Козырев, а мы промотали великое державное наследие! Не Гайдар и Черномырдин, а «мы превратили наших отцов и матерей в голодных нищих побирушек...». Не Яковлев своим телевидением, не Сидоров своими спектаклями, не Грызунов своими книгами и газетами, а «мы изуродовали души наших детей отравой потребительства и разврата», и т.д. Конечно, при таких двух особенностях позиции, столь гармонично дополняющих друг друга, все помянутые и не помянутые здесь властители могут спать спокойно: нас, рядовых граждан, объявленных митрополитом виновными «в первую очередь», так много, что

до них, кучки предателей, очередь отвечать может не дойти и вовсе. Естественно, что, объявив виновным весь народ, обличитель вместе с тем же святошей Солженицыным от народа и требует покаяния.

Многие страсти бушуют в груди смиренного Иоанна, но даже невнимательный читатель, вероятно, понял, что самые сильные из них — это неутолимая жажда предать анафеме Октябрьскую революцию, ненависть к Советской власти и социализму, злоба на коммунистов.

Действительно, Октябрьская революция для св. отца — это не освобождение трудового народа от капиталистического ярма, которое ныне снова напяливают, а «жестокий эксперимент», «трагедия» и даже «катастрофа». Не созревшая в недрах России жажда новой справедливой жизни без эксплуатации и насилия, без нищих и безработных, а плод сатанинских происков «интеллектуальной мировой элиты». Иоанн внушает людям, что ленинско-сталинская революция и горбачевско-ельцинская «перестройка» — это одно и то же, точнее, две фазы одного чудовищного замысла, поскольку, дескать, задача революции состояла в том, чтобы «умертвить, уничтожить Россию», а настоящая цель «перестройки» — «заменить исчерпавшую свои разрушительные силы коммунистическую доктрину на новую, демократическую, которая должна довершить разгром России», начатый в 1917 году. Тот непреложный факт, что при коммунистах страна каждый год неуклонно восходила на новую ступень могущества, благоденствия и славы, а при демократах каждый день все глубже погружается в болото деградации и позора, — сей факт он просто игнорирует.

При этом наш церковный исследователь уверяет, что мощнейшая держава была построена «вопреки всему» — и Советской власти, и социализму, и коммунистам. А победа в Великой Отечественной войне одержана «несмотря на все» — на Советскую власть, социализм и коммунистов. Это, говорит, были дьявольские препятствия на пути народа. Что мешает Ельцину и его окружению возродить мощнейшую державу теперь, когда дьявольские препятствия почти полностью устранены, об этом о. Иоанн смиренно помалкивает.

Он уверяет далее, что после Хрущева «дряхлающий колосс СССР существовал уже по инерции», то есть вполне благополучно мог бы скончаться еще в те годы. Однако «инерции» хва-

тило еще аж на тридцать лет, и только тогда «его путь закономерно завершился развалом». Слава тебе, Господи! Но почему же закономерно? Как же! Ведь СССР был хотя и сверхдержавой, но — «атеистической» да еще «денационализированной». Эти два тяжких греха и сделали неизбежным и закономерным крах страны, чему о. Иоанн не может не радоваться вместе с Шеварднадзе и Ландсбергисом, Кравчуком и Черновилом, Шушкевичем и Позняком... Правда, в таком случае хотелось бы знать, почему же рухнула царская Россия, такими грехами, по уверению автора, вовсе не отягощенная. Неужто происки «мировой элиты» сильнее Божьего благоволения? Молчок...

Полагаю, что из всего сказанного антисоветско-коммунофобская концепция о. Иоанна вырисовывается достаточно отчетливо.

Здесь уместно напомнить справедливый вывод, к которому пришел известный религиозный мыслитель и публицист Михаил Антонов: «Сегодня антикоммунизм есть крайняя форма русофобии». Даже если подходить к делу только с количественной стороны. Через Коммунистическую партию прошло свыше 40 миллионов человек, в большинстве это русские, вместе с семьями тут, по меньшей мере, миллионов сто, то есть огромная часть народа¹.

«Правда России», 28 сентября 1995 г

«Молния», № 32—35, сентябрь — ноябрь 1995 г.

---

¹ После скоропостижной смерти митрополита Иоанна 2 ноября 1995 г. во время некой презентации едва ли не на руках мэра Ленинграда Анатолия Собчака и его жены Людмилы Нарусовой, подошедших под благословение о. Иоанна, о чем тогда писала «Завтра» и другие газеты, стало известно, что статьи, о которых здесь шла речь, написаны были К. Душеновым, секретарем митрополита. Потому так злобно он и обрушился со страниц «Советской России» на автора этой работы: «Такие, как Бушин, когда-то расстреливали священников!» На это можно ответить только одно: «Такие, как Душенов, своими невежественными писаииями и ныне расстреливают авторитет Русской православной церкви»..

СОДЕРЖАНИЕ

«Я солдат еще живой...» (В. Конецкий)	5
Лукашка на трибуне (В. Астафьев)	11
Не нашей улицы праздник (А. Ильин)	26
Научный план спасения кровососов (А. Салуцкий) ..	29
Открытое письмо Юрию Мухину	57
Троянский конь в осажденном городе Солнца (И. Шафаревич)	88
На твоём бы месте (А. Проханов)	107
Из-за чужой спины (В. Бондаренко)	112
Наперегонки с Радзинским (Ю. Качановский)	119
В защиту большевика (А. Бобров)	141
Соблазн прокукарекать первым (С. Куняев)	155
Прозревший и упертый (В. Кожин и С. Куняев) ..	166
Время требует перемен (Г. Зюганов)	308
Об уроках (КПРФ)	317
Люди вчерашних страстей (КПРФ)	322
Религиозное раболепие (В. Зоркальцев)	360
Митрополит Иоанн и коммунисты	377

Бушин Владимир Сергеевич

ОГОНЬ ПО СВОИМ

Редактор *О Селин*

ООО «Алгоритм-Книга»

Тел.: 929-93-02, 733-97-89

Оптовая торговля. Центр политической книги — 733-9789

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

Мелкооптовая торговля г Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт Тел 8-903-5198541

Подписано в печать 31.07.2006.

Формат 84x108 ¹/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ л 21,0.

Тираж 3 000 экз Заказ № 4008.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.